

Серия: Равника

Книга I

Автор:

Cory J. Herndon

Перевод:

Андрей Ф. Галилейский

РАПОРТ О ПРОИСШЕСТВИИ: 10/13МЗ/430221

СОСТАВЛЕН: 17 Грив 9943П.Д.

СТАРШИЙ: Констебль Кос, Агрус

НАПАРНИК: Лейтенант Зюник, Микзил

Перед самым окончанием дневной смены ястреб цвета запёкшейся крови доставил в участок срочный вызов. И это было как дурной приметой, так и судьбоносным знаком, что птица села на плечо констебля по имени Агрус Кос. В отделении в это время оставались только Кос и его напарник. Они сворачивали дневные свитки в тот короткий промежуток времени, когда ночная смена еще не заступила на вахту, а дневная практически вся разошлась. По совершенной случайности, Кос стоял ближе всего к окну, и выбор посадки небесного посланника определил офицеру его первое дело в качестве старшего следователя после всего пары лет практики слежения за порядком в Столице Равники.

Если бы Кос с напарником закончили свои дневные записи вовремя и покинули участок Лиги несколькими минутами ранее, молодой офицер мог бы не получить этот вызов. Если бы только его напарник, лейтенант Микзил Зюник, отклонил вызов по праву старшинства и перенес бы его на следующий день, то они бы завершили этот вечер так, как они это делали уже многие недели, проводя их в трактире «Тихая заводь» за парой кругов выпивки. Они бы обсудили все дневные расследования, нарушения и незакрытые дела за кружкой горячего бумбата, имея возможность свободно выражать мысли и выпустить немного пара. И далее бы, вероятно, их пути разошлись: лейтенант отправился бы к жене и новорожденной крохе, а молодой констебль в свою маленькую квартирку, готовиться к экзамену на повышение. На следующий день они оба были бы живы.

В итоге выживший воджек никогда не винил птицу за то, что та выполняла свою работу, однако до конца своей жизни он помнил момент, когда когти ястреба впились в плечо молодого и нетерпеливого офицера. Хищная птица кровавого цвета на долгие годы стала первым образом в его кошмарах, остальное было куда страшнее.

Вызов поступил от воздушного воджека, патрулирующего заброшенный район «Парха». Синдикат Оржов определил «Парху» под эвакуацию, разрушение и последующее восстановление, поэтому вся эта территория должна была быть пустой и безлюдной. Однако в последние 2 недели воздушные джеки на птицах Рух замечали нескольких сомнительных типов, предположительно, членов культа Рекдоса, которые сновали туда-сюда вокруг одного из пустующих строений полуразрушенного квартала Десятого района. А сегодня воздушный патруль впервые обнаружил наемников, разгружающих со спин вьючного скота громадные контейнеры, предназначенные для перевозки, разве что, грузовыми дирижаблами. Ящики грузили в самое большое из сохранившихся зданий этого квартала – гигантский склад. Вообще-то, последователи Рекдоса никогда не славились интересом к перевозке грузов, скорее они были известны

тем, что пожирали плоть себе подобных с таким же аппетитом, как воджеки хрустели коржиками.

Если Рекдосы таскают ящики, – сказал Зюник, – то, скорее всего, в них не игрушки для приюта. Ему не нужно было говорить, что могло бы быть в тех ящиках. В лучшем случае это было нелегальное оружие. В худшем... Вообще-то Кос не был уверен, что он мог вообразить худший вариант того, что могли удумать Рекдосы.

Однако членство в культе Рекдоса само по себе не было преступлением. В конце концов, это Равника. Законы Пакта Гильдий, муниципальные постановления, да и другие регламенты существовали для защиты гильдий с целью относительно мирного развития всей цивилизации. Процветание гильдий вот уже более десяти тысячелетий распространялось на весь мир в том или ином виде его урбанистического развития. Рекдосы представляли собой основную рабочую силу: их шахты, добывающие руду из недр земли, оставались единственными клочками обнаженной породы, где оставались цветные металлы, драгоценные камни и минералы. Они также поставляли мясников для скотобоен Голгари. Они были наемниками, телохранителями и рабами для любого, у кого было золото, независимо от того, к какой гильдии он относился. К тому же вторжение на чужую территорию само по себе недостаточный повод для привлечения внимания законников, пока владелец собственности, в данном случае Оржов, не подаст заявление о нарушении. Синдикату это еще предстояло сделать. Хотя сделка черного рынка, производимая маньяками – демонопоклонниками, это совсем другое дело. Это могло бы даже объяснить нежелание Оржов доносить по поводу этого случая, поскольку контрабанда была одна из многих операций, которая проходила под покровительством гильдии сделок.

Оставалось, правда, зафиксировать факт этой операции, и именно для этого был осуществлен вызов воджеков, в результате которого на месте события появились Зюник и Кос. Без подтверждения или доказательств преступления со стороны патрульных ‘джеков, капитан смены не даст разрешение на вызов группы захвата. Перед тем, как вязать в это дело элитное подразделение страджеков, «везучая парочка» должна тут все расследовать на своих двоих и уже в случае необходимости выслать ястреба за подмогой.

Воджеки за некоторое время осмотрели окрестности и убедились, что остальная территория «Пархи» оставалась такой же заброшенной, как и всегда. Вскоре после их прибытия начался дождь, вначале медленный и морозящий, вскоре он перерос в ливень.

Несколько минут заняли осмотр предполагаемого логова Рекдосов с удаленной точки и проверка на наличие возможной охраны. Похоже, никакой охраны не было, но в какой-то момент Кос заметил лицо, возможно гоблина, в одном из верхних окон. Через мгновение оно исчезло.

Склад был простой постройкой-коробкой, как и многие другие в этом разрушенном квартале десятого района Равники. Эта обваливающаяся постройка из дерева и кирпича занимала большую часть квартала, и время от времени ее тяжелая судьба, похоже, распространялась на все рядом стоящие строения в окрестности. Заколоченные рестораны и витрины магазинов сгрудились вместе вокруг этого склада, будто им хотелось согреться. К востоку от здания была заброшенная строительная площадка, уже вся затопленная, и, вероятно, скрывающая нескольких отчаявшихся водоплавающих в полуразваленных хибарах, которые не смогли бы пережить длительное путешествие в более крупный водоем. К северу от их цели стояло то, что возможно являлось церковью

какого-то забытого бога. Постройка развалилась под тысячеletним натиском ползущего растения и давно сгнила.

Верхний ряд складских окон уже не удерживал стекла, и из рам остались торчать лишь осколки. На стенах вокруг разбитых оконных проемов виднелись большие черные следы от пожара, который еще несколько десятилетий назад сделал склад бесполезным для его владельца. Остатки большой вывески над главными воротами гласили: «Перевоз Броз». Восемь окон на фасаде и видимый вход в помещение – пара тяжелых деревянных дверей затененных обломками бывшего широкого козырька – смотрели на юг, куда уходила длинная открытая улица. Воджеки вышли из своего укрытия на середину этой улицы. Кос вытащил серебряный жезл, Зюник достал короткий меч, и они поднялись по древним деревянным ступеням.

Старший из двух стражей порядка носил белые длинные пышные усы, закрученные на концах, и имел розоватый цвет лица, выдающий в нем часто пьющего человека. Бледный цвет его кожи, сильно контрастировал с его алой кожаной формой с золотой эмблемой воджеков. Микзил Зюник встал слева от двери и приготовил меч. Лейтенант подал знак напарнику, чтобы тот подошел к двери. Кос, только начавший второй год своей службы, делал все возможное, чтобы сохранять спокойствие.

- Готов? – прошептал Зюник. Кос кивнул в ответ. - Хорошо. Тебе выпала честь, констебль. И помни, - лейтенант добавил, кивнув на серебряный жезл, сжатый в потной руке Коса, - серебряный конец направляй от себя.

Младший напарник кивнул еще раз, выдавил из себя полуулыбку на замечание Зюника, и, переложив дубинку в левую руку, повернул его боевым концом к двери. Затем Кос запустил руку в один из кармашков на поясе, вытащил горстку красно-серебряной пудры и швырнул ее облаком, осевшим на дверь и ближайшую стену. Пыль, осевшая на дверь, сложилась знаком, похожим на первую букву слова «смерть». Буква была с три фута высотой.

- Сорок-пятьдесят жертв, - прошептал Кос. - Может и больше.

- Эта пыль умеет считать только до пятидесяти. Будь на чеку, - ответил Зюник.

Кос отошел на шаг и постучал тыльной частью жезла по тяжелой деревянной доске три раза. Они подождали с полминуты и попробовали еще раз. Ничего. Склад был тих, как склеп. Кос подумал, что размер символа кровавой пыли мог быть вполне точным.

С кивком Зюника Кос постучал по двери в третий раз и крикнул в сторону склада своим лучшим сержантским криком: «Лига воджеков. Это строение находится под арестом, и все кто в нем находятся, нарушают законы Пакта Гильдий и муниципальные постановления! У вас есть десять секунд для того, чтобы...».

Дверь распахнулась и с треском ударилась о внешнюю стену склада. Край двери задел жезл Коса, ударив его серебряным концом в подбородок воджека, и сбил его с ног на каменную мостовую. Ястреб Хал, все это время сидевший на плече Коса, вспорхнул в воздух и перелетел в более безопасное место на плече Зюника. Высокий полу-демон с загнутыми бараньими рогами, с раскрытой в тихом ужасе пастью перепрыгнул через Коса и исчез с вертикального поля зрения молодого воджека. Спустя несколько секунд, раздался короткий вопль демона, резко прерванный звуком разрезающего плоть меча Зюника. Труп Рекдоса гулко рухнул на мокрую мостовую. В этом не было ничего изящного, но, как правило, если дело касалось разъяренных Рекдосов любой расы, не раздумывая, применялись крайние меры.

- А вот поэтому, - сказал наставник Коса, - мы не становимся напротив двери, когда стучим, констебль Кос. Это ведь не некробиология, правда?

Старший напарник не предложил Косу руку, чтобы тот поднялся с земли. Собственно, он никогда ее не предлагал. А Кос, так или иначе, часто оказывался на полу в присутствии Зюника. Прошлой ночью - это был проигранный конкурс «кто больше выпьет». Сегодня это была простая ошибка молодого офицера, которая едва не стоила Косу жизни. И день еще не заканчивался...

Зюник переступил через юношу и прислонился спиной к стене рядом с дверью в том месте, где, как теперь понимал Кос, должен был стоять он, когда стучал. Из-за своей нервозности он утратил бдительность. Лейтенант осторожно высунул голову и посмотрел внутрь дверного проема.

- Святая мать Крокта! - ужаснулся Зюник. Он не был человеком, которого было просто удивить. Молодой 'джек с трудом поднялся на ноги и подошел к напарнику. Оба они, остолбенев, несколько секунд стояли в дверном проеме.

Тишину мрачного склада, нарушали лишь редкие капли крови, медленно наводнявшие дощатый пол. Каждый звук падающей капли вызывал приступ тошноты в желудке Коса.

У Микзила Зюника была лучшая характеристика в десятом отделении. Самая лучшая. И его, вместе с напарником, часто вызывали на наиболее важные или попросту невероятные дела. Кос видывал кухню орков, набитую сырыми, еще недавно нарезанными, живыми стейками из Вяшино. Они первыми прибыли на место самоубийства одного Груула, свершение которого началось на вершине одной из башен и после пары неожиданных «остановок», закончилось в виде неузнаваемого месива из костей, мяса и крови на каменной мостовой. И Кос собственными глазами видел магов, в тот момент, когда их эксперименты шли явно не так, как предполагалось в худшем из возможных сценариев. Он думал, что видел достаточно много...

Но сцена перед ним была во сто крат чудовищнее, чем что либо из того, что видели его глаза прежде, и образ этой сцены останется с ним до конца его жизни.

- Лейтенант... они все...

- Да, - сказал старший 'джек. - Включая того, который только что использовал тебя в качестве трамплина, я насчитываю... двадцать два? Тяжело сказать. Так много мяса. Больше двадцати, без сомнения.

- Вы уверены? - спросил Кос, пытаясь удержать в желудке то небольшое, что осталось от его завтрака, чтобы не вывернуться наружу, - ведь пудра показала...

- Пудра небезупречна. Посчитай головы. Я насчитал двадцать... нет, определенно двадцать две. Решил, что те две вон там, были ноги огра. А сейчас вижу и глаза и уши.

- Верю Вам на слово, - сказал Кос.

Он отвел глаза вверх, стараясь не смотреть на ужасную сцену бойни, изобилующую в центре открытого склада, и борясь с приступом тошноты, и в этот момент заметил призраков. Рекдосов: человек, огр, тролль, орк и гоблин.

Некоторые из них, тем не менее, похоже, не собирались исчезать.

- Сэр, - сказал Кос и указал без особой надобности на светящуюся стаю духов.

Привидения представляли собой примерные проекции Рекдосов, лежащих в кусках перед ними. Кос поймал себя на том, что он уставился в крошечные белые искры глаз полупрозрачной светящейся формы тролля, чьи массивные плечи были опущены, будто в смущении, а пустые глазницы напоминали бездонные ямы.

Зюник положил руку на жезл Коса и тем самым заставил его опустить оружие.

- Вольно, - промычал он и обвел глазами призраков над ними. - Они единственные свидетели, которые у нас есть, посмотрим, что у нас получится из них вытрясти.

- Но, посмотрите вокруг, - сказал Кос, пытаясь не дышать в жутким зловонием склада. - Тут должно быть полно искателей повсюду. А эти, похоже, ну не знаю... мирные.

- Насилие – это едва ли единственный способ создать мирное привидение Рекдоса, - сказал Зюник. - Искатели – у них редкость. Они *рассчитывают* умереть таким образом.

Он махнул рукой в сторону привидения-тролля, который спустился ниже к трупам, не сводя призрачных глаз с Коса.

- Давай, Кос, ты тут главный. Привидения не будут вечно ждать, когда ты их начнешь допрашивать.

- Хорошая мысль, - согласился Кос.

- Опускай его, - сказал Зюник.

Кос открыл еще один кармашек на поясе и извлек из него небольшую коробочку, размером примерно с его кожаный блокнот. Молодой 'джек положил коробочку на ладонь и медленно отошел в сторону, не теряя зрительного контакта с призраком тролля, который похоже был загипнотизирован взглядом живого существа. Как только эфирные ступни призрака коснулись пола перед констеблем, Кос опустился на одно колено и ударил коробочку о деревянную половицу. Не было ни вспышки, ни взрыва, ни электрического разряда, не было вообще никакого звука, кроме стука коробочки о пол. Привидение остановило свой плавный ленивый спуск, его бесплотные ноги увязли «внутри» коробочки. Заземлитель раскрылся, когда Кос убрал от него руку, и его составные части начали вращаться и смещаться до тех пор, пока форма коробочки стала практически неузнаваемой. Заземлитель никогда не принимал одну и ту же форму дважды, каждый призрак создавал из него свою, уникальную конфигурацию. Наконец появился звук – низкий, скрежещущий стон, который, похоже, исходил не из формы рогатого фантома, а из коробочки. Звук вызвал волну движения среди оставшихся призраков Рекдосов, в то время как привидение тролля осталось прикованным к ловушке Коса. Светящиеся фантомы замутились вихрем и исчезли сквозь пол, словно вода в сливном отверстии.

Призрачные свидетели в большинстве случаев были ценным материалом в расследованиях, но 'джек должен был внимательно выбрать для допроса лишь одного духа - как только выбранный призрак был заземлен, остальные, если таковые имелись, неизбежно сбегали. Привидение, под магией заземлителя не могло отказаться отвечать на вопросы, тем не менее, его ответы не всегда имели смысл. Не сводя глаз с крошечных белых точек в пустых черных глазницах призрака-тролля и наблюдая кучу трупов сквозь его прозрачный образ, Кос надеялся, что сделал правильный выбор.

Кос выудил из внутреннего нагрудного кармана карандашик и обернутый в кожу блокнот, перелистнул страницы годовых записей, большинство из которых были написаны под диктовку Зюника, и остановился на первой пустой страничке. Он отметил час, дату и место. Для экономии времени он набросал приблизительное количество трупов и свои версии различных причин смерти.

- Добрый день, меня зовут констебль Кос, - обратился он к призраку. Это была дружественная линия поведения, которую часто использовал Зюник. И поскольку у него не было никакого опыта вне академии, ему показалось, что эта манера была лучшей для

начала разговора. - Я бы хотел помочь Вам найти того, кто сделал все это. Вы можете назвать свое имя?

Стон, доносящийся из коробочки, приумолк, как если бы привидение набирало воздух. Наконец стон вернулся, но на этот раз звук сформировался в слова.

- Гааааррррр, - сказал призрак.

- Мистер Гар, я...

- ... мммаааккк..., - закончил призрак. Кос услышал, как Зюник сдавленно кашлянул.

- Мистер Гармак, - продолжил Кос. - Это Ваше имя, верно?

- Дддааааа, - протянул призрак.

- Очень хорошо, - сказал Кос. - Что здесь произошло?

- Ооонн пррриииииишшеооооол. Ооооонннн зоооовеоооот, ооооотппуууустиии Гааааррмаааакаааа. Гааааррмааак доооолжееееен иииидтии зааа ниим.

- Он? Кто он? Кто зовет, это тот, кто убил всех этих людей?

- Оооотппуууустиии Гааааррмаааака

- Я тебя отпущу, - сказал Кос. - Но чтобы найти того, кто сделал тебя призраком, мне нужно больше чем...

- Выыыпуууустиии мееенняаяя. Выыыпуууустиии мееенняаяя.

- Кос, - вмешался Зюник. - Я не думаю, что ты продвинешься куда-то дальше.

- Да, - сказал Кос, не пытаясь скрыть свое раздражение. - Думаю, Вы правы, и все же...

Констебль попробовал еще раз:

- Гармак, тот, кто сделал это, это он зовет? Где он сейчас?

- Оннн вееездееее, оооннн ряядооом, оооон зоооовеоооот.

- Это. Он. Сделал. С тобой? - сквозь зубы процедил Кос. Он уже представлял себе отчет, описывающий, как он полностью слил своего единственного призрачного свидетеля.

- Оооннн зооввёоооот.

Кос посмотрел через плечо на Зюника.

- Не желаете попробовать?

- Нет, - сказал Зюник. - У тебя ничего больше не получится из него вытянуть. Когда они начинают повторяться, уже ничего нельзя сделать.

- Но он же единственный свидетель!

- Оооонн жждёоооот в теении.

- Посмотри вокруг. Они все мертвые, но по-своему они тоже свидетели. Это тупик, - сказал Зюник. - Нам надо описать сцену, пока она теплая. Отпусти его, Кос.

- Я тут главный, - сказал Кос. - И это решать мне, лейтенант.

- Да, ты главный, - сказал Зюник. - Но я все еще твой наставник, брось призрака, Кос, это пустая трата времени.

Кос в последний раз посмотрел на призрака и покачал головой. У него уже начали возникать темные мысли насчет своего первого дела, в качестве старшего 'джека. Все шло наперекосяк, совсем не так, как он ожидал. Он нагнулся и трижды стукнул по коробочке, осторожно, чтобы не коснуться ледяного призрака, которого она сдерживала. Коробочка закружилась и сложилась в прежнюю форму. К тому времени, как Кос поднял заземлитель и положил его обратно в кармашек на поясе, призрак прошел сквозь пол и исчез. Сцена

убийства восстала перед глазами во всей своей жестокой четкости, и Кос снова почувствовал приступ тошноты.

- Есть какие-нибудь предложения, лейтенант? – Искренне спросил Кос. Он был честолюбив, но не глуп. Он знал достаточно для того, чтобы понимать, что знает он немного. Зюник же, в свою очередь, в большинстве случаев, знал всё.

- Бери свой блокнот и карандаш и давай опишем сцену, - сказал Зюник.

- Может, пошлем Хала за подмогой? – спросил Кос.

Зюник смерил взглядом бурого ястреба, сидевшего на его плече и терпеливо ожидавшего сообщение, которое бы он доставил кому угодно из воджеков по желанию лейтенанта.

- Думаю, нам лучше попридержать его пока что. Мне все это не нравится. Я не уверен, что преступник уже успел уйти.

- С чего Вы взяли? – спросил Кос.

- Тот уродец, что накормил тебя дверной доской, убегал от чего-то, и я не думаю, что это были те безобидные привидения. Призрак сказал, «Он рядом». Это вполне может оказаться буквальным выражением. Давай посмотрим, что нам расскажут эти мертвые парни. Начнешь?

- Давайте лучше Вы, - сказал Кос. - Я и так уже выбрал неправильного призрака. Может лучше Вам вообще взять это дело?

- Я не собираюсь брать твое дело только потому, что ты считаешь его сложным, - сказал Зюник. - У меня и так будет куча работы по заполнению свитков. Я помогу тебе своим экспертным советом, если старший следователь того пожелает.

- Я желаю, - ответил Кос.

- Ладно. Записывай. У нас здесь многочисленные жертвы. У всех видны признаки полного или частичного расчленения, - сказал Зюник. - Давай начнем с двенадцати часов и далее по часовой стрелке. Он осторожно продвигался вокруг кучи трупов – маги в лаборатории сильно ругали 'джеков за то, что они неосторожно наступали на кровь или остатки магических веществ.

- Первая жертва – взрослый тролль мужского пола, ориентировочный возраст, где-то от пятидесяти до восьмидесяти лет, - сказал лейтенант. - Скорее всего, труп Гармака, поскольку это единственная голова тролля, которую я вижу во всей куче. Руки и правая нога отделены от туловища с помощью, похоже, простой грубой силы. Никаких видимых ранений от оружия нет, но существенное количество вырванной кожи вокруг сочленений указывает на то, что руки и нога были вырваны из тела жертвы, которая впоследствии истекла кровью. Жертва была определенно живой и дергалась перед смертью.

Зюник подождал секунду, пока Кос записал за ним, затем перешел к следующему телу. - Далее по часовой стрелке у нас пара полу-демонов, расчлененных в районе шеи, плеч и бедер. Хотел бы я посмотреть, как лабораторные маги выяснят, какая часть от чьего тела. Последнее не записывай.

- Угу, - сказал Кос.

Они продолжали свой маршрут вокруг горы трупов, которая, как считал Кос, напоминала больше кучу разрозненных конечностей. Они описали останки еще четырех полу-демонов, узнаваемых лишь по той простой причине, что каждый полу-демон Равники был уникален и не был похож ни на одно другое живое существо. Какие бы жуткие вещи не делали Рекдосы для создания полу-демонов, в каждом случае результат был отличным от предыдущего. Это также делало каждого из них легко узнаваемым в

случае, если их пути пересекались с 'джеками, а практически каждый Рекдос, который доживал до совершеннолетия, рано или поздно с ними пересекался. Среди семи полу-демонов (включая того, что Зюник прирезал снаружи), шестеро были известными членами банды Паллы, что подтвердило подозрение воздушных 'джеков.

Оставшиеся трупы были людьми, если их можно было так назвать. Люди в гильдии Рекдос были наиболее крепкими, злыми и сильными примерами этой расы во всем мире; многих можно было легко спутать с троллями или полу-демонами, особенно когда они носили шипованную боевую гильдийную броню. Адовадыра усиливала законы естественного отбора с брутальной эффективностью.

- Думаю, у нас может быть проблема, - сказал Кос. - Я вижу бороды и ...ээ другие признаки на всех людях. Судя по ним, женщин среди них нет, и уж точно никто из них не подходит под описание их главы – Паллы. Так, где она?

- Верно. - Зюник продолжал всматриваться в темноту вокруг них, на части тел и скользкий окровавленный пол, и сказал, больше про себя, чем Косу: «Палла, Палла, где же ты?» Опытный 'джек осмотрел балки и опоры на потолке, ища глазами недостающего лидера банды среди краденых ящиков.

- Рабов тут, похоже, тоже нет, - заметил Кос.

Зюник положил руку на ближайший к нему ящик и принялся. - Я думаю, здесь ты, скорее всего, ошибаешься, - сказал он.

- В смысле?

- Посмотри вокруг. Я думаю, они все здесь, но они никогда не были рабами. - Не говоря больше ни слова, он достал свой меч и с его помощью вскрыл ближайший ящик. Лейтенант заглянул внутрь, отвернулся и зажал рот рукой.

Кос осторожно заглянул, испытал тот же приступ тошноты, но не сдержался и вылил все, что было в желудке на пол. Лабораторным магам это не понравится. Но как минимум, его вырвало не на улики.

Упакованные в сыром мятом сене, и смотрящие прямо на них своими побелевшими глазами лежали два ряда отрезанных голов людей и эльфов. Пять мужских и одна женская. Все они были обработаны какой-то некромагией, которая сохранила выражение ужаса на их лицах в момент расчленения.

Женщина была воджеком, Кос не был с ней близко знаком, но узнал сразу. Это была констебль Вина Макав. Точно также как Кос и Пашак, Вина была новобранцем среди рекрутов, которых приняли после последнего восстания Рекдосов. Она ушла в увольнение месяцем раньше, однако так и не вышла на службу после отпуска. Кос узнал ее лицо с плакатов с большой надписью «РАЗЫСКИВАЕТСЯ: ДЕЗЕРТИР», развешанных по всему десятому кварталу.

- Думаю обвинение в дезертирстве можно снять, - сказал Зюник, пока Кос вытирал рот тыльной стороной рукава. – И думаю, что кровавая пудра все же не ошибалась. Их, похоже, убили здесь. Ладно, добавим к списку и эти преступления. Никто не убивает 'джеков в моем городе безнаказанно...

Кто-то чихнул на верхнем этаже, и оба воджека замерли. Кос сосредоточил всё внимание на услышанном звуке, и через несколько секунд ему показалось, что он слышит что-то среднее между тихим стоном раненой болотной собаки и хныканьем ребенка.

Зюник указал на лестницу, ведущую на второй, чердачный этаж. Только теперь Кос осознал, какую малую часть склада на самом деле они исследовали до сих пор. Горы

ящиков с жутким содержимым, возвышающиеся вокруг них, могли скрывать что угодно. Единственный свет исходил от факела, который уже потрескивал и начинал гаснуть.

Но, несмотря на свою неопытность, Кос все же был офицером воджеков. В Равнике никто не получал этот ранг случайно. Он прижал два пальца к значку на груди, напоминая себе об этом факте, и направился вверх по лестнице. Зюник последовал за ним, только когда Кос прошел половину пути наверх.

Они нашли гоблина, забившегося в самом темном углу. Одно ухо этого мелкого создания, похоже, было оторвано, и вязкая тягучая кровь сочилась сквозь пальцы его правой руки по шее и плечу. В остальном, гоблин казался невредимым. На его коже виднелось несколько татуировок и ритуальных отметин. Символ U-образной формы, символизирующий разорванное звено цепи, выжженный на лбу гоблина, означал, что это был освобожденный раб, а черная и алая татуировки на щеках выдавали в нем члена многочисленного клана Крокт, самого большого клана гоблинов в Равнике, входящего в культ Рекдоса задолго до подписания Пакта Гильдий. Согласно преданиям Крокта, демон Рекдос собственноручно высек этот клан из той скалы, чье имя они носят и поныне.

Желтые глаза гоблина расширились в неподдельном ужасе, когда Кос добрался до конца лестницы, и он начал жалобно бормотать на своем непонятном языке. К сожалению, Кос слабо разбирался в гоблинских наречиях. Тем не менее, его напарник пробыл на улицах Равники достаточно долго, чтобы распознать несколько диалектов.

- Микз, я знаю, это мое дело, но...

- Без проблем, - сказал Зюник. - Я поговорю с ним. - Старший 'джек пригладил усы, перебирая фразы, которые могли бы успокоить перепуганное существо, затем попробовал то, что, по мнению Коса, должно было звучать, как беспроегрышный вариант. Что бы ни означали лающие слоги Зюника, они явно не успокаивали гоблина, который выглядел так, как будто он пытается силой протиснуться сквозь стену. Кос никогда не видел ни гоблина, ни человека настолько всецело испуганного.

- *Йузир тракини халк халкак Крокт, воджек храркар вонк*, - сказал Зюник, указывая на нагрудный знак.

Гоблин вскрикнул.

- *Оузор вафиз халк каларк, Крокт каларк*, - попытался еще лейтенант.

Гоблин вскрикнул еще раз, громче и пронзительнее. Кос закрыл одно ухо рукой и отвернулся, пока Зюник продолжал засыпать приветствиями испуганное существо. Либо гоблин не понимал ничего из сказанного, либо был так перепуган, что был не в состоянии что-либо ответить. Кос подозревал последнее.

- Это нас никуда не приведет, - признал, наконец, Зюник. Гоблин занял, косясь глазами вправо-влево в поисках пути для бегства, как догадался Кос, однако из угла, выбранного гоблином для укрытия, выхода не было. Констебль наблюдал за глазами гоблина, ожидая момента, когда страх перед 'джеками превзойдет страх перед чем бы то ни было, что порубило его Рекдосовских собратьев.

Глаза гоблина перестали бегать из стороны в сторону и расширились до размера столовых тарелок, остановив взгляд на чем-то, за плечом Коса. Волосы на шее констебля встали дыбом, когда он вместе с Зюником повернулся и проследил траекторию замершего взгляда до смерти напуганного существа.

Вдоль стены двигался темный силуэт. Косу на мгновение привиделись черты черепа в районе лица. Вскоре силуэт вновь был равномерного темно-серого цвета, сливающегося со стеной, но теперь, когда Кос знал куда смотреть, пульсирующий контур

иллюзорной магии было невозможно не заметить. Это был не призрак. Это было вполне материальное, живое существо.

Силуэт был последней каплей для паникующего гоблина. Он вскочил на ноги, пока 'джеки были отвлечены таинственной невидимкой, бросился между ними, и с последним воплем выпрыгнул в открытое окно. Вскоре послышался звук удара о мокрую мостовую, навсегда утхомиливший гоблина-самоубийцу, и, менее чем за пять минут, лишивший 'джеков второго свидетеля.

Не то, чтобы им нужен был свидетель, когда убийца стоял прямо перед ними.

Зюник и Кос достали оружие, и Кос сделал один осторожный шаг в сторону согнувшейся, горбатой тени. Фигура, нечеткая и размытая - явный признак любимых заклинаний убийц и воров – не стала его ждать, вспрыгнула в оконный проем, словно кошка, и остановилась, отбрасывая темный силуэт в лучах заходящего на западе солнца. Фигура, что довела гоблина до самоубийства, походила либо на худого мужчину, либо на мускулистую женщину - с места, где стоял Кос, это невозможно было определить наверняка. Она стояла, согнувшись под тяжестью какого-то крупного нароста на спине. Нет, не нароста, и это была вовсе не одна фигура. Второе существо было засунуто в мешок и переброшено через плечо.

Силуэт быстро взмахнул рукой и взлетел вертикально вверх, прочь из поля зрения 'джеков. Кос не видел веревку, но это должна была быть она или нечто подобное. Как говорится, лучше иметь трезвый ум, пока кто-нибудь не попытается лишить тебя головы.

- Думаете, это была Палла? - спросил Кос.

- Да, думаю, одной из них была она, - сказал Зюник. - Той, что в мешке. И она *моя*. Спрячь карандаш, констебль, у нас есть настоящая работа. Сегодня мы отработаем двойную смену.

- Я не против, - сказал Кос. – Лишние деньги не помешают.

Лига Воджеков, и только Лига Воджеков должна оберегать мир в пределах свободной Столицы Равники в четком соответствии с Законами Пакта Гильдий.

—Муниципальные Постановления Равники

23 Зуун 9999 П.Д., после полудня

Спустя пятьдесят семь лет, плюс-минус несколько месяцев, лейтенант Агрус Кос отправился смотреть «Битву, которая навсегда изменила мир Равники». Не каждый день одна единственная битва решала судьбу целого мира. Она решала ее каждый день в полдень и еще раз на закате, и широкой публике требовалось платить за просмотр. Висевшая на выцветшей кожаной тунике десятиконечная звезда, углы которой давно затупились от времени, сэкономила Косу плату за вход.

Лейтенанту предстояла работа, но он не торопился. У него уже давно не было настолько легкого вызова. Можно было спокойно уделить несколько минут наблюдению за преступлением в действии. У него все еще не прошло похмелье, и он все еще был вялым и неторопливым. Кос взял у удивленного продавца стакан с чем-то дымящимся и забродившим, дал ему монету в ползиба и оперся о стену вдаль от сцены, пока актеры занимали свои места на поле битвы.

- Тысячелетие открытых войн между десятью враждующими сторонами, наконец, через ряд предательств и альянсов вылилось в противостояние двух могущественных сил: тех, чьи интересы были на стороне законов... и остальных, – декламировал хор. – Теперь два чемпиона от каждой стороны встретятся в тщательно согласованном последнем поединке, единственной жестокой битве, которая решит судьбу всего мира. Но они не ведают, что за ними издаലെка наблюдают...

Оба героя сияли, словно боги, в золотых лучах полуденного солнца. Послышался треск досок, когда осадные орудия заняли круговую позицию вокруг возвышающихся бойцов. Вверху, благодаря театральной магии, а именно веревкам и лебедкам, парила безликая фигура в длинном черном плаще, готовая спуститься на сцену в нужный момент. Кос, вероятно, не заметил бы этот «сюрприз», если бы он не смотрел представление в качестве следователя, а не как обычный зритель.

Земля вздрогнула и все, кто собрался посмотреть спектакль, затаили дыхание при приближающемся звуке тяжелых шагов огромных ступней, каждой из которых хватило бы для того, чтобы раздавить целого человека, и еще бы осталось место для гоблина или двух, между ее пальцами. Ступни принадлежали гигантскому бородатому циклопу, одной рукой державшему Черепомол - легендарный боевой топор, наделенный силой богов. Кос никогда не понимал, как топор получил имя «Черепомол», но он не был историком.

Топор беспечно покоился на плече, как будто одноглазому гиганту не нужно было быть начеку. Драгоценный камень синего цвета, инкрустированный в пряжку на зачарованном ремне циклопа, сиял ослепительным блеском. Циклоп открыл свою

редкозубую пасть и громогласно зарычал, вскоре к этому звуку присоединились многочисленные армии дикарей, очевидно воодушевленные моментом.

- Те, кому довелось это видеть, позже клялись, что солнце сжалось в небесах от страха, - провозгласил хор.

Циклоп открыл клыкастый рот и раскатом громового голоса сказал: «Разия! Пришел твой последний день. Тебе никогда не сравниться с моей силой. Не будет никаких гильдий. Никакого порядка. Лишь смерть, начиная с твоей. Сегодня Черепомол выпьет твоей крови, Разия. Это говорю я, Цизарзим, Повелитель *Хаоса!*» На последнем слове гигант вскинул священное оружие на обе руки и принял агрессивную позу.

Ангел, стоящая перед циклопом, вспыхнула ореолом священного огня и достала пылающий меч, по длине превышающий рост Коса. Она сделала шаг навстречу одноглазому герою и подняла меч к небу, вызвав волну одобрительных возгласов. Он выглядел почти настоящим, подумал Кос - меч, не ангел. Он *знал*, что ангел была настоящей. Герб Борос - кулак, окаймленный горящим ореолом, сверкал на шлеме ангела, и воздух вокруг нее мерцал в полуденной жаре тысячью крошечных миражей.

- Хаос всегда будет укрощен законом, Цизарзим, - голос ангела звучал словно хор. – Судьба Равники - следовать правилам, а не звериным прихотям. Эта земля обретет мир во власти гильдий и их священного Пакта. Это говорю я, Разия, Сердце Легиона, Чемпион Порядка.

- Через мой труп, - прогремел циклоп.

- Это, - ответила Разия, беря рукоятку меча обеими руками, закованными в стальные перчатки. - Я и имела в виду.

Оба противника перемещались по кругу в центре арены из баллист, катапульт и таранов. Собравшиеся войска с обеих сторон ритмично повторяли слова поддержки для своего чемпиона – те, кто стоял за ангелом, повторяли ее имя, как триумфальный гимн с настойчивым военным ритмом, в то время как сторонники циклопа рычали в поддержку Цизарзима в звериной какофонии, которая вскоре достигла пика возбуждения.

Первым, естественно, не выдержал циклоп. С ревом, подхваченным его армией, одноглазый гигант атаковал ангела, которая пригнулась и приготовилась заблокировать первый выпад противника. Топор Цизарзима блеснул на пике дуги и обрушился вниз сокрушительным ударом, который, тем не менее, был легко отражен и отведен в сторону ангельским мечом. Ангел ударила в ответ театрально широким выпадом, который циклоп отразил топором с не меньшей ловкостью в ритмичном танце боя.

Как и было записано в исторических книгах, после третьего скрещения оружий фигура в темном плаще спустилась со стропил под звуки приглушенного барабанного ритма, словно биения чьего-то огромного сердца, и своим появлением прервала сражение. Когда высокая худая фигура встала между противниками, все собравшиеся, включая дуэлянтов, затихли.

- Благородные дуэлянты, мои драгоценные враги, - слова существа в плаще звучали словно масло. «Слишком уж театральное маслице», думал Кос. - Я, Сзедек, Повелитель Шепота, предлагаю вам прерваться. На кону будущее Мира. Мы стоим на самом перекрестке судьбы. - Фигура возвела бледную руку с тонкими, длинными пальцами к небу и раскат грома прогремел над Миром. Темные тучи заслонили древние небеса, окутав сцену во мрак, освещенный лишь танцующими языками факелов.

Сзедек опустил капюшон своего черного плаща и явил бледное холодное лицо с блестящими черными обсидиановыми глазами. Еще более темными были его гладкие,

скользкие волосы, связанные в сложный диковинный узел на его макушке. Два серебряных клыка, которые Кос счел немного длинноватыми для того, чтобы казаться реальными, выразительно выступали поверх его нижней губы.

- Ты ступил на мое поле битвы, вампир, - прорычал циклоп. Он отступил на шаг и поднял Черепомол над головой. – Назови мне хоть одну причину не уничтожить тебя сейчас же за это оскорбление.

- Я могу назвать несколько, - сказал человек в простых одеждах синего и белого цветов, выходя из толпы. Его яркие глаза моргнули и два луча солнечного света прорвались из-под капюшона, покрывавшего его голову. Белая борода, лысая голова и обветренное загорелое лицо делали его похожим на фермера, однако он был одет в одежды сенатора. Человек вытащил свиток из рукава и развернул документ, который засиял в точно нацеленном на него луче света. - Я представляю вам Пакт. Простую систему, уважающую автономию каст с независимой территорией для всех – ваши собственные королевства, с которыми вы властны делать все, что вам заблагорассудится. Каждая каста вносит свой вклад для выживания новой объединенной Равники. Я, Азор, и мои союзники в обоих лагерях этой бесконечной кастовой войны создали нечто большее, чем документ. Когда наши лидеры, паруны, подпишут его собственной кровью, магия этого договора должна обеспечить и сохранить мир на все время, пока существует Равника. Друзья мои, мои враги – это... - человек завершил свою речь с триумфом. - Пакт Гильдий.

- Опять законы, - ухмыльнулся циклоп и вдруг захохотал с громкостью извергающегося вулкана, – Ты маленький, ничтожный человечиска. Кто с тобой будет считаться!? У болотного пса больше привилегий, чем у тебя.

- Возможно, - сказал лысый человек, когда тишина вновь воцарилась в собравшихся армиях, ставших впоследствии десятью гильдиями Равники. – Или, возможно, тебя, Цизарзим, нужно заставить увидеть мудрость моего предложения.

На самом деле в Равнике существовало девять гильдий. А десятая была не более, чем легенда. Как и большинство образованных равникийцев, Кос знал, что вампир Сзедек, гилдмастер Дома Димир, был, в лучшем случае, народным вымыслом. Считалось, что этим историческим «Повелителем Шепота» был один древний некромант, поднявший на заре становления мира Пакта Гильдий армию скелетов в провалившейся попытке завоевания власти. Первые гилдмастеры, паруны уничтожили его за попытку вести армию на тот самый город, который, согласно Пакту Гильдий, все гильдии должны были поддерживать и развивать. За десять тысяч лет истории Кос мог сосчитать зафиксированные нарушения первого закона на пальцах одной руки. Нужно быть одновременно наглым и сумасшедшим, чтобы пытаться захватить Равнику, что означало истребление всех гильдий, включая, вероятнее всего, и свою собственную.

Никто толком не знал, где и когда родилась легенда о присутствии Сздека при подписании Пакта Гильдий. Сам Кос считал, что историю про повелителя вампиров добавил Конклав Селезнии в качестве необходимого противовеса их собственной вере. По своему опыту, Кос заметил, что чем более преданным был верующий в Мать Селезнии, тем более убежденным он был в том, что Сзедек – это невидимое зло, прячущееся в холодных глубинах мира, первопричина не идеальности мира – был реальным существом и ощутимой силой, постоянно мешающей Конклаву.

Кос слишком долго служил в Легионе, чтобы верить в то, что таинственный бабайка несет ответственность за все зло в мире. Несмотря на десять тысяч лет мира под Пактом

Гильдий, или даже благодаря им, в мире было полно зла и без мрачной Десятой Гильдии, якобы стоящей за всем этим.

Воджек поставил пустую кружку на пол. Он почувствовал прилив бодрости. Кос не мог представить, насколько он должен был быть пьян, чтобы позволить Пушку убедить его дотерпеть до конца представления. Кос вздохнул. После многообещающего начала эта кровавая историческая битва превратилась в унылую болтовню. По-своему, это было на руку Косу, так как он был настроен закрыть представление. Но еще более важным было то, что монотонный голос актера, продолжающего описывать многие священные добродетели Пакта Гильдий, обострял головную боль Коса.

- *Глупец!* – зарычал циклоп, в тот момент, когда Кос взял в руки следующую кружку огрийского кофе. Он подскочил от неожиданности и, чуть было, не вылил напиток на стоящего рядом гоблина. - Я Повелитель Хаоса! Разрушитель законов! Меня не связать твоей слабостью, я уничтожу чемпиона порядка!»

- Что он делает? – прошептал Кос в изумлении.

Соседний зритель, не поняв, что 'джек думает вслух, шикнул ему.

Циклоп ринулся вперед. Это было неправильно. Битва Двух Чемпионов еще не должна была начаться. Паруны оставшихся гильдий еще даже не вышли из-за кулис. Дуэль, заставившая Цизарзима и Груульские кланы подписать Пакт Гильдий, произошла гораздо позже. Это была традиционная кульминация классической истории, но уже менее чем за половину первого акта, Цизарзим, Повелитель Хаоса сбился со сценария.

Сбился настолько, что со свирепым, кровожадным воем врезал Черепомолом в висок лысому бородачу.

- А это что-то новенькое, - донеслась до Коса чья-то реплика из зала. Остальное он не услышал, так как он уже бежал вниз по проходу к сцене с жезлом в руках.

Пугающе реалистичная копия Черепомола треснула и раскрылась о лысую голову актера. Легкий макет из бумаги и пробки не шел ни в какое сравнение с прочностью черепной коробки. Однако шок от внезапного нападения сбил человека в мантии с ног и отбросил его в хор, оглушенного и с кровью на виске. Кос преодолел последние ступени на сцену. Недовольные крики и возгласы раздались в зрительском зале, и ему показалось, он услышал как минимум одну громкую жалобу на анахронизм присутствия воджека при подписании Пакта Гильдий. Ну конечно, мифический вампир их не волнует, а стоит воджеку не вовремя появиться на сцене, как они начинают жаловаться.

Секунды хватило «Цизарзиму», чтобы перейти черту от простой ярости до кровожадного безумия в тот миг, как он заметил Коса, и он тут же бросился на воджека. Однако, кулак циклопа, направленный в голову Коса, столкнулся с открытой ладонью ангела.

- Боюсь, детишки, шоу закончилось, - сказал Кос. - А ты, - добавил он, указывая на все еще рычащего циклопа. - Арестован за препятствие торговле и нарушение соответствующих Законов Пакта Гильдий. Боюсь, мне придется просить тебя снять твой... костюм и спокойно пройти со мной в десятое отделение Лиги. Там ты сможешь дать показания в свою защиту и, в случае, если ты не можешь себе позволить залоговый взнос, тебя задержат до слушания в суде. – Кос положил руку на серебряные наручники, пристегнутые к поясу, и кивнул ангелу, держащей в ладони кулак циклопа.

- Пожалуйста, не сопротивляйся, - сказала ангел. – Ты уже арестован. Не усугубляй свое преступление разрушением этого превосходного представления.

- Я бы поспорил с последней частью, Пушок, – сказал Кос. – Хотя ты выглядела великолепно. Очень реалистично. Какие-нибудь проблемы с этим здоровяком?

«Вампир» с не-очень-реалистичными клыками поднял руку и прокашлялся.

- Прошу прощения. Что, собственно, здесь происходит? И кстати, Вы, - добавил он, указывая длинным бледным пальцем на ангела. - Вы вышли из образа.

- Сэр, если только Вы не желаете также пройти с нами в участок, я предлагаю Вам заткнуться. У Вас и без того достаточно неприятностей. Пушок, если он еще раз откроет рот, ударь его.

- Есть, - ответила ангел.

- Вы... Вы что – настоящая ангел?

- А ты думал, кто я?

- Дублер. Я верил Вам, мисс Пер...

- Вот этого не надо, - прервала его Пушок. – Называйте меня «Офицер» или «Констебль». - С этими словами ангел сжала свободной рукой накладное плечо вампира.

- Но, ай, но, пожалуйста, вы не понимаете, - сказал вампир. Его шелковый харизматичный голос сморщился в комичный писк. - Ну, я думаю, мы сможем договориться. Но прошу вас, дайте нам закончить шоу. У мистера Галлмотта, ээм...

- ээм...? – уточнил Кос.

- Вам лучше не выводить его из образа. Особенно, когда он импровизирует.

Как будто в ответ на это циклоп взвыл от ярости, но Пушок продолжала крепко его удерживать. Кос видел, как мощные мускулы на руке ангела натянулись туже, чем тетива Голгари, и пурпурные вены вспухли от напряжения.

- Прошу вас, умоляю, он *в образе*, если бы мы только могли закончить...

Угрюмая ухмылка исказила загорелое лицо воджека, и он повернулся к вампиру. - Мне плевать, что в образе. Ты, одноглазый, и вся ваша компания незаконно расширили ваш театрик на территорию, предназначенную для рыночных рядов, тем самым, преградив ход торговли. Мы не трогали вас, только потому, что никто не жаловался, но, если ты не заметил, скоро наступит Декамиллениум. Многие хотели бы поставить здесь свои торговые палатки. А те, кого вы тут заставили сидеть в потемках, могли бы покупать сувениры. И мясо.

- Я люблю мясо, - сказала ангел. Насколько Кос знал, ангелы в принципе не ели пищу, но он оценил ее поддержку.

- Я тоже, - сказал воджек. – Видите, сэр, мы любим мясо, и закон есть закон. Пушок, ты не сообщишь публике, что...

Стальная хватка ангела, наконец, не выдержала, и металлическая перчатка, удерживающая тяжеленный кулак «циклопа», с дикой силой ударилась о шлем Коса, выбив его в зрительский зал. Шлем, вероятно, спас воджеку жизнь, и, тем не менее, он рухнул на сцену под ноги рычащего циклопа. Зрители, сидевшие в том, что до недавнего времени называлось партером «Малого Художественного Театра Галлмотта», затаили дыхание. Кто-то вскрикнул, несколько человек вскочили на ноги и побежали к выходу. «Циклоп» наносил удар за ударом в грудь лежащему на полу стражу порядка.

- Сколько народу вообще дралось в Битве Двух Чемпионов? – в недоумении спросила женщина в первом ряду у своего мужа, не обращая внимания на то, что если бы Кос пролетел еще пару метров, циклоп бы его сейчас бил у них на коленях.

- Не так много, я полагаю, дорогая, - ответил ее компаньон.

Ангел отпустила оставшегося актера, так как сцена быстро опустела, и на ней остались лишь два воджека, бывший вампир и обезумевший актер в полном циклопском обвесе. Пушок схватила взбесившегося циклопа за голову и оттянула его от Коса. Вцепившись друг в друга, ангел и ее противник, прокатились через всю сцену и, прорвав фоновое полотно, изображающее осадную технику, исчезли под кулисами и обрушившимися декорациями. Остатки хора в панике разбежались, не смотря на то, что большинство зрителей в зале оставались на своих местах, замороженные звуками борьбы, происходящей за сценой.

Кос, шатаясь, поднялся на ноги и схватил «вампира» за капюшон его длинного плаща.

- Что значит «он в образе»?

Актер замялся, но ответил, - Мистер Галлмоутт. На нем чары исполнения.

Воджек закрутил капюшон так, что застежка плаща сдавила актеру горло. – И что это из себя представляет? Я не очень часто хожу в театр. Слишком занят ловлей преступников, знаешь ли. Это какой-нибудь грим, как у тебя?

- Нет, мы все используем грим, - закашлял актер. – Театр невозможен без этого. Но мистер Галлмоутт приобрел волшебную пряжку у какого-то торговца в день, когда мы приехали в столицу. Она должна была помочь ему преодолеть его страх перед сценой, помочь ему поверить в исполняемую роль и отрешиться от аудитории. У него никак не получалась сцена оглашения Пакта Гильдий, и сегодня он, видимо, не сдержался. Прошу вас, не душите меня, офицер.

- Он доиграется до виселицы, если не перестанет пинать мою напарницу. – Воджек отпустил актера и ткнул пальцем ему в грудь. – Молись, чтобы история про боязнь сцены оказалась правдой. Разве не он руководитель этого театра? Он записан как владелец.

- Да, конечно, - сказал актер. – Это настоящая трагедия. Он до смерти боится играть на сцене и в тоже время не может без нее жить. Понимаете, волнение от представления, спонтанность новых идей, которые могут возникнуть только на сцене...

- Он нарушил закон. Это все, что мне нужно знать. Пушок, ты там в порядке? – крикнул Кос в сторону потасовки, которая за это время переместилась к ближним кулисам.

- Я его одолею, - мощный голос ангела эхом разнесся по театру. – Эта битва все же оказалась неожиданно интерес... извини-ка.

- Чушь! Ни один приспешник порядка не сравнится с Цизар... УФФ!

- Одну секундочку.

Звуки крушащихся декораций и циклопьего рева продолжились. – Так когда должны развеяться эти чары усиления? – спросил Кос.

- Чары *исполнения*. Это зависит от исполняемой роли, - сказал актер. – Ничего подобного раньше не происходило. С другой стороны, никто никогда раньше не врывался на нашу сцену и не притворялся дублером, будучи при этом настоящим ангелом. Это, правда, было так необходимо?

- Ты удивишься, узнав, что мы порой делаем, лишь бы развлечься.

- Прошу Вас, - сказал актер, - мы не хотели нарушать никаких законов. Если бы Вы только дали нам закончить. Мы первый раз в столице. Мистер Дринж ничего не говорил о рыночных палатках.

Кос едва слышал оправдания актера. В тот момент, когда тот произнес слово «закончить», клубок крыльев, ног, рогов и кулаков проломился сквозь остатки декораций и вкатился обратно на сцену, остановившись буквально у ног Коса.

Пушок взглянула на него с едва различимым намеком на беспокойство. На лице Пушка даже ничтожного намека было достаточно, чтобы заставить Коса нервничать.

- Лейтенант, я подозреваю, что мне все же может потребоваться Ваша помощь, - сухо произнесла ангел, в то время как разъяренный циклоп - нет, зачарованный актер по имени Галлмотт, напомнил себе Кос - умудрился прижать ее закованные крылья к полу.

Воджек достал жезл и направился вокруг бойцов в поисках открытого места. Обходя сцепившихся противников, Кос провернул рукоятку оружия, которое едва слышно загудело в ответ.

Через несколько секунд лейтенант, наконец, нашел то, что искал. Он прицелился в спину Галлмотта всей длиной дубинки, словно гоблин, наводящий прицел огневого жезла, сделал глубокий вдох и выкрикнул, - *Дэватсей!*

Шар синевато-серебряного разряда энергии величиной с кулак Пушка выстрелил из наконечника жезла и врезался в спину актера. Энергия развеялась от удара, на мгновение окутав разъяренного актера ярким сине-зеленым сиянием.

- Это он зря, - услышал Кос комментарий женщины в первом ряду.

Разряда энергии должно было хватить, чтобы вырубить актера. И, в своем роде, так и произошло – чары волшебной пряжки завладели им полностью, и циклоп обезумел пуще прежнего. Актер в бешенстве резко махнул рукой в сторону Коса, все еще стоя тяжелой сандалией на крыльях ангела. Удар застал воджека врасплох, и Кос рухнул на пол во второй раз. Его дубинка выскользнула из рук и с грохотом покатила по дощатой сцене.

Воджек с трудом поднялся и крикнул актеру-вампиру, пятящемуся к кулисам, - Как снять с него эту чертову пряжку?

- Очень осторожно, - ответил актер.

Страж порядка повернулся к ангелу. Ей удалось высвободить крылья, но она все еще лежала на спине и теперь была занята руками циклопа, сжимающими ее горло.

– Пушок! – крикнул Кос, - сними с него пояс!

Ангел резко подняла колено, нанеся удар в пах противнику. Циклоп задрожал, словно отражение в кривом зеркале и согнулся пополам. Галлмотт взвыл, словно раненый зверь. Чары все еще владели актером, но, по крайней мере, образ циклопа, похоже, уже не контролировал ход боя, хотя все еще контролировал тело Галлмотта.

Ангел с акробатической легкостью перекатилась из лежачего положения и бросилась на Галлмотта раньше, чем тот мог сделать что-нибудь, кроме того, чтобы зарычать от боли, держась за живот.

- Ты сдашься сам, - пропела ангел. Она рывком заставила актера встать и прижала его к правой стене сцены. – Или мы будем вынуждены применить крайние меры.

- Тебе лучше не нарываться на ее крайние меры, мистер Галлмотт, - сказал второй воджек. Кос нагнулся за своим жезлом и поправил звезду на своей кроваво-красной форме. – Ты только что нарушил еще более серьезный закон. Тебе уже светит пожизненная ссылка. Не усложняй свое положение.

- Я никогда не подчинюсь власти Порядка, - прорычал Галлмотт, изворачиваясь из-под руки Пушка. – Я раздавлю ваши законы своими санда...

- А, забудь, - Кос достал свой короткий меч и подошел к непокорному актеру, которого Пушок теперь держала за горло. – Не дергайся, - сказал 'джек, и осторожно - но

не *слишком* осторожно - просунул лезвие меча между кожаным поясом и толстым костюмом актера. Через мгновение все было кончено. Пряжка разбилась, как дешевое стекло, ударившись о сцену, и сумасшедший монолог Галлмотта тотчас прекратился. Он рухнул на пол без чувств. С последней драматичной отсылкой к пьесе разбитая маска циклопа раскололась на две части и распалась по обе стороны от актера. Чары, должно быть, были единственным, что держало актера на ногах все это время.

В зале театра началась какофония. Вслед за первоначальным шоком, большинство оставшихся зрителей с огромным удовольствием смотрели настоящую драку вместо театральной. Теперь они снова начали перешептываться. Шепот вскоре перерос в громкий гул благодаря акустике помещения.

- Эээ, дамы и господа... - начал Кос. И в голосе и на лице его явно читался дискомфорт человека, не привыкшего ощущать на себе сотни взглядов.

- Пожалуйста, расходитесь в любом организованном порядке, - перебила его ангел. – Спектакль отменен, а театр закрыт до завершения расследования по делу о ряде нарушений законов Пакта Гильдий и муниципальных постановлений. Лига Воджеков приносит свои извинения за причиненные неудобства и надеется, что вы встретите грядущий праздник Декамиллениума в мире и безопасности. Немного подумав, она добавила, - мы не рекомендуем устройство бунтов и нарушения общественного порядка в преддверье праздника.

* * * * *

Венвел Колкин не принадлежал к типу людей, способных поднять бунт или хотя бы выразить скромное несогласие с чем-либо. Он был торговцем шелком в одной из Оржовских зон отчуждения, и в данный момент находился в отпуске.

Лишь после упоминания ангелом Декамиллениума он оторвал взгляд от сцены и повернулся к жене.

Жены рядом не оказалось.

- Йертруда? – прошептал Венвел. После того, как ответа не последовало, он повторил ее имя снова... и снова, уже крича.

- Эй, толстяк! Тише там!

- Да, вали отсюда! Я за это шоу зиб заплатил!

- Эй, помаши крылышками, ангелок!

Венвел заподозрил, что последнее было обращено не к нему.

- Кто-нибудь видел женщину, сидевшую рядом со мной? – Венвел спрашивал всех, кто мог его услышать. – Ээ, немного полновата. В одежде, как, эээ, как у меня. В шляпе с перьями. Постоянно разговаривала...

- Я платил за спектакль, а не за толстяка!

- Да, - сказал Венвел с взволнованным вздохом. - Не сомневаюсь.

Венвел вглядывался в толпу, тускло освещенную отблеском рампы со сцены. Наконец, ему показалось, что он заметил Йертруду у самого выхода. Ее спина мелькнула в дверном проеме. Он начал думать, что зидо, которые он потратил на поездку в Столицу Равники, лучше было бы потратить на ее психомановую терапию.

- Йертруда, подожди!

Его жены уже не было видно. Венвел выругался про себя и начал протискиваться сквозь толпу к выходу. Полторы минуты потребовалось ему, чтобы выйти из театра на оживленную улицу. Он заметил как минимум шесть новых рыночных палаток, которых не было здесь, когда он входил в театр, и похоже, еще больше их число были в процессе установки. Скоро театр на улице Жестянщиков будет поглощен разрастающимся рынком, и труппе придется переехать в другое место.

Вспотевший торговец шелка остановился, чтобы перевести дыхание, пытаясь выискать в толпе яркие одежды Йертруды. Он решил, что это будет довольно просто, так как большинство людей на улице, по крайней мере, те из них, кто были людьми или хотя бы человекоподобными существами, носили только грязно-коричневые, грязно-серые и выцветшие бледные одежды. Полуденное солнце покидало уличный горизонт и ползло по стенам искусственного каньона улицы, одного из сотен ему подобных в Равнике. Вокруг уже было темнее, чем он ожидал, поскольку полдень уже прошел, и тени громадных строений уже заполнили улицы, а расставленные вокруг фонарные сферы пока еще не зажглись. Его кузен Мюрри предостерегал их от посещения уличного уровня столицы – слишком близко к Старому Раву – нижнему городу, где таились чудовища, темные эльфы и все те, кого вы *не хотели* бы встретить в свой отпуск. Венвел вздрогнул и оглядел улицу, освещенную тусклым искусственным светом, еще раз.

- Надо было тебя послушаться, Мюрри, - пробормотал он.

Мелькнула бледно-красная ткань, и Венвел увидел, как фигура его жены скользнула за палатку с вывеской броско говорящей о том, что дешевая бижутерия ее владельца была аутентичной и импортной. Он не видел лица фигуры, но сомнений быть не могло. На его удачу, она двигалась медленно, что, в общем-то, не было странным. Что-то не так было с цветом ее накидки. Она выглядела выцветшей, будто отбеленной.

Возможно, он уже был на ложном пути?

- Глупости, - сказал торговец шелком, не обращаясь ни к кому конкретно. На секунду он задумался вернуться в театр и позвать того воджека, или, может быть, ангела, но он и так потратил кучу времени, выбираясь оттуда.

Венвел поправил одежду, сделал глубокий вдох и ринулся сквозь шумную (и весьма пахучую) толпу зазывал, туристов, нищих и торговцев. Все это время он не сводил глаз с палатки, за которую свернула Йертруда. Он чувствовал судороги в животе и желал, чтобы он никогда не знал о гоблинской еде. Через полминуты, проведенной в гуще рынка, Венвел отказался от предложений дюжины различных видов горячего сушеного мяса на палочках, отклонил целый ассортимент освежающих напитков, парфюмов и масел, которые гарантировали лечение практически любой болезни или удовлетворения любой прихоти, и вежливо покачал головой в ответ на вульгарное и противозаконное предложение от полуодетой ящеровидной особи, которая, *возможно*, была самкой.

- Я извиняюсь... Простите... Никогда таких не видел, нет, спасибо... Да, я верю, что они... извините... - с разумным использованием локтей, извинений и рефлексов, о владении которыми он и не подозревал, Венвел маневрировал сквозь густую массу бурной рыночной жизни, не сводя глаз с кричащей вывески. Палатка стояла на краю рынка, и за ней толпа заметно редела. Он остановился, хлопнул рукой о прилавок перед продавцом и перевел дыхание. – Женщина... только что прошла здесь. Слегка полновата. Одежда как эта. Куда она пошла?

- Шер, - курлыкнула торговка бижутерией. Фигура хозяйки палатки была человеческой, в простых одеждах, но голова у нее была совиная. Венвел никогда не

встречал представителей ее вида. Да и большинство населения по всей планете считало этот вид давно вымершим, за исключением, очевидно, столицы. Продавец шелка заметил, что помимо кошмарного сочетания ее собственных блестящих изделий, у совуны на воротнике была приколта маленькая серебряная брошь, инкрустированная черным, шестиконечным камнем в форме солнца – знак Оржов, который даже простой торговец шелка из отдаленной зоны отчуждения узнал без труда. Несмотря на свой простой вид, хозяйка палатки была «с хорошими связями». Венвел платил за покровительство Оржов, как любой другой предприниматель, но его контакты с Гильдией Сделок никак не могли называться «связями».

- Эша шенщина, кошорую фы ищише, - ответила совунья, - нешомшенно бушет шсашлифа, ешли фы пшинешете ейш ушифишельно не тошохой подашок отш Шилишаш.

- Простите, Шилишаш. Меня это не интересует. Моя жена, она ушла...

- Оша брошила фаш? – сказала совунья. Она пощелкала кончиками своего маленького клюва, издав звук, который, видимо был безгубым эквивалентом сочувственного цыканья. – Кашк пешально, нхо, кашк хофошитшя, ша ухлом вшехда шдешт шушпшис.

- Что?

- Шушпшис...

- Не важно, слушайте, - сказал Венвел, - она не бросила меня, она просто встала и ушла. Только что. Мы не местные, и я не уверен, что... просто... вы видели, куда она пошла? Это было всего секунду назад.

- Онха долшно фыть фыла шашштшоенха, шер. Нху нишево. Я ташое фишу чшасшто. Уфершена, фы пшосто *толины* кхупить шхеткшую, эхсочшишную вещь от Шилишаш. – ответила совунья, слегка подернув перистой бровью, глядя ему прямо в глаза.

- Ладно, - сказал Венвел. Он знал, как играть в эту игру. – Я не вшер... не вчера родился. Он указал на простенький позолоченный амулет, украшенный кусочком красного стекла, не выглядящий слишком дорого, но достаточно большого размера, чтобы, как он надеялся, сделать совунью более сговорчивой. Если он что-то смыслил в торговцах. Короткое возвращение в сферу своей компетенции могло быть весьма забавным, если бы не исчезновение жены. – Сколько? - Спросил он, доставая шелковый кошелек, всящий на поясе.

- Вшефо тши схидо, шер. Мы долшны шкашать, это ошень нижшкая чена. Фы фыпрхали...

- Даю два зидо и ни зйба больше. Он бросил две квадратные серебряные монеты на прилавок и взял амулет. – Идет?

- Итет.

- Теперь, пожалуйста, скажите, куда пошла моя жена?

- Уфы, - ответила торговка, Мы не шнаем. Мы не фитхели, што пы онха тут пшохотила, шер.

- Но Вы же сказали...

- Мы нишефо не хофошили о шеншинхе. Это Фы хофошили, - сказала совунья.

- Ну, хватит со мной играть. Я не собираюсь покупать больше никакой бижутерии. Прошу Вас, просто скажите, – сказал Венвел, стараясь звучать угрожающе, но, на самом деле, звуча не слишком убедительно даже для себя самого. Скорее вышло умоляюще, чем угрожающе, подумал он. – Пожалуйста, она *только что* была здесь.

- Фы наш не поняли, шер, и оччень шханили, - сказала торговка. Она захлопала крыльями под платьем, как будто оправдываясь. – Мы бхыли пы шады пшодать фам еше што-нибхуть. Мы не игхшаем ш фами. Мы не фитхели ее. Мошет онха пшошкольшнулха мимхо наш, хоштя нхаши глажа...

- Я не... Ладно, Вы ее не видели. Я понял. Но прошу Вас, если Вы ее увидите, попросите ее оставаться здесь. Попробую найти ее сам.

- Шер, этхо меньшее, што мы мошем штелхать тля дошогхого покшупателя.

Голос торговки звучал, удаляясь от Венвела, который завернул за палатку, выбежал за рыночную площадь и направился в лабиринт узких жилых аллей. Чем дальше он отходил от рынка, тем реже встречалось освещение – факел у входа в таверну там, горстка нищих, ютящихся у открытого огня в яме тут. Никаких следов Йертруды. Спустя десять минут Венвел оказался у входа в узкую аллею, которой не досталось ни солнечного света, ни волшебных фонарных сфер, ни какого-либо еще источника света. Какофония рынка уже была едва слышна вдали, и в воздухе густо чувствовался запах разлагающегося мусора и, весьма вероятно, разлагающихся жителей аллеи.

В глубине аллеи он увидел ее. Она все еще была повернута спиной к нему, но теперь стояла неподвижно. В темноте ее яркие одежды выглядели бледными и выцветшими, такими же, как когда он заметил ее в толпе. Похоже, Йертруда была одна.

Венвел не был воином, не был героем, и уж точно не был тем, кто бы в одиночку ходил по темным аллеям Равники. Но Венвел был добропорядочным, честным человеком, любящим свою жену, и это придало ему мужества для того, что он сделал дальше. Поправив одежду и глубоко вдохнув, он сделал два шага вперед.

Что-то скользнуло по сандалиии торговца шелком. Он вскрикнул и бросился бежать, оглядываясь через плечо.

На середине аллеи он остановился, посмотрел вперед и увидел, что Йертруда все еще оставалась на месте. Венвел осторожно продолжил бег. Если он споткнется о булыжник или что-нибудь похуже в этой темноте, она может скрыться опять. – Йертруда! – позвал он, - подожди!

Ответа не последовало. По мере приближения, Венвел, наконец, понял, почему он видел жену так нечетко. Светящийся голубой ореол вокруг нее выдал все. Понимание осенило его, волна дурноты захлестнула торговца шелком, и он с трудом поборол приступ тошноты. Как и большинство Равникийцев он видел этот ореол прежде. Мертвые блуждали по Равнике.

Венвел смотрел не на Йертруду, а лишь на призрак своей жены.

Привидение медленно повернулось.

- Й-йертруда? – прошептал Венвел. Каждый его инстинкт кричал, чтобы он развернулся, бежал и спасался – ибо даже у толстых торговцев из отдаленных зон отчуждения пробуждаются инстинкты в темных аллеях, населенных призраками – и все же он не мог заставить свои свинцовые ноги двинуться с места до тех пор, пока он не увидел ее лицо и не понял, что это было все, что осталось от его дорогой Йерти.

Венвел увидел ее лицо и закричал.

* * * * *

Актерская труппа и рабочие сцены с шумом разрушили остатки декораций, как только последние обескураженные зрители покинули помещение после того, как их заверила не кто иная, как настоящая ангел, в том, что представление закончилось, и что последующее занятие помещения может привести к многочисленным арестам. Солнце едва достигло полуденного пика, но свет, проникающий сквозь открытую крышу театра, освещал лишь заднюю часть сцены, не предназначенную для зрительских глаз, оставляя в тени оставшихся на сцене, актеров и лейтенанта воджекков Агруса Коса. Как и все в Равнике, все здесь было гораздо мрачнее, чем могло бы показаться.

Лейтенант поморщился, и его зубы блеснули в тусклом свете небольшого синего фонаря. Осторожным толчком, преодолевая боль, он выправил челюсть. – Ты уверена, что у тебя нет ни одной ‘капли, Пушок? – спросил он у ангела. – У меня явно сломана пара ребер.

- Простите, лейтенант, - ответила ангел, перебрасывая через плечо бесчувственное тело мистера Галлмотта, связанного по рукам и ногам.

- Не аккуратничай там с ним. Он мне их и сломал.

- Извини, Кос, - сказала ангел. - Твоя лечебная магия для меня бесполезна. Поэтому, я ее с собой не ношу. Также я не вижу смысла в том, чтобы издеваться над арестованным, которому еще предстоит предстать перед правосудием.

- Я же не предлагаю пытать его. Просто... ладно, забудь, Пушок.

- Слушаюсь, лейтенант.

Настоящее имя ангела, или, по меньшей мере, та его часть, которую мог произнести Кос, было Пьерзува... а остальное скатывалось в слои непрогнозируемого хаоса, который Кос никогда не мог преодолеть. «Пушок» было гораздо проще. Пьер-как-то-там все равно отзывалась на многие имена. Ангелы, как она ему говорила, всегда знают, когда к ним обращаются напрямую, даже на больших расстояниях. Она называла это «молитвой». Кос называл это случайностью, и лишь одной из многих вещей, которые узнал Кос за то время, что Пушок отрабатывала какой-то священный долг, служа офицером воджекков в Десятом Отделении Лиги. Что это был за долг, и каков был его срок никто не знал и не спрашивал, особенно после того случая, когда его действующий напарник, Белл Борка, выпил достаточно бумбата в «Тихой Заводе», чтобы позволить Косу подначить его спросить у Пушка, почему ее крылья были закованы.

В итоге Борка оказался в лазарете, официальная причина его сломанного носа и ключицы не была установлена. Пушок, в свою очередь, перестала посещать трактир «Тихая Заводь» по требованию его хозяйки. Своим присутствием она отпугивала постояльцев Гарулж, а это уже было нехорошо, полагал Кос. Никто так и не смог выяснить, чем Пушок заслужила свой «приговор». И по причине неудовлетворенного человеческого любопытства, у Коса этот вопрос вызывал особое раздражение. Но не настолько, чтобы спрашивать ее об этом самому.

Борка был неплохим парнем, с ним вполне можно было повеселиться в «Тихой Заводе», а большего Кос от напарника и не требовал. Он представил себе, как бы Борка справился с сегодняшним делом в театре, и пришел к выводу, что он поступил правильно, оставив сержанта этим утром заполнять и сортировать отчеты. Борка, который был младше Коса более, чем на полвека, и служил всего третий год наверняка бы умудрился вовлечь в инцидент аудиторию, и Пушку бы точно пришлось подавлять небольшое восстание. Образ Борки в костюме ангельской брони Пушка в ярко-рыжем парике

мелькнул в его воображении, и он засмеялся... За смехом последовал хруст, острая боль и хрип.

Это был плохой знак.

- Уф, - Косу не хватало воздуха. - Ты уверена, что у тебя ничего нет?

- Обычно ангелы не носят медикаменты. Наш священный долг – нести страждущим правосудие, – сказала Пушок. - Разве у тебя самого, нет? Смертные воджеки должны держать при себе минимум три ‘капли. У тебя серьезное ранение. Где твои ‘капли?

Кос обвел пальцем сцену, на которой они все еще стояли, указывая на несколько поблескивающих синих пятен – остатки пролившейся жидкой маны. Он надеялся, что доскам от них стало лучше. - Думаю, там... Я упал на них... дважды. Не ходи там босиком.

- Эм, сер? – вмешался в разговор актер-вампир. – Лейтенант?

- Ч... что? – сказал Кос. Недостаток кислорода усиливался. Возможно, его последняя бывшая жена была права. Может 110 лет *все же* было слишком много для его работы.

- Вы сказали, вам нужны лекарства? Может, мы могли бы, эээ, помочь? – неуверенно произнес актер.

- Ты понимаешь... ты от меня не откупишься. – Задыхаясь, выдавил из себя Кос. О боги, если он не получит помощь в ближайшее время, он потеряет сознание. И уже не очнется.

- Это действительно было бы неразумно. – Добавила Пушок. – Кос, ты можешь дышать?

- Нет, нет! Мы знаем, что нам нужно уходить, - сказал актер. Он достал голубую ‘каплю из внутреннего кармана своего костюма. – Но мы всегда готовы к экстренным случаям. На сцене может всякое случиться. – Актер протянул руку с ‘каплей воджеку.

Кос не стал обсуждать предложение или тратить время на расспросы о том, как ‘джековская ‘капля оказалась в кармане актера. Он, шатаясь, сделал шаг вперед, выхватил ‘каплю из руки актера и прижал ее округлый край к груди, где чувствовалась концентрация боли. Кос мысленно начал обратный отсчет с трех, и на ноле он почувствовал, как твердый кусочек маны в руке похолодел, и острая боль в пробитом легком стихла до уровня ноющего дискомфорта. Кос выпрямился и осторожно сделал глубокий вдох. В боку все еще покалывало, но он мог дышать. В нагруднике его доспеха появилось небольшое отверстие, в том месте, где магия проникла в область раны и эффективно растворила любой неорганический материал между маной и раной.

Кос все еще был ранен, но уже не умирал. По крайней мере, в данный момент. Он протянул руку актеру, - Благодарю Вас, мистер... - сказал Кос.

Бывший вампир снял костюмную перчатку и протянул Косу руку, - Простите. Рэмбик Вазеску. Полагаю, что я буду руководить этим театром, если вы забираете Галлмотта. Поверье, это не первый раз, когда нам приходится, эээ, неожиданно прекращать представление. Мы же актеры. С той арендной платой, что выставил нам Дринж, мы едва сводили концы с концами. Он думает, что это ему сойдет с рук с приближением Декамиллениума. На самом деле, лейтенант, Вы нам даже оказали услугу. У моего кузена в Шестом районе аренда гораздо дешевле.

- Откровенно говоря, мистер Вазеску, я надеюсь, Вам удастся найти дом для вашей труппы. Это было впечатляющее представление и у меня есть шрамы в доказательство этому. Мистеру Галлмотту, скорее всего, грозит как минимум три месяца ссылки, - сказал Кос. – Если хотите, оставьте обратный адрес.

- Спасибо. Мы постараемся продержаться как сможем без него до его возвращения, – ответил Вазеску. У Коса сложилось ощущение, что актер не планировал более встречаться со своим бывшим боссом. После полувекового патрулирования улиц Равники Кос безошибочно определял, когда люди решали, что с них достаточно. Обычно это происходило после их задержания, но все, в чем был виновен актер, были амбиции и возможно то, что он спас Косу жизнь. Перед тем, как Кос смог что-то ответить, Вазеску добавил, - Если желаете, наш лекарь осмотрит остальные раны. Так как мы сейчас сворачиваемся, она не должна быть сильно занята. Прошу Вас, офицер, это меньшее, что мы можем для Вас сделать.

- Человек, в твоём преклонном возрасте не должен ходить со сломанными ребрами, лей... Кос. – Вмешалась Пушок. – Я легко доставлю подозреваемого в участок Лиги. Если хочешь, я могу выслать лекарей из лазарета.

Кос вздохнул и скривился опять. – Спасибо, но я справлюсь. Пора мне возвращаться к Борке. У бедняги наверняка уже судороги в запястье от всей этой писанины. Но, сперва, пожалуй, загляну в «Тихую Заводь».

- Нужно ли напомнить тебе, что пить на службе запрещено *Офицерским Уставом*?

- Можешь попробовать.

Продвижение по службе в Лиге должно быть основано на превосходном исполнении служебных обязанностей.

—*Офицерский Устав Воджексов*

23 Зуун 9999 П.Д., закат

- Ты... ты это, - Кос на секунду поднял руку, сглотнул икоту, и продолжил, - *урод*, да?

- Сэр, это уже слишком, - сказал минотавр через плечо. - Может, хватит? Он указал жестом своей трехпалой руки на гоблина, сидящего справа от него на барном стуле. – Мы тут пытаемся поговорить.

- Кос, Гарулж делает тебе кофе, - сказала трактирщица.

- Гарулж, это дело только между мной и моими, моими приятелями и мной, - пробурчал Кос, отмахиваясь от нее. Огриха-трактирщица взглянула под барную стойку, затем снова на Коса, но воджек уже снова переключился на минотавра. – Так, что, кто-то забыл закрыть коровник, или как?

- Сэр, я не вполне понимаю, почему Вы решили к нам пристать, - сказал гоблин в одежде ученика Иззетского колдуна. – Но, пожалуйста, нам не нужны неприятности.

- Да? – сказал Кос. – Вы выбрали не тот, не тот... это бар '*джеков*. '*Джековский*. Эй, ты, мину... минотавр. Я с тобой говорю. На слове «говорю», Кос толкнул минотавра в левое плечо, выбив его кружку молока, которая с грохотом упала за стойку бара. Гарулж вздохнула и направилась в подсобку за шваброй. Минотавр обеими руками ударил о барную стойку.

- Сэр! – Прогредел минотавр. - Я вежливо просил Вас прекратить свои выходки. Мы Вас не трогали, и я надеялся, что мы сможем мирно вернуться к нашей беседе.

Он встал со стула, возвышаясь над Косом. Минотавр фыркнул и разжал губы, показывая свои зубы.

- Всё, мы говорим, - сказал Кос и размял кулаки... точнее, размял бы, если бы его руки не разминувшись друг с другом. Он, немного шатаясь, оттолкнулся от бара, и принял неустойчивую боксерскую позу.

- Я не хочу с вами драться, сэр, но мне придется, если Вы не прекратите. В последний раз спрашиваю, Вы точно хотите... *Ууф!* – Быкоголовый гуманоид сложился пополам, его колени прижались друг к другу, и он взвыл в иступленной агонии.

- Это такое выражение, - сказал Кос. – Надоб.., надо было сказать «*всё, мы деремся*». В следующий раз так и скажу. Обещаю.

* * * * *

- Как ты туда забрался? – спросил Борка.

- Пнул, пнул эээ... Слушай, ты собираешься меня спускать? – спросил Кос. У него кружилась голова и кровь, приливающая к ней, не улучшала его состояние. Он махнул в сторону бара, и это движение медленно закружило его в воздухе. – Гарулж не разговаривает. Со мной. Ты меня снимешь, или как? У меня уже тут ожоги от воска.

- Держись, - вздохнул Борка. Он пододвинул барный стул под канделябр – единственный источник искусственного освещения в «Тихой Заводи», и, к счастью, весьма прочный. Кос оказался нос к носу с напарником. – Как ты это себе представляешь?

- Просто. Я не ‘ннаю, отцепи меня.

- Ладно, - сказал Борка и быстро срезал пояс Коса резким движением меча.

У Коса была секунда на мысль о том, оценил ли бы Галлмотт эту иронию, перед тем, как он рухнул на пол, вниз головой. Борка помог ему встать на ноги, но Кос только нахмурился и сжал свои виски.

- Ну, в самом деле... Борка, ну... не надо было... уф, - недовольно промямлил Кос.

- Гар, два кофе, - сказал Борка и бросил пару монет на стойку, - я прослежу, чтобы он завтра оплатил убытки.

Гарулж подняла взгляд со своей швабры и закатила глаза. – Пусть он ни к кому не задирается, - прохрипела она, но принесла две дымящиеся кружки с непроницаемо-черной жидкостью. – Молоко дешевое. Потерянный бизнес – дорогой. Гарулж не злиться на Коса, потому, что он мне нравится. Но Гарулж не содержит гладиаторскую яму. Пусть идет в «У Пивличино», если хочет подраться.

Борка добавил еще несколько монет и кивнул. – Не возражаешь, если мы посидим в углу пару минут?

Огриха пожала плечами и вернулась к швабре.

- Пошли, лейтенант, - сказал Борка и повел Коса за плечо к столу в темном углу.

- Сержант Борка, - сказал Кос, не пытаясь скрыть раздражение в голосе, сядь на лавку. – Ты мешаешь расследованию. Что ты тут делаешь?

- Ты *меня* спрашиваешь? – с недоверием ответил младший по званию воджек. – Пушок доложила, что ты возвращался в участок, Кос. Что, собственно, ты тут *расследуешь*? Я уверен, что Гарулж уже несколько недель никого не убивала, но если ты будешь продолжать в том же духе, тебя вышвырнут в Григорьев Каньон.

- Толстяк *тут* прав, - согласилась огриха, поставив швабру к стене, и вернувшись к своему любимому делу: натиранию стеклянной тары до блеска.

Кос посмотрел на свою простую рубаху с короткими рукавами и обнаружил пустое место там, где должен был быть его нагрудный знак. Вскоре он обнаружил свою форму, знак, и остальное снаряжение, сложенное под его прежним барным стулом. Он поплелся за вещами и надел их на пути назад, к столу.

- Они бы с тобой не дрались, если бы ты все это не снял, - сказал Борка.

- В этом все и дело, сержант, - сказал Кос и отхлебнул крепкий, отрезвляющий напиток Гарулж. Это помогло, но он все еще чувствовал себя не в форме.

- Но какой смысл в том, чтобы тебе еженедельно выдавали твой жезл? В участке есть спортзал.

- Да, но там нет бара, - сказал Кос, затуманенным сознанием считая этот аргумент достаточно весомым. – К тому же, это было, было, расследование подозрительных действий.

Борка протянул Косу серебряный жезл. – Нашел его на улице, возле театра. Я начал искать тебя там. Похоже, его оставили там заряжаться. Это не твое имя на нем?

- Мое. Как всегда, - сказал Кос.

- Знаешь, когда-нибудь меня не окажется рядом, чтобы подбирать за тобой, - сказал Борка.

- Мне не нужна мамочка с тех пор, как последняя моя мамаша оставила меня посреди рынка на улице Жестянщиков, - сказал Кос. – Мне плевать, что ты делаешь. Ты... ты не мой напарник. *Один* 'джек был моим напарником. Единственный. И он мертв. Ты тот, с кем я работаю, но ты не мой лучший друг. Нянчись с кем-нибудь другим.

- Пей свой кофе, - сказал Борка. – У тебя назначена встреча с начальством.

- Тебе что с этого?

- Ястреб, которого они послали к тебе, вернулся.

- Ястребы здесь запрещены. С тех пор, как Хал встретил свой конец в супе.

- Он был хорошей птицей, - задумчиво сказал Борка.

- Немного худосочный, - отрезал Кос и поднял свой кофе в издевательском тосте.

- Так чего они от тебя хотят, Кос?

- А ты не в курсе? – спросил Кос. – Я думал, ты... ты - их верный глашатай.

- Едва ли, - сказал Борка. – «Борка, ястреб вернулся. Будь добр, приведи своего напарника». И это после того, как они распекли меня по поводу твоих, эээ, методов работы.

- Моих чего?

- Ты меня слышал.

Кос вздохнул. – Ну, они хоть... это хоть звучало срочным?

- О, да.

- Отлично, - сказал Кос. – Давай допьем кофе.

Спустя час, огрийский кофе сделал свое дело. Кос подозревал, что от него все еще пахло, но он мог идти не шатаясь, и он прекратил повторять местоимения. На самом деле, Кос уже перешел рубеж беспокойства и, наконец, поддался любопытству. Трактирщица остановила их на пути к выходу неожиданным криком, который едва не вызвал у него сердечный приступ.

- Не забудь свои вещи, лейтенант! – раздался звон монет и грохот снаряжения, упавшего на пол, позади Коса, когда огриха смела его отрезанный пояс со стойки. Посреди всего этого был окровавленный зуб минотавра. Кос оставил его в качестве чаевых. Он поднял пояс, рассмотрел его и, пожав плечами, перекинул его через плечо. Кос вышел вслед за Боркой в предзакатный свет улицы твердой походкой и нарастающим любопытством. Начальство вызывало 'джеков в Центральный форт только по трем причинам: нанимать, увольнять или на пенсию провожать.

Была еще четвертая причина, та, что не рифмовалась и поэтому не ставшая частью воджековской поговорки, которую Кос всегда считал обманчивой, она-то и волновала Коса.

* * * * *

Два стража порядка, один молодой и амбициозный, другой, казавшийся старым на фоне первого, шли бок о бок по одной из тысяч подвесных дорог Равники. Конкретно этот гладкий, подвешенный с помощью магии и укрепленный мост вел прямо в Центральный

форт, штаб Лиги воджеков, и кроме них, на мосту было всего несколько человек, преимущественно такие же воджеки, как они. Борка старался идти на несколько шагов впереди, по всей видимости, лишь для того, чтобы раздражать этим Коса.

Борка подавал надежды, но с высоты своего опыта, Кос замечал в нем ту особую бравату, идущую от смеси молодости и незаслуженных полномочий. Возможно, это была не до конца справедливая оценка, но Кос с этим ничего не мог поделать. Это была реакция на уровне рефлекса, полагал он. Борка был одним из рекрутов, принятых после восстания Рекдосов, лет за десять до этого значительно проредившего ранги Лиги. Это восстание было гораздо масштабнее того, что случилось в 9940-м году, в котором Кос получил звание констебля. В этот раз не десятки, а сотни воджеков погибли. Было непросто работать с напарником, само присутствие которого напоминало Косу о погибших друзьях. Особенно после того, что случилось с его первым - и последним - действующим напарником.

Он давно уже понял, почему Микзил Зюник так много пил бумбата. Часто это был единственный способ забыть о тех, кого уже не было рядом, чтобы помочь справиться со всем тем, что сгреблось в тарелку лейтенанта. У Коса было много подобных причин.

Лейтенант бросил взгляд вниз за край дороги на темнеющие нижние улицы, которые, в свою очередь, поддерживались фундаментными башнями, стоящими ниже уровня города. Затянутый туманом Григорьев Каньон разрезал плотную концентрацию архитектуры гигантской трещиной, простирающейся до северо-западного края центра, где он упирался в Сады Голгари – единственное крупное поселение «Роя» на уровне городских улиц. Город возвышался со всех сторон Каньона, но сам каньон оставался нетронутым, так как являлся самым прямым путем в Старый Рав и к холодным земляным улицам нижнего города. Кос наблюдал, как грузовая дирижаба Голгари поднялась из тумана и направилась к хранилищу продовольствия, расположенному недалеко от каньона. След дирижабы оставил вихревую воронку в клубящемся тумане, из которой через пару секунд выплыла такая же дирижаба – еще одно звено в коммерческой цепи, кормящей город и поддерживающей в нем жизнь. Вторая дирижаба раскрыла свою широкую пасть и издала предупреждающий вой для всех окружающих летунов.

Кос был рад, что его дорога, будучи частью обширной дорожной сети, была также зачарована на преодоление страха высоты и головокружения. С этого самого места можно было легко прыгнуть прямо в каньон и беспрепятственно достичь мерзких глубин территории Голгари. Кос, естественно, предпочитал передвигаться по району на уличном уровне, но они с Боркой сейчас торопились.

Подвесная дорога пролегла сквозь древние шпили башен, окружавших центр Равники. Тонкие остроконечные парапеты и силуэты могучих каменных титанов вгрызались в нижнюю часть солнечного диска, садящегося на западе, и вскоре горизонт проглотил последние лучи естественного света. Закат растворился в сумерках, и огни города вспыхнули вверху, внизу и вокруг воджеков. Эта световая трансформация была еженощным чудом, наполнявшим Коса благоговением с той поры, когда он ребенком впервые увидел эти ночные огни. Все еще находясь под слабым действием алкоголя, он засмотрелся на одну из башен и пришел в себя в тот момент, когда едва не шагнул через край подвесного пути.

«Так, Кос, красивый вид или нет, глаза на дорогу!»

Они достигли пересечения пяти дорог, где подвесные пути упирались в границу, отмечавшую Центр Равники. Ось огромного города, и, в сущности, всего мира была также

одной из немногих открытых мест земли, где была видна ее естественная поверхность. И для сохранности таких мест здесь не разрешалось прокладывать дороги и мосты между обнаженной землей и небом. Это, безусловно, была единственная открытая область в самом центре густонаселенного города. Технически это была вершина горы, основание которой находилось в нижнем городе, где разработка породы и добычи руды превратили ее в подобие колонны, прячущей в своих недрах Адовудыру, где обитали служители культа Рекдоса. От окружающих их со всех сторон Голгари, Рекдосов отделяла исчезающая от эрозии каменная горная стена.

Здесь, наверно, на уровне улиц, вершина горы была ровной твердой поверхностью, где гильдии возвели многие из их наиболее важных монументов и залов. Кос спустился вслед за Боркой по спиральному пути к входу в Павильон Рокирика и окинул взором все величие Центрального Форта.

Даже сейчас, в полупьяном состоянии и хмуром настроении, Кос как обычно был восхищен видом Десятого титана, Зобора. Гигантский каменный воин стоял у входа на открытую площадь, названную именем легендарного воджека, приведшего титанов в город, как нерушимую линию защиты от агрессоров. Частично монумент, частично устрашающее напоминание всем тем, кто осмелится бросить вызов власти Лиги, исполнен также являлся триумфальной аркой, ведущей к широким мраморным ступеням Центрального Форта. В павильоне было больше народу, чем обычно. Туристы из всех девяти гильдий бродили вокруг разрозненными группами, указывая на Зобора, Зал Правосудия, расположенный неподалеку и другие достопримечательности, видимые с площади. Остальные девять титанов окружали город, но этого Рокирик оставил защищать защитников. Воджеки были законом в Столице Равники, а закону нужен был образ неуязвимости. Зобор был неуязвимостью, обрамленной в сталь и магию.

К тому времени, когда подошвы сапогов Коса ступили на запекшуюся землю павильона, солнце уже исчезло за западными шпилями. Наступивший сумрак возродил к жизни огромные фонари, окружающие 'Форт, и их лучи пронзили небо, словно беззвучные фанфары церемонии, которую подозревал и опасался Кос.

Они вошли через парадный вход, миновав выпускников академии, несущих обязательную караульную службу, облаченные в парадные мундиры. Далее путь лежал через камеры предварительного заточения, где подозреваемые ожидали суда. За камерами шестереночный лифт по голосовой команде Борки доставил их на десятый этаж центральной башни Центрального Форта. По пути они миновали несколько этажей, наполненных клерками и чиновниками. Затем, затаив дыхание, Кос слушал какофонию шестого и седьмого этажей с усиленными камерами, рассчитанными на содержание особо могущественных или сверхъестественных заключенных.

- Судя по шуму, камеры заполнены больше обычного для этого времени года, - сказал Кос.

- Еще бы, - ответил Борка, пожав плечами. - Мы не виноваты, что Верховные Судьи не могут работать быстрее. К тому же, этот чертов Декамиллениум.

- Ты меня удивляешь, сержант, - сказал Кос. - Я думал такой преданный 'джек как ты, уже полировал бы звезду, готовясь к параду.

- Ты меня не знаешь, - сказал Борка. - Туристы, общие беспорядки, все это не облегчает нашу работу. Особенно, когда лучший патрульный 'джек сидит в «Тихой Заводи», пытаюсь упиться до смерти.

- Эй, эй, *серж*, - сказал Кос, - я бы не советовал тебе продолжать эту тему.

- Ничего личного, - сказал Борка, но Кос уловил в его голосе едва заметное удовлетворение от того, что толстяку все же удалось его достать. – Просто болтаю с коллегой воджеком о том, как участились преступления в последнее время. Слушай, мы с тобой не лучшие друзья, Кос, и вряд ли когда-нибудь ими станем, но у тебя лучшая раскрываемость в Десятом районе. Это, плюс твой веселый характер – единственные причины, почему я не запросил перевод к другому напарнику. Но ты начал спотыкаться.

- Не знал, что тебе не все равно.

- Ты спотыкаешься, Кос, и это становится заметным.

Больше преступлений, больше преступников со всех уголков мира, попадающих под суд... Его рейтинг раскрываемости был все еще хорош, но он начал спотыкаться. Было ли это достойным внимания начальства? Кос не мог припомнить, когда в последний раз простого воджека специально вызывали на совет начальства. Для этого существовали капитаны смен, которые должны были решать бюрократические вопросы, чтобы полевые офицеры могли спокойно выполнять свою работу.

У него зарождалась мысль о том, зачем его вызывают. И мысль эта ему не нравилась.

Наконец, они достигли длинного, устланного ковром зала, ведущего в Медную Палату – еще одно помещение, устланное коврами и уставленное бюстами и охраной.

Скульптурные бюсты олицетворяли великих генералов-командующих воджеков. Там был Ферроуз Рокирик, приведший в Равнику каменных титанов в четвертом веке первого тысячелетия. Кос не мог представить, как выглядела эта местность до того, как массивные каменные стражи приняли вечный дозор вокруг нее, служа равно как городской стеной, так и первой линией защиты от любой агрессии. Тут так же был Вьорин'вили, единственный вяшино, занимавший ранг генерала-командующего, по сей день. Он пал, защищая Центральный Форт в очередном восстании Рекдосов, в далеком 6342 году. Когда они подошли к двери, Кос коротко поклонился бюсту Вилмера Ординеску, генералу-командующему, подписавшему приказ о назначении Коса напарником-стажером к Микзилу Зюнику. Этот же генерал зачитывал панегирик на похоронах Зюника. Все они были великими лидерами, и многие из них служили в то время, когда работа гораздо чаще требовала от них быть «генералами», чем «командующими».

Несколько караульных, включая пару рептилиевидных вяшино, кивнули Борке и Косу. Большинство воджеков были человеческой расы. Так было всегда, возможно, из-за того, что из всех рас и видов в Равнике, человеческая была лучшей во взаимодействии с другими, отличными от нее расами. У людей была самая короткая продолжительность жизни во всем мире, однако они компенсировали ее плодовитым размножением. Их просто было очень много, и за десять тысячелетий мирного сосуществования, население людей превысило численность любой другой расы. Но в *Офицерском Уставе Воджеков*, конечно же, не было негласного условия «только для людей» и многие представители других рас служили в рядах Лиги. У Коса, несмотря на то, что всего пару часов назад он влез в драку с минотавром и гоблином, вроде как из-за их рас, не было предрассудков на этот счет. Его работа, воспитание и 110 лет жизни в культурно-расовом попури города были гарантией того, что подобные мысли никогда не приходили ему на ум.

Нет, Кос не питал никакой особой ненависти к какой-то конкретной расе или виду. Он особо ненавидел конкретно гильдию Рекдос, каким бы необходимым злом она не являлась. И у него были на то уважительные причины. Поэтому, время от времени, по

причинам не столь уважительным, он напивался бумбата и влезал в драку с каждым, кто напоминал ему демонопоклонника Рекдос.

Длинный холл завершался широкими двойными дверьми, обитыми золотом. Еще одна пара караульных, оба люди, стояли по обе стороны от входа в центральную палату заседаний верховного совета командующих воджеков. Дверь была украшена сценой уже знакомой битвы между вооруженным топором циклопом и каменным титаном, еще одна интерпретация легендарной Битвы Двух Чемпионов, часть постановки которой Кос лицезрел сегодня немногим ранее.

Скрип открывающейся двери прервал ход мыслей Коса. Титан временно отложил победу над циклопом, и массивные двери распахнулись вовнутрь, открыв просторный зал, который Кос не видел со времени своего выпуска из Академии Воджеков, когда он сам отрабатывал здесь караульную службу. Легкий бриз проследовал за двумя 'джеками в зал, слегка пошевелив вырезанные фигуры драконов и золотых ангелов, чьи тени сплелись на куполовидном потолке так, будто они были живыми и зловещими.

Лица военачальников были подсвечены снизу сферами, установленными в длинный широкий стол перед ними, парящий над полом зала. Небольшой совет сидел в терпеливом ожидании - руководство редко собиралось в полном составе по различным причинам, начиная с безопасности и заканчивая простыми логистическими сложностями - и в тишине, которую Кос пытался не считать зловещей. Ряды скамей стояли по обе стороны широкого прохода, ведущего к командующим в противоположном конце зала.

Это место напоминало Косу зал суда или храм. Ощущение это подкреплялось присутствием двух неожиданных фигур, стоявших по оба края стола заседавшего руководства. Слева, испытывая крайнюю степень невозмутимости, стоял синеглазый синекожий ведалкен в мантии Сената Азориус. И это был вовсе не какой-нибудь младший сенатор. Красные линии, пересекающие по диагонали символ Верховных Судей, указывали на то, что этот ведалкен был магом-законником законодательной палаты и судебным прокурором. Присутствие мага-законника Кос мог понять, но он никак не мог объяснить себе присутствие второй фигуры, стоящей у другого края стола. Высокое существо по форме напоминало долговязого мужчину, но было с ног до головы покрыто единым куском белой материи, закрывавшим лицо, руки и все остальное тело. Ткань плавно переходила в подобие мантии, которая простиралась ниже уровня ног и парила над самым полом. Это был безликий, один из многих универсальных слуг Конклава Селезнии. Если безликий был здесь, значит, священное собрание наблюдало за происходящим. Он решил, что тут нечему особо удивляться. С приближением Конвокации безликие, похоже, были повсюду.

Что-то во всем этом было не так. В животе у Коса заныло, и он вытер холодный пот со лба. Из всех сил он сдерживал желание прокашляться. Ему явно стоило остановиться на четвертой кружке бумбата.

Караульный справа развернулся и прошел перед Косом и Боркой для объявления их прибытия. «Лейтенант Агрус Кос и сержант Белл Борка!» эхом разнеслось по залу. Глашатай пропустил их вперед, а сам отмаршировал на место, развернулся и принял пост.

«Нет, не только командующие», поправил себя Кос. Капитан смены Фаскин сидел ближе всего к представителю Конклава Селезнии по правую руку от Коса. Далее был Жебун Киреску, командующий Десятого сектора. По его правую руку – командующая Девятого сектора Салли Валенцо, улыбнулась и подмигнула Косу.

Салли выглядела хорошо. Она заслужила свой пост и в возрасте пятидесяти лет была самым молодым из собравшихся военачальников. Правда ее продвижение по рангам и силы, потраченные на то, чтобы добраться до этой высоты раньше Коса, не особо помогли их распавшемуся браку, но он не обвинял ее за то, что у нее были амбиции. У кого их нет?

Справа от Салли сидел лысый темнокожий мужчина с парой седых завитков над слегка заостренными ушами. Это был Форензад из Третьего сектора, еще один бывший лейтенант, патрулировавший улицы, повышенный до командующего ранга и названный в честь единственного эльфийского предка в его роду. Кос встречал его всего пару раз на официальных приемах, но слышал только самые лучшие отзывы о его работе в сложном секторе – Рекдосы и Груулы были там местными, и их меж клановые войны вспыхивали практически ежедневно. Между Форензасом и двумя другими командующими человеческой расы, которыми, как понял Кос по их знакам, были Герава из Второго сектора и Хелск из Пятого, восседал генерал-командующий собственной персоной.

Генерал-командующий Викт Гарти занимал этот пост последние двадцать семь лет. Кос застал четырех генералов-командующих приходящих и уходящих до него. Под руководством Гарти воджеки впервые за тысячелетия, вот уже в течение десяти лет реально ощущали снижение уровня преступности. Даже у Борки никогда не было дурного слова в адрес «Железного Викта», этой его не-жутко-оригинальной клички среди рядовых воджеков. Он заслужил это прозвище в первый год своего командования Лигой, когда он лично возглавил рейд на взбунтовавшийся анклав Рекдосов, который едва не обернулся катастрофой, когда принимающая сторона вызвала огненных элементалей слишком близко к их запасам мановых гранат. Генерал-командующий собственным телом закрыл брешь в импровизированном укрытии его отряда, собранного из груды разного хлама, и спас всех, кто был внутри. Каким-то чудом, сам он отделался легкими ожогами и парой царапин. Затем Гарти собственноручно пробился к взбешенному верховному жрецу Рекдосов и в безоружной схватке одолел тролля, чем спас жизни оставшегося отряда и заставил анклав мирно покинуть пределы района. Спустя годы, Железный Викт продолжал возглавлять ключевые и важнейшие расследования. Коса было сложно впечатлить, но Гарти впечатлял его.

Косу не нравилось то, к чему все это вело. Он вышел из одного театра и перешел в другой, с той лишь разницей, что здесь ему все же придется заплатить за представление.

- Сержант, - сказал Гарти, - прошу Вас, присядьте.

- Слушаюсь, сэр, - сказал Борка. Все его хвастовство пропало и превратилось в неожиданную нервозность. Он спешно, словно краб, ретировался и сел с краю на скамью в третьем ряду.

- Лейтенант Кос, - произнес генерал-командующий, - благодарю Вас за то, что присоединились к нам. Я надеюсь, Вы оправились от Ваших ран? - Лицо Гарти было серьезным и внушительным, но Кос уловил искорку юмора в глазах старика. Кос только сейчас понял, что после выхода из бара он даже ни разу не взглянул в зеркало. Его мундир был распахнут, бесполезный разрезанный пояс все еще был перекинут через плечо, и, как минимум, один глаз был подбит и украшен чернеющим синяком. Кос прокашлялся, затем собрался и выпрямился по струнке.

- Я оправился, Генерал-командующий. Прошу прощения, если заставил вас ждать. У нас было интересное происшествие этим утром. - «Интересное», у воджеков было кодовым обозначением хаоса, случившегося в результате незапланированных

мероприятий, превративших простую операцию в опасный инцидент. – Большая честь стоять перед этим собранием, сэр. Чем могу служить?

- Вольно, лейтенант, - сказал Гартти. – Я не Ваш строевой инструктор, а Вы уже не рядовой солдат. Не ошибусь, если скажу, что среди нас рядовых нет. - Это замечание вызвало тихие смешки у всех, кроме двух гостей, остававшихся равнодушными и молчаливыми. Генерал-командующий слегка откинулся в своем кресле с высокой спинкой. – Лейтенант, мне не нужно говорить Вам о том, что Лига – это нелегкая работа. На самом деле, это сложнейшая служба во всем Легионе Борос. Почему? Потому что мы не солдаты, развязывающие войну. Мы защитники мира. Мы слуги народа. Мы здесь для того, чтобы оберегать людей этого города и гильдии, благодаря которым он существует. Мы не служим какой-либо одной гильдии или нации. Мы служим им всем. Это не просто аксиома, Агрус, это правда. И те, кто профессионально и отважно, самостоятельно выполняют свой долг - к сожалению, большая редкость. Сегодня, в это уникальное время в нашей истории, когда улицы переполнены гостями, приехавшими на Декамиллениум, мы особо остро ощущаем нехватку истинных лидеров. Нам нужны такие воджеки, которые смогли бы выйти вперед, и повести за собой остальных.

- Кос, сэр, - наконец произнес Кос, когда пауза в речи генерала-командующего протянулась достаточно долго, чтобы он убедился в том, что ему следует ответить. – Я предпочитаю так... люди, обычно, зовут меня Кос, если вообще зовут. Лишь Миссис Моллия и мои бывшие жены зовут меня Агрус. Сэр.

Генерал-командующий ухмыльнулся, а Фаскин и Киреску выглядели так, будто они готовы были оба перепрыгнуть через стол и удавить лейтенанта. По тому, как Фаскин потирал нос, Кос понял, что от него сильно разит бумбатов, но ему было все равно.

- Расслабься, Агрус, - сказала Валенцо, которая и была одной из его бывших жен. – Ты не на допросе. Вообще, если ты не догадываешься, почему ты здесь, то я не уверена в том, что ты тот 'джек, каким я тебя им описала.

- Могу себе представить, что ты им обо мне наговорила, - сказал Кос.

- Прошу Вас, просветите нас, - сказал Хелск, впервые заговоривший своим хриплым горловым голосом, обожженным чадом и копотью заводов, усеявших его сектор Равники.

- Вы пытаетесь пнуть меня вверх.

- С чего Вы взяли? – спросил Гартти.

- Понял по ряду вещей. В порядке вероятной важности, Я полагаю, что Вы, Генерал-командующий, планируете вскоре уйти в отставку. Предполагаю, что Командующей Сектором Валенцо было предложено заменить Вас, и она дала на это согласие, с благословения всех военачальников, поскольку у нее как минимум два бокала винтажного вина, которые она припасла для особого случая.

- Это ты откуда узнал? – не выдержала Валенцо.

- Перед тобой стоит бокал, Салли, - сказал Кос, - и у тебя щеки красные.

- Прошу Вас, продолжайте, лейтенант, - сказала Валенцо. Ее лицо покраснело, но скорее от смущения, а не от злости. Надеялся Кос.

- Это оставляет вакансию в рангах командующих секторами, в то самое время, как мы наблюдаем увеличение преступности на улицах в преддверье Декамиллениума, как Вы отметили, сэр, - сказал Кос.

- Командующие секторами иногда переходят в другие сектора, но гораздо естественнее для них оставаться на месте. Лига ценит местный опыт. Поэтому я никогда не покидал Десятый сектор, - продолжил он. Это была не единственная причина, но

полуправда была лучше, чем ложь начальству. – Капитан смены, например Фаскин, теперь может принять участие в конкурсе, особенно, если речь идет о секторе, который расположен так близко к его собственному. У Девятого и Десятого секторов общая граница. Он просто создан для должности, занимаемой командующей Валенцо. Кроме того, Фаскин был более раздражен, чем остальные, когда я минуту назад заострил внимание на собственном имени, и это говорит о том, что, чтобы тут ни происходило, это для него очень важно. Прибавим к этому тот факт, что я ни звука не слышал о том моем отказе от выхода на пенсию, который я подал месяц назад, и у меня складывается отчетливое впечатление, что вы собираетесь предложить мне повышение.

- Неплохо, - сказал Гарти. – Вы все же упустили несколько нюансов.

- Я не закончил, Генерал-командующий, - сказал Кос. Он повернулся и кивнул ведалкену. – Сенатор Нхиллош, рад Вас видеть.

- Лейтенант, - кивнул в ответ ведалкен.

- Повышение на такой уровень требует свидетеля со стороны Сената Азориус. Для меня большая честь, что именно Вы были выбраны этим свидетелем, - Кос повернулся и указал пальцем на полного воджека, сидящего позади него. – И поскольку здесь Борка, я полагаю, вы собираетесь передать ему мой участок, когда усадите меня за стол Фаскина. И, наконец, тот факт, что вы решили привлечь ко всему этому половину военачальников, просто, чтобы встретиться со мной, должен был, видимо, впечатлить меня. И таким образом, все вы хотите сказать, что это вроде как моя судьба, которой я должен следовать, разбавляя рассказ напоминаниями о том, как много я уже достиг. В прошлом. – Кос скрестил руки. – Я близок к истине?

- Пугающе, - сказала Валенцо.

- Единственная деталь, которую я не могу понять, это присутствие нашего молчаливого друга.

- Я все думал, когда Вы об этом спросите. Церковь просит нас всех объединиться душами в радости взаимопомощи, поскольку приближается Декамиллениум и церемония Великой Конвокации, - сказал Гарти. – Этот представитель здесь для наблюдения и документирования наших приготовлений для исторической справки. - Генерал-командующий кивнул безликому, который не ответил никаким видимым или слышимым образом.

- Исторической? Что такого исторического в повышении? – спросил Кос.

- Они интересуются всей историей в преддверии Конвокации, и Лига приветствует присутствие Конклава Селезнии, - сказал Гарти.

- Ну, да, - сказал Кос.

- У Вас есть опыт работы в полях, лейтенант, - сказал Гарти, меняя тему, - но Вы пока не пробовали себя в администрировании. Ваше продвижение - все продвижения и мероприятия, которые Вы описали в этой связи – будут произведены через пять дней. За это время Вы примете дела от Капитана Смены, Фаскина. Последний день этого тысячелетия станет Вашим первым днем в новой должности. У Вас есть время для обучения Вашей собственной замены.

- При всем уважении, сэр, - сказал Кос, - нет.

- Я ценю Вашу прямоту, - сказал генерал-командующий с мягким, контролируемым нетерпением. – Вы сомневаетесь в верности принятого нами решения по Вашей кандидатуре?

- Конечно, нет, сэр, - сказал Кос. – Это решать не мне. Но, если Вы настаиваете на повышении меня до капитана, я буду вынужден, к сожалению, принять отставку и выход на пенсию. Вот *это* решать мне. Если Вы просите меня принять стол Капитана Смены, то вот мой ответ.

- Извини? – не выдержал Фаскин. Гарти выглядел неподдельно шокированным. Это выражение в различной степени было на лицах у всех в зале, кроме самого Коса и Салли Валенцо, которая знала его лучше, чем остальные.

- Я лейтенант - следователь воджексов. В этой должности, я считаю, что могу служить Лиге лучшим образом, - сказал Кос, едва веря собственным словам. Однако, ситуация заставила его принять решение, которого он старался избежать – и это ему удавалось на протяжении последних двадцати лет. – Вы правы, я ничего не знаю об администрировании. Я следователь. И думаю, в этом я действительно хорош. Ранее я говорил о моем рейтинге раскрываемости преступлений, и, не думаю, что будет преувеличением сказать, что он лучший в Десятом секторе.

- Можно лишь догадываться, чего бы ты смог достичь, если бы держался подальше от «Тихой Заводи», - сказал Киреску, но Кос проигнорировал его.

- Сэр, быть прикованным к столу, пока другие идут на улицы и делают настоящую работу – без обид – это не та жизнь, о которой я мечтаю. Мне давно уже пора на пенсию, и если это ваше окончательное решение, то я не знаю, какой другой выход у меня еще остается.

Кос почувствовал, что одно колено начало трястись, и он собрал всю волю для сохранения физической формы. Ранее, сегодня его чуть было не убил психованный циклоп, и ему это, откровенно говоря, нравилось – сломанные кости и все остальное. Сейчас же пот ручьями тек по его спине, и у него было сильное желание развернуться, выйти за дверь и заставить Гарти побегать за ним по барам. Он боролся с этим желанием изо всех сил.

- Это очень плохо, - сказал генерал-командующий без тени юмора, - потому что я не позволяю Вам выходить на пенсию, Кос.

- Сэр? – сказал Кос, - при всем уважении, это решаете не Вы.

- При всем уважении, лейтенант, это решаю именно я, - сказал Гарти и развернул бумагу, которую Кос сразу же узнал. – Я удовлетворяю это прошение, прошение, поданное Вами, с отказом от выхода на пенсию. Более того, поскольку Вы давно уже превысили ограничение отказов от выхода на пенсию, соответствующие органы будут игнорировать все дальнейшие прошения. Чтобы это не звучало наивно, уточняю – Вы не можете выйти на пенсию, пока мы Вам не разрешим. Сенатор, который, несмотря на Ваши догадки, присутствует здесь по моей личной просьбе, засвидетельствует этот приказ. Он избавит Вас от трудностей подачи апелляции Судьям. Они ее не рассмотрят.

- Но это ограничение создано для того, чтобы заставить людей выйти на пенсию, а не удерживать их от нее! Разве нет, сэр? - сказал Кос. Раздражение, наконец, пробило брешь в его спокойствии.

- Технически, в *Офицерском Уставе* это прописано иначе, - ответил генерал-командующий. – Я признаю, что это лазейка, достойная Оржов, но я бы не достиг своего положения, не используя всех доступных преимуществ. Мы повышаем тебя, Кос. – Наклонившись вперед, он добавил, - и я боюсь, мы не примем ответ «нет».

Ведалкен, все это время хранивший молчание, повернулся и взглянул на Коса. Синие глаза сенатора сверкнули холодным светом. Это был явный признак раздражения среди существ его вида.

- У меня есть дела. Открытые дела. Важные. Есть убийство 'джека еще в... - начал Кос.

- Эти дела никуда не денутся, Кос, - сказал Гартти. – Ими займутся более молодые 'джеки.

- Сэр, это... не мудро, - сказал Кос.

- Как и заигрывание с субординацией, лейтенант, - проворчал Фаскин.

- Ну, ладно, - сказал Кос, - но я полагаю капитанам не запрещено брать полевую работу?

- С количеством приезжих, заполнивших город в канун Декамиллениума, я думаю, это будет не просто благоразумно, но и необходимо, - вклинилась Валенцо.

- Согласен, - сказал Гартти, - если позволит время. Также, безусловно, Вы будете курировать те смены, которым достанутся Ваши оставшиеся открытыми дела. Я верю в Вас, лейтенант. При следующей нашей встрече, я бы хотел обращаться к Вам «Капитан». Ваше слово?

С того дня, когда воджек собственноручно сдержал банду Груульских мародеров от поджога приюта, в котором прошло детство Коса, все, чего он хотел – стать одним из хранителей порядка Равники. Если он откажется от этого повышения, куда он пойдет? У него никогда не было семьи, ему никогда не удавалось удержать жену. Он стал бы гражданским. Простым горожанином.

Он стал бы никем.

И без чего-то, отвлекающего его от мыслей о прошлом, он был бы удивлен, если бы прожил еще год. В пьяных драках в «Тихой Заводи» легко можно было сгинуть, особенно, если ты больше не носишь нагрудный знак - но когда-то носил.

У него действительно не было никакого выбора. Кос должен был гордиться, но он чувствовал себя поверженным.

- Сэр, - сказал он, наклонив голову, - Я принимаю повышение.

- Как и я, - сказал Борка, спотыкаясь, подбежав к Косу, и быстро поклонившись.

- Поздравляю, - сказал Гартти. – Вас обоих.

- Да, поздравляю, - присоединилась Валенцо. Она первая протянула Косу руку, но не последняя. Безликий не шелохнулся на своем месте и никак не отреагировал. Кос готов был поклясться, что он чувствовал взгляд слуги Селезнии на своей спине, когда они с Боркой покидали зал, выходя за обитые золотом двери. Это чувство, для нервов Коса, мало чем отличалось от глотка огрийского кофе.

* * * * *

К тому времени, когда Кос и Борка вернулись в Десятый сектор, их смена практически закончилась, поэтому они свернули часть свитков и разошлись. Впервые за долгое время Коса не тянуло в «Тихую Заводь». Вместо этого он направился по петляющим аллеям от участка до жилой башни, где он снимал комнату по 'джековской ставке с тех пор, как его последняя бывшая супруга урвала себе дом на улице Фарва с

помощью Оржовского адвоката и постановления гражданского суда. Еще один брак, и он будет жить в бараках с рекрутами и караульными.

Если бы он не выронил ключ от двери, он мог бы не заметить бледную прозрачную фигуру в конце аллеи рядом с домом, где располагалась его квартира. Привидение выглядело, как лысый лейтенант воджекков с пышными белыми усами.

- Микз? – прошептал Кос. Забыв про ключ, он бросился по аллее к призраку, но поскользнулся на мусоре и споткнулся, едва удержавшись от падения. Когда он поднял голову снова, фигура уже исчезла.

Микзил Зюник был мертв уже пятьдесят семь лет. Кос безо всяких сомнений знал об этом. Он своими глазами видел, как все случилось. Он видел призрак Зюника, видел, как он безвозвратно растворился в уличной мостовой. Пятьдесят семь лет назад. Привидения в Равнике попросту не могли существовать так долго. Все это знали. Это было невозможно. Галлюцинация, рожденная чувством вины и вызванная его повышением, которое шло в разрез всему, чему его учил Зюник. И даже через шесть десятилетий, это чувство вины было готово ожить при малейшей провокации.

В конце концов, Кос сам убил Зюника.

Кос встряхнул головой, повернулся, и поплелся обратно к упавшему ключу. Первые тяжелые капли дождя начали падать с темных небес, и Кос долго еще стоял, наблюдая холодный ливень, перед тем, как, все же, открыть дверь и шагнуть внутрь.

Ни одна из гильдий не имеет права контролировать доступ или перемещение по любой дороге, улице или тракту, относящемуся к Большой Магистральной Сети.

—Поправка VII к Договору Гильдий («Акт Ледев»)

23 Зуун 9999 П.Д., вечер

Ночь опустилась на Столицу Равники словно душное шерстяное одеяло. Черные башни освещали небо мириадами огней и придавали мегаполису туманный ореол всех цветов радуги. Каменные титаны выглядели божествами, стоящими на пульсирующем сердце поверженного волшебного мира. Фонн полагала, что это сравнение ничем не хуже любого другого. Молодой полу-эльфийке удавалось избегать столицы десятилетиями, но возможность сопровождать действительного члена Конклава Селезнии – едва ли не единственного, кто регулярно покидал надежную защиту Виту Гази для представления интересов Конклава по всему миру – была честью, от которой ни один эскортный охранник ледев не мог отказаться. Дорога в столицу, давшая ей жизнь, была длинной, как в километрах, так и в годах. Для Бираказира, золотошерстного волка, везущего ее на себе, это было всего лишь окончанием очередного долгого путешествия в череде таких же долгих путешествий.

Фонн подалась вперед в седле и прошептала на ухо животного, везущего ее по древним булыжникам: «Мы почти на месте, Бир, - шептала она, - держи нос по ветру».

Волк Бираказир ответил, в своем стиле, тихим звуком, напоминающим наполовину собачий лай, наполовину вздох облегчения.

- Ты что-то сказала, Фонн?

- Святейшество, я уже вижу место нашего назначения, - сказала она. Локсодон, идущий рядом с ней, поднял свою слоновью голову и устремил взгляд белых слепых глаз в сторону мегаполиса. Белки его глаз составляли две вершины треугольной татуировки, покрывающей его серое кожистое лицо. Верхней вершиной треугольника служил драгоценный камень бледно-зеленого цвета, инкрустированный в кожу Байула, между его широкими, мягко колышущимися ушами. Не замедляя мерный тяжелый шаг, он кивнул и погладил волка по холке.

- Я рад, - сказал он. Его глухой голос звучал одновременно внушительно и нежно, словно песнь дриады. Его белые льняные одежды колыхались на холодном ветру, дувшем им в спину. – Я уж думал, мы не успеем к назначенному сроку.

- Вы гораздо быстрее, чем Вы выглядите, Святейшество, - сказала Фонн.

Фонн предлагала свое седло Святому Байулу в начале путешествия, согласно этикету, но ее подопечный, весящий в полтора раза больше Бираказира, вежливо отказался. Его народ не был приспособлен к верховой езде. «Это компромисс, мой милый друг ледев, - сказал тогда Байул, - этот хобот убьет меня когда-нибудь, но мои старые ноги будут ходить всегда».

- Боюсь, воздух не становится свежее, - сказал локсодон и, словно в подтверждение своих слов, трубно чихнул. – Я давно не был в столице Равники. Я уже и забыл.

Фонн едва не чихнула сама, но подавила позыв. В непосредственной близости города смог и гарь развитой цивилизации Равники чувствовались весьма остро. Конечно, для Байула дела обстояли еще хуже. Для хобота локсодона, содержащего во сто крат более чувствительную назальную ткань, чем у любого другого гуманоидного вида, этот запах был совершенно губительным. Равника своим существованием уничтожала локсодонов.

- Я родилась здесь, но я практически не помню этого места, - сказала Фонн.

- Твоя семья переехала в более зеленые земли? – спросил Байул. Он был от природы любопытен и расспрашивал Фонн о ее прошлом на протяжении всего путешествия.

- Зеленые земли? – спросила Фонн, меняя тему. Она не говорила так много на тему «Фонн» за всю свою жизнь, но что-то в локсодоне, что-то магическое, и, в тоже время, нечто более инстинктивное и первобытное, пробуждало в ней желание открыть ему о себе все. Тем не менее, тема семьи не была ее любимой. И она с трудом уклонялась от аккуратных вопросов своего подопечного.

- Это не ответ, - проворчал Байул.

- Моя семья – это ледев, Святейшество, - сказала она. – Мой отец и мать... ушли.

- Этого я и боялся, - сказал Байул, - разве они оба не были стражами закона?

- Отец был воджеком, - сказала Фонн, не уточняя, что оба ее родителя умерли. – А мать была ледев, как и я.

- Я чувствую преданность и ответственность в твоей душе, Фонн, - сказал Байул, когда они достигли вершины очередного подъема. – И это... погоди, - хобот локсодона загнулся, что означало, что он ищет что-то в воздухе своим чувствительным носом, будучи слабым в остальных органах чувств. Он резко остановился и жестом своего походного посоха указал Фонн и Бираказиру замереть. – Там... да. Кто-то рядом желает нам зла.

- Где? – спросила Фонн. Особого смысла шептать посреди оживленной дороги не было. Она быстро осмотрела их ближайшее окружение своими зоркими глазами и прислушалась чуткими ушами - наследством от ее матери, эльфийки Сильхана. Низкие постройки и жилые кварталы, окружавшие столицу могли скрывать сколь угодно разбойников. Гоблин, продающий шашлык, мог быть наемным убийцей. Молодая пара, идущая перед ними, не привлекая к себе внимания окружающих, могла скрывать отравленные кинжалы под своими цветными плащами. Вот та троица наездников на птеррокрылах, чьи силуэты виднелись на фоне луны, могли планировать нападение на них, надеясь, что темнота и туман скроет их до решающего мгновения.

Нет, постойте, они *действительно* планируют это нападение.

- Ложись! – вскрикнула Фонн. Она спрыгнула со спины Бираказира и со всех сил налетела на локсодона. Байул, к счастью, не сопротивлялся и послушно дал опрокинуть себя на землю. Если бы он этого не сделал, столкновение было бы равносильно удару головой о дубовый пень. Как только они рухнули на мостовую, первый наездник на птеррокрыле спикировал прямо над их головами. Его улюлюкающие крики подсказали ей, как близко они подобрались к тому, чтобы снести локсодону голову. Еще секунда и ее подопечный мог погибнуть. Она решила показать Груулам, что случается с разбойниками, осмелившимися напасть на члена Конклава Селезнии.

Рука в кожаной перчатке рывком взмыла вверх и стальной хваткой схватила край перепончатого крыла. Не выходя из своего лежащего состояния, она позволила инерции нападающего повернуть его вокруг своей оси, созданной весом Фонн. Позвоночник

птеррокрыла треснул от столкновения с каменной мостовой. Его длинная шея в мгновение ока сломалась под тяжестью его собственного тела. Резкая посадка швырнула наездника в воздух, он пролетел немного дальше и врезался в мясной вагончик гоблина-торговца. Его последние конвульсии увязли в запутавшихся обломках торговой палатки. Выкрикивая тирады проклятий, гоблин убежал, спасая собственную жизнь.

Фонн вскочила на ноги перед тем, как второй птеррокрыл приблизился достаточно близко, чтобы снова заставить ее лечь. – Пожалуйста, не двигайтесь, Ваше Святейшество, - сказала она.

- Без проблем, - ответил локсодон.

Молодая полу-эльфийка убрала длинный светлый локон волос за ухо и дважды щелкнула языком. Ее волк Бираказир мгновенно отреагировал, обратив на нее все свое внимание. Кивком головы, Фонн указала ему на приближение второго нападающего, который улюлюкал еще громче первого. «Этим ребятам, - подумала она, - надо учиться координировать свои нападения». Она догадывалась, что это была молодая банда, желающая самоутвердиться и испытать себя. Но ей вовсе не хотелось, чтобы она или ее священный подопечный стали объектом их первого урока.

Но урок все же состоится, если кто-нибудь из этих идиотов выживет.

- Эй! – крикнула Фонн нападающему, вынимая из ножен свой длинный серебряный меч. Груул, самка вяшино, сделала именно то, на что рассчитывала ледев и на пару секунд перевела взгляд своих ящеровых глаз от Байула к Фонн.

Этого времени Бираказиру было вполне достаточно. Как только птеррокрыл опустился на расстояние прыжка, волк, угрожающе рыча, взмыл в воздух. Его челюсти сомкнулись на длинной, гибкой шее птеррокрыла с силой, способной, как знала Фонн, перекусить пополам человеческую ногу. Шея птеррокрыла оказалась куда менее крепкой. Огромный волк, скользя, приземлился на скользкую мостовую, сжимая в пасти окровавленный носастый трофей, размером в пол роста Фонн.

Обезглавленный птеррокрыл рухнул на дорогу. Его визжащая наездница отчаянно пыталась выпрыгнуть из седла и в итоге испустила дух на лезвии меча Фонн. Полу-эльфийка столкнула ногой тело умирающей вяшино с меча и развернулась, взглядываясь в мрачный небосвод. Третий член банды кружил над ними, хотя сказать наверняка, искал ли Груул открытое место для атаки или нет, было сложно.

Фонн достала из-за спины лук, вложила в тетиву стрелу и навела прицел на наездника. Этот Груул был человеком крепкого телосложения, густо покрытый татуировками и ритуальными шрамами. Должно быть, он был их лидером, послав подчиненных прощупать почву перед нападением. Она сомневалась, что пират планировал напасть сам сейчас, когда его подельники были уже мертвы. Но, не ожидая, пока Груул определится с решением, она со свистом выпустила стрелу в небо.

Меткий выстрел попал наезднику прямо в солнечное сплетение. Он согнулся в седле, затем соскользнул с него и выпал окончательно со спины птеррокрыла. Груул упал на покосившуюся наклонную крышу ближайшей таверны, скатился по ее склону, через навес и рухнул на землю. По пути стрела сломалась, оставив лишь деревянный обломок, по которому просачивалась кровь через его грубый кожаный жилет. Хрипящее тело разбойника остановилось прямо у ног Фонн. Его птеррокрыл сделал еще один круг над их головами и с каркающим криком облегчения ухлопал крыльями в вечерний туман. В считанные секунды его силуэт, улетающий на юг, растворился полностью.

Груул смотрел на Фонн яростными глазами, но зачарованная стрела парализовала его мускулы и еще минуты две-три он не сможет двигаться. Возможно, даже немного дольше. Падение не пошло бандиту на пользу, судя по тому, как была вывернута его левая нога.

Фонн вздохнула. Она сомневалась, что преступник выживет. Не похоже было, что бы он собирался раскаиваться, а охранники ледев платили кровью за кровь, в случае, если нападающий отказывался видеть мудрость пути Селезнии.

Полу-эльфийка никогда не была хорошим миссионером. Она поставила ногу на парализованную грудь разбойника и наклонилась, перенесла половину своего веса на нее. Достаточно для того, чтобы воткнуть стрелу глубже в его живот. Бешеные глаза Груула округлились, и его слабое дыхание перешло в гавкающий хрип.

- Добрый вечер, - сказала Фонн приятным голосом, подводя острие своего меча ему под бороду, прямо к горлу. – У тебя есть десять секунд, чтобы рассказать мне о том, кто ты и почему ты на нас напал. Удиви меня, и я дам тебе уйти к твоим друзьям, предостереж их от таких же дурацких решений, и рассказать им о том, как ты увидел свет и прозрел. Видишь ли, я служу жизни. Правда, говорят, я не так предана, как могла бы быть. - Прошла секунда, затем другая. – Ты, наверное, думаешь, что у меня не хватит духу тебя убить. Ты думаешь, «ха, она просто ледев. Она не воджек. Она Селезнийка, слуга жизни». - Шесть, семь. – И ты прав. Мой друг вон там, вот он – жизнь. Ты только что пытался его убить. Поэтому твоя жизнь для меня ничего не значит.

Девять. Груул открыл свой кривой рот, обнажив все три оставшихся зуба. – Мать Селезнии была шлюхой Циза...

- Ты что делаешь? – Донесся до нее мужской голос. Фонн отвернулась от Груула на мгновение и увидела, что помощник шерифа хазды выбрал этот момент, чтобы выйти из качающихся дверей соседней таверны.

- Помогите! – захрипел бородатый Груул.

Добровольный страж закона достал свой короткий меч, и по тому, как он это сделал, Фонн поняла, что у парня было не больше тренировок, чем у первогодки рекрута ледев. Но он был смелым, этого было не отнять. Просто он не на того направил меч. – Брось оружие, эльф, пока я не разберусь с эт...

Кинжал возник в шее помощника шерифа, словно по волшебству, прервав предупреждение хазды. Его глаза округлились, он схватился за лезвие на полсекунды, пока его ноги не подкосились, и он не рухнул на землю, лицом вниз. Кровь помощника шерифа хлынула сквозь его сжатые на кинжале пальцы на камни мощеной улицы.

Фонн проследила траекторию полета кинжала, ведущую к темной фигуре в плаще, в одной из ближайших аллей. Фонн всегда считала, что никто из тех, у кого были добрые намерения, никогда не носил темный плащ, и вскоре она в этом убедилась. Еще одно лезвие кинжала блеснуло в бледной руке фигуры. Ее размытый силуэт был зачарован каким-то маскировочным заклинанием, превратившим его в туманное пятно в капюшоне на фоне черных от сажи и копоти промышленных строений. Со скоростью кошки он достиг ближайшей лестницы, свисавшей над аллеей и начал ловко взбираться на стену.

- Шлюха Виту Гази ждет лас...

Фонн подтянула Груула за грудки и окончила его мерзкую тираду крепким правым хуком. Она уложила бездыханного разбойника, вероятно, более мягко, чем он того заслуживал.

- Святейшество, могу ли я просить Вас присмотреть за этим бородачом? Не дайте ему никуда уйти. Я хочу задать ему еще пару вопросов.

- Как и я, - сказал Байул и поставил посох на грудь дикарю в том же месте, где стояла нога Фонн. – Поторопись – тот, другой, уже прополз половину стены.

- Да, Святейшество, - сказала Фонн и положила ладонь на морду волка. – Бир, приглядывай за Байулом. – волк моргнул в знак понимания. Он не мог говорить, и Фонн не думала, что он действительно понимал язык Рави, но он был настолько хорошо обучен, что об этом легко можно было забыть. Волк подошел к Байулу, сел рядом с ним и издал низкий рык, когда Груул снова попытался шевельнуться.

Фонн уже подбежала ко входу в аллею. Она бросила взгляд в темноту, но ее превосходное ночное зрение – лишь наполовину такое же острое, как у полнокровных Сильхана, но гораздо острее, чем у среднего человека - не выявило никакой сиюминутной опасности. Лишь мусор, трущобы и всякий хлам. Она подкралась к лестнице, вспрыгнула на нижнюю перекладину, и полезла вслед за закутанным в плащ наемным убийцей.

Груулы обычно не пользовались услугами тайных наемных убийц. Их кланы считали подобные нападения трусостью и ниже собственного достоинства. Почему же эта таинственная фигура помогала на первый взгляд ничем не выдающейся банде Груулов? Фонн отвела взгляд от силуэта, поднимающегося по лестнице над ней – она едва поспевала за ним – чтобы проверить, все ли в порядке с Байулом и Бираказиром. Локсонд наклонился над погибшим хаздой, пока волк стоял с раскрытой пастью над лицом Груула, часто дыша и капая на него слюной.

Бираказир никогда бы не убил человека по собственной воле, только если это ему прикажет его хозяйка. Но упавший пират все равно никуда не денется, даже после того, как парализующий эффект стрелы развеется. Фонн надеялась, что Байул знает, что он делает. Она была слишком далеко, чтобы прийти к нему на помощь, если еще один убийца прятался где-то на земле. Кстати, об убийце...

Туманный силуэт над ней, наконец, добрался до самого верха, перемахнул на крышу и скрылся из виду. Она взобралась выше, пока не оказалась на расстоянии длины человеческого тела от верхнего края лестницы. Было два варианта того, как наемник мог повести себя в данный момент. Он мог либо дожидаться, пока Фонн залезет наверх и разобраться с ней, когда она будет залазить на крышу, либо он давно уже убежал, и у нее не велики шансы догнать его ночью, скача по городским крышам. Особенно учитывая его зачарованный плащ и усиливающийся туман.

Он убил хазду, хотя у него не было на то никаких оснований. Наемник выдал себя с какой-то целью, вероятно, он решил, что Фонн была слишком молодой или слишком агрессивной, чтобы устоять перед погоней. Если бы он начал убегать, она бы бросилась за ним. Убийца водил Фонн за нос. Ей нужно было попробовать что-то, чего он не ожидал, поскольку до сих пор он предугадывал каждый ее шаг.

Ледев завела левую ногу за одну из верхних перекладин и уперлась на правую ногу двумя ступенями ниже. Это позволило Фонн освободить руки, вытащить из-за плеча лук и стрелу. Мышцы ее пресса напряглись также сильно, как и ее натянутая тетива. Она повисла практически горизонтально, крепко зацепившись за лестницу ногами, и застыла в ожидании появления наемника, когда тот поймет, что она его более не преследует.

Спустя несколько секунд Фонн начала сомневаться. Может, убийца *действительно* убежал. Рука, держащая стрелу на взводе начала дрожать от напряжения мышц во всем теле.

За секунду до того, как она уже решила убрать лук и спуститься по лестнице, чтобы помочь Байулу с хаздой, она вдруг увидела бледный призрачный череп под темным капюшоном, появившийся над лестницей. Она выпустила стрелу и попала ему в левый глаз, из которого на нее хлынула кровь. Наемник вскрикнул и умер на месте, как только острый наконечник стрелы пронзил центр его мозга. Труп убийцы опрокинулся через край и полетел на нее, не оставив ей возможности отбросить лук и прижаться к лестнице.

- О, ччер... - Фонн успела освободить ногу до того, как укутанное в плащ тело рухнуло ей на грудь. Столкновение выбило лук у нее из руки, и они вместе, ледев и труп убийцы шлепнулись, на кучу гниющих отходов и мусора. Колчан со стрелами, переброшенный за спину, больно хрустнул, треснув об ее позвоночник.

- Фонн! – она слышала крик Байула, но он звучал как будто издали. Его голос эхом разносился у нее в ушах, словно звон колокола. Тем временем она не могла даже сделать вдох, что бы выжить. С усилием и хрипом ей удалось столкнуть с груди окровавленный труп – убийцей, похоже, был смертельно бледный человек под маской черепа. Она не чувствовала ни одной сломанной кости, благодаря падению на мягкий зловонный мусор, но она была уверена, что ее сейчас вырвет.

- Дыши, - раздался голос Байула, на этот раз ближе и четче, словно шепот у самого ее уха. Он говорил словами, чувствами и образами в ее сознании, успокаивая ее нервы, тошноту и оглушенное тело. Фонн на секунду запаниковала, когда вдруг поняла, что ничего не видит, затем вспомнила, что для этого, сперва, нужно было открыть глаза. Она взяла протянутую руку локсодона и позволила послу Конклава Селезнии поставить себя на шатающиеся ноги.

- Святейшество, - сказала она прокашлявшись. – Благодарю Вас. Думаю, больше нападающих нет?

- Согласен, - сказал Байул. – Я больше не чувствую опасности поблизости.

- При всем уважении, Святейшество, - сказала Фонн, - этого, в маске, Вы не почувствовали.

- Не почувствовал, - сказал Байул, - а еще ты дерзкая. Но этим ты мне нравишься. Волшебство убийцы скрыло от меня его намерения. Это сложная задача - выделять даже откровенно агрессивные мысли, направленные против чьей-то личности из гущи жизни, кипящей вокруг нас. Это замечательная способность, в своем роде.

- Она едва не погубила Вас, - сказала Фонн.

- Нет, она едва не погубила *тебя*, - сухо сказал локсодон. Фонн засмеялась, но ее смех скоро перешел в кашель.

- И все же, мой друг ледев, ты сделала это во спасение жизни этого скромного слуги Матери Селезнии, и за это я благодарен тебе. Послушай, твое падение могло сломать тебе пару ребер. Позволь мне посмотреть, смогу ли я чем-нибудь помочь. – Байул оперся о свой посох и навис над Фонн. Запахи аллеи и шум окружающей жизни растаяли, когда он положил ладонь ей на лоб и завел тихий напев на древнем языке дриад Селезнии. Тепло разливалось из центра его ладони по ее лицу, коже, и вскоре обволокло все тело. Она сделала один глубокий вдох и не почувствовала боли в легких. Ей показалось, будто она чувствует запах летних цветов и вечнозеленых лесов. Еще пара глубоких вдохов и работа Байула была завершена. Фонн встала на одно колено и склонила голову перед локсодоном. Потупив взгляд на грязные камни аллеи, она сказала, - Ваше Святейшество, да благословит Вас Мать Селезнии.

- И тебя, - сказал Байул. – Ну, будет тебе, Я не сомневаюсь в твоей преданности. Оставь это раболепство дриадам. Им оно больше нравится.

Фонн улыбнулась и поднялась на ноги. Она поморщила нос, вновь почувствовав зловонный воздух аллеи, и пнула ногой застывшее тело убийцы. Лишний раз проверить – не повредит. Тело тяжело перевернулось у ее ног, и она вместе с локсодоном посмотрели на оставшийся глаз убийцы. Он был остекленевший и черный, без белков, и на их глазах он померк и стал серым.

Но не глаз насторожил Фонн. Это был длинный острый как бритва серебряный зуб, который висел на черном кожаном ремешке на шее мертвеца. Она была почти уверена, что убийца собственными руками вырвал этот зуб из пасти одного из аллигаторов, обитавших в лабиринте канализационных труб глубоко под поверхностью города.

- Рекдос, - сказала Фонн, - у него на шее зуб.

- Да, - сказал Байул, - выходит, что так.

- Зачем демонопоклоннику помогать банде Груульских разбойников? Ведь кланы и культ не выносят друг друга, разве нет?

- Во всем мире, окружающем столицу, это так – сказал Байул. – В мире, в котором мы с тобой провели большую часть нашей жизни, изучая и защищая его, эти так называемые «племенные гильдии» не объединяет ничего, кроме злобы и ненависти друг к другу. Но, хотя мы все еще стоим далеко от каменных титанов, мы, более-менее, уже в столице Равники, Фонн. А этот город живет по другому своду правил, чем остальная Равника.

- Хазда. Он...

- Мертв, - сказал Байул с грустью в голосе. – Его жизнь вытекла из него до того, как я смог до него добраться. Но его гневный дух минует страдания судьбы искателя. Мне удалось помочь ему обрести...

Фонн подскочила от воющего лая, раздавшегося со стороны улицы за аллеей и прервавшего Байула на полуслове. «Бираказир!», - вскрикнула она и помчалась назад на улицу к сцене первой битвы.

Несколько любопытных зевак вышли из ближайших строений и выстроились по обеим сторонам улицы. Глазеющей толпе нечасто выпадало увидеть настолько кровавую драку, не заплатив за просмотр. Пара предприимчивых личностей, похоже, уже даже собирали ставки.

В центре этого внимания были волк и Груул. Пирату удалось выскользнуть из-под волчьей стражи, и он снова был на ногах. У Фонн вскипела кровь, когда она увидела побагровевшую шерсть у челюсти Бираказира. Волосатый бандит порезал его, хотя ранение и не выглядело глубоким. Волк стоял с вздыбленной холкой, утробно рыча и впившись глазами в Груула, который принял стойку для драки на ножах. На лезвии его кинжала виднелись красные пятна волчьей крови.

- Груул! – крикнула Фонн, достав меч и становясь между ними. Бираказир, все еще рыча, отступил назад, давая своей хозяйке место для маневра. Фонн боковым зрением увидела белое пятно, появившееся со стороны аллеи – Байул степенно возвращался на улицу. - Я дала тебе шанс поговорить, пират, но в ответ ты порезал моего волка. Никому не позволено резать моего волка.

- Следующий удар тоже не будет ласковым, детка, - прорычал Груул. – Я вспорю брюхо твоему драгоценному волку, запахну в него твой труп и скормлю все это

птеррокрылам. Но не сразу. Ты будешь умирать медленно. – Он угрожающе поднял свой нож.

Фонн переместила вес на одну ногу и приняла стандартную защитную позу, которую она предпочитала в поединке с противником, вооруженным ножом. В этой позе она держала меч максимально близко к себе, для эффективной защиты от быстрых ударов ножом, и могла спокойно ждать открытого места для мгновенного ответного выпада.

Как и ожидалось, Груул, который явно симулировал вывих ноги, первым бросился в атаку. Держа меч наготове прижатым к себе, Фонн выждала нужный момент и в последнюю секунду сделала шаг в сторону от мчащегося на нее пирата. Его дикий выпад не попал ни по ее руке, ни по ее мечу и открыл для Фонн незащищенное место для удара под его подмышкой. Острие ее меча скользнуло между его ребер и пронзило сердце, остановив его яростное нападение. Он отхаркнул струю густой крови и попытался что-то сказать, но умер до того, как смог сформировать слова сквозь пенящуюся во рту кровь.

Фонн устало столкнула ногой тело Груула с лезвия своего меча и вздохнула.

- И все это, чтобы просто узнать, в чем дело. – Сказала Фонн. – Чертов Груул. Почему ему не лежало на месте? – Она оставила мертвое тело пирата на улице и подбежала к Бираказиру. Локсодон подошел к ее павшему противнику и предложил его призраку последний шанс присоединиться к нему, и через Байула войти в священный голос Селезнии. Голос с радостью принимал всех, даже головорезов Груул. Судя по мрачной тени, скользнувшей по лицу Посла Селезнии, спустя пару мгновений, призрак отказался, как и многие ему подобные.

Окровавленная челюсть Бираказира пострадала не сильно, но ему нужна была помощь, чтобы предотвратить заражение. Фонн могла попросить Святого Байула о помощи. Ведь он был членом Конклава Селезнии, священным собранием, управлявшим Гильдией Селезнии - одним из всего трех его членов, не являвшихся дриадами. Из всего священного собрания, он был единственным, кто путешествовал так далеко и широко от центров Селезнии, был известен и любим многими во всей Равнике. Она видела, как он вдохнул жизнь в тело разбитого болезнями ребенка, была свидетелем того, как локсодон вернул зрение пожилой женщине, и, конечно, не была против того, чтобы Байул лечил ее собственные раны. Но ледев никому не позволяли заботиться о своих питомцах, кроме самых крайних случаев. Ледев связывало с их питомцами больше, чем просто эмпатическая связь. Непосвященные полагали, что наездники общаются со своими питомцами с помощью телепатии, однако Фонн знала, что причиной их взаимопонимания был острый звериный интеллект и годы тренировок. Питомцы выбирали своих ледев точно так же, как ледев выбирали своих питомцев. Эти особые животные – обычно волки, орлы, тигры или медведи – готовы были отдать жизнь, защищая своих наездников. Взамен наездники являлись источником всего, что было нужно их питомцам: еды, питья, ухода и дружбы. Такая взаимозависимость делала этих животных не просто ездовых зверей – они были практически частью души ледев.

Фонн прижала ладонь к ране на челюсти Бираказира и спела коротенькую утешающую песенку, которой ее обучила ее мама на Сильханском диалекте эльфийского языка. Шерсть под ее ладонью мягко засветилась на пару секунд. Зеленый свет затянул порез, предотвратив заражение, и вскоре волчья челюсть была как новенькая.

- Ты талантлива, - сказал Байул.

- Спасибо, - ответила Фонн. – Мои способности блекнут на фоне безграничного тепла Матери Селезнии, Святейшество.

- Эй! Вы! Что здесь происходит?

Еще один хазда, на этот раз шериф, судя по форме, вышел из той же таверны, из которой немногим ранее появился ныне-мертвый его помощник. Его сопровождал второй помощник, и от них обоих разлило крепкой выпивкой. Пара добровольных стражей порядка проталкивалась сквозь толпу, продолжавшую собираться по обе стороны улицы, вызывая вспышки обсуждений среди зевак.

- Вы, там! Что происходит?

- Видимо, мне нужно им все объяснить, - сказал Байул.

- Вы посол, Святейшество, - сказала Фонн, - я была бы Вам признательна. Мы с Биром попробуем организовать отpravку трупов в местный морг. Если удача будет сопутствовать нам, мы достигнем столицы до рассвета.

- Надеюсь на это, - сказал Байул. – Мы ни в коем случае не должны опоздать на встречу. От нее зависит больше, чем ты думаешь.

- Мы доберемся до Дома Аула вовремя, Святейшество, даже если нам с Бираказиром придется нести Вас туда, - сказала Фонн. Она с хрустом размяла шею, слегка онемевшую после падения, и позвала волка по имени. Пока локсодон успокаивал шерифа хазды и давал свои свидетельские показания о происшествии, в результате которого помощник шерифа и несколько Груулов оказались мертвы, полу-эльфийка начала жуткую работу по сбору трупов.

Ледев всегда заботились о своих питомцах, и всегда убирали за собой. Особенно, если беспорядки, вызванные их действиями, загораживали проезжую часть.

Не будите меня на утреннюю планерку.

—Эпитафия сержанта воджеков Ирбога Винка
(2525 – 2642 П.Д.)

24 Зуун 9999 П.Д., ранее утро

Кос достал стопку записей из внутреннего кармана и усилием воли вытряхнул из головы мысли о таинственном видении призрака прошлой ночью. Зюник был мертв вот уже почти шестьдесят лет.

Лейтенант смерил взглядом безликого на галерке зала заседаний и заставил себя сосредоточиться на текущей задаче. У него была пара мыслей, которые Конклаву Селезнии не нужно было слышать, и Кос понятия не имел, насколько сильной была предполагаемая телепатия этого существа. Безликий, если и заметил пристальный взгляд Коса, то никак на него не отреагировал. Он просто продолжал свое тихое наблюдение – или что он там еще делал под этой льняной маской, натянутой на все тело – в дальнем правом углу зала, фиксируя все для истории. И это вовсе не помогало Косу справиться с нарастающим страхом выступления перед аудиторией.

Ему предстояло пережить час одной из наиболее мучительных психических пыток, когда-либо придуманных бюрократами Азориуса - а эти ребята знали толк в психических пытках - утреннюю планерку.

Кос перетасовал стопку бумаг на древней деревянной кафедре и прочистил горло.

- Всем меня слышно? – спросил Кос.

- Да, капитан, - ответила Пушок. Ее голос прогремел на фоне остального хора тихих возгласов согласия. В ангельском воджеке не было ни намека на утонченность.

- Ээм... отлично, - продолжил Кос, пытаясь побороть нервную дрожь в голосе. – Доброе утро. Не называйте меня капитаном. Следующую неделю я все еще буду зарабатывать себе на хлеб.

Пушок прокашлялась, так как шутка Коса рухнула, словно чугунная дирижаба в полной тишине зала заседания. Кос осмотрел аудиторию, состоящую из порядка сорока лейтенантов, сержантов и констеблей различных рангов, и продолжил речь, которую он подготовил сегодня после того, как проснулся в «Тихой Заводи» полчаса назад.

- Большинство из вас меня знает. Я работал в Десятом еще до того, как многие из вас родились. Но на всякий случай: я лейтенант Агрус Кос, - сказал он. – Мне сказали, что примерно через неделю вы сможете назвать меня капитаном, но пока просто зовите меня Кос. Это касается и тебя, констебль Пушок.

Это вызвало небольшой смех в зале. Он продолжил описывать каскад повышений, которые скоро произойдут в их секторе. Прозвучало несколько поздравительных выкриков и разрозненные аплодисменты в разных частях зала.

- Спасибо. Отметите это позже, - сказал Кос. – Теперь к работе.

Он перетасовал бумаги снова, прищурившись, просмотрел несколько заметок и списков, которые Фаскин дал ему для справки, но быстро сдался и отложил все в сторону. В сущности, они все равно ему были не нужны. Кос всегда считал для себя важным знать, кто что расследует, где патрулирует и кого охраняет. Его зрение, особенно на близком расстоянии, состарилось вместе с остальным его телом и лишь ухудшалось, когда он начинал нервничать. Кос прокашлялся, достал кристальные очки для чтения из футляра, который он держал в кармане под мундиром, и надел их.

Гораздо лучше. Кос за пару секунд просмотрел записи и положил их на место. Он чувствовал себя так, будто он разгрузил тонну кирпичей. Кос посмотрел в зал и увидел лица верных друзей, труженников коллег, преданных воджеков и Борку.

- Так вот, я думаю, вы помните прошлую неделю, когда Фаскин напомнил нам всем о том, что сегодня на стажировку прибывают новобранцы. Они ожидают своих назначений. - В зале раздались несколько стонов. - Отставить, - сказал Кос. - Мы все начинали с этого. Сержанты Карлаус и Мигеллик, - он кивнул в сторону высокого худого мужчины с повязкой на глазу и невысокой нескладной женщины, - в этот раз стажировку ведете вы. После того, как мы тут закончим, я хочу, чтобы вы зашли в третий актовый зал и разделили новобранцев на две группы. Списки возьмете у старшего сержанта Рингора. К полудню, чтобы все они были на улицах.

- К полудню? – спросила Мигеллик. – Нам повезет если они к этому времени выучат с какой стороны нужно держать дубинку.

- Уверен, вы справитесь, - сказал Кос. – Сержанты, я хочу, чтобы каждый из вас провел обе группы по своим участкам. Мне нужно, чтобы на Декамиллениум они уже работали.

- Это вдвое больше, чем стандартная стажировка, сэр, - сказал Карлаус огрубевшим от копоти голосом. – Конкретно, насколько зеленые эти рекруты?

- Не зеленее обычного. Но нам придется удвоить стажировку, поскольку грядет конференция Конклава Селезнии...

- Конвокация, - поправила его Пушок.

- Не важно, - сказал Кос. – Важно то, ребята, что она скоро здесь начнется. И если количество туристов на моем участке может служить каким-нибудь показателем, то у нас, очевидно, прибавится работы, пока они не проконвокируют, или что там они себе запланировали. Я хочу, чтобы у нас было достаточно 'джеков для перемещения на другие участки, возможно даже другие сектора, в случае необходимости.

Карлаус пожал плечами. – Мне все равно. Сломаю вдвое больше душ. – Он не улыбался.

- Сержант Юраиз, твои 'джеки прикроют Карлауса и Мгеллик утром и помогут в стажировке, если понадобится, сегодня считай, что ты на подстраховке.

Юраиз, вьяшино, который мог выиграть соревнование по немиганию в условиях урагана, моргнул и медленно кивнул.

- Воздушно-командующая Венслов, - сказал Кос, кивая в сторону худой женщины атлетического сложения, сидящей на стуле чуть более уверенно, чем ее летные очки сидели поверх ее бровей. – Твой рапорт? Что у нас в небе?

- Мы завершили зачистку территории за фабрикой Чоурна на предмет самозахватнических поселений, - сказала Венслов. – Нужно было убрать их оттуда до того, как Иззеты придут и сравняют с землей все их лачуги, вместе со старыми печами воздушного завода.

- Я уже чувствую, как воздух становится чище, - сказал Кос.

- Мы нашли пару гнезд Рухов на территории фабрики. Думаю, нам нужно будет выслать туда команду укротителей. В остальном, обычный набор происшествий и непреднамеренных самоубийств.

Полет не был чем-то особенным в Равнике. Массивные живые дирижабы перевозили пассажиров, как по всему городу, так и по всему миру; многие расы приручали различные виды летающих животных, начиная от гигантских летучих мышей у охотниц Голгари и заканчивая птицами Рух, на которых патрулировали воздушные 'джеки. Но, по личному мнению Венслов, частные летуны должны были держаться за пределами столицы – особенно не местные, непривыкшие к плотности воздушного движения – или вообще подальше от любого воздушного движения.

- Ожидай прибавления работы, - сказал Кос. – Помимо всех пилигримов и туристов, которых, как я знаю, ты с радостью встречаешь в нашем славном городе, у нас также есть рапорты ночных смен о том, что банда Верзита возобновила свои налеты. Они атакуют дирижабы рядом с нашим районом. В том месте, где образуется затор из дирижаб в связи с большим наплывом пассажиров, и они могут стать заманчивой целью для бандитов. Свяжись с воздушно-командующим Девятого. По их данным, банда сконцентрировала свои налеты в наших двух секторах.

- Я получила ястреба от него сегодня утром, - ответила Венслов. – Уже работаю над этим. Держу пари, что они также приложили руку и к крушению дирижабы на севере каньона.

- Читаешь мои мысли, - сказал Кос. - Два твоих офицера сегодня должны дать свидетельские показания по крушению дирижабы в суде, верно? - Венслов кивнула. – Отметь это дело, как текущее и возвращай их обратно в небо. Это дело, возможно, еще не готово к слушанию. Пусть эти двое еще полетают, и дайте мне знать, когда мы сможем доказать причастность Верзита к этому. Если Верзита будет напрягать ваше любопытство, любопытствуйте больше.

- Есть, сэр. – Ответила воздушно-командующая. Ее хмурость превратилась в полу-улыбку. Большинство воздушных 'джеков обожали воздушные бои, а Груульские налетчики Верзита могли бы стать прекрасной возможностью для настоящих боевых действий. Но Кос понимал также, что это была всего полу-улыбка, поскольку пыл Венслов укрощался ее мудростью и осторожностью. Поэтому она и была воздушно-командующей.

Кос продолжил лавирование по планерке. Лейтенанты Зуйори и Гроэнико совершали свое обычное патрулирование верхних улиц и наткнулись на серию ограблений на территории объекта, возводимого вплотную к центральным шпилям совместными усилиями Оржов и Иззетских чародеев. Гроэнико теперь надлежит заполнить все бумаги по этому делу к полудню, а Зуйори будет свидетельствовать в суде по факту грабежа аптеки со взломом. Довольно грязная работа, которая вероятнее всего закончится казнью преступников, которых Кос бы просто эскортировал за пределы города и посоветовал больше не возвращаться. Зу был хорошим 'джеком, но проявлял типичное излишне пристрастное отношение к делу, как и многие другие офицеры, завербованные в легион после Рекдосовских восстаний.

У Бека и Даскоса будет полно работы на весь день по очередному из бесконечной серии пре-Декамиллениумных гоблинских фестивалей плодородия, проходящих на их участке. Гоблинские фестивали – Кос мог поклясться, что они проводились по разным

поводам каждую неделю в течение года – притягивали племена гоблинов со всего мира, из самых разных гильдий, не все из которых праздновали в едином, законопослушном порядке. Более половины последних фестивалей фактически заканчивались массовыми беспорядками. Гоблинские фестивали были дебоширским отражением священной Конвокации, которая озарит центр Равники всего через несколько дней.

Поразмыслив, Кос приказал Карлаусу и Мигеллик подобрать пару новых рекрутов для сопровождения лейтенантов на фестиваль и поручил Пушку присоединиться к ним после того, как она завершит освидетельствование по делу Галлмотта.

В любой другой год на этом планерка бы окончилась, и все остальные вышли бы на свое стандартное патрулирование, но это бы не любой другой год. Это был 9999 П.Д., и через четыре дня город будет праздновать десятое тысячелетие относительного мира и процветания, в рамках которого под Древом Единства, Виту Гази - престолом Селезнии, состоится благословение всего мира – если вы верите в такие вещи. Вероятно поэтому, половина города, похоже, стремилась успеть за оставшееся время нагрешить впрок.

Лейтенанты Влидок и Чилоску работали над делом о похищении человека за северными пределами Адовойдыры Рекдосов, одного из наиболее известных скоплений трущоб и крысиных нор демонопоклонников, расположенной между уличным уровнем и заселенным Голгари нижним городом, Старым Равом. Сержант Толгакс уже выслал отряд с ищейками, вынюхивающими улики. Изиги и Венц будут весь день рыться в архивах Центрального Форта, в надежде к завтрашнему полудню заполучить ордер на арест местного торговца наркотиками, работавшего под прикрытием Оржов. У Стэнслова утром была встреча с заведующим психометрической лаборатории, в ходе которой выяснилась недопоставка ‘капель, которые на данный момент наверняка уже распространялись на черном рынке. Эта недопоставка не могла вызвать резкий дефицит медикаментов, но Стэнслов доложил, что ему удалось вычислить несколько других недопоставок для лазарета Лиги на тот же склад, и сегодня он планировал проверить свои подозрения. Планерка продолжалась в этом духе до тех пор, пока не осталось одно последнее дело. Кос снял с носа очки и убрал их в футляр. Для этого чтение не понадобится.

- Ну, и наконец, официальное заявление. Сержант Борка, - сказал Кос. Бока встал, светясь гордостью. Возможно, немного публичной похвалы – было все, что нужно Борке, чтобы стать всеобщим любимцем Десятого сектора. И, возможно, Кос собирался вырастить себе крылья и пополнить ряды Рухов. У этого парня была удивительная способность раздражать всех вокруг, не только Коса. Это при том, что Косу он еще нравился.

- Сядь, сержант. Сегодня я начинаю стажировать тебя на лейтенанта. Поздравляю.

- Спасибо, К... сэр, - сказал Борка, кланяясь в ответ на заявление и садясь на место.

- Остальным такого счастья не перепало, - сказал Кос. – Но не думайте, что только потому, что я займу стол Фаскина, я стану недоступен для обсуждения в Тихой Заводе других повышений. За ваш счет, естественно. – Он выпрямился и коротко поклонился собравшимся воджекам. – Всем смотреть в оба. Разойтись.

* * * * *

Едва Кос и Борка вышли из зала заседаний, как их остановил окрик Фаскина.

- Кос! Сюда! – кричал Фаскин сквозь утренний шум в регистрационном холле, транзитной точке, куда доставлялись подозреваемые для занесения в базу данных Десятого сектора. Если они оказывались невиновны, они покидали участок через этот же зал. Кос мог подсчитать разы, когда он видел такое, на пальцах одной руки. Обычно нарушители закона проводили несколько часов в камере предварительного заключения, затем их вели наверх к судьям и, в случае признания их виновными, либо отправлялись на казнь, либо высылались из города, и никогда больше не видели этот какофонический цирк, коим являлся регистрационный холл.

А вот воджекам приходилось здесь бывать по несколько раз на дню, и Кос сейчас пробирался сквозь скопление преступников, ‘джеков, клерков и десятков людей, которые, похоже, появлялись здесь лишь для того, чтобы повыкрикивать случайные гневные слова. Нельзя было войти или выйти из участка Лиги, минуя это место, и Кос подозревал, что Фаскин специально поджидал его здесь. Капитан воджеков сидел за одним из нескольких столов, расставленных по залу, и слушал какого-то туриста в шелковых одеждах. Кос вспомнил, что видел этого человека вчера в театре. Было заметно, как Фаскин вздохнул с облегчением, завидев Коса, что могло означать лишь то, что лейтенанту сейчас будет отгружена еще одна порция капитанской работы.

Заметив Коса и Борку, капитан радостно замахал им рукой.

- В чем дело, капитан, - спросил Кос сквозь шум зала.

- Это... Как Вы сказали, Вас зовут, сэр? – спросил Фаскин.

- Венвел Колкин, - ответил турист.

Подойдя поближе, Кос заметил, что полноватый мужчина был насквозь мокрым от пота. Ну, или он только что вылез из реки, искупавшись в ней в своих дорогих одеждах.

- Мистер Колкин желает сообщить о возможном преступлении. Возможен аспект препятствования торговым отношениям. Вы ведь так сказали, сэр?

- Ну, я...

- А мне, тем временем, нужно успеть на важное совещание с начальством, - перебил его Фаскин. – Прими его, Кос.

- Примеряете новую парадную форму, сэр? – спросил Борка.

- Как ты...? – начал было Фаскин, но затем ухмыльнулся, поняв, что это ловушка. – Не важно, что делаю я, сержант. Кос, ты должен взять это дело.

- Я сегодня стажирую нового лейтенанта, - сказал Кос. – Не мог бы кто-нибудь другой...

- Простите, - перебил его турист, - это довольно срочно.

- И поэтому, я передаю Вас нашему лучшему ‘джеку, - сказал Фаскин, выскальзывая из-за стола. – Вы в надежных руках, мистер Колкин. – Фаскин просочился сквозь толпу в зале и выскочил за дверь до того, как Кос сообразил спросить, на что, собственно, жаловался мистер Колкин.

Кос сделал глубокий вдох и устроился на стуле за столом.

- Сержант Борка, прошу Вас вести протокол.

Борка, ворча, развернул листок бумаги и достал из кармана карандаш.

- В чем собственно проблема, сэр? Вы не похожи на местного, если позволите мне такое замечание.

- Я не местный, - сказал Колкин. – Мы... в смысле, я и моя жена... Она ушла, но я...

- Давайте помедленнее, - сказал Кос. – Ваша жена ушла от Вас?

- Почему все мне это... Нет, она... Она мертва, - продолжил турист.

- Мне очень жаль, сэр.

- Мне тоже, - сказал Колкин. – Йертруда была мне... Простите. – Торговец достал яркий фиолетовый платок из кармана, высморкался и промокнул слезы в уголках глаз. – Она была всем для меня. Но это не все. Я не называл это препятствованием торговле, но я подумал, что это может быть связано... Вы ведь тот ‘джек из театра.

- Да, сэр. Я уже переоделся. Итак, Ваша жена... она умерла в театре? Я не вижу аспекта препятствования торговле, о котором говорил капи...

Неожиданный, оглушающий вопль баньши пронзил спертый воздух зала. Через секунду к нему добавились крики ужаса от набившихся в помещении гражданских лиц. Звук исходил от серебристо-белого привидения появившегося посреди толпы, в форме изуродованной женщины. Воджеки, равно как и подозреваемые, в ужасе разбежались от нее во всех направлениях. Где-то послышался крик стражника – «Искатель! У нас здесь Искатель!»

- Она нашла меня! – закричал Венвел Колкин и пригнулся, чтобы спрятаться за столом, прижавшись к Борке.

- Я так полагаю, что это бывшая миссис Колкин? – спросил Кос. Турист кивнул, разбрызгивая струящийся пот. – Думаю, мне все понятно. Борка присмотри за ним. Мистер Колкин, прошу Вас, оставайтесь на месте. Мне нужно будет задать Вам пару вопросов после этого.

- После чего? – вскрикнул Колкин.

Кос проигнорировал его и повернулся к кричащему призраку, парящему примерно в центре зала, окруженного зеваками и растерявшимися стражниками. Кос был к нему ближе остальных офицеров, что автоматически делало привидение его проблемой. «Если птица садится на твое плечо ...» - пробормотал он.

Искатели были не самыми распространенными привидениями в Равнике, городе, полном призраками в прямом и переносном смысле. При этом, их вполне можно было отнести к одним из самых опасных представителям своего вида. В отличие от обычных душ умерших горожан, бродивших какое-то время после своей смерти по улицам, искатели были воплощением ярости и мести, воплощенным в сверхъестественной форме – это были души, погибшие грубой насильственной смертью раньше отведенного срока.

Это был несомненно один из самых жестоких видов приведений. Призрачный кошмар, когда-то бывший Йертрудой Колкин, продолжал орать, пока звук его крика не сформировался в единое слово - «Вееееееенвееелллллл!»

- Мистер Колкин, если я выясню, что Вы ответственны за смерть Вашей жены... - сказал Кос маневрируя между столом, скрывающим торговца и приближающимся искателем.

- Нет, я был... Она пропала, а потом я обнаружил, что она уже была...

- Кос! – крикнул Борка. – Что ты делаешь?

- Ты что, Борка, никогда раньше не сталкивался с искателями? – сказал Кос.

- Как-то не приходилось, - сказал сержант.

- Смотри и учись, - ответил Кос. Он открыл плоский кармашек на своем поясе и вынул из него небольшое стальное зеркальце. Вопящее привидение уже почти настигло его.

- Все, Йертруда, - сказал Кос как можно более спокойным голосом. В этот момент заполненный людьми зал замер, наблюдая за тем, что собирался предпринять сумасшедший ‘джек. Если бы он дал им повод для паники, началась бы давка. - Еще чуть

поближе. Нужно, чтобы тебе было хорошо видно... смотри! – На последнем слове, Кос взмахнул зеркалом прямо перед полупрозрачным лицом разгневанного призрака. Две точки синего света, горящие в пустых черных глазницах, вспыхнули, узнав образ в зеркале, и постоянные вопли сменились тихими стонами, а затем едва слышным шипением.

- Да, это ты, Йертруда, - мягко произнес Кос. Искреннее сопереживание искореженному существу звучало в каждом его слове. Важно было произносить имя женщины, чтобы напомнить ей, кем она была. – Мне жаль. Ты уже ничего не сможешь с этим поделать, Йертруда. Ты не хочешь никому вреда. Тебе нужно все отпустить. Знай, что ты будешь отмщена. Йертруда, клянусь тебе, мы сделаем все возможное, чтобы найти того, кто сделал это с тобой.

Привидение замерцало в неуверенности. «*Уйти*», - прошептала она, наконец. Ее голос Кос слышал не столько ушами, сколько в своей голове.

- Да, уходи! – заорал торговец из своего укрытия. – Хватит за мной...

- Нет, мистер Колкин, прошу Вас, не...

- *ВЕЕЕЕЕНВЕЕЕЕЛЛЛЛЛЛ!*

Ярость искателя взрывной волной ударила в окружающую толпу незримой сокрушительной силой, сбившую с ног даже Коса.

- Вот черт! – разозлился Кос. – Борка, уведи его отсюда! Сейчас же!

Психическое состояние призрака Йертруды стремительно ухудшалось. Меньше всего Косу хотелось, чтобы этот идиот, муж Йертруды, вмешался еще раз, подлив еще больше масла в огонь.

Кос засунул зеркальце назад в карман на поясе. Этот фокус мог сыграть лишь один раз, а теперь, когда ярость искателя достигла своего апогея, решить проблему мирным путем ему уже вряд ли удастся. Заземлители тоже были уже бесполезны, так как искатели были способны противостоять их улавливающему воздействию. Теперь оставалось только одно. Кос снял с пояса жезл и провернул его рукоятку, пока она не щелкнула дважды. Мана хлынула по внутренним волокнам оружия, и Кос почувствовал, как нагревается сталь жезла в его руке.

- Мне очень жаль, миссис Колкин, - сказал он, прицеливаясь в самый центр орущего призрака и концентрируя всю свою волю на оружии.

- *Врази*, - произнес Кос.

Смертельный заряд маны, накопленной в серебряном жезле, вырвался с яркой золотистой вспышкой и поразил привидение. Энергия словно поглотила призрак изнутри, подобно тому, как сгорает бумажная кукла над пламенем свечи. Всего за пару секунд фантом погибшей женщины сгорел и превратился в облако черного дыма, повисшего в спертom воздухе душного помещения.

Конклав Селезнии утверждал, что предназначение душ умерших состояло в том, что бы объединиться в священной песни с коллективным сознанием дриад. Голгари захватывали призраков умерших и использовали некротическую энергию для создания с их помощью *оживших* мертвецов. Использование призраков в других гильдиях варьировалось по большей части между этими двумя догмами. Но Борос – гильдия, в которой Лига воджексов была лишь малой ее частью – была единственной гильдией, регулярно *уничтожавшей* призраков, сжигая их с лица Равники. Кос иногда задумывался, сколько бы он заплатил за то, чтобы полностью стереть остатки своей души, после того, как он сам умрет. В его возрасте, это могло произойти в любой момент.

- Не на что тут смотреть, - сказал Кос ошеломленной толпе, в ступоре стоящей вокруг него. – Все под контролем. Эти слова было достаточной искрой для последующего взрыва громких дискуссий среди собравшихся преступников, подозреваемых, свидетелей и воджеков, размышляющих о том, что именно сейчас произошло, может ли такое произойти снова, и был ли призрак кем-то, кого они знают.

Кос нашел Борку и Колкина, прячущихся на дальнем краю стола, за которым он их оставил. Лейтенант предложил Колкину руку, помог ему подняться и указал на стул.

- Ну что ж, мистер Колкин, почему бы Вам не начать все с самого начала?

* * * * *

Венвел Колкин, как оказалось, отчаянно хотел найти убийцу своей жены – особенно теперь, когда ее призрак не угрожал сожрать его душу – но, как свидетель, он был бесполезен. Если бы торговец мог описать подозреваемого, кого-то, кто, возможно, убил Йертруду и, вероятно, продолжит убивать других, это было бы уже что-то. А Колкин даже не знал, что его жена была мертва, пока искатель не набросился на него за рынком. С того момента он только и делал, что убегал от привидения.

Кос ничем не мог помочь Колкину, кроме того, чтобы объяснить, что само по себе убийство, технически, не являлось нарушением закона в Столице Равники. За исключением того случая, если жертва носила десятиконечную звезду, похожую на ту, что висела на груди Коса. Даже если бы Колкин сам убил свою жену, во что Кос не верил после того, как увидел массивное повреждение шеи искателя, то технически это было бы только их семейное дело. Особенно, если никто другой не пострадал, и жертва не была членом какой-либо гильдии, достаточно известным, чтобы дать основание для возбуждения дела по нарушению торговых отношений.

Это, считал Кос, была одна из причин, почему каждая из гильдий держала как минимум крупное посольство в Центре Равники, если не собственную резиденцию. Многие гильдии, особенно Оржов и Голгари, рассматривали убийство как бизнес, и если у убийцы все бумаги были в порядке, то никакого преступления в этом не было. И уж точно все гильдии, даже конклав Селезнии вели деловые отношения с Оржов. За пределами города законы были другими. Магическое влияние Пакта Гильдий было все еще в силе, но в рамках его ограничений лоскутное одеяло гильдийных территорий и свободных зон руководствовалось иными системами правосудия.

Кос иногда задумывался, каково бы это было – уйти из воджеков и присоединиться к Хазде, лиге добровольцев, охраняющих закон во всем остальном мире, за границами Столицы Равники.

Потом он увидит что-нибудь – знакомого торговца, монумент, башню – и подобные мысли сразу же покажутся ему смехотворными. Он не ушел за 110 лет и не собирался уходить сейчас.

Самец Девкарин убивает. Самка Девкарин делает смерть менее постоянной. Это дары нашего вида, и в них мы достигаем равновесия.

—Матка Велика (8403 – 8674), из Свитков Маток

24 Зуун 9999 П.Д., раннее утро

Далеко внизу под ногами Агруса Коса кентавр спасался бегством. В его боку торчала пара стрел, и одна его задняя нога подволакивалась через каждую пару шагов. Он был стар даже для кентавра – не менее трехсот лет, судя по сутулому гнедому крупу с проплешинами, длинной белой бороде и гриве, хлещущей в промозглом сыром воздухе нижнего города. Сбиваясь с рыси на галоп, он скакал по узкому проходу между двумя массивными осыпающимися строениями. Он остановился, втянул носом воздух и нервно осмотрел открытые окна, смотрящие на него со всех сторон.

Он совершенно заблудился.

Кентавр отдышался, тяжело переводя дыхание, затем прокашлялся. Чем ближе он приближался к дымящимся вентиляционным шахтам Адовойдыры, тем воздух становился все хуже, а его древние легкие и без того были поражены с полдюжины болезней. Он растеряно оглядывался налево, направо и назад через плечо. Он не видел никаких признаков стаи хищников, следовавшей по его следам, а его обоняние все еще на что-то годилось. Ему показалось, что он что-то услышал сзади, в тени постройки, просевшей за время отчуждения. Стебли ползущих растений, мох и плесневые грибы заполняли каждую трещину и щель некогда строгого, углового сооружения, еще пятьдесят лет назад бывшего жилым. Теперь Сестры и их верховная жрица Девкарин, матка Савра, отдали его двум элитным классам Гильдии Голгари – эльфам Девкарин и тератогенам. Кентавр не принадлежал ни к одному из этих классов, ни, собственно, к Гильдии Голгари. Он просто заблудился, как и многие посетители Старого Рава, решившие побродить по нему чуть подольше.

Кентавр прокашлялся снова, в этот раз, отхаркивая кровь.

Прямо над ним, что-то носом втянуло воздух. Старый кентавр посмотрел наверх и уткнулся в лицо, закрытое маской в виде черепа поверх черных пронизывающих глаз. Не закрытый маской рот произнес: «Бу.»

Охотник - бледный эльф спрыгнул с полуразрушенной стены на сутулую спину кентавра. Он не воспользовался ни стрелой, ни длинным ножом, пристегнутым к его поясу, а вместо этого обхватил шею своей жертвы руками. Кентавр издал сдавленный вопль и понесся по одной из сотен узких и опасных улиц нижнего города, тщетно пытаясь стряхнуть с себя нежеланного наездника.

Охотник сдавливал хватку с каждой секундой, и вскоре старик споткнулся, попытался встать, но уже не смог. Эльф в маске нажал большими пальцами в основание черепа своей жертвы и резко провернул голову кентавра, оборвав его жизнь с одним звонким хрустом. Он отпустил голову кентавра, безжизненно повисшую на боку, и слез с его спины.

Охотник посмотрел в затуманенные мертвые глаза кентавра, подумал закрыть их, но решил не возиться с этим. Они скоро понадобятся кентавру, хоть и ненадолго.

Эльфа звали Джерад, и ему было скучно.

- Я разочарован, - сказал Джерад. Он обошел труп кентавра и рывком выдернул стрелы из его тела. Кровь обрызгала его руки и обнаженную грудь. С легкостью заученного ритуала он вытер кровь с каждой стрелы по одному разу о щеки, затем острым наконечником одной из стрел разрезал кончик своего языка. Он попробовал на вкус смесь своей крови и крови кентавра, смакуя короткий миг триумфа удачной охоты. Затем он разломил обе стрелы пополам и отбросил их в сторону. Джерад никогда не использовал одну и ту же стрелу дважды.

- Я не охотился на таких, как ты уже десятки лет, - сказал эльф, обходя кентавра снова, чтобы посмотреть в его остекленевшие безжизненные глаза.

Мертвый кентавр ничего не ответил.

- Крепись, - продолжал Джерад. Он провел рукой по своим спутанным черным дредам, дав возможность нескольким жучкам сползти с них ему на запястье. Девкарин отдал насекомым беззвучный приказ и сбросил их на пол. Жуки быстро расползлись во мраке в поиске расположения истинной жертвы. Когда они достигнут ее укрытия, их примитивная нервная система направит охотника в это место и поможет вести наживку по нужному маршруту.

- Твоя смерть принесла двойную пользу, - продолжил эльф. - Тебя используют для важной миссии, а также тебе удалось убедить меня, что кентавры не стоят того, чтобы на них охотиться.

Эльф вглядывался в глаза мертвого существа еще несколько секунд. Затем его верхняя губа поморщилась в легком презрении.

- Я знаю, что ты там. Выходи уже.

При нормальных обстоятельствах, призрак появился бы сразу после смерти и безобидно бы бродил по местам, которые он знал при жизни. А через пару недель он бы просто растворился. «Нормальные» привидения варьировались по насыщенности и протяженности существования, поэтому никто не знал, чего можно было ожидать от того, кто умер по естественным или ожидаемым причинам. Но умерший насильственной смертью, особенно если насилие было неожиданным и непонятным для жертвы, часто восставал опасным фантомом – искателем, безумным и смертоносным. Он был способен уничтожить разум любого живого существа силой собственного душевного страдания. Иногда такие фантомы замыкались на конкретном живом существе, которого они обвиняли в своей смерти, но чаще всего разъяренные призраки просто набрасывались на любого, кому они могли нанести вред – живых, зомби или других призраков. А нанести вред они могли практически всему, что обладало разумом.

Труп кентавра на мгновение озарился голубым светом, затем его искаженная полупрозрачная копия медленно поднялась над телом – призрачная пародия кентавра, рожденная в тот самый момент, когда Джерад сломал ему шею. Голова призрака кентавра - по крайней мере, образ его головы, который отобразила его мученическая душа - свисала под углом в девяносто градусов и открыла рот для крика.

- Сейчас! – рявкнул Джерад. Пара эльфиек в облегающих кожаных доспехах и темно-зеленых шлемах, украшенных черепами животных, тихо скользнули от стен, в тени которых они скрывались. У каждой в руках был короткий посох, увенчанный пучком червеобразных щупалец, потрескивающих и искрящихся некроманой. Призрак издал

пронзительный вопль, и щупальца на посохах начали биться и хлестать из стороны в сторону. Охотницы вонзили наконечники своих посохов в полупрозрачное тело привидения. Без единого звука извивающиеся щупальца вгрызлись в эфирный образ искателя и разорвали его эктоплазмическую сущность, впитывая и пожирая ее. Охотницы тихо произносили заклинание на Девкаринском диалекте эльфийского языка, заставляя яростный призрак кентавра прекратить сопротивление.

Охотницы выжидающе взглянули на Джерада. Наконец, он кивнул им, и они одновременно хлестнули кишащими сияющими некротическими щупальцами лежащее на земле мертвое тело кентавра. Щупальца набросились на труп, словно голодные осьминоги, вонзая тысячи крошечных зубов в его мертвую плоть. Они извивались, скользя, словно змеи по всему телу кентавра, окутывая его сетью черно-зеленой субстанции, состоящей из венозных жил и стеблей растений. Когда кожа кентавра окончательно утратила прежний облик, охотницы одернули посохи и щупальца с тихим треском оторвались от липких стеблей, покрывавших теперь тело жертвы.

Джерад раздраженным жестом руки приказал охотницам удалиться. Тело кентавра некоторое время оставалось неподвижным. Затем оно шевельнулось. Труп попытался встать на ноги так, словно кентавр был пьян или оглушен. Джераду на секунду показалось, что ноги кентавра не выдержат этого подъема и треснут, но стеблевая сеть крепко держала реанимированные кости ожившего существа. Он издал низкий сдавленный мучительный скрип, остекленевший взгляд замкнулся на Джераде, и словно новорожденный жеребенок, он, шатаясь, направился к охотнику. Низкий стон голода, боли или, возможно, просто от страданий сорвался с его посиневших губ, и некротическая сеть его новой кожи начала пульсировать. Открытым ртом он жадно хватал воздух.

Новому зомби нужно было есть, но охотник Девкарин вовсе не собирался его кормить.

- Стоять, - спокойно приказал Джерад. Зомби-кентавр застыл на месте, покачиваясь в растерянности, поскольку голос бледного эльфа заставлял его делать то, чего он хотел меньше всего. Конечно, у него не было никакого выбора. Зомби, созданные Девкаринской магией, не могли противиться голосу эльфа Девкарин.

Джерад созвал весь свой охотничий отряд. Помимо двух охотниц, к нему из тени домов вышли два бледных и худых эльфа, одетых так же, как Джерад. Правый бок, плечо и спина Тража были покрыты черно-зелеными ритуальными татуировками. У его брата-близнеца Зурно этот же рисунок покрывал левую часть тела. Тело Джерада не было разукрашено, а из ритуальной атрибутики у него была лишь его маска в форме черепа, указывающая на то, что он был главарем отряда охотников, егерь-мастером.

Близнецы одновременно убрали невыпущенные стрелы обратно в колчаны и повесили заточенные бритволуки на плечи. Джерад никогда не питал теплых чувств к этому древнему высокоточному оружию, традиционно используемому охотниками Девкарин, которое становилось вдвойне опаснее в качестве холодного оружия в ближнем бою. Он предпочитал им свой кинжал и традиционный эльфийский лук, перешедший к нему от отца.

Эльф в маске встал перед восставшим из мертвых кентавром и положил руку на его плечо. Со стороны, прячущимся в ближайших строениях жителям этого заброшенного района Старого Рава могло показаться, что они с кентавром решили помириться. Через тактильный контакт Джерад заставил зомби увидеть истинную цель эльфа, чтобы кентавр

почувствовал, где находится логово левиафана. Слабоумный ходячий труп впитывал его приказы словно губка. Он развернулся и поплелся вниз по ближайшей аллее.

- За ним, - приказал Джерад близнецам. – Не дайте ему сбиться с пути. Идите тихо и не отходите от стен.

- Охотницы, - тихо сказал бледный эльф. – Седлайте летучих мышей. Следуйте по аллее Гогнира до второго поворота перед Адовойдырой. Вы ударите с севера, но после того, как я первым нападу на нашу жертву. Идите.

- Во имя Савры, - в унисон отозвались охотницы и пошли в направлении, противоположном тому, по которому ушли близнецы на своих охотничьих варанах.

- «Имя Савры», - пробормотал Джерад. Он подумал, не раздражают ли охотниц приказы от того, кто не входит в ряды духовенства. Он искренне надеялся, что раздражают. Эти две, Даинья и Эльга, были одними из любимиц Савры.

Джерад сосредоточил все свои чувства, прислушиваясь всем своим разумом к едва уловимым колебаниям мыслей от самых мелких членов его охотничьего отряда. Жуки-следопыты советовали ему посмотреть вверх. Они отметили для него свой, укрытый темнотой, маршрут к жертве. Древняя обвалившаяся каменная труба когда-то служила вентиляционной шахтой и мусоропроводом для разрушенного перестроенного здания. Труба, извиваясь, проходила сквозь все строение словно огромная железная змея. Обычно идти по такому пути было крайне опасно. Труба могла обвалиться в любом месте, и в ней могли находиться разные мерзкие падальщики, на которых не было смысла охотиться, потому что они были ядовитыми, больными или попросту дохлыми. Но Джерад знал каждую вентиляционную шахту нижнего города. Он скользил, протискивался и ползал в них с самого детства, а сейчас ему было без малого две сотни лет. Он не боялся ничего, что могло в них оказаться, и часто использовал эти шахты на охоте для быстрого и незаметного пересечения Старого Рава. Другие, конечно, тоже пользовались ими, но никто не знал всю вентиляционную сеть так, как главарь отряда охотников Девкарин.

Но сперва - главное. Джерад прошептал несколько слов на древнем темном языке, которые когда-то он вырвал у не менее древнего темного эльфа, вместе с физическим языком старца. Бледный эльф протянул руку, наблюдая за тем, как заклинание набирает силу. Джерад смотрел, как его рука из бледной превратилась в землисто-серую – того же серого оттенка, что и земля под ним – чары невидимости окутали все его тело.

Визуальные эффекты были лишь частью заклинания. Независимо от того, насколько сложным будет его путь через старую полуразрушенную трубу, он не издаст ни звука, пока сам того не пожелает. Его шаги не создадут ни малейшей вибрации в растрескавшихся камнях. У него не будет никакого запаха. И даже если чудовище, на которое он охотился, заденет его своими мерзкими щупальцами, то все равно не ощутит его присутствия.

Это было очень полезное заклинание. Джерад ревностно охранял его и никогда не произносил его слова в чьем-либо присутствии, особенно при Савре. Если бы она узнала, что он владеет такими знаниями, она вероятнее всего немедленно казнила бы его. Это заклинание было также далеко от заурядной ауры хамелеона, как сама Савра была далека от простой монашки.

Он взобрался вверх по стене и нырнул в трубу. Менее чем за пять минут он достиг ее края, отсеченного когда-то обрушившимися внутренними стенами здания. Джерад осторожно высунул голову и оглядел логово чудовища. Дыра в форме грубого круга в центре массивной древней постройки обрушила не только здание, но проходила и сквозь

подземные уровни. В результате чего обвалившиеся валуны пробили потолок древней пещеры, возможно, служившей канализационным узлом еще во времена до подписания Пакта Гильдий.

Обвал освободил давно погребенного спящего левиафана, на которого и охотился сейчас Джерад. Вначале Сестры горгоны попытались контролировать чудовище, так же, как они контролировали большинство тератогенов Голгари, но разум левиафана оказался не восприимчивым к силе их убеждения, а отсутствие глаз наделило его иммунитетом к их знаменитым способностям к петрификации. Разум левиафана представлял собой не более чем сеть из отдельных нервных узлов в огромном слизнеобразном теле. Каким бы гигантским он ни был в физическом измерении, по своей сути он был простейшим организмом. Проснувшись голодным простейшим организмом. Сперва он сожрал весь окрестный мусор, пару отчаянных демонопоклонников и прочую мелочь, включая целую деревню первопроходных (и глупых) гоблинов-поселенцев, пытавшихся построить первый автономный район хижин вне зоны влияния Рекдосов.

Когда начали исчезать тератогены Сестер, они решили обратиться к своему егерь-мастеру. Если эта штука окажется съедобной, ее отошлют на бойню. Если нет, Савре приказано попытаться реанимировать ее, и Джерад был уверен, что она будет более чем счастлива, выполнить этот приказ. По преданиям, в далеком прошлом, попытки проделать нечто подобное увенчались успехом, а действующей матке не терпелось присоединиться к легендарным именам и вписать свои собственные подвиги в священные Свитки Маток.

Джерад надеялся, что левиафан окажется съедобным. Ожившие мертвецы были полезны, и реанимированный труп кентавра это скоро докажет. Но, на его взгляд, тот, кто до конца сражался за свою жизнь, заслуживал дар истинной смерти. Те же, кто не борется за выживание, заслуживают свою участь. Когда пробьет час Джерада, он будет сражаться до последнего вдоха. Левиафан тоже будет сражаться. Эльф был уверен в этом.

Наживка, с другой стороны, была наживкой. Жизнь кентавра была практически окончена. Теперь она служила высшей цели. Зомби должен был быть благодарен ему за это. Джерад наблюдал, как слегка постанывающая наживка появилась тремя этажами ниже, под ним. Траж и Зурно тихо, словно призраки, проскользнули в логово и заняли свои позиции в тени, на противоположной от кентавра стороне. Прижавшись к стене, близнецы обошли с двух сторон огромное кольцо мощных щупалец у самой пасти чудовища. Увидев, что его помощники заняли свои места, Джерад сполз со своего укрытия вниз на один этаж, затем пробрался сквозь развалины до того места, где он мог стоять прямо над громадной слизнеобразной тушей.

Левиафан пошевелился. Он обнаружил близнецов, но его сеть нервных узлов не смогла понять, почему одно существо было одновременно в разных местах. Для его примитивного обоняния – так сказать - у братьев был практически одинаковый запах. Кроме того, прямо перед ним возник более сильный, более аппетитный запах еды. Что-то крупное, на четырех ногах.

Это была сложная часть плана. Неоднозначная ситуация, которую охотник Девкарин не мог полностью контролировать. Сможет ли гигантский щупаличный червь почувствовать все еще свежие нотки смерти на кентавре? Или он сделает то, чего требовали его подавляющие волю инстинкты? Джерад ставил на то, что левиафан, благодаря примитивности разума, не сможет бороться со своими инстинктами.

Его ставка оказалась верна.

Зомби рассеянно ковылял вперед, прямо в щупальца левиафана, которые превратились в кишашую массу, поглотившую наживку в считанные секунды. Кентавр-зомби исчез в необъятной пасти чудовища.

Покончив с лакомым куском, гигантский слизень вернулся к загадке близнецов Тража и Зурно, но его раздумья длились недолго. Левиафан начал содрогаться в спазмах, его тело встряхивалось, словно верблюд, отгоняющий мух. В растерянности он рычал и яростно бил щупальцами. Наживка обернулась ядовитой пилюлей.

Живое существо, укушенное зомби Голгари, вскоре умирало от некробиотической инфекции и становилось ходячим трупом, зомби, который, не будучи реанимированным с помощью магии матки и ее охотниц, был совершенно лишен разума. Большинство зомби, бродивших и работавших в Старом Раве, были созданы магией Девкарин, но в особо темных местах всегда скрывались ходячие трупы. Зараженный укус был более простым методом создания зомби, чем тот, который использовали охотницы и Савра, но, созданный им зомби практически не поддавался власти эльфов Девкарин.

Тем, кто съедал зомби, было еще хуже. Плоть оживших мертвецов была смертельной для большинства живых существ. Любой, хоть на половину разумный хищник знал, что зомби кусать ни в коем случае нельзя. Но кентавр был свежим, а безмозглый гигантский слизняк привык есть все, что двигалось в пределах его досягаемости. Джерад на мгновение почувствовал волну симпатической тошноты, видя, как бьется в агонии древнее чудовище.

Он подождал еще десять секунд, пока левиафан корчился в своем логове под ним. Он видел как Траж и Зурно ползли вверх по обрушенной стене, уворачиваясь от машущих во все стороны щупалец и ожидая его сигнала. Он взглянул на один этаж вверх и увидел охотниц на своих огромных летучих мышах, с арбалетами наготове. Они кивнули ему в унисон.

Ядовитое тело зомби ослабило левиафана, но с ним вовсе еще не было покончено. Джерад прыгнул со своего места. В полете, он достал свой длинный, похожий на саблю, кинжал и повернул все тело так, словно он ныряет в тело слизня, придав, таким образом, максимальное ускорение и инерцию падения лезвию своего оружия. Кинжал вонзился глубоко в толщу черной кожи чудовища, и зловонная фиолетовая кровь вырвалась из раны. Маслянистая слизь пузырилась и заливала руки Джерада. Охотник Девкарин рывком вытащил клинок и без особых усилий удержал равновесие на изгибающейся спине левиафана. Он снова и снова вонзал кинжал в примитивный хребет чудовища, с каждым ударом он углублял траншею вдоль спинной линии, уничтожая сеть нервной системы своей жертвы. Он уже ничего не слышал сквозь предсмертный рев левиафана, но заметил блеск стали и фонтан кровавой жижи, когда один из близнецов отрезал бьющееся щупальце.

Когда все три охотника ввязались в бой, охотницы поднялись в воздух и, кружа, словно стервятники, открыли стрельбу сверху. Меткие выстрелы стрел с ядовитыми наконечниками мгновенно парализовали щупальца, прибывая их к земле. Десятки остальных стрел глубоко вонзались в тело левиафана. Постепенно рывки чудовища начали ослабевать, а его оглушающий рев все больше походил в жалобный стон. Тем временем, Джерад не переставая рубил и резал центральную часть спины животного. Его сапоги по щиколотку увязли в мягкой зеленоватой жиже. Еще пара ударов и он, наконец, добрался до «золотой жилы». Одной рукой он выгреб мясистые куски желеобразной слизи

и обнажил толстый черно-синий канат оголенных нервов, в сечении размером с его собственный торс – позвоночный столб левиафана.

- Ты славно сражался, старик, - сказал он, - но тебе стоит подумать о том, чтобы развить мозг.

Бледный эльф поднял над головой вымазанный в кровавой жиже клинок и со всей мощи обрушил его вниз. Кинжал насквозь разрезал сердцевину нервной системы левиафана, обдав эльфа фонтаном черной позвоночной жидкости. Левиафан рванул и затрясся еще сильнее, чем прежде. Мускулы, сокращавшие примитивные дыхательные органы, замерли на месте, и оставшиеся щупальца, прекратив биться, рухнули на залитую кровью землю.

Летучие мыши охотниц уже поедали куски отрубленных щупалец.

- Вы, обе, не обжираться, - крикнул он охотницам. – Собирайте мясо.

Джерад спрыгнул со спины левиафана, приземлившись между огромными летучими мышами, и отмахнул их окровавленные морды от кусков свежего мяса.

- Собирайте мясо, - повторил он, глядя в глаза охотницам. – Сейчас же.

Охотницы натянули поводья и отвели своих ездовых животных от свежеебитой добычи. Джерад подозвал близнецов и дал им задание на организацию разделки туши. Братья немедленно направились в главный лагерь за мясниками, а главарь отряда сделал несколько шагов назад, чтобы рассмотреть все величие убитой жертвы. Такие чудовища были редкими. А найти такое существо, прячущееся так долго прямо под их носом, было для него поистине уникальным и удивительным событием.

Туша массивного слизня заполняла большую часть подножия обрушившегося здания. Пыль, песок и обломки камней то и дело сыпались со стен, когда тело чудовища конвульсивно вздрагивало то там, то здесь, словно укушенная мухой лошадь, выпуская электрические разряды нервной массы в сырой воздух подземелья. Лучшая охота десятилетия – не меньше.

- Возвращайтесь к своей госпоже, - сказал Джерад охотницам, не оборачиваясь. - Скоро здесь будут мясники, мне вы больше не нужны.

- Ты уверен, что добыча убита, - сказала Эльга, та из них, что была выше ростом. Это был не вопрос, а вызов. – Если ты не убил ее, мы должны привести сюда Савру.

- Оно все еще двигается, - добавила вторая охотница, Даинья так, словно Джерад был глупым ребенком. Джерад давно уже привык к этому тону от жреческой касты. Он заметил оттенок страха во взгляде охотниц, когда они осматривали слизнеобразный труп левиафана. – Оно... дергается.

- Он мертв, - произнес знакомый властный голос из теней наверху. Савра спустилась верхом на огромной летучей мыши, приземлившейся в облаке пыли и сложившей крылья, давая матке сойти на землю. – Поверьте мне, мои охотницы.

В ответ на ее обычный повелительный взгляд Джерад ухмыльнулся, не разжимая губ. Несмотря на ее ранг, уступающий одним лишь Сестрам, она носила простую кожаную одежду с изящными украшениями и тотемными знаками. В этом же стиле был украшен и ее посох – переплетения крошечных звериных черепов, птичьих перьев и плавно колышущиеся некрокластеры, похожие на ростки виноградной лозы.

- Что тебе нужно, Матка? – спросил он без преамбул.

- Уж конечно не испортить твоё веселье, - сказала Савра. – Я так понимаю, ты здесь закончил?

- Как ты сама сказала, зверь мертв, - ответил Джерад. – Это мясо, скоро здесь будут мясники. И ты мне не ответила.

- Всегда так спешишь, - сказала матка, мурлыча, как кошка. Она подошла вплотную к нему и провела указательным пальцем по длинному шраму, идущему по левой стороне его челюсти. – Ты больше не веселый.

- Я никогда не был веселым, - сказал Джерад. – И ты испытываешь мое терпение, сестра.

Савра улыбнулась и мягко сжала его подбородок между большим и указательным пальцем. Он не шелохнулся и не отпрянул, даже когда она потянулась вплотную к нему, чтобы прошептать ему на ухо. От ее теплого дыхания у него по шее поползли мурашки.

- У меня есть работа для тебя, - прошептала она. – И я думаю, она тебе понравится. Держу пари, понравится даже больше, чем убийство гигантских слизней.

Когда матка объяснила свой замысел, ему пришлось признать, что она была права.

ГЛАВА 7

Какой самый плохо скрываемый секрет Равники? После восстания Рекдос, воджеков осталось слишком мало, чтобы патрулировать весь город. Они уже покинули Старый Рав. Скоро у, так называемого, «Бдящего Глаза» останется достаточно глаз лишь для патрулирования центра. Если Лига не объявит серьезный набор рекрутов, Равника может не пережить празднование собственного Декамиллениума.

—Передовица, *Журнал Пакта Гильдий Равники*
(9 Прахз 9995 П.Д.)

24 Зуун 9999 П.Д., полдень

Венвел был потерян, пьян и быстро терял способность придавать значение любому из этих своих состояний. Он прислонился к стене в сырой и дурно пахнущей аллее, за шумным, первым попавшимся трактиром, в который он пришел после выхода из участка Лиги Воджеков. Он был определенно уверен, что его ударили по голове в какой-то момент, или, возможно, он сам ударился головой обо что-то. Он чувствовал себя рассеянным и подавленным. Он не мог поверить, что его Йертруда действительно умерла, и, в тоже время, его сводили с ума угрызения совести от того чувства облегчения, которое он испытал, когда на его глазах был уничтожен ее призрачный образ. Его кошелек был почти пуст. Его одежды были порваны и заляпаны пролитыми спиртными смесями разных видов и пропорций. Венвел Колкин менее чем за два часа за один присест выпил больше бумбата, чем за всю свою жизнь. Венвел был глубоко погружен в свои мысли, бродившие по замкнутому кругу в его голове.

Он ненавидел себя за то, что привез сюда жену. Он ненавидел себя за свою жадность - если бы он только заплатил за ее лечение, они бы никогда не приехали в столицу, и Йертруда была бы жива. Он ненавидел себя за то, что он чувствовал облегчение. И не только потому, что призрак Йертруды мог убить его. Последние несколько лет болезни Йертруды, мягко говоря, были сложными.

- Проклятье, - ругнулся Венвел. Он неуверенно повернулся, прислонился спиной к каменной стене и сполз вниз, пока не сел на землю, опершись на нее. - Здесь воняет. Очень-очень-очень воняет. - Он влил остатки бумбата себе в глотку и швырнул бутылку в противоположную каменную стену, разбив ее вдребезги. От этого ему не полегчало, поэтому он пожаловался на бутылку тоже.

Венвел все жаловался глухой ночи на опасности для здоровья на аллеях Равники и опасности для жизни в столичных театрах, пока кто-то, кого он не видел, не вырвал ему глотку.

* * * * *

Особенности законов Равники, касающихся убийств, какими бы они ни были, сделали Коса экспертом в тех случаях, когда нужно было остановить потенциальных убийц от превращения в убийц фактических. В данный момент, он пытался повернуть похожую операцию, но на менее смертельном уровне.

- Не надо было разрешать тебе пробовать первым, - прошептал Кос.

- Если ты знал эту мелкую, почему не сказал об этом? – также шепотом ответил Борка.

- Я же не знал, что ты решишь ее напугать, - сказал Кос. – Борка, если Лига не начнет набирать хоть каких-нибудь рекрутов, тебе придется работать на этом участке самому. Ты должен понимать, как разбираться с такими случаями самостоятельно. Вот тебе подсказка. Не заставляй маленьких детей плакать.

- Я и не заставлял... Знаешь, попробуй сам, друг детей и защитник пушистых котят, - сказал Борка. – Ребенок или нет, она украла чужую собственность.

- Просто смотри и учись, ладно? Учение, Борка. Учение.

- Так точно, сэр, - пробурчал Борка.

Девочка, стоящая перед ними, храбро защищала небольшой фрукт, который она обхватила обеими руками. Ее звали Люда, и она была одной из сирот из приюта миссис Моллии. Кос помнил ее по своим посещениям этого приюта, куда он периодически приносил пожертвования. Иногда ему удавалось передавать им «подарки» от виновных в препятствовании торговым отношениям, которые сам он принять не мог. Такие, как ящики фруктов, содержащихся в постоянной свежести с помощью консервирующей ауры, лечебные травы и медикаменты, и в одном странном случае, двадцать восемь шелковых пижам, каждая из которых была настолько огромная, что могла уместить с полдюжины сирот. Их ему пришлось очистить в некролаборатории, чтобы быть уверенным в том, что ткань безопасна для пошива новой одежды у миссис Молли, поскольку конкретно эта взятка была от портного локсодона, подозреваемого в смачивании ядом кончиков швейных иглолок своих конкурентов.

- Люда, - сказал Кос, - ты помнишь меня? Я - Кос. Я друг миссис Молли.

- Вроде да, - тихо, с неуверенностью в голосе сказал ребенок, не поднимая глаз.

- Можно тебя кое о чем спросить? Где ты взяла этот диндин?

Люда не ответила, но, прячась за фруктом, указала пальцем в сторону, откуда, как понял Кос, она его стащила – большая внешняя витрина магазина, возвышавшегося за его спиной, уставленная рядами ящиков с разными фруктами. В одной из аккуратно сложенных пирамид из диндинов виднелась дыра, совпадающая по размеру с диндином в руках у Люды.

Девочка замерла, когда Кос сел на корточки, чтобы встретиться с ней глазами. Парой слов он уговорил Люду поднять свое заплаканное лицо, но она все еще держала фрукт, словно мать, защищающая своего ребенка. У нее, как и у многих других, живших на нижних ступенях социальной лестницы Равники, не было гильдии, которая могла бы ее защитить. Она была отбросом общества, у которой были лишь такие люди, как миссис Моллия, Кос и ее собственные навыки выживания. Если бы Косу удалось зародить немного сострадания в поведении Борки, у ребенка бы появилась еще одна рука помощи.

Моллия не относилась к своим подопечным, как к заключенным, поэтому не было ничего странного в том, что девочка была так далеко от приюта. Тем не менее, пожилая смотрительница вряд ли позволяла детям, младше двенадцати лет уходить из приюта

одним. Люда, в свои пять лет, скорее всего, ускользнула из-под ее носа. Кос отметил себе, что надо бы предупредить Моллию о вылазках девочки ради безопасности самой Люды.

Борка был прав в одном – Кос не мог игнорировать преступление, даже если «преступник» был ребенком, а украденным был всего-навсего ползиковый фрукт, который ей нужен был, чтобы выжить. На витрине магазина сияла печать Оржов, Гильдии Сделок. В придачу к широчайшим торговым, банковским и перевозочным интересам Синдиката, гильдия была переполнена юристами. В сущности, любой практикующий законник, не принадлежавший к Сенату Азориус, был членом Синдиката, и они славились тем, что могли возбудить дело против малейшей угрозы, направленной даже самым незначительным из их интересов. До тех пор, пока ты платил взносы за протекцию Оржов, они гарантировали тебе защиту, особенно в суде.

Безгильдийные в случае нужды могли получить пропитание из продовольственных хранилищ Голгари, и большинство из тысяч жителей на участке Коса жили только за счет этой еды. Но он не мог обвинять ребенка в том, что она хочет что-то лучше, чем пресная и черствая еда от Гильдии Восстановления, которую она предоставляла всем нуждающимся, согласно Законам Пакта Гильдий. К счастью для девочки, Кос давно уже нашел простую уловку, к которой он сам прибегал в таких случаях.

- Люда, никто не желает тебе зла, - сказал он. Но, знаешь, ты не одна, кому сейчас грустно.

Девочка не издавала ни звука, за исключением периодического шмыганья носом. Она сделала осторожный шаг назад, от Коса и Борки. Кудри черных волос скатились на ее запачканное лицо, но не скрыли блеск умных глаз, выглядевших гораздо старше ее пяти лет. Когда стало очевидно, что Люда не собирается ничего говорить в ответ, Кос продолжил.

- Мистеру Тупайну тоже грустно, - сказал он. – У мистера Тупайна большая семья.

Он заговорщицки улыбнулся и, подмигнув, добавил, - не *высокая* семья, понимаешь? А большая.

Девочка продолжала смотреть в глаза Косу, сверкая зелеными зрачками. Наконец, тихим голосом, подрагивающим от едва заметной улыбки, она заговорила, - Тупайн – коротышка! – сказала она и ее надутые губки, наконец, растянулись в небольшой улыбке.

Кос улыбнулся еще шире, - Верно!

- Ты смешной, Козз, - сказала Люда. Она не смеялась, но продолжала улыбаться.

«Если ты думаешь, что это смешно, тебе нужно увидеть, как Оржовский юрист посадит на скамью подсудимых пятилетнего ребенка по статье препятствования торговле за кражу диндина», подумал Кос. Но сказал он другое, - да уж, смешной. Но вот мистеру Тупайну не смешно.

- Где твои родители, Люда? – вклинился в разговор Борка. Кос метнул в него взгляд, острый, словно кинжал.

- Что? – сказал толстый джек, - я пытаюсь помочь с... ой, сиротский приют. Забыл. Люда снова сжалась и надула губы.

- Борка, давай, я разберусь с этим, хорошо? – Кос продолжал улыбаться, чтобы не отпугнуть девочку.

- Люда, послушай меня. Я хочу помочь тебе получить этот фрукт честно и законно. А потом мы вернемся к миссис Моллии, хорошо? – он осторожно положил руку ей на плечо, и она кивнула.

- Но сначала ты должна кое-то сделать для меня. Тебе нужно пойти со мной обратно, в магазин мистера Тупайна.

- Нет, - сказала девочка. Она отшатнулась от Коса, сжимая неспелый фрукт. – Он мой.

- Он будет твоим, - сказал Кос. – Но нам нужно пойти и купить его. Воровать в Равнике нельзя, Люда. Но если у тебя есть друзья, то иногда они могут помочь тебе купить то, что тебе нужно. А еще есть люди, которых называют Голгари, они дадут тебе еду бесплатно, как только ты попросишь. И у них полно еды.

- Гаргли никакие не друзья, - сказала девочка, надувая губы еще сильнее. – У меня нет друзей.

- У тебя есть я и Борка, для начала, - сказал Кос. – Ты умница, Люда. Голгари тебе не друзья. Тут ты права. И ты никогда, никогда, никогда не должна ходить туда, где они живут. Потому что там, внизу Голгари могут быть довольно страшными. Но так уж устроен мир, Люда. Даже если они не самые хорошие люди, они все равно вносят свой вклад. Когда-нибудь ты вырастешь и тоже будешь вносить свой вклад.

- Я не буду, - сказала она. – Я не собираюсь быть Гаргли.

- И не надо, - сказал Кос, улыбаясь тому, что девочка перестала шмыгать носом. – Ты можешь стать кем захочешь. Тебе повезло. Сейчас у тебя нет гильдии, говорящей тебе, что делать. Но однажды, может быть, ты присоединишься к одной из них, и по-своему будешь вносить свой вклад.

Она подняла руку, все еще прижимая фрукт к груди другой рукой, хотя ее оборона рушилась на глазах. Люда положила ладошку на звезду на груди Коса.

- Я буду 'джеком, - сказала она с уверенностью, на которую способны только дети.

- Не сомневаюсь, - уверенно сказал Кос. Многие сироты теряли статус безгильдийных, записываясь в рекрутинговых центрах воджеков, как когда-то поступил и сам Кос. – И поэтому, Люда, тебе нужно пойти со мной к мистери Тупайну. Это будет твоим первым заданием.

- Это глупо, Козз, - сказала Люда. – Я ведь *еще* не 'джек.

Кос прощупал карманы и ремень. Должно же быть что-то...

Его рука задела рукоятку жезла, и Кос вспомнил, что он все еще не перезарядил маленькую, размером с оливку, мановую батарею после того, как он сегодня утром разрядил остатки ее энергии в искателя. Кос провернул выгоревший кристаллический кусочек, лишенный всякой магической энергии и вытащил его из рукоятки оружия. Он раскрыл ладонь и предложил его Люде.

- Никогда не рано начать. Я назначаю тебя своим заместителем. Для начала.

Девочка протянула свободную руку и выхватила кристалл с ладони Коса, со скоростью броска кобры. Она провернула сверкающий в утренних лучах солнца камешек несколько раз в своей ладони. Наконец она подняла широко распахнутые глаза и коротко кивнула.

- Да, сэр, тенант Кос, - прошептала она. Затем кристалл исчез, спрятанный в одном из ее многочисленных карманов. Кос услышал, как Борка пробормотал пару слов, смысл которых девочка вряд ли поняла, и ткнул локтем по лодыжке толстяка. Борка ойкнул, но замолчал. Не вставая, Кос протянул ладонь к Борке.

- Сержант, Вы мне не одолжите несколько зибов? Я всю мелочь сегодня утром вытряс.

Борка поворчал, но достал маленькую серебряную монетку достоинством в одну сотую зидо и положил ее в ладонь Коса.

- Я сказал, «несколько зибов», Борка.

Борка добавил еще пару монеток в руку Коса. Кос кашлянул. Борка досыпал еще и еще, пока у лейтенанта в ладони не оказалось с дюжину монет. Кос протянул их Люде, и она выхватила их еще быстрее, чем кристаллическую батарейку. Она рассмотрела зибы и начала раскладывать их – по одной в отдельный кармашек.

- Оставь один для мистера Тупайна, - сказал ей Кос. – За один из них ты сможешь купить два фрукта. Или ты можешь купить тот, что у тебя уже есть и сохранить остальные на что-нибудь еще. Что скажешь?

Девочка поразмыслила, затем зажала в кулачок последнюю монетку и протянула незрелый диндин.

- Ладно, - сказала она.

- Отличная работа, заместитель, - сказал Кос. – Теперь пойдем, заплатим за этот диндин, а потом мы отведем тебя к миссис Моллии. Мы ведь не хотим, чтобы она волновалась. Что скажешь?

- Да, сэр, - сказала Люда, вытягиваясь настолько, насколько способен пятилетний ребенок.

- Да, сэр, - сказал Борка, замыкая их троицу, направляющуюся сквозь толпу, к Фруктовому Центру Тупайна. – Так точно, сэр.

* * * * *

Первое происшествие за день, которое Кос приказал Борке внести в отчетные свитки, было схожим по мотиву на жалкое хищение диндина, но при этом имело более удовлетворительное завершение, во всяком случае, по мнению Борки.

Они только что покинули приют и на обратном пути зашли еще раз в магазин Тупайна, чтобы убедиться, что у него нет тяжелого осадка по поводу диндина. Осадка не было, но как только Тупайн пообещал Косу, что ради него, он гарантирует, что у девочки будет любой фрукт, когда бы он ей ни понадобился, пара накачанных парней в рваных одеждах с капюшонами, закрывающими их лица, ворвались в магазин. Один держал ржавый кузнецкий молот в одной руке и пустой полотняный мешок в другой. Его напарник поднял небольшой арбалет, который, судя по внешнему виду, неоднократно и непрофессионально ремонтировался. Тем не менее, стрела, вложенная в желоб, выглядела достаточно острой, чтобы ранить или даже убить потенциальную цель, если парню удастся выстрелить с достаточно близкого расстояния.

- Это ограбление! – выкрикнул арбалетчик. – Ты, за прилавком, высыпай все монеты из сейфа в этот...

- Ээ, Вирн? – перебил его парень с молотком. – Это не 'джеки там?

- А, черт, - сказал арбалетчик.

Первый шаг сделал Борка. После крепкого удара дубинкой, раздался хруст кости. Грабитель в капюшоне выронил молоток, воя от боли и прижимая к груди сломанную руку. Удар моментально отбил у него всякую охоту драться, и Борка менее чем за минуту замкнул серебряные наручники на запястьях молотобойца. С громким счелчком, они

озарились мягким сиянием. Теперь они раскроются только в том случае, если ‘джек решит аннулировать заклинание.

Кос взял на себя арбалетчика, но, во избежание случайного выстрела, не рискнул действовать также, как Борка Краем глаза он заметил груды мешков с мукой. То, что нужно. Не отводя взгляда от нервного грабителя, Кос, не спеша, нагнулся и поднял один мешок. Он швырнул мешок на руку парня, держащую арбалет, но до того, как он достиг цели, грабитель выстрелил, вогнав стрелу в мешок, и выпустив из него тонкую струйку белой муки. Стрелы было недостаточно, чтобы пробить плотный тяжелый мешок, который разом сбил грабителя с ног. Парень рухнул на спину и в этот самый момент мешок разорвался, покрыв его с ног до головы белой пудрой.

- Неплохо, лейтенант, - сказал Борка, когда прибыли стражники и увели преступников, которыми оказались отчаявшиеся игроки, погрязшие в долгах хозяину казино Оржов в Седьмом секторе.

- И, все-таки, обязательно было использовать пудру?

- Она сойдет, - сказал Кос. – Хватит ныть. Мы только что задержали плохих парней.

- То, что я теперь выгляжу как клоун – это ничего, а вот... вот... *апчихи!*

- Ну, извини, не хотел.

* * * * *

Каменный карьер являл собой открытый кратер в конце бульвара Гозерула. Это место когда-то было гладиаторской ареной, в те дни, когда Рекдосы и Груулы все еще проводили потрясающие зрелищные сражения сотен бойцов ради удовольствия жадных до крови зрителей. В последней битве какая-то из сторон купила одну из первых портативных мановых бомб, изобретенных Иззетами в 1700-ых годах. В результате, взрыв уничтожил всех Рекдосов и Груулов, вместе со всеми до единого зрителями и башнями на несколько кварталов в округе.

Кратер образовал странную аномалию в Столице Гильдий – практически естественную каменную воронку, похожую на долину в скалистой пустоши. Это место всколыхнуло воспоминания о далеких предках и их диких, свободных сердцах у множества племен огров, и они объявили его священным заповедником, созданным их богами для них в этом урбанизированном мире. За сотню лет их сообщество превысило по численности любое другое поселение огров во всей Равнике. Они построили собственные небрежные башни и пещерные залы из каменных глыб и кусков бетона, в близком соответствии с тем, какими они были до того, как город заполонил весь мир.

Кос стоял на краю карьера и смотрел вниз, туда, где туннели на дне территории огров уходили в глубины нижнего города Голгари. Он вырос в трех кварталах от карьера, и его глубина не вызывала у него страха высоты.

- Почему ‘джек похож на клоуна? – спросил огр. – Похоже на сахарную пудру. Что, коржик взорвался у ‘джека во рту?

- Этот не... в смысле, это не ответ. Не переживайте о том, на кого я похож, - сказал Борка. – Мы просто хотим знать, что Вы видели, мистер...

- Нйюуж, - сказал огр. – Почему моя должен говорить ‘джекам что-нибудь?

- Потому что мы спрашиваем? – сказал Борка.

- Да, а еще ты мог бы это сделать, потому что у моего напарника сегодня, вроде как, первый день, - добавил Кос и ухмыльнулся в ответ на хмурый взгляд припудренной физиономии Борки. Мука оказалась невероятно липкой. – Он у нас недавно перевелся по трансмогрификационной программе.

- Что? – сказал Ньйоуж.

- Что? – вторил ему Борка.

- Да, Ньйоуж, всего пару месяцев назад наш друг Борка готовился к повешению за воровство верблюдов. Верблюдов для его семьи. Они жили в... - «думай, Кос, думай». Он старался пореже спускаться в Карьер. – В квартале Гарша.

- Кос...

- У Ньйоужа есть друзья в квартале Гарша, - сказал огр. – Ты знаешь Пойтчака? - спросил он Борку.

- Ээ, конечно, я...

- Эй, стойте! – перебил его огр. – Моя не тупой. Ты не огр. Ты мелкий толстый человечиска, хорош для жарки.

- Об этом мы и хотели тебе сказать, - сказал Кос.

- Кос?

- Борка, все в порядке, - сказал Кос. – У меня такое чувство, что мы можем доверять Ньйоужу. У него честное лицо. И он наблюдательный. Он заметил, что ты похож на клоуна, и даже догадался, что ты не похож на огра. Поэтому, я считаю, что будет честным сказать ему правду. Может, нам стоит даже завербовать его в воджеки?

- Думаю, ты прав, - сказал Борка, входя в роль, как только понял, куда клонит Кос. – Ты смекалистее любого другого огра. Поэтому, думаю, я могу рассказать тебе свою тайну. Раньше я был...

- Хочешь, я расскажу? – спросил Кос с преувеличенным состраданием.

- Наверное, да. Лучше расскажи ты.

- Про что? – спросил Ньйоуж.

- Ньйоуж, Борка раньше был огром.

Челюсть огра отвисла от удивления и шока, обнажив полный рот серебряных зубов – Иззетских имплантатов, сделанных из особого сплава, обычно вызывающего медленное разрушение мозга, но гарантировавшего носителю смертоносный укус, способный с одинаковой легкостью раскусить человеческую ногу или каменный бульжник. Косу было бы его жаль, если бы огр не врал им с самого начала их прибытия к карьере.

Он взглянул на огра, который подошел поближе к Борке и принялся.

- Огр, да?

- Ага, - сказал Борка. – Трансмогрификационное заклинание. Потом я так и застрял в этом теле. Пришлось завербоваться в воджеки, чтобы выжить.

- Да, ладно, вы дурачите Ньйоужа, - сказал огр.

- Да нет, это правда. Ты же знаешь, что наши нагрудные знаки заколдованы, верно? Мы не можем соврать, Ньйоуж, - соврал Кос. – Я думал, об этом все знают.

- Так что, это значит, - сказал Борка. – Что ты можешь мне рассказать, что тут случилось. И все останется внутри племени.

Кос был готов столкнуть Борку в карьер. Его напарник начал наглеть. Как правило, упоминание племен в присутствии первого встречного огра, было плохой идеей. Но в данном конкретном случае, это была особенно плохая идея.

- Племени? Эй, а из какого ты племени? – спросил Ньйоуж.

- Эээ, из какого племени... - Борка бросил паникующий взгляд в сторону Коса, который мог лишь пожать плечами. Борка сейчас был «огром», и должен был сам вести разговор. – Племя... а ты из какого племени?

- Моя спросил первый.

- Что спросил?

- Моя спросил...

- Ну, из какого ты племени?

- Моя? Огшкз.

- Вот ведь странно, я тоже!

- погоди, - сказал Кос, начиная немного волноваться о том, что Борка роет себе яму.

- Здесь огры говорят, 'джек! Отвали! – рявкнул Ньйоуж на Коса и повернулся к Борке. Огр прилепнул Борку по спине, едва не сбив напарника Коса с ног, но низкий центр тяжести Борки удержал его равновесие. – Моя знает кто ты. Ты Мункзакз! Ты пропал, когда Ньйоуж был еще огренком. Мама сказала Ньйоужу, что тебя съел вурм, но Ньйоуж все равно всегда надеялся. Ньйоуж хочет петь! - Громила схватил Борку обеими руками, поднял его вверх и радостно затряс его. - А? Мункзакз? Мункз. Акз. Это ты.

- Ээм... это звучит, - выдавил из себя Борка, - зна... ууф... знакомо.

- Ну, это просто поразительно, - сказал Кос в издевательски притворном изумлении. – Воссоединились. После всех этих лет. Ньйоуж и Мункзакз.

- Моя сказал, заткнись, человечиска! – прорычал огр. Он поставил Борку обратно на ноги и по-родительски потрепал его по голове. – Так, ты теперь 'джек. И Ньйоуж может помочь? Ньйоуж хочет помочь. Что ты там хотел узнать?

Борка опустил руки на колени и сделал несколько глубоких вдохов. Затем поправил форму и прокашлялся. Он с хрустом вправил себе шею, бросил Косу взгляд, от которого бумбат мог свернуться в кружке, и улыбнулся огру.

- Ты слышал моего старого друга. Заткнись жалкий 'джек.

Кос закатил глаза.

- Ну что ж, Ньйоуж, - сказал Борка, - Для начала я хотел спросить о...

- Почему ты говоришь так?

- Как «так»?

- Мункз говорит, как человек. «Я человек. Слушайте только Я. Я такой умный» Тьфу! Ты должен гордиться наследием, Мункз!

Борке пришлось отойти в сторону, чтобы избежать еще одного ободряющего шлепка по спине.

- Верно, - сказал Борка. – Моя хочет... спросить тебя. Кто те мертвые огры, там внизу?

Ньйоуж перешел из веселого состояния в нерешительное за полсекунды, потребовавшиеся словам Борки, чтобы проникнуть сквозь ртутные испарения зубных имплантатов в его мозг.

- Мертвые огры? – повторил Ньйоуж.

- Да. Видишь? Вон они, там. На полпути вниз. Лежат на камнях. Ньйоуж знает, как они туда попали?

- Да, - сказал Ньйоуж. – Моя столкнул их. Мы дрались, тренировались для боев в клетках.

- Тренировались? – спросил Кос. Огр хмуро взглянул на него, но расслабился и залился утробным хохотом, когда Борка сказал Косу в неоднозначных терминах, что он собирается сделать с его дубинкой.

- Итак, вы тренировались? Для боев в клетках? - спросил Борка. – Наверное, это новая лига, о которой моя не слышал. Где проходят эти бои в клетках? Может, моя хочет записаться. Моя, ээм, маленький, но с сердцем...эмм... осадного вурма!

- Грааар! – зарычал Ньйоуж.

- Граааайайаааар! – постарался повторить Борка и закашлялся. – Погоди, моя должен что-то подписать?

- О, нет, - сказал Ньйоуж. – Это подпольная лига. Больше ставки. Моя не глупый. Делать ставки снаружи, возвращаться богатым.

- Вот это хороший план, - сказал Борка. – поэтому ты тренировался здесь, посреди улицы? А они кто?

- Они мои братья. Мы открываем новую гладиаторскую арену. На золото, которое заработаем по этой схеме, - сказал Ньйоуж. Слезы навернулись у него на глазах.

- То есть, вы тренировались на краю карьера, и ты столкнул *обоих* вниз? – не унимался Борка.

- Моя не толкал их одновременно, - сказал Ньйоуж. – Сначала они толкали меня. Они не смогли сдвинуть Ньйоужа. Поэтому, в мою очередь, моя выиграл. Оба раза. Но теперь...

Недвижимость искореженных изуродованных лиц, немигающими глазами смотрящих в небо, наконец, дошла до сознания огра и он начал всхлипывать.

- Что теперь Ньйоуж будет делать? Моя один недостаточно для зрителей. Один огр ничего не стоит.

- Нуу, не вини себя, - сказал Борка. – Ты сказал, они первые начали. Они толкали тебя сначала?

Огр шмыгнул носом. – Д-да, - заикаясь, сказал он. – А что?

- Это не преступление, верно? – обратился Борка к Косу.

- Верно, - сказал Кос, рассматривая изувеченные окровавленные трупы, висящие на бетонном выступе. Их кровь все еще стекала на пыльные глыбы искусственной скалы. – Ньйоуж, ты можешь идти, ты свободен, если ты уберешь эти тела. Но если они все еще будут здесь завтра, я оштрафую тебя за создание угрозы здоровью общественности.

- Погодите, - сказал огр. Он развернул к себе Борку за плечи, но на этот раз оставил его стоять на земле. – Один огр ничего не стоит, но вот огр-карлик...

- Ээм, моя больше не может драться, - поспешно сказал Борка. – Побочный эффект трансмогрификации, видишь ли.

- Нет, - сказал огр.

- Да, - кивнул Борка. – Поэтому еще, мне так непросто говорить по-огровски.

Неплохо придумано, подумал Кос.

- Так что, Мункз оставит Ньйоужа? Вот так? А как же Ньйоуж?

- А *что* с Ньйоужем? – спросил Борка.

- Они должны Ньйоужу деньги! – сказал огр. – Они проспорили!

- Я думал, ты сказал, что вы тренировались? – сказал Борка, забыв про огровскую манеру речи.

- Ну, конечно, - сказал Ньйоуж. – Но без ставок не так весело. Они же не отвернутся, только потому, что они мертвые, правда?

- Я не юрист, - сказал Кос после того, как Борка взглянул на него с мольбой о помощи в глазах. – Но разве Ньюоуж не наследует все их имущество по праву родства? Включая их жен?

- Моя... Эй, моя наследую! Ты прав, 'джек! – глаза огра закатились, и он медленно начал считать на пальцах выигрыш, полностью потерянный в мыслях о своем новом статусе. Он начал долгий задумчивый спуск по скалистому склону карьера, лишь раз остановившись для того, чтобы потрепать Борку по спине и сказать, чтобы тот не стеснялся заходить к нему в любое время.

- Кос? – спросил Борка, пока они наблюдали за тем, как огр осторожно пробирался к телам своих братьев.

- Да?

- Если тут нет преступления, может, пойдём уже?

- Да. В рапорте можешь назвать это самоубийством или вербальным контрактом, но в любом случае, это не нарушение порядка.

- Тогда пойдём, что-нибудь поедим. Я голодный, как огр.

- Ты и выглядишь, как огр.

- Я думал, я выгляжу, как клоун.

- И это тоже, - сказал Кос.

* * * * *

По пути в огровский ресторан, в котором подавали нечто более вкусное, чем сомнительные закуски, которые Гарулж держала в банках и клетках за барной стойкой в «Тихой Заводе», они прошли сквозь часть огромного Рынка на улице Жестянщиков. Еда огров была порой рискованным делом, но люди, знающие, что заказывать, часто привыкали к блюдам поострее. Это касалось и большинства 'джеков. Когда-то Кос считал странным, что воджеки предпочитали собираться в свободное время в огровских заведениях. После пары лет работы, он понял, что еда здесь была дешевой, питательной и по карману 'джекам. И что важнее, здесь практически никогда не было тех, кто просил бы тебя о помощи после того, как ты только что закончил долгий день в самоотверженной защите часто неблагодарного населения Равники.

Один из быстро начинающихся ливней в сером небе Равники начал заливать кислотной водой башни и улицы, заставляя обоих воджеков натянуть на головы капюшоны своих кожаных накидок. Кос заметил, что место, где стоял театр Галлмотта, было совершенно неузнаваемо, плотно заставлено лавками по всей площади нового ответвления рынка. Кос иногда думал, что рынок на улице Жестянщиков когда-нибудь покроет весь город, и, судя по скорости расширения его рядов, он вполне может еще дожить до этого дня.

Зазывалы из новых палаток кричали вслед воджекам, предлагая все: от мясных пирогов и гоблинской рабочей силы, до «подлинного летного шлема, лишь единожды одетого настоящим воздушным 'джеком». Над каждой палаткой неизменно развивался баннер покровительства Оржов. Гильдия Сделок, конечно же, не теряла времени даром. И уж конечно не позволяла дождю, да хоть потопу, мешать их чудесному бизнесу в любое время дня и ночи.

- Как думаешь, мы сможем добраться до Тиззи, не втянувшись в очередную потасовку? – спросил Борка, протискиваясь сквозь толчею.

- Дождь должен прогнать драчунов с улицы, - сказал Кос. - Но я удивлюсь, если нам удастся поесть без единой... - Кос замер.

- Без единой чего? – переспросил Борка, и остановился вскоре после того, как увидел, что его напарник за ним не идет.

Кос едва слышал Борку. Все его внимание было приковано к бледной полупрозрачной фигуре лысого человека с пышными усами, парящей посреди темной аллеи вдали от рынка.

- Кос? – позвал Борка, взглянув на Коса через плечо. – На что ты там уставился?

Силуэт поднял призрачную руку и поманил Коса за собой. Он повернулся и поплыл вдалеке медленно, словно давая Косу время нагнать его.

- Это... Там, это... это... - начал Кос.

- Кос, ты в порядке? – спросил Борка, - Ты не забегал в «Тихую Заводь», пока я не смотрел?

- Нет, я... - начал было снова Кос, но осекся. – Наверное, ерунда. Думал, что узнал кого-то. Одну из моих бывших жен.

- Правда? – недоверчиво спросил Борка.

- Правда, - сказал Кос. Призрачный силуэт уже отдалился почти на три четверти длины аллеи. Кос знал - то, что он собирался сделать, было безумием, но, уже одно то, что он видел привидение своего мертвого напарника через пятьдесят семь лет с момента его гибели, не давало ему возможности чувствовать себя в своем уме. - Слушай... я сбегаю туда, может, догоню ее. Просто хочу с ней поболтать.

- Ага, - сказал, притворно ухмыльнувшись, Борка. - Отлично. Учти только, что я не собираюсь ждать твоего заказа. – Борка отвернулся и, присвистывая, пошел в сторону ресторана.

- Хорошо, - сказал Кос, уже мчась по аллее. Он легко нагнал фантом и перешел на шаг за его спиной, вдруг с беспокойством поняв, что он понятия не имеет, что будет делать, когда встретится с призраком. Заземлитель мог бы сработать, но мог и без труда уничтожить привидение.

Косу потребовалось не малое усилие, чтобы заставить себя что-то сказать, и когда он, наконец, решился, у него вышел шепот, - Зюник?

Призрак повернулся, не прекращая движение. Крошечные синие точки вспыхнули в печальных пустых глазницах. Силуэт кивнул один раз, затем отвернулся, двигаясь дальше. Он еще раз поманил Коса рукой и 'джек последовал за ним.

Привидение медленно вело Коса по извилистому пути, сквозь петляющие закоулки, пока Кос не увидел, что скоро они выйдут через подворотню, ведущую к северному краю Рынка на улице Жестянщиков, противоположному от того места, где Кос начал погоню за призраком. Силуэт остановился на краю самой темной тени и повернулся к Косу. Он наклонил голову и вытянул правую руку, указывая на несколько ближайших ниш, которые еще не были полностью заставлены наспех построенными временными прилавками рынка. Это крытое место называлось аллеей Берка, и многие отчаявшиеся бедняки Равники часто использовали ее как ночлежку. Сейчас аллея Берка казалась пустой, но в это самое мгновение детский крик из глубины теней пронзил приглушенный шум рынка снаружи.

Кос узнал этот голос.

- Люда, - Кос повернулся обратно к призраку, но увидел лишь пустую стену.

- Проклятье! – Кос помчался на голос кричащей девочки. Ему показалось, что он заметил движение за широкой колонной.

- Стоять! Офицер воджексов! – заорал Кос. – Прочь от нее!

Зияющая пустота разверзлась у него в животе, когда крик резко прервался перед тем, как Кос вылетел из-за колонны с жезлом в руке и яростью в глазах.

Он опоздал.

Грязный уродливый маленький гоблин стоял за колонной над неподвижным телом Люды. Угрюмое существо в рваной черной кожаной накидке сжимало в руке зазубренный нож, обогранный ярко красной кровью. Жидкость того же цвета струилась из груди Люды, растекаясь мрачным ореолом вокруг ее тела, лежащего на грязном каменном полу. Кос увидел, что уши гоблина были удалены хирургическим путем. Это была распространенная практика среди Рекдосовских рабов, обеспечивающая их повиновение своим хозяевам и предотвращала возможность услышать что-нибудь, что подтолкнуло бы их к попытке побега. Сами хозяева, в свою очередь, для управления рабами, использовали магию. Гоблин не слышал ни слова из того, что кричал Кос. Но теперь его налитые кровью глаза округлились от удивления при виде разъяренного ‘джека.

Гоблин выронил свой нож, вжал голову в плечи и с воем ринулся напрямиком на него. Кос замахнулся жезлом по горизонтальной траектории, его удар должен был угодить гоблину прямо в горло. К сожалению, Борка выбрал именно этот момент для своего появления и подбил руку Коса, пытаясь достать свой собственный жезл. Мах получился широким, и Кос, выбитый из равновесия, рухнул на пол, на те же ребра, которые он поломал днем ранее. Борке удалось устоять, и он быстро помог напарнику встать на ноги.

- Извини! – с одышкой сказал толстяк. – Услышал твой крик и решил, что Тиззи может подождать. Что тут... - его взгляд упал на неподвижное тело девочки. – О, нет.

- Спасибо, - искренне сказал Кос. – Рад, что хоть кто-то меня услышал.

Он повернулся, подбежал к телу Люды и опустил на колено. Ее глаза были открыты и уже наполнены дождевой водой. Лейтенант наклонился и прислушался к ее груди – сердце не билось. Кровь хлестала из раны на груди, зиявшей как раз напротив ее сердца. Кос зубами стянул свои перчатки и аккуратно, но плотно прижал обе ладони к ее ране, безуспешно пытаясь остановить поток крови.

- Борка, сюда!

Через секунду толстый ‘джек уже стоял рядом с ним.

- Что нужно делать? – спросил он с паникой в каждом слове.

- Успокойся, - сказал Кос, пытаясь сдержать дрожь в голосе и видя, как жизнь Люды вытекает из нее сквозь его пальцы. – ‘Капли. Мне надо... Не стой там. Давай ‘капли. Мы можем ее спасти.

- Точно, - сказал Борка, живо прощупывая свой ремень. Он вытащил три ‘капли из одного кармашка и протянул их напарнику, - Держи.

- Давай ты, у меня руки заняты, - сказал Кос. – По одной. Прижимай край ‘капли к ее груди прямо у моей руки. Вот здесь, как можно ближе к ране.

Сержант выполнил все, как ему было сказано, и ‘капля, с голубоватым сиянием, мгновенно растворилась в массивном кровоизлиянии. Поток крови слегка ослаб, но все еще был ощутимым.

- Следующая, - рявкнул Кос. – Давай все.

Борка приложил еще одну 'каплю к ране, и еще, и когда они закончились, достал еще три, которые, технически, были уже превышением допустимого количества 'капель, которые 'джек должен был иметь при себе. Кос приказал Борке достать также 'капли со своего пояса, и они также безрезультатно растворились в груди девочки.

Кос поднял окровавленную руку и остановил Борку от использования последней 'капли. Поток крови остановился, но не потому, что рана зажила.

- Нет, - сказал Кос. Ком в его горле грозил напрочь лишить его голоса. – Мы опоздали. 'Капли уже не помогут. – Кос посмотрел в глаза умершей девочки, рыдающие дождевой водой, и закрыл ладонью ее веки.

В следующее мгновение он в ярости вскочил на ноги. Гоблин уже убежал, но далеко на своих коротких ногах он уйти не мог. Кос осмотрел толпу, которой удалось полностью проигнорировать это чудовищное преступление, и быстро обнаружил передвигающееся возмущение в рыночной суете, которая явно было вызвана перемещением мелкого головореза. Он схватил Борку за плечо и указал на тело Люды.

- Оставайся с ней. Если сможешь, найди кого-нибудь с ястребом и вызови сюда Хэллиган. Арестовывай любого, кто подойдет к тебе до его прибытия.

- Вдвоем, мы быстрее прикончим этого гоблина, - сказал Борка, стоя на трясущихся ногах. Он был бледным и выглядел так, словно его вот-вот стошнит. Убийства такого рода не были нормой нигде в Равнике, за пределами Адовойдыры.

- Я сказал, оставайся здесь, - сказал Кос.

- Н-но она же... - заикаясь, начал Борка.

- *Выполняй!* – рявкнул Кос и, не оборачиваясь, ринулся в плотную рыночную толчею вслед за гоблином. Неудивительно, что толпа расступилась перед решительным и очевидно взбешенным 'джеком.

Знаки, вытатуированные на руках и лице гоблина, пылали в памяти Коса. *Рекдос*. Десять лет назад эти сволочи убили много его друзей в своем плохо организованном, но кровавом восстании. Вторым по счету, которое пережил Кос со дня вступления в ряды Лиги. Им следовало вырезать всю Адовудыру, а не позволить демонопоклонникам опять отступить в свои шахты и норы.

Курс передвижения гоблина петлял и извивался, похоже, по совершенно случайной траектории. Сконцентрировавшись на гоблине, Кос беспечно позволил своему мечу зацепиться за угол одной из торговых палаток. Его инерция потянула и обрушила на него весь стенд с вывеской «Сушеное мясо и товары из верблюжьей кожи от Нолликоб». Нолликоб, женщина с глубоким баритоном, заревела в гневном негодовании. Она не прекращала пинать Коса, пока его голова не прорвалась сквозь ткань вывески, когда-то отражающей выбор привлекательных и доступных продуктов из самого распространенного в Равнике стадного животного.

- Кос! – воскликнула Нолликоб. – Извини, не знала, что это был...

- Позже, Коб, - сказал Кос. – Вышли счет сержанту Рингору, Десятый участок Лиги. Отдел по делам воджеков.

Гоблин исчез. 'Джек попытался найти какие-нибудь признаки своего подозреваемого, но рынок отреагировал на хаос, созданным самим Косом, как обычно - окружив 'джека, чтобы посмотреть шоу. Зеваки создали живую стену, за которой Кос ничего не мог разглядеть. Если мелкий убийца нашел дорогу в Адовудыру, то вытащить его оттуда будет очень сложно.

Там. Маленькая знакомая фигура выскочила над головами толпящихся людей, перепрыгивая через деревянную разделительную стену. Гоблины были превосходными скалолазами, гораздо лучшими, чем Кос, поэтому он обогнул стену по дуге, которая должна была позволить ему нагнать гоблина до того, как тот перелезет на другую сторону.

Его расчеты были верны. Гоблин практически врезался в него, все еще озираясь через плечо на стену, по которой, как он ожидал, должен был лезть за ним Кос. Не дав гоблину опомниться и осознать свое положение, Кос ударил его правым коленом в лицо. Послышался визг и хруст костей и зубов.

- Это тебе за Люду, - прорычал Кос.

Гоблин выругался на своем утробном языке и откинулся на спину, не дав Косу схватить его, затем сгруппировался в небольшой черный шар и, перекатившись, вновь вскочил на ноги.

- Ха! – воскликнул он и быстро начертил рукой в воздухе крошечный символ. Небольшой оранжевый шар магической энергии материализовался и врезался Косу в грудь, сбив его с ног и отбросив его на сложенную гору из бочек, которые, естественно, обрушились ему на голову.

К тому времени, как он выбрался из-под завала, Кос не сомневался, что гоблина уже и след простыл. Но к его удивлению, он обнаружил свою цель, ползущую по старой каменной колонне. Похоже, что гоблин собирался влезть на крышу соседней закусочной, с которой, как знал Кос, он смог бы достичь аллеи, ведущей к туннелю, ведущему в Адовудыру. Кос терял его. Он ринулся в сторону колонны с карабкающимся по ней гоблином, на ходу переводя дубинку в конфигурацию огневого жезла. Во всяком случае, попытаться перевести. Рукоятка щелкнула дважды, но он не почувствовал активацию заряда.

Батарея. Он все еще не заменил ту, что он отдал Люде. Он ощупал свой пояс, расчищая путь сквозь рыночную толпу плечами и выкрикивая извинения, пока его пальцы не наткнулись на холодный граненый кусочек компрессированной маны. Он с мягким щелчком вставил его в отверстие рукоятки жезла, и оружие ожило.

Кос уложил жезл на левое предплечье, прицелился по всей его длине в гоблина и сделал поправку на расстояние.

- *Даватсей!*

Залп энергии вырвался из жезла и устремился к Рекдосовскому убийце, который, вовремя заметив намерения Коса, засмеялся и отпустил руки. Он упал в толпу, а выстрел Коса разбил о каменную колонну в облаке голубых искр, не причинив вреда своей цели.

- Операция воджексов! Простите! – закричал Кос, пробиваясь сквозь плотную, пахучую толпу. – С дороги!

Люди расступились перед ним, и он двинулся по образовавшемуся проходу. Гоблин остановился, чтобы запрыгнуть еще на одну каменную стену, в тени которой располагалось одно из дюжины разнообразных кафе, разбросанных по улице Жестящиков. Свежее выкрашенная вывеска указывала ярко-зелеными буквами на то, что это место называлось «Дом Аула» - вегетарианское кафе, принадлежащее локсодону, по имени Аул.

- *Даватсей!* – рявкнул Кос. Жезл выпалил еще один заряд энергии, направленный прямо в цель, но опять, в последний момент, гоблин достиг безопасного места. Он перевалился через вершину стены и его плащ раскрылся, словно крылья летучей мыши, обнажив пару светящихся оранжевых сфер, привязанных к спине гоблина. Выстрел Коса

ударился о стену, пустив паутину трещин по кирпичной кладке, с небольшим темным пятном в центре, которое после короткого свечения, погасло, оставив после себя лишь струйку серого дыма.

Кос узнал сферы на спине гоблина. Он не видел такие уже около десяти лет, после восстания Рекдосов. Ему повезло, что он не попал в цель, как повезло и всем, кто находился в непосредственной близости от стены. Как жезл Коса, или древняя бомба, создавшая своим взрывом карьер, эти сферы, на спине гоблина, были оружием, активируемым кодовым словом, однако, его выстрел также мог вызвать детонацию и взорвать их. С одного взгляда было сложно определить, сколько взрывной силы содержалось в каждой сфере. Они могли сравнять с землей весь рынок, или всего лишь уничтожить своего носителя. Магия этого вида была непредсказуемой.

Кос щелкнул рукояткой жезла и деактивировал его. Он выругался и полез через дымящуюся стену. Как только Кос спрыгнул со стены, он увидел Борку. Его напарник стоял у стола, разговаривая с локсодоном в белом балахоне. Нет, *не просто* локсодоном. Треугольная татуировка и драгоценный камень во лбу, указывали на то, что слогоголовый гигант был ни кто иной, как Святой Байул из Конклава Селезнии. А его телохранитель ледев, сидящая рядом с ним, явно указывала на то, что священный посол Конклава в Столице Равники либо отправлялся в паломничество, либо возвращался из очередного путешествия. Верховое животное ледев должно быть было привязано где-то возле кафе. Локсодон терпеливо слушал Борку, но его телохранитель, похоже, высматривала что-то другое, наблюдая одним глазом за Боркой. Кос не мог понять ни то, как сержант добрался сюда так быстро, ни то, почему он вообще сюда пришел.

Кос опытным взглядом окинул остальных присутствующих. Молодая пара обнималась в углу за чашечкой чая. Затем стол с локсодоном, ледев и Боркой. Далее семья туристов с кричащим ребенком. Четыре свободных стола, два официанта, повар и хозяин заведения. Что-то дрогнуло на периферии зрения Коса и у него мелькнуло ощущение, что он увидел четвертую фигуру у стола локсодона. Через секунду она дрогнула снова и слилась со стеной, словно облако дыма, но Кос мог отличить едва уловимый человекообразный силуэт,двигающийся каждые пару секунд на фоне декоративных обоев на стене. Кто-то использовал ауру хамелеона, и ни ледев, ни Святой Байул, похоже, не догадывались о его присутствии.

- Где гоблин? – пробормотал Кос.

Словно в ответ на его вопрос, молодая пара вскрикнула, увидев гоблина, неожиданно появившегося рядом с их столиком. Пара отпрянула от него и укрылась в углу. Вскоре, к крикам присоединилась и семья туристов, а затем гоблин заметил Коса.

Лейтенант ринулся, маневрируя между столами, за удирающим, обвешанным бомбами существом, и крикнул своему напарнику, который должен был охранять труп девочки.

- Борка! Держи его!

В этот момент гоблин уронил один из столов и покатил его под ноги Косу. 'Джек попытался уклониться от катящейся мебели, но лишь поскользнулся на разбрызганной еде и выпивке и упал, ударившись лицом о стол.

Он чувствовал, как теплые струйки крови текли из его левой ноздри и нижней губы, но игнорировал их, равно как и резкую боль, и заставил себя подняться. Гоблин почти достиг Борки и стола локсодона, но лишь Байул, похоже, обратил на него внимание. Он свернул хобот в тревоге, и ледев в мгновение ока вскочила на ноги, но таинственная

фигура с аурой хамелеона выбрала этот момент для нападения, толкнув телохранителя на землю. Тень поглотила женщину, словно маслянистое облако.

Не успел Кос начать обдумывать всю эту непонятность, как Рекдосовский гоблин достиг стола. Косу удалось подняться на ноги и сделать три шага перед тем, как гоблин прыгнул прямо на Борку.

- *Рекдос Кахзак!* – заорал гоблин.

Борка вместе с гоблином исчезли в ослепительной оранжевой вспышке. Последнее, что видел Кос, был изуродованный труп локсодона, летящий прямой на него, разбрызгивая кровь, которая вспыхивала в воздухе, словно фейерверк на гоблинских фестивалях. Затем изувеченная туша локсодона врезалась в Косу, голова воджека коснулась мокрого каменного пола, волна невероятного жара окатила его, и он потерпел поражение в битве за сознание.

Димир, так называемая «Десятая Гильдия», - это вымысел, созданный для того, чтобы пугать детей и тех, кто в своем сознании еще не вышел из детства – полезный вымысел.

—Первый Судья Азориус (47 Д.Д.- 98 П.Д.),
из приложений к Законам Пакта Гильдий

24 Зуун 9999 П.Д., перед самой полночью

Летучая мышь Савры издала пронзительный крик. Она была голодна и искала пропитание, как и весь ее вид, с помощью звуковых волн и острого слуха. Искать здесь было нечего, и ее наездница заставила ее игнорировать мучительное чувство голода. Савра натянула поводья и направила гигантскую летучую мышь по плавной спускающейся спирали между стен некогда процветающих небоскребов Григорьева Каньона, шепча ей в ухо, - Терпение. Еда тебя ждет внизу.

Матка Девкарин позволила летучей мышке самостоятельно выбрать маршрут их спуска, огибая обрубленные металлические выступы и притаившихся в туманных глубинах каньона хищников, пока сама она будет направлять ее к конечной цели их путешествия мысленными командами и мягким сдавливанием колен. Управлять мышью было проще, чем братом, но методы управления отличались не сильно.

Горожане, живущие на поверхности Равники, были убеждены, что Григорьев Каньон, этот огромный разлом, проходящий сквозь плотную застройку зданий и башен столицы, существовал с единственной целью – обеспечивать товарообмен между Старым Равом, населенным Голгари, и жителями уличного уровня. Даже большинство Голгари полагали, что нижний город находился на самом дне каньона. На самом же деле каньон был гораздо, гораздо глубже. Под плотным туманом он спускался в мир, который был древним уже тогда, когда еще не высохли чернила на десяти тысячелетнем Пакте Гильдий. Клубящаяся мгла, еще более непроницаемая и грандиозная, чем та, что была видна с уличного уровня Равники, препятствовала погружению в свои тайны всем, кроме самых отчаянных и безрассудных. Всего несколько Голгари пробовало проникнуть в ее глубины.

Савра была одной из них, и она нашла там нечто великолепное. Точнее *кого-то* великолепного, укрытого в глубоком холодном месте, бурлящем темной силой, не похожей ни на что из того, к чему прикасалась верховная жрица за все двести лет своей жизни. Никто не мог войти в этот мир без разрешения его хозяина.

Савра была признана более чем достойной. *Он* лично счел ее достойной.

Она и ее летучая мышь прорвались сквозь туман и попали в холодную беспросветную ночь. Тьма казалась осязаемой, и даже острое зрение жрицы не могло выделить более двух-трех странных силуэтов - арочный проход, освещенный голубым мерцанием где-то вдали, разбитая статуя с открытым в вечном крике ртом и блик волны на тихом мрачном омуте с чернеющей водой.

Савра затянула потуже свою шерстяную накидку вокруг плеч и позволила летучей мыши издать несколько еле слышных охотничьих криков. Животное не ело уже несколько часов, и успело выловить пару крупных жужжащих существ, похожих на жуков, которых Савра не могла разглядеть во мраке, пока жрица, закрыв глаза, беззвучно воззвала к своему тайному сообщнику. Дом ее союзника было невозможно найти без его непосредственной помощи потому, что, как он ей сказал, сила его скрытности была настолько велика, что даже те, кто был там, не смогут самостоятельно найти дорогу еще раз. Изредка, живущие наверху могли отважиться покорить глубины каньона, но, даже если им удалось бы выжить, избежав каким-то чудом всех тех, кто живет и охотится здесь, они никогда не смогли бы отыскать его дворец.

Савра любила его больше собственной жизни. Это было единственное слово, способное описать то чувство, которое она испытывала к нему, но это была не романтическая любовь. Для нее, это скорее это были отношения между богом и его избранной пророчицей. Она и не догадывалась, насколько точным было это сравнение.

Сюда, дитя мое, - шептал голос в ее голове. Он был соблазняющим, ужасающим и все более великолепным с каждым разом, когда Савра его слышала. Она была готова на что угодно, чтобы помочь ему. Голос рассеял туман перед ее глазами и указал на тускло освещенный туннель, зияющий перед ней. В конце тоннеля показалась крошечная - на этом расстоянии - ледяная и, в то же время, роскошная темница ее союзника.

Он позвал ее снова, и Савра направила летучую мышь в туннель, мягко светящийся синим светом.

Спустя пару минут она вылетела из тоннеля в пещеристый зал, некогда служивший соединительным узлом системы канализации, о существовании которой знали всего несколько человек во всей Равнике, не говоря уже о жителях Старого Рава. Она посадила летучую мышь у остроконечных ворот и оставила ее охотиться на насекомых, каких только она тут сможет найти. Мышь все равно не станет удаляться далеко от своей хозяйки.

Ворота раскрылись перед ней, и мягкое голубое сияние стало ярче в знак приветствия. Она шагнула внутрь и пошла на зов ее любимого.

Он как всегда стоял в пустом центральном зале своего дворца. Даже под огромными мозаичными фигурами представителей его давно вымершего вида и горами замороженных трупов, дающих ее союзнику пропитание на протяжении его долгого изгнания, он выглядел выше и величественнее, чем все это вместе взятое. Он был последним из своего рода. Он был великолепен.

- Локсодон мертв, и я также разобралась с Джерадом, - сказала она без прерамб и объяснений.

- Молодец, - прошептала высокая фигура в капюшоне. Он всегда говорил шепотом, даже когда он говорил с Саврой в ее голове. – Для того, чтобы послать собственную кровь и плоть на смерть, нужно обладать особой смелостью. Этим поступком ты расчистила свое место. Скоро ты займешь его.

- Пришло время для следующего шага, - сказала Савра.

- Пришло время тебе бросить вызов Сестрам, - согласился он.

- Я готова, - сказала Савра. – Но как?

Он смотрел на нее несколько секунд в полной тишине. Наконец, он бледной рукой с длинными пальцами снял свой черный капюшон, открыв не менее бледное лицо. Тусклый

свет блеснул на его ниспадающих шелковых черных волосах и паре длинных серебряных клыков.

- Что ж, - сказал он, и положил открытую длинную ладонь на лоб Савры. Глаза ее любимого были зеркалами, и она увидела свое отражение в каждом из них.

- Я чувствую...

- Тише, дитя. Слушай.

* * * * *

Сестры Каменной Смерти были единственной зацепкой, способной спутать аккуратно сплетенные Саврой нити и связать их в не распутываемый узел. Сестрами называли троицу горгон, способных одним взглядом обратить живое существо в камень. Они были повелительницами гильдии Голгари с тех пор, как собственноручно убили древнего паруна. Теперь они управляли Роем, восседая в сердце подземного лабиринта, запутанных руин старинного дворца, построенного по велению сумасшедшего короля во времена до подписания Пакта Гильдий. Сестры и их приспешники рассадили вьющиеся растения в стенах и проходах лабиринта, сделав его непроницаемым без их помощи. Лабиринт был достаточно отдален от глубинных территорий Адовойдыры, чтобы оставаться в безопасности во время спонтанных нападений Рекдосов, но достаточно близко, чтобы присматривать за беспокойной соседской гильдией.

За пределами их непроницаемого пирамидального лабиринта, правление сестер было простым: те, кто противостоял им, превращались в статуи. Лабиринт и их магия, удерживали звериные расы тератогенов у власти уже тысячу лет. И последнюю сотню лет, или около того, Савра пыталась придумать, как от них избавиться. Ее тайный союзник дал ей ответ, и теперь ей нужно было действовать быстро.

Горгоны не приносили пользу гильдии. Их тератогенские вассалы возвышали свой статус над эльфами Девкарин и всеми остальными членами Голгари. Собственные титулы, положение и жестокие развлечения занимали их больше, чем поддержание равномерного функционирования садов, полей и продовольственных складов. Матка могла бы ограничиться простым презрением звериных рас за такое поведение, но Савра была слишком практичной для этого. Дело было не просто в их отношении; проблема была в их безответственности. Тысячелетия пренебрежения плохо влияли на основной бизнес гильдии. Приняв нечестивый жезл матки, Савра поклялась, что она будет последней верховной жрицей Девкарин, наблюдающей за тем, как ее родная гильдия теряет влияние и власть, в то время, как Сестры прожигают последнее из накопленного за тысячелетия состояния прежнего гилдмастера.

Теперь у нее был ключ к их гибели, который, волею судеб, явился ей в виде настоящего серебряного ключа, подаренного ей ее возлюбленным заговорщиком. Замок, отворившийся этим ключом, располагался прямо перед ней, у основания грубой пирамиды лабиринта.

Ключ отворял дверь, заросшую и укрытую от посторонних глаз тысячелетними зарослями ядовитых растений. Она была словно вырезана в самом фундаменте Равники, как и многие другие строения на этой глубине, вдалеке от уличного уровня. Быстрый осмотр размеров двери, дал ей понять, что ее летучая мышь никак не сможет

протиснуться сквозь столь узкий проход, поэтому она отослала ее охотиться снова, предупредив, чтобы та держалась неподалеку. Савра бросила взгляд по сторонам, осматривая свое не многолюдное окружение, но увидела лишь пару равнодушных зомби, блуждающих по своим делам. Другие расы, кроме тератогенов, редко приближались так близко к лабиринту по своей воле. Она также не заметила никакой охраны, следившей за ней, несомненно, благодаря чарам, наложенным на нее ее союзником. Оно не продлится долго, но позволит ей проникнуть в основание лабиринта невидимой для глаз тератогенов.

Она вложила ключ в замок и повернула его. С усилием, затвор провернулся, скрипя о камень и ржавчину и, наконец, щелкнув, отворился. Дверь распахнулась вовнутрь от легкого толчка, и холодный воздух вырвался из темного прохода. Пахло плесенью, гнилью, затхлостью и подо всем этим, смертью.

Когда горгоны свергли старого гилдмастера в жестокой и короткой гражданской войне, натравив армии тератогенов на эльфов Девкарин и другие расы Голгари, Сестер было пятеро. Гилдмастер убил двух, прежде чем они уничтожили его – по крайней мере, именно такая легенда передавалась большинству Голгари, как эльфам Девкарин, так и свежесозданным зомби. Возлюбленный Савры сказал, что легенда была ложью, и она верила ему без малейшей тени сомнения.

Проход вниз был скользким и запутанным, и в этот раз, никто не будет ждать ее в конце пути, освещая ей путь. Как только эта мысль мелькнула в ее голове, факел, воткнутый в проржавевший держатель прямо у нее над головой, вспыхнул пламенем. Савра моргнула и подождала, пока глаза привыкнут к неожиданной яркости света, держа свой посох в защитной позе, на случай, если это была засада, а не одно из приятных совпадений, о которых предупреждал ее союзник. Ее возлюбленный сказал ей, что, как только дверь будет отперта, пленник, заточенный внутри, наверняка уже будет знать об этом. Он предупредил ее, что ей следует ожидать странных совпадений и необъяснимых явлений. Чувство юмора пленника всегда превосходило даже его некромантские способности. Даже сейчас, находясь в тысячелетнем заточении, после того, как Сестры высосали из него всю энергию, ему все еще нравилось заставлять кого-нибудь подпрыгнуть со страху.

Когда никто не выпрыгнул на нее из темноты, и не попытался отгрызть от нее кусок, Савра сняла факел с держателя и тихо сказала, - Спасибо.

Матка поежилась и осторожно начала спускаться по скользкой тропе. Извиваясь, словно змеи, под ее ногами из теней появлялись ползущие стебли растений, шипя и расступаясь перед пламенем факела. По пути, она дважды едва не свернула в неверную сторону, и ей приходилось возвращаться на начальную точку и переориентировать свои чувства, снова настраиваясь на пленника. Через десять минут блужданий по извивающимся проходам и тупикам, встреч с плесневыми грибами, выплевывающими облака безвредных спор ей в лицо, от касания факела, ее путь выровнялся. Она стояла у края древней дренажной трубы, из которой состоял этот участок маршрута. Черепичные стены, рассыпались безо всякой магии, под разрушительным и настойчивым натиском мха и плесени. Факел озарил края огромной трубы, за которыми простиралась непроглядная тьма.

Зеленоватые фосфоресцентные стебли, скрученные в формы древних Девкаринских рун, пульсируя, зажглись потусторонним свечением, соревнуясь с ее факелом в освещении ее пути. Когда она вышла из трубы и ступила в тысячелетнюю тюрьму,

небольшой лес из люминесцентных грибов и растений, окаймляющий стены темницы, также зажегся волной призрачного света.

Свитки Маток, содержащие мудрость жреческой касты Голгари, накопленную за многие поколения, содержали множество легенд и историй о Свогфире, но таинственный друг Савры дополнил их многим из того, что было забыто гильдией за тысячу лет со времени «уничтожения» старого гилдмастера. Свогфир был *паруном*, лично участвовавшим в подписании Пакта Гильдий. Он поставил свою подпись третьим, после Рази из Легиона Борос и Судьи Азора, дав тем самым предлог для своих союзников на стороне хаоса, последовать его примеру. Можно без преувеличения сказать, говорилось в Свитках, что если бы не это простое проявление мудрости со стороны Голгари и Свогфира, сегодня в Равнике не было бы гильдий.

До подписания мирного договора, Свогфир был величайшим некромантом своего времени, а его время простиралось на тысячелетия. Большинство реанимированных мертвецов были, в лучшем случае, достаточно умны для выполнения простых работ, ощущения простых потребностей, и сосуществования в грубом и примитивном обществе. Но Свогфир создавал огромные армии мертвецов, наделенных острым интеллектом во многом превосходящим их живых и опытных противников. Он открыл секрет сохранения собственного сознания - своего призрака – внутри своего тела после смерти. Нечто такое, чего не могли постичь даже некроманты Девкарин. Бог-зомби обеспечил себе некромантическое бессмертие, благодаря которому, его практически невозможно было уничтожить.

Свогфир удерживал власть над Голгари на протяжении девяти тысяч лет. Все это время он продолжал работу по усовершенствованию своего тела в бесконечной череде само-усиления. К моменту его свержения, ходили слухи, что у бога-зомби была правая рука гигантской гориллы, из тех самых особей, в уничтожении которых Свогфир лично принимал участие; левой рукой служила клешня громадного скорпиона; ноги являли собой сплетения питонов и дубовых стеблей; а торс принадлежал гигантскому циклопу. В конце концов, его голова осталась единственной оригинальной частью его тела, и многие матки полагали, на страницах Свитков, что это, несомненно, явилось основной причиной его деградирующего безумия, которое со временем и позволило горгонам свергнуть его с престола.

В конце 8000-х годов, Свогфир стал, в сущности, пленником собственного могущества и власти, с каждым годом все глубже погружаясь в паранойю и затворничество. На заре девятитысячного года мирного существования под действием Пакта Гильдий, его верные военачальники - Сестры горгоны - восстали против него. И, согласно всем существующим записям, включая священные Свитки, Сестры его уничтожили.

Это, по словам ее возлюбленного, была ложь. Сестрам не удалось полностью уничтожить Свогфира. Даже в своем безумии, он был невосприимчив к силе их петрификации. Не имея возможности обратить гилдмастера в камень, они раскрошили каждую кость в его теле и заточили его глубоко под своим логовом. И там, по словам ее союзника, на своем окаменевшем троне бог-зомби восседает по сей день. Он безусловно опасен в своем безумии, но, вместе с тем, может быть весьма полезен верной жрице Девкарин с ее верным наставником.

Присутствие Свогфира окатило ее, еще до того, как она увидела его собственными глазами. Его изувеченное тело смешалось со скользкими стенами его темницы, оно давно

уже вросло и слилось с некогда величественным тронem из костей и стеблей растений. Сейчас было невозможно сказать, где заканчивался бог-зомби и начинался мрачный, окаменевший трон.

- Так, так. Савра, не так ли? – сказал Свогфир. Его голос напоминал агонизирующий хрип, продирающийся сквозь разорванное, прогнившее горло. Несмотря на свое расчлененное тело, поверженный бог-зомби говорил лишь как замученный астмой старик. – Неужели моя церковь в руках младенцев?

- Гилдмастер, - сказала Савра и, склонив голову, опустила на одно колено. – Я... Ваша участь была скрыта от ваших... последователей.

- Прошу тебя, - промолвила сморщенная голова, единственная часть тела Свогфира, которая была способна двигаться. Она перекатилась на бок и изобразила что-то, похожее на улыбку. - Зови меня Свогфир. Ты пришла, чтобы выпустить меня из этой тюрьмы. Это я знаю. Не отрицай. Думаю, ты заслужила привилегию произносить мое имя, не так ли?

Савра прокашлялась и приподняла одну ногу, пропуская крабообразное существо, бегущее к своим собратьям. Их гнездо располагалось в левом колене бога-зомби. Она на мгновение задумалась, не охотятся ли эти крабы на семейство летучих мышей, свисающих в нише грудной клетки древнего некроманта, или, наоборот, прячутся от них.

Свогфир был воплощением невозможного. Ничто в этом состоянии не могло быть способно думать, не говоря уже о том, чтобы шутить. И, тем не менее, вот он был перед ней, кормящий собой паразитов и все такое прочее. Древнейшее мыслящее - если технически не *живущее* - существо в мире.

- Гилдмастер Свогфир, - сказала Савра настолько уважительно, насколько только могла. – Я приветствую Вас. Вы должны...

- О, я ничего не должен, кроме как сидеть здесь. Полагаю, Сестры еще не мертвы?

- Нет, еще нет, – сказала Савра. – Помогите мне, и я постараюсь сделать все, что смогу.

- Не сомневаюсь, что ты стараешься, моя милая, - прохрипел Свогфир. – Ты уж прости меня. Давно уже никто не заходил настолько далеко. Я отвык от разговоров. Должен был догадаться, что лучший кандидат появится на тысячелетней отметке. В этих делах есть определенная цикличность.

- Как скажете, - сказала Савра.

- Итак, я полагаю, ты добралась сюда не без посторонней помощи. Не возражаешь, если я взгляну?

- Что? – сказала Савра, но, не успев выразить свой протест, почувствовала, как липкая маслянистая жижа вероломно расползлась по ее разуму. Свогфир болезненно просачивался сквозь ее мысли, обтекая или разрушая препятствия, которые она спешно возводила, защищаясь от ментального вторжения. Спустя несколько секунд его присутствие исчезло из ее сознания, и она обеими руками сжала виски. Ее колени тряслись, но она смогла устоять, пока пульсирующая боль не утихла.

- Да, это было больно, не правда ли? – сказал Свогфир. – Не стану скрывать, мне очень понравилось. Ты не простая эльфийка, учитывая, что тебе всего пара сотен лет. И вовсе не примитивная, я должен заметить. Я бы мог тебя поблагодарить, но не думаю, что тебе нужна моя благодарность.

- Не нужна, - процедила Савра сквозь зубы. – Ты нашел, что искал?

- О, да, да, конечно, – прокряхтел бог-зомби. – Я так и подозревал. Да, это было очень интересно. Хорошо. Я помогу тебе.

- Почему я должна тебе доверять?

- О, ты не должна доверять мне, во всяком случае, полностью - ответил бог-зомби. – Это было бы глупой ошибкой, девочка моя. Свогфиру в большинстве случаев доверять нельзя. Но можешь поверить, что я более не желаю управлять этой гильдией. После девяти тысяч лет наверху и еще одной в этом глухом уединении, меня уже тошнит от всего этого. Если тебе нужна гильдия, забирай. Я лишь хочу отомстить.

- Неужели? – спросила Савра.

- Ты сама знаешь, что это правда, иначе... твой «союзник» не послал бы тебя ко мне.

- Ты знаешь о...?

- Я не рецепты у тебя в голове искал, жрица, - сказал Свогфир. – Я помогу тебе на двух условиях.

- Каких?

- Во-первых, тебе придется что-то сделать с этой развалиной, в которую они превратили мое несчастное тело. Я ведь не могу уничтожить для тебя Сестер в этом состоянии, не правда ли?

- Хорошо, - сказала Савра. – Второе условие?

- Когда Сестры будут повержены, уничтожь меня. У тебя достаточно силы для этого, Матка, благодаря твоему статусу и мощи твоей некромантии. Я лишь прошу тебя использовать ее после того, как Сестры будут повержены.

- Это безумие, - сказала Савра. – Откуда мне знать, что ты не обернешься против меня?

- Ты бы предпочла сидеть тысячу лет взаперти, в тоске и скуке, или провести один час, голыми руками разрывая на куски своего ненавистного врага? – прогремел бог-зомби. – Обо мне уже забыли там, наверху. Пусть вспомнят меня еще один раз.

- Тебя помнят, - сказала Савра. – Ты – бог для нашего народа.

- Вот именно. Бог. Что-то не *реальное*. Я хочу стать твоей самой священной реликвией. Твоим посохом, - пояснил он. – Когда меня не станет, ты добавишь мою голову, или что там от нее останется, к своим тотемам. Ты должна поклясться мне в этом сейчас, или сделки не будет.

- Знаешь, Гилдмастер, - сказала Савра. – Думаю все те легенды, которые я слышала о твоём полном безумии, не совсем точны.

- Нет, я вполне безумен, - ответил Свогфир. – Поверь мне, никто так тщательно не продумывает свои планы, как умалишенный маг, особенно тот, которому так всецело и чрезвычайно *скучно*. Мы договорились, Матка Савра?

- Договорились, - сказала Савра.

* * * * *

Менее чем за час Савра собрала все, что ей было необходимо для восстановления бога-зомби.

- Могу я задать тебе вопрос? – сказала Савра, аккуратно отмеряя грамм зеленой пудры, и посыпая ею магические знаки, которые она также аккуратно вывела углем на каменном полу.

- Конечно, - прохрипел Свогфир.

- Ты – величайший некромант, какого только знал этот мир, - сказала она. – Почему ты позволил себе настолько деградировать? Почему для воскрешения тебе нужна я? Я всегда считала, что все это... - Она обвела рукой его разрушенное химерическое тело, к этому моменту уже туго обвитое змееподобными стеблями растений, которые она призвала из древних семян, всаженных в плоть бога-зомби. Эти стебли будут удерживать его, пока не нарастет его некротическая ткань, фиксируя и не позволяя ему двигаться и мешать важным частям всего процесса. Когда она закончит воссоединение новых четырех конечностей Свогфира, стебли нальются кровью и некротическим соком, сольются с его новым телом и образуют его вторичную мускулатуру. На время, мощь бога-зомби будет больше, чем когда он был в расцвете сил, в старые времена.

На время. Несмотря на его благородные, циничные слова, только глупец доверился бы богу-зомби. Для Голгари, мифическое существо, в которое превратился Свогфир, было одновременно и дьяволом и спасителем. Его имя употреблялось и как ругательство, и как благословение.

- Ты не понимаешь, - ответил Свогфир. – И меня это не удивляет. Это моя вина. Правда. Я провел так много долгих часов, продумывая сценарии, которые бы могли привести к моему освобождению из этого унылого заточения, что я иногда забываю, что я тебе говорил, а чего нет.

- Крабы отъели часть твоего мозга. Это не могло не сказаться на твоём состоянии.

- Не мог же я лишиться моих единственных верных компаньонов за последнюю тысячу лет небольшого лакомства, - сказал Свогфир. – Но это к делу не относится. Вся сила, позволявшая мне подымать мертвых, включая меня самого, давно покинула меня.

- Возможно ли это? – спросила Савра и подняла руку перед тем, как Свогфир смог ответить. Она прошептала тихое, монотонное заклинание ровно на сорок четыре секунды, затем опустила руку, и начерченные знаки, один за одним, начали загораться. Количество символов соответствовало количеству конечностей, по одной для каждой ноги и руки, и большой знак в середине для самого Свогфира в целом. – Продолжай.

- Сестры не используют силу так, как мы с тобой, - продолжил Свогфир. – Они не понимают механику магии и даже не знают основных принципов некромантии. Но они *питаются*, Девкаринша, не одной лишь плотью. Они пожирают сырую энергию. Будь она магической, сверхъестественной или физической. Они, словно лунные дубы, осушающие своими корнями канализационные шахты. Они тянут ко мне ненасытные щупальца своих желаний. Они давно опустошили меня и за одно выжгли все мои способности. Даже сейчас, после того, как ты сломала печать моей темницы, я не чувствую их. Я ощущаю тебя, ощущаю гнилостный запах *жизни* повсюду, но мертвые больше не говорят со мной.

- Дай мне минуту. Возможно, ты удивишься, - сказала Савра. - Когда я закончу, ты будешь как новенький.

На время, тихо добавила она.

- Девкаринша, я сейчас гожусь разве что в качестве таранного бревна, - прохрипел бог-зомби. – И мне это нравится. Если бы старый Цизарзим мог видеть это... Это, кстати, его туловище, ты знала об этом?

- Нет, - сказала Савра отсутствующим голосом. Она не слушала его. Вся ее концентрация была на расчете времени ее следующего заклинания. Она нащупала очередной из несметного числа мешочков, привязанных к ее мантии, и развязала его кожаные завязки. Матка вынула из него один единственный сухой серебристо-

зеленоватый лист, раскрошила его в ладони и, зажав его кусочки в кулаке, подошла к Свогфиру.

- Новые конечности уже на своих местах. Все, что нам осталось, это создать связь между ними и тобой. Попытайся не кричать. Здесь довольно сильное эхо. – Она протянула руку с зажатой ладонью. – Будет больно.

- Я могу лишь надеяться на это, - сказал Свогфир.

Савра разжала кулак и коротко подула на ладонь. Серебряные крошки разлетелись в свете факелов и осыпали бога-зомби, словно крошечные сверкающие снежинки. Она повернулась, прошла ровно в центр между знаками, и встала на колени, склонив голову и широко разведя руки.

Савра начала читать заклинание. Несмотря на ее просьбу, Свогфир заорал.

Первым narosло его туловище. Разломанные куски ребер, образующие полость в его пустой грудной клетке, соединились, связанные свежим черно-зеленым мхом, разросшимся по трещинам и швам. Жилистые мускулы ожили и вскрылись, быстро наращивая свежую серую кору, сквозь омертвевшую, растрескавшуюся кожу. Крошечные древесные шипы пронзили новую кожу Свогфира и образовали узловые точки для целой сети из лозы и стеблей обволакивающей тело бога-зомби. Ростки вытягивались и прорастали в его новые конечности. Больше Свогфиру не придется использовать чужие руки и ноги. Савра предоставила ему его собственные конечности, развившиеся с нуля, гораздо более мощные, чем какая-либо часть тела, которую можно было бы отобрать у любого существа-донора.

Все громче и громче орал Свогфир в сильнейшей агонии, заставляя Савру повышать собственный голос, чтобы слышать свои слова. Заклинание было длинным и его следовало повторить трижды без единой ошибки. В противном случае все усилия были бы тщетны. Нарушить концентрацию Савры было не просто. Когда заклинание и крики Свогфира достигли оглушающего предела, слившись в единую душераздирающую ноту, Савра поднялась с колен, все еще широко раскинув руки, и резко запрокинула голову. Последний слог ее заклинания превратился в крик, не уступавший по силе агонии бога-зомби.

Зеленое пламя вырвалось из знаков на полу, влилось в тело Савры, и, через канал, образованный ее костями, ударило в Свогфира. Его мелкие шипы превратились в твердые защитные, ядовитые колья, и по велению Савры, с жутким треском выросли из его плеч, ног и рук. Они защитят его от атак тератогенов и смогут служить ему быстрым оружием, в случае необходимости.

Весь процесс занял около десяти часов, но когда заклинание Савры, наконец, растворилось в задымленном воздухе, бог-зомби был собран воедино. Перерожденный Свогфир уже не был некромантом или гилдмастером. Ей был не нужен еще один некромант. Он стал ее аватаром, воином, гигантом из мышц и древесных костей.

Ей было нужно оружие, и он, безусловно, был им. Оружием с мозгами. Савра могла создать подобного монстра и сама, но это было бы безмозглое существо, легкая добыча для орд тератогенов. Свогфир будет ярко и яростно пылать, как только осуществит ее замысел.

Савра была самонадеянна, но она полностью осознавала, что она вступает в очень опасную игру с еще более опасной фигурой.

Крохотные глаза вспыхнули в его дряхлом черепе, единственной частью бога-зомби, оставшейся неизменной, иммунной даже к магии Савры. Он вытянул разбухшие серые

руки, слушая треск деревянных кольев, расположенных вдоль позвоночника, рук и ног. Он оторвался от костяного трона, служившего ему надгробием последнюю тысячу лет, потянулся и сделал пару пробных шагов на своих новых ногах. Толстые жесткие стволы его ног, обернутые в пульсирующие зеленые стебли, походили на пару кривых болотных деревьев. Бог-зомби выпрямился во весь свой исполинский рост, и улыбка озарила его миниатюрное лицо.

- Это, - прогремел его голос, отражаясь от стен, - было *шикарно*. - Он сжал одну ладонь в кулак, размером с огромный булыжник и занес его над головой Савры. - Поверить не могу, что ты на это купилась. Моя сила, может и высосана, но она скоро ко мне вернется, вместе с моей гильдией. Но сначала, боюсь, я должен разделаться с тобой, жрица.

* * * * *

Фонн услышала отдаленный треск костра и открыла глаза. Она лежала на спине, на подстилке из сырой соломы в полуразрушенной комнате, пахнувшей дохлыми крысами, сырой землей и серой. Она быстро определила, что кислый запах крысятины исходил из шерстяного покрывала, накрывавшего ее по пояс, и смешивался с едким дымом горячей древесины. Она повернула голову направо и увидела, что она лежала рядом с небольшим костром, единственным источником света, мерцающим в этом замкнутом пространстве. С ее ракурса она видела множество пауков и насекомых, ползающих по высоким стенам и верхней части плотно запертой деревянной двери. Дым от костра уходил в проломленную дыру, где-то высоко, во мраке потолка. И кроме этого узкого пролома и деревянной двери, вокруг не было никаких других входов или выходов из комнаты.

Не считая насекомых на стенах, она была совершенно одна. В этой связи, прозвучавший голос показался ей более чем странным.

Ты в безопасности, - произнес голос. Возможно, он звучал в ее голове, а может, это было эхо в этой маленькой комнате. В своем полубоморочном состоянии, ей было трудно это определить. - *Не торопись. Все зависит от тебя.*

Этот голос звучал, ощущался, очень знакомо.

Голос не произнес больше ни слова, и спустя несколько секунд, она решила, что он ей показался. Последние ускользающие слова кого-то из ее сна, не более того.

Она села и тревожно огляделась. Нет, в комнате никого не было. Голос явно был иллюзией. Святого Байула не было видно нигде в этой маленькой сырой комнате, как не было тут и никаких следов Бираказира. И где бы ни находилась эта комната, она сомневалась, что она все еще была на Рынке Улицы Жестянщиков.

Что-то, или, скорее, кто-то, спас ее от взрыва. Это значит, что он знал, что взрыв произойдет. Этот таинственный силуэт, наверняка был под аурой хамелеона, все это время, прячась у всех на виду, он стоял возле их стола. Учитывая это, Фонн решила, что он, вероятно, был не тем типом спасителя, который был ей нужен.

Несмотря на всю непоколебимость своей веры, она поймала себя на мысли - знал ли Байул о его присутствии невидимки, возможно ли, что ее похититель и был тем, с кем они должны были встретиться. Затем она почувствовала волну стыда за свои сомнения в старом локсодоне и мыслях о возможности его предательства.

Фонн встала и сделала пару нетвердых шагов к запертой двери, но замерла, услышав звук тихих, быстро приближающихся шагов за ней с другой стороны. Обычные человеческие уши, скорее всего, не смогли бы их расслышать. Кто-то подходил к двери буквально кошачьей поступью.

Фонн проверила пояс и выругала себя и свою затуманенную голову за то, что не проверила его раньше. Ножны и все ее карманы, в которых она держала еду, лекарства и инструменты, были опустошены. К счастью, сама она и ее одежда были не повреждены. Каким-то образом, ей удалось избежать взрыва всего с парой царапин и ссадин, которые также могли быть вызваны тем, что она неопределенное количество времени спала на камнях и соломе.

В замочной скважине послышался щелчок, но дверь не отперлась. Затем последовал еще один щелчок, за ним еще один. Вероятно, с внешней стороны двери был какой-то сложный замок. В нем был смысл, если кому-то требовалось удерживать ее взаперти.

Ей нужно было какое-нибудь оружие. Она подумала о том, чтобы достать кусок головешки из костра, но что бы там ни горело, оно никак не походило на твердую древесину. Скорее это была какая-то сухая веревка.

Замок щелкнул в четвертый раз и внутренний засов в двери отодвинулся. Фонн обшарила глазами пол в поисках камня или чего угодно еще, но тот, кто ее запер здесь, вынес из комнаты все, что могло служить оружием.

Все, кроме покрывала и крошечного костра. По отдельности эти две вещи были бесполезны, но у Фонн родилась идея.

Полу-эльфийка схватила покрывало за края и свернула его. Она сделала шаг назад и в сторону, так, чтобы костер был между ее левой ногой и дверью.

Еще пара щелчков и дверь отворилась вовнутрь. Едва завидев силуэт бледного эльфа в свете огня, она ударила ногой горстку тлеющей лозы в костре. Облако углей, пепла и искр взметнулось перед ней и она с размаха, словно толстым кнутом, нанесла удар кожаным покрывалом.

Бледная рука со скоростью броска кобры схватила ее самодельное оружие, и эльф с легкостью вырвал кожаное покрывало из рук Фонн. В ее ослабленном состоянии, она просто не смогла удержать его. Лишенная каких-либо иных вариантов, она нагнула голову и бросилась на него, плечом вперед.

Эльф сделал шаг в сторону и сбил ее с ног, выставив ногу у нее на пути. Ледев врезалась в скользкие камни сырого, пахнущего гнилью коридора. Фонн удалось разглядеть с полдюжины пар горящих глаз в дальнем конце коридора перед тем, как эльф схватил ее за шиворот и втащил обратно, в комнату. Он толкнул ее о стену, оглушив на время, достаточное для того, чтобы он мог нагнуться и дать одному из пауков, бегавших по полу, взобраться на его ладонь. Он выпрямился и протянул к ней открытую ладонь.

- Прости, - вежливо произнес эльф, - обычно я так не поступаю, но тебе нужно поспать чуть подольше. - Он сжал ладонь, прислонил ее к шее Фонн, и она почувствовала крошечный укус, когда паук вонзил свои клыки в ее кожу. Через секунду она бездыханно упала на руки Джерада.

Прежде всего, никогда не создавайте то, что вы не можете уничтожить.

—Матка Таджини (331 - 612 П.Д.), из священных Свитков Маток

25 Зуун 9999 П.Д., раннее утро

- Ты не можешь пошевелить рукой, - сказала Савра. – Как не можешь пошевелить вообще чем-либо, пока я этого не позволю. Я разочарована, гилдмастер. Я надеялась, что мы сможем работать сообща ради блага гильдии.

- Я собирался просто убить тебя и покончить с этим. - Зарычал Свогфир. – Теперь я торопиться не буду. Я сожру тебя, девчонка.

- Это было бы возможно, - сказала Савра, - если бы я позволила тебе, сперва, приблизиться к себе.

- Ты играешь с богом. - Сказал Свогфир голосом, понизившимся на несколько регистров. – Ты думаешь, я не могу...

Бог-зомби продолжал шевелить губами, но уже совершенно беззвучно.

- Ты контролируешь голову, но я контролирую тело. Я управляю легкими, проводящими воздух через твою гнилую гортань. – Ее губы сузились в холодной улыбке. – Ты не будешь говорить. Ты не будешь двигаться. Ты не будешь дышать, если я этого не позволю. Твое тело, гилдмастер, не твое. Оно мое. Если ты не будешь делать то, что я тебе говорю, мы расстанемся здесь. Я найду другой способ спасти Голгари.

Свогфир безмолвно кипел от гнева, с открытым ртом в беззвучном крике и с кулаком, застывшем высоко над его головой.

- Я вижу, ты все еще не убежден, - сказала Савра. – Хорошо.

Она указала на руку бога-зомби и прошептала несколько слов, найденных ею в одном затертом абзаце Свитков Маток – документе, которого, как она знала, Свогфир никогда даже не видел. Свитки были наследием каждой матки, правящей до нее, и каждая из них ревностно охраняла свои секреты.

Правая рука Свогфира разогнулась, и ее кулак разжался. Она опустилась, потянулась к левой руке и сжала ее за локоть. Еще один жест Савры и правая рука Свогфира резко вывернула противоположную конечность, пока кость не треснула и не раскололась, словно молодое деревце. Открытый рот Свогфира не мог издать крик, но изо всех сил пытался.

Савра дала ему несколько секунд вслушаться в звуки трескающейся кости и приказала руке прекратить выкручивание. Она подняла посох вверх.

- Я могу просто использовать тебя, как марионетку, чтобы убить всех на пути к Сестрам, но это мне не поможет, - сказала она. – Я не хочу убивать тератогенов. Я хочу управлять ими. Я хочу объединить их. Гильдия сильно деградировала под управлением Сестер, но не все химерные расы подобны им. Я могу спасти гильдию от нее самой. Я могу спасти ее от горгон и вернуть ей ее величие.

Наконец, Свогфир прекратил попытки кричать и закрыл рот. Он открыл его снова, чтобы что-то сказать, не смог, и выпучил глаза на жрицу. Взмахом руки она отпустила легкие бога-зомби.

- Ладно, - сказал Свогфир. – Я тебя понял. - Он сделал глубокий, хриплый вдох и выдох. - Это лучше, чем тюрьма. Я все сделаю.

- Беспрекословно?

- Беспрекословно.

- Отлично, - сказала Савра. Она в последний раз взмахнула рукой, и бог-зомби расслабился.

- Что теперь? – сказал Свогфир. – Ты загнала меня в угол. Что ты хочешь, чтобы я сделал?

- Ты пойдешь наверх и вернешь то, что Сестры украли у тебя, - сказала Савра. – После этого, ты передашь власть мне. Во главе с Девкарин, Голгари, наконец, вновь станут великой гильдией.

- Что если я решу предупредить их?

- Ты ненавидишь их, гилдмастер, - сказала Савра, - и они ненавидят тебя точно так же. Более того, они боятся и не доверяют тебе.

- И на то есть причины.

- Конечно, - сказала Савра. – Что бы ты им не сказал, они натравят на тебя каждого тератогена в лабиринте в мгновение ока. Я проделала большую работу, но ничто не совершенно. Они уничтожат тебя, и я вернусь к тому, с чего начинала.

- Ты сейчас тоже, вовсе не самая моя любимая эльфийка, - сказал Свогфир, - но ты действительно хорошо меня знаешь. Ты доказала, что можешь уничтожить меня также легко, как ты восстановила меня. Не вижу смысла сопротивляться твоей воле. Но, послушай. У меня есть предложение. Прими его, я не просто сделаю то, что ты говоришь, Я сделаю это с удовольствием.

- Что за предложение? – спросила Савра.

- Позволь мне править вместе с тобой, - сказал он. – Тебе пригодится такой символ власти. Ты будешь управлять гильдией, поведешь ее к процветанию, если хочешь, или сравнешь с землей и заставишь каждого зомби в Старом Раве вырвать собственные руки, мне все равно. Эта сторона мне уже не интересна. Но представь себе: Савра, гилдмастер и повелительница поверженного паруна.

Савра ухмыльнулась. Он готов на что угодно, лишь бы быть поближе к реальной власти, с тем, чтобы однажды захватить ее. На меньшее она и не рассчитывала. Свогфир бы не просуществовал так долго, не научившись заключать сделки. С другой стороны, то же можно было сказать и о ней.

- Сделать из тебя символ власти? – произнесла жрица. – Гилдмастер, Вы словно прочли мои мысли.

* * * * *

Высоко над Саврой и Свогфиром три сестры восседали на вершине небольшого горного массива из золота и драгоценных камней. В окружении своих придворных слуг, они наблюдали за действиями жрицы в зеркальной поверхности безмятежного омута, не

имея, правда, возможности слышать ее слова. Вероятно, они бы в любом случае не слышали слов Савры. Их логово было шумным местом, когда в нем проводилось заседание придворных, а оно проводилось там вот уже тысячу лет.

Телом горгоны походили на невероятно высоких женщин, но сходство было в лучшем случае поверхностным. Сестры Каменной Смерти были женщинами, но в то же время, они вовсе не были людьми. На головах у них были кишачие, переплетающиеся гнезда змеевидных щупалец. Их лишенные зрачков глаза светились, а рот был заполнен острыми, как бритвы, зубами.

Клекот, уханье и рев наполнили воздух, когда собравшаяся толпа наблюдала за восстановлением бога-зомби. Тератогены были наиболее биологически разнообразной фракцией Голгари, делящейся и подразделяющейся на целый лабиринт кланов и племен. Их больше объединяли их различия, чем сходства. Они не стремились ходить на двух ногах, как гуманоидные расы, и поэтому, за тысячу лет, они смешались в единую массу, образовавшую со временем что-то вроде сверх племени внутри гильдии. Они, как и все Голгари, подчинялись Сестрам. Тератогены любили своих повелительниц, и те отвечали им взаимностью. И все же, один лишь вид древнего паруна их гильдии, бога во плоти, пробудил в них первобытную гордость, о существовании которой многие из них даже не догадывались.

Или, возможно, они просто любили хорошие представления.

- Она нашла его, - прошипела младшая из сестер, Лидия. – Она восстановила его.

- Она зссатеяла опасснную игру, - сказала Лексия, средняя из трех. – Ты недооцсениваешь жрицссу, Людмила. Ты помнишшь, чего нам ссстоила победа над ним в первый разс?

- О, да, - сказала третья, старшая и мудрейшая из них, та, которую звали Людмила. – Я помню. И поэтому, его вторая сссмерть будет такой ссладкой.

- А Девкариншша? – спросила первая сестра, - Что будет ссс маткой?

- Она еще ребенок и ничего изсс ссебя не предссставляет, - прошипела в ответ Людмила. – Когда бог-зссомби падет, ее разсдавит весс сссобственного выссокомерия. У насс будет новая матка, но, лучше поможем их расссе вымереть. Они ссслишком назсойливы.

- Ты уверена, что бог-зссомби падет, ссссестра?

Людмила улыбнулась, обнажив зубы.

- Сссмотрите.

* * * * *

- Очень впечатляюще, - сказала Савра. – Но это пустая трата времени. Просто убей их, гилдмастер. Эти безмозглые твари стоят у нас на пути.

Она взглянула вперед, затем оглянулась назад и не увидела ничего, кроме темноты и следов бойни, соответственно, в узком, извивающемся туннеле.

- Я же говорил тебе, называть меня Свогфиром, - прогремел бог-зомби. Он схватил огромную, размером с взрослого эльфа, ногу опрокинутого на спину гигантского жука и с хрустом разломил хитин о колено. Он поднес кусок отвратительной конечности к своему

относительно крошечному рту и громко зачавкал, поедая плоть насекомого. - Мм, вот это вкуснятина.

Они уже прошли семь уровней вверх по лабиринту пирамиды. Свогфир впереди, Савра сзади, высматривая возможное нападение с тыла, но пока все было спокойно. Свогфир знал, что делать. Осталось подождать, пока Сестры сделают свой ход. До сих пор, им приходилось по пути сражаться лишь со смешным количеством жуков и зверей не наделенных разумом. Но скоро настоящие тератогены - существа, ходящие как животные, но обладающие человеческим уровнем интеллекта, непременно настигнут их. Сестры наверняка следили за ними. Савра почувствовала легкое касание волшебного омота, сквозь который Сестры наблюдали за ней, словно тончайшую маслянистую пленку на ее коже.

До сих пор они играли роль самонадеянных захватчиков, заблудившихся, как и многие другие за все эти годы, в стенах пирамидального лабиринта. Скоро, должен был произойти ответный жест, и Савра открыто начнет свое неминуемое предательство. Ей нужно было, чтобы что-нибудь полу-разумное напало на них в ближайшее время, и роль Свогфира во всем этом мероприятии оправдала себя.

Словно призванные ее мыслями, гарпии атаковали их со всех сторон с такой скоростью, что Савре даже не удалось подсчитать их количество, когда первая из них уже настигла ее. Савра ударила тупым концом своего посоха гарпию в лицо, превратив ее мерзкий кривой клюв в кровавое месиво. Гарпия завизжала и налету ударилась о стену прохода, ослепленная собственной кровью.

Свогфир зарычал и схватил руками нападающую на него гарпию. Туннели в лабиринте были высокими, по эльфийским меркам, так как многие жители лабиринта были либо размером с бога-зомби, либо им требовалось пространство для воздушных маневров, как этим нападающим гарпиям.

- Гилдмастер! Не забудь оставить этих в живых! – крикнула Савра сквозь неожиданный взрыв птичьих воплей. Она отбила еще одну пикирующую атаку своим посохом. – С этого момента мы начинаем отвоевывать гильдию, и нам нужно, чтобы от гильдии что-то осталось.

- Даже этих двух не убивать? - спросил Свогфир, держа дергающихся в истерике гарпий за лапы.

- Да, - сказала Савра. – но ты можешь поколотить их слегка.

- Отлично, - сказал Свогфир и хлопнул обеих гарпий головами друг о друга.

Все началось с гарпий, но этим не закончилось. Женщины-птицы были избиты и изранены, но живы к концу сражения. Свогфир, как и планировалось, приказал им стать его вестниками и предупредить разумных тератогенов о том, что время Сестер подошло к концу. Парун возвращается, как многие и предрекали.

После последующих нескольких стычек, богу-зомби уже не требовалось драться. Вскоре, небольшая толпа из гарпий, грифонов, кентавров, наг, и других видов тератогенов шла с ними сквозь туннели, служа проводниками и пытаясь поближе рассмотреть гиганта. Все, кто встречался им на пути и отказывался дать клятву верности Свогфиру и «его» верховной жрице, отдавался на растерзание толпе.

* * * * *

- Что он *делает*? – прошипела Людмила. – Он жшше должшшен ссражшшаться сс ними. А не переманивать их на ссвою сссторону!

- Ты жшше ссказала, что она не ссможет зсайти так далеко, - ответила Лексия.
– Что мы будем делать?

- У насс все еще ещше ессть ссоюзсники, - сказала Людмила.- Нашшши придворные сс нами. – Она обвела рукой зал вокруг них.

Зал, который стал тише, чем прежде.

- Сссестры? – спросила Лидия. – Куда все подевались?

* * * * *

К тому времени, когда они достигли той точки, где расширяющийся туннель открывался в широкий, высокий зал, служивший логовом Сестер, Свогфир уже собрал небольшую армию тератогенов. Савра догадывалась, что их могло бы быть больше, просто в тоннелях не хватило места для всех.

Все складывалось именно так, как рассчитали Савра и ее таинственный союзник. Запуганные тератогены инстинктивно принимали сторону сильнейшего в племени, и этот инстинкт распространялся на любые формы их социальных групп. Никто из них, кроме самих горгон, не помнил ни правления Свогфира в качестве гилдмастера, ни того, как это правление оборвалось. Все, что они видели перед собой, была легенда, нет, *божество*, вернувшееся к ним в тот момент, когда многие начали уставать от растущего безразличия Сестер к управлению делами гильдии.

Савра подошла к гигантскому зомби, который не скрывал невероятного наслаждения собой.

- Мы почти у цели, - прошептала она, едва разжимая губы. – Приготовься.

- Ты уверена, что мне можно убить лишь двоих? – сказал бог-зомби настолько тихо, как только мог; а шум толпы тератогенов гарантировал, что никто не смог бы их подслушать. – Это же проще простого.

- Терпение, гилдмастер, - сказала она. – Теперь они все на твоей стороне, но они уважают честь и милосердие так же, как и силу. Нельзя их просто убить. Со временем, другие попытаются захватить власть, так же, как это сделали Сестры.

- Я и не думал, что жрицы настолько хорошо разбираются в искусстве политики.

- Те жрицы, которых ты знал, не продержались бы и дня на моем месте, - сказала Савра. – Ну, все. Твой выход.

Свогфир тяжелыми шагами взшел по ступеням, ведущим в логово – место, возведенное им самим, как храм его извращенной славы, а ныне превращенное во дворец горгон – и громогласно прокашлялся. Шумная какофония утихла, и Свогфир поднял обе руки, приветствуя собравшихся.

- Тератогены Голгари, - начал он, - Сестры Каменной Смерти не ваши гилдмастеры. Есть лишь один гилдмастер. Я.

Звериная толпа взорвалась одобрительным ревом и аплодисментами. Несколько скандирующих выкриков «Свогфир, Свогфир!» слышались со стороны тератогенов, наделенных даром речи. Бог-зомби наслаждался их поклонением и взмахом руки призвал к тишине.

- Я создал эту гильдию из костей и плоти этого мира. Десять тысяч лет назад я объединил расы тератогенов, зомби и эльфов Девкарин – всех нас. И в единстве была наша сила. Девять тысяч лет было так. Гильдия была богатой и могущественной. А сегодня? Где все ее богатство? Что случилось с ее единством?

Недовольный шепот и неприятные звериные звуки разнеслись по залу, и одна из гарпий провизжала: «Все у *них!* У Сестер! Они забрали себе все богатство!» Последовал хор согласных возгласов, и вскоре богу-зомби пришлось снова утихомирить их, чтобы он мог продолжить свою речь.

- Мой народ, - сказал Свогфир, - мы *можем* быть могущественными. Если вы отвернетесь от Сестер, узурпаторш, вы будете вознаграждены. Насколько силен я, настолько мы все будем сильны. Насколько могущественны вы, настолько же мы все преумножим наше могущество и величие.

Савра улыбнулась. Ее бог-зомби заставил их есть с ладони. Теперь ему нужно было лишь поддерживать этот шум, пока Сестры не смогут больше прятаться в своем логове. Савра знала, что они наблюдают за ними.

Как по заказу, тяжелая каменная дверь в логово с грохотом откатилась в сторону. Нетронутые ранее заросли треснули и разорвались, и Савра, даже сквозь шум тератогенов, услышала знакомое шипение, исходящее изнутри. Сестры появились из тьмы логова, сверкая своими полу-змеиными телами в свете факелов и фосфоресцентных грибов. Они двигались вместе, во главе с Людмиллой, к вершине ступеней, словно восходя на сцену.

- Что это зссдесссь? – сказала Людмила, достаточно громко, чтобы весь зал мог услышать ее. Она посмотрела на Савру, во всяком случае, Савра так решила. Каждая из Сестер носила на лице ауру маски хамелеона, заклинание с очевидным практическим назначением, для тех, чей взгляд может убить.

- Узссник на сссвободе, а нашшша жрица сссвернула на опасссную тропу. – Лидия и Лексия прошипели, соглашаясь с сестрой.

Савра ждала именно такой возможности. Она прошла вперед и встала перед Свогфиром, словно его вассал, и тщательно подобрала слова.

- Я служу истинному гилдмастеру, - сказала Савра. – Лишь сильнейший из нас должен возглавить Голгари. А бог-зомби сильнее Сестер. Бог-зомби должен править нами!

Она отвернулась от горгон и взошла по ступеням достаточно высоко, чтобы тератогены могли ее видеть.

- Мы служим сильнейшему! Сильнейшему власть! – она повторила призывы несколько раз, достаточно для того, чтобы толпа подхватила их и превратила в скандирование.

- Отлично, - кивнул ей Свогфир.

- Гилдмастер, - сказала Савра и поклонилась.

Две горгоны по бокам раздраженно зашипели, но Людмила оставалась спокойна. Она просто поднесла руку к лицу и взмахом ладони развеяла маску, разогнав тем самым тератогенов по дальним углам. Несколько из них были не достаточно проворны и не успели отвернуться и избежать встречи с глазами горгоны. Одна из первых гарпий, присоединившихся к ним, в мгновение превратилась в летящее каменное изваяние. Она рухнула на ступени и развалилась на куски. Окаменевшая женщина-птица едва не попала в Савру, но та даже не пошевелилась. Не смотря на опасность, она не закрыла глаза, прячась от Сестер, как поступило буквально каждое живое существо в зале.

Она также не повернулась в их сторону. Самоубийство не входило в ее планы.

- Великий Свогфир – наш парун и гилдмастер, - сказала Савра. – у тебя уже была возможность править гильдией. Теперь отойди в сторону, если не желаешь присоединиться к нам. Это твой последний шанс, Людмила.

Свогфир не проронил ни слова, но лишь положил свои огромные кулаки на бока. Сперва, лишь Савра и Сестры видели, как он поднял голову и посмотрел прямо в глаза Людмиле. Если окаменяющий взгляд горгоны и имел какой-либо эффект, то он состоял в том, чтобы заставить бога-зомби ухмыльнуться. Когда он заговорил, несколько отважных созданий рискнули взглянуть в направлении его голоса и увидели это тоже. Изумленные шепоты этих храбрецов в считанные секунды разнеслись по всей пещере, создав небольшую волну благоговейного трепета вокруг Свогфира. Савра словно слышала, как в их головах одновременно проносилась мысль: Это правда. Он действительно бог. Он смотрит ей в глаза и стоит невидимый. Они не могут победить его. Он действительно сильнейший.

- Здравствуйте, дамы, - сказал Свогфир. – как видите, я чувствую себя лучше, чем в последний раз, когда мы с вами беседовали. Итак, на чем мы остановились, перед тем, как нас грубо прервал ваш захват моей гильдии?

- Ты думаешь, ты впечатлил нас, узсник? – сказала Людмила. – Мы вовсе не бесспомощны и безс нашего взгляда.

- Разсорвем его, - хмыкнула Лидия.

- Осставьте мне ножшшку, - засмеялась Лексия.

- Я надеялся, что ты так и скажешь, - сказал бог-зомби. – Голгари! Смотрите, как горгоны получают урок уважения!

Свогфир словно вырос еще выше, когда тератогены зарычали его имя. Савра отошла в сторону и присоединилась к растущему кольцу на удивление сдержанных зрителей, каждый из которых, старался смотреть на происходящее исключительно периферийным зрением. Матка просто закрыла глаза и смотрела представление через глаза бога-зомби. Не через те, что были у него в голове, конечно. Эти глаза, как все остальное в его черепе, не поддавались ни одному из ее заклинаний. Гораздо проще было просто вырастить несколько дополнительных глаз тут и там, в обновленном теле Свогфира – незаметные небольшие сферы располагались в центре его груди, в правом и левом плече, и между лопатками, так, как если бы они всегда там и были.

Оставалась лишь одна деталь. Это была дуэль чемпионов, заслуживающая арены. Кроме того, было бы не хорошо, если бы они вдруг напали на нее. Она сжала посох обеими руками и сконцентрировалась на талисманах, амулетах и дремлющих некрокластерах, позволяя им вести часть ее разума к земле под каменными ступенями, погребенной под тысячелетиями городского разложения. Ее концентрация устремилась в семена, зерна, споры, миллионы частиц жизни, лежащих, словно мертвые, но готовые к возрождению – восстановлению без вмешательства некромантии. От небольшого, нежного импульса они в считанные мгновения начали расти, пробиваясь сквозь каменные покровы.

Стены из стеблей, деревьев, огромных грибов и комбинаций из всего этого прорвались сквозь ступени за Свогфиром, отрезав его от Савры и кольца зрителей.

Она сделала это не только, чтобы защитить себя и тех, кем она собиралась управлять. Савра также понимала важность театрализации этого действия. Стена не была настолько высока, чтобы затмить собой вид на бога-зомби, разминавшего костяшки

кулаков, размером с коленные чашечки, готовясь ко встрече с тем, что Сестры планировали продемонстрировать вместо своего смертельного взора.

Горгоны не соврали. Они никогда не полагались только на свой смертоносный взгляд. Тело каждой из них было обмотано цепью, на конце которой располагались различные виды оружия. Лидия отдавала предпочтение увесистому ядру, выбором Лексики был железный шар с острыми шипами, а цепь Людмиллы венчалась вертушкой с тройным лезвием, которая превращалась в крутящуюся пилу, когда она раскручивала цепь над головой.

Без особой фантазии, что вовсе не удивило жрицу, горгоны разделились, Лексия зашла с левого фланга Свогфира, Лидия с правого, а Людмила атаковала с фронта.

Свогфир, в свою очередь, сделал шаг вперед, на встречу им, как поняла Савра, для того, чтобы выиграть себе место для маневров, подальше от ее стены. Он быстро принял на удивление легкую рукопашную позу и приготовился к первой атаке.

Первой, кто утратил терпение и бросился в бой, была Лидия, которую Савра всегда считала самой тупой. Она явно была младшей, с недоразвитым интеллектом, и в очередной раз проявила никчемное самообладание.

Именно этого Свогфир и ожидал. Он превосходил Сестер массой в пропорции пяти к одному, и это означало, что их яркий выбор оружия явно выйдет им боком. Бог-зомби поднял руку и позволил ядру удариться в его ладонь. Тяжелый металлический шар на половину вошел ему в руку от удара, но упругие лианнные стебли не поддались. Свогфир сжал пальцы, зажав ядро в кулаке, а затем рывком поднял горгону в воздух, словно марионетку на нитке. Цепь на ее талии туго затянулась, и она завопила от неожиданной боли.

Бог-зомби дважды провертел ею над головой, и со всего размаха швырнул ее головой об одну из массивных колонн, обрамлявших вход в логово. Череп горгоны смялся, словно яичная скорлупа и окрасил уродливую каменную лепнину липкими кусками мозговой ткани и розовато-красной кровью.

Оставшиеся Сестры яростно заорали, но отступили на несколько шагов. Свогфир еще не закончил с мертвой горгоной. Он провернул изуродованный труп Лидии, привязанный к концу цепи, по узкому кругу, орошая Сестер ее кровью, а затем швырнул цепь точно так же, как Лидия швырнула ядро. Труп врезался в Лексию и сбил ее с ног. Пока оглушенная горгона все еще лежала на земле, Свогфир со всей силы метнул в нее железное ядро. Металлический шар попал горгоне в грудь в тот момент, когда та пыталась сесть, он проломил ей ребра грудной клетки и застрял внутри, у самого позвоночника. Вывернутые внутренности горгоны, вытесненные ядром, кусками выплеснулись из нее, забрызгав кровью землю вокруг нее.

Две повержены. Савра надеялась, что ее расчет был верен. Если она ошиблась, второго шанса у нее не будет.

Повинуясь приказу жрицы, Свогфир остановился и озвучил Людмилле свое предложение.

- Горгона, - сказал бог-зомби, - ты не должна умирать, как они. Ты теперь последняя представительница своего вида. Оборвешь ли ты не только свою жизнь, но и само существование твоей расы?

Людмила зашипела, и щупальца на ее голове заколыхались в неуверенности. Ярость исказила ее худое лицо, когда она обвела взглядом изуродованные тела ее сестер, уничтоженных за столько же времени, сколько бы потребовалось, чтобы произнести их

имена. Сестры управляли гильдией долгое время и уже давно поверили в миф о собственной неуязвимости. Бог-зомби развеял его в считанные секунды.

- Я... зсздаюсссь, - сказала Людмила. Она сняла с талии цепь и бросила ее на пол, затем встала на одно колено перед богом-зомби и, потупив взгляд, добавила, - гилдмассстер.

Свогфир захохотал низким, раскатистым хохотом, сотрясавшим все его тело с ног до головы, словно маленькое землетрясение.

- Да, - сказал он, наконец, - и ты служишь своему гилдмастеру, не так ли?

- Ссслужу, - пробормотала Людмила.

- Что ты там мямлишь? – сказал Свогфир.

- Я ссслужу гилдмассстеру, - прошипела Людмила.

- Надень свою маску, повернись к своему народу и скажи им об этом.

Горгона сделала, что было велено, и Савра вернула импровизированную ограду обратно в землю, что бы собравшаяся толпа могла увидеть последнюю из Сестер. Многие в этой толпе с жадностью рассматривали тела мертвых горгон.

- Голгари, - сказала Людмила, - тератогены, я... усступаю правление гильдией гилдмассстеру.

Именно этих слов и ждала Савра. Она открыла глаза, встала и подошла к Свогфиру.

- Гилдмастер, - сказала она, - я благодарю тебя. Помнишь ли ты мои слова?

- Конечно, помню, - сказал бог-зомби. – Я думаю, мне понравится быть твоим символом.

- Да, - сказала Савра, взмахнув рукой. - Я тоже так думаю.

- Что ты де...? – сказал Свогфир, но его протест был прерван его собственными руками. По команде Савры, бог-зомби поднес ладони к своей крошечной голове. Резким рывком с тошнотворным треском, руки Свогфира вырвали голову и передали ее жрице Девкарин.

Савра понимала, что у нее есть считанные секунды перед тем, как ошарашенная толпа набросится на нее, если она не воспользуется этим мгновением. Она протянула руки вверх, держа в одной голову Свогфира, а во второй свой ритуальный посох, и повернулась к собравшимся тератогенам. Людмила зашипела в смятении за ее спиной. К всеобщему удивлению, тело Свогфира все еще стояло на ногах, и даже сделало несколько шагов и встало между Саврой и горгоной, на всякий случай.

- Править должен сильнейший, - сказала Савра. – Потому что лишь у сильнейшего есть власть над жизнью и смертью. Тебе следовало проводить больше читать последнюю тысячу лет, гилдмастер. Твоя память уже не та, что была раньше.

Рот Свогфира лениво открылся, пытаясь пробулькать что-то в ответ, но у него ничего не вышло. Савра подняла сморщенный предмет над головой и улыбнулась, заметив искреннее изумление на морщинистом лице старого гилдмастера – она увидела это выражение на его лице впервые с того момента, когда она его нашла. Она кивнула и со всего размаха швырнула голову о каменный пол. Энергия, накопленная за вечность, вырвалась зеленым облаком концентрированной некроманы.

Жрица широко развела руки в стороны и спокойно произнесла слова, стоившие ей значительного времени и не малых денег, для выкупа у Оржов. Эти слова сами по себе обладали мощью, но произнесенные истинной маткой Девкарин, они были способны на невозможное. Из-за этих слов, Свогфиру не удалось уничтожить ее предков, но знание о

них было утрачено еще до подписания Пакта Гильдий – скорее всего не без помощи бога-зомби.

Сестры не смогли уничтожить Свогфира лишь из-за того, что Свогфир сделал себя практически не подверженным полному уничтожению. Что бы не произошло с его телом, гилдмастер позаботился о том, что его голова останется иммунной к любой магии, кроме его собственной. Но эти слова, слова заклинания матки, были брешью в броне Свогфира. Вместо того, чтобы защищать и содержать сущность бога-зомби, его мозг, поддерживаемый некромантией, отверг ее полностью. То, что вышло из расколотого черепа, было сырой первобытной энергией, и matka, произносящая заклинание, получила ее всю без остатка.

Чего она не знала, так это того, насколько это было *болезненно*.

Все тысячелетия несказанной силы Свогфира слились с энергией ее собственного тела, и она почувствовала, как она словно пожирала ее изнутри, начиная с ее костного мозга. Ее спина изогнулась в агонии, и она затряслась в вихре некроманы. Она впитывалась в ее кожу, словно кислота, она чувствовала, что ее глаза вот-вот лопнут, словно перезревшие фрукты. Одинокий, протяжный крик, последний след Свогфира, вгрызлся в ее слух. Затем, с мерцающим светом и запахом горелого торфа в воздухе, все было кончено.

Савра чувствовала себя... иначе. Не плохо. Иначе. Сильной. Очень, очень сильной. Она подняла руку и увидела, что ее кожа светилась угасающим зеленым светом.

Толпа стояла в полнейшей тишине.

- Ты манипулировала нами, - сказала Людмила. – Ты манипулировала им.

- Я, - сказала Савра, наклоняясь, чтобы подобрать то, что осталось от расколотого черепа, - пользовалась своей головой. И его.

Савра вновь подняла высоко изувеченный предмет. Она прислонила посох к плечу и просунула пальцы одной руки сквозь разломанную челюсть черепа. Другой рукой она содрала кожу с покрытой трещинами кости, сняв эпидермический слой одним куском, оставив в ее руке обнаженный белый череп. Она отбросила челюсть в сторону, и, с подчеркнутым церемониалом, насадила треснувший череп на верхушку своего посоха. Некрокластеры мгновенно ожили, и вскоре их щупальца сделали из головы Свогфира очередной прочный тотем.

- Это должно было меня напугать? – сказала Людмила. – Ты прикончила сстарого дурака, а я *укротила* его.

- Нет. Напугать тебя должно вот *это*, - сказала Савра. Со взмахом ее руки, лозы и лианы сползли со стен и потолка. Их стебли обвились тела сестер Людмиллы, обволакивая их пульсирующими щупальцами, вгрызающимися в их мертвую плоть. Горгоны задергались, впитывая через растения ново-обетенную энергию Савры, и вскоре поднялись с пола. К тому времени, когда они достигли Людмиллы, они уже были больше растениями, чем трупами. Еще один взмах руки жрицы и ее свежие создания замерли на месте, безучастно уставившись на живое существо, которое совсем недавно они называли своей сестрой.

- Хочешь к ним присоединиться?

Людмила зашипела. Она сделала шаг назад, и зомби горгон сделали по шагу вперед.

- Я дам тебе простой выбор, Людмила, - сказала Савра. – Я могу убить тебя сейчас, и ты станешь сильной, послушной рабыней. Или ты будешь служишь своему новому

гилдмастеру, твоей новой *королеве*, в том качестве, в котором ты прирождена быть – в качестве воина. Ты сможешь быть непобедимой на поле битвы, если ты согласишься возглавить мое войско.

- Войссско? – сказала Людмила.

- Ты будешь командовать моей армией. Если не хочешь, ты умрешь сейчас же. Ты можешь попытаться убить меня первой, и, возможно, тебе даже удастся опередить скорость моих мыслей. Правда, я в этом сомневаюсь. Но даже, если ты каким-то чудом выйдешь победителем в нашей схватке – чего, конечно, не будет – как думаешь, долго ты протянешь теперь, после того, как они все увидели, насколько легко убивается твой вид?

Она указала на безголового гиганта.

- Или ты сдержишь клятву, данную тобой только что. Объявишь меня гилдмастером Голгари, и я сочту, что тебе не нужно умирать. Не сейчас, не так, как умерли они.

- Зсачем тебе все это? – сказала Людмила, - зсачем тебе нужна я?

- Ты мне не нужна, - сказала Савра, - но будет проще убедить их идти за тобой, чем за Даиньей. К тому же, есть очевидные преимущества в том, чтобы во главе нападения была горгона. Что же касается того, зачем мне нужна армия – это самое интересное.

Она наклонилась на опасно близкое расстояние к единственной выжившей горгоне и прошептала ей несколько слов. Горгона кивнула в знак понимания. Наверное, под своей маской, она даже улыбнулась.

Людмила сделала шаг вперед, склонив голову. Она взяла руку Савры в свою ледяную ладонь и подняла ее вверх, словно рефери в гладиаторских ямах, объявляя победителя. Горгоне не нужно было ничего говорить. Это действие было кристально ясно каждому. У Голгари появился новый гилдмастер впервые за тысячу лет, и Девкарин, наконец-то, заняли главенствующую позицию в гильдии.

Все прошло именно так, как и предсказал таинственный союзник Савры.

РАПОРТ О ПРОИСШЕСТВИИ: 10/13МЗ/430222

СОСТАВЛЕН: 18 Грив 9943 г. П.Д.

СТАРШИЙ: Констебль Кос, Агрус

НАПАРНИК: Лейтенант Зюник, Микзил

Кос и Зюник подверглись множественным нападениям. Десяткам крошечных, роящихся, кусающих нападений.

- Ох, как же я ненавижу эти... Уф! – простонал Зюник.

Серебряные колючки ожили и понеслись на своих ассиметричных конечностях через осыпающуюся крышу, прямо на сапоги воджеков. Кос еле сдерживался от того, чтобы не закричать, чувствуя, как эти мелкие, острые шипы, прокалывая толстую кожу сапог, впивались в его лодыжки.

- Не отрывай стопы от черепицы, - сказал Зюник. – если они попадут тебе на подошву, считай, что ты калека.

- Как нам от них избавиться?

- Никак. Через минуту они потеряют к нам интерес. Это отвлекающий маневр. Он пытается сбежать.

- Кроме шуток. Ты уверен, что они не доползут до моих...?

- Конечно, я уверен, - сказал Зюник. – Они пристают к твоим сапогам и ты, по идее, должен попытаться их отодрать. Так они попадают тебе на руки и лицо, если ты тупой, конечно. Я должен был их распознать. Видел их раньше.

- Где?

- У наемного охотника Голгари. Одного из немногих, у кого хватало смелости охотиться над уличным уровнем. – Старый 'джек выругался и стряхнул пару жуков-колючек. – Он классно работает с жуками. Вроде как приверженец традиционных методов.

Кровь текла по ногам, наполняя сапоги Коса.

- Они калечат мне ноги, сэр. Я не могу двигаться.

- Хватит называть меня «сэр».

- Извини, я обычно начинаю нервничать, когда меня разжевывают на куски. Старая привычка.

- Стисни зубы и терпи. Потом приложим 'капли. Сейчас в них нет смысла. Просто продолжай идти. Я его вижу. Он движется медленно.

- Не так медленно, как мы.

- Упорство, Констебль.

С мучительной осторожностью и немалой болью, они взобрались на вершину и осмотрели окрестные крыши в поисках признаков своей жертвы. Наконец, Лейтенант вернулся к Косу шагами, напоминающими передвижение босоногого, пытающегося не упасть на замерзшем озере.

- Есть что-нибудь? – спросил старший 'джек.

- Нет, - сказал Кос, осматривая крыши. – Думаю, он спустился на улицу. Что вообще Девкарин делает за пределами территории Голгари?

- Добро пожаловать в большую Равнику, Констебль Кос. Люди не всегда остаются там, куда ты их сажаешь. Тем не менее, это очень хороший вопрос, и когда мы спустимся вниз...

- *Вниз!* – крикнул Кос и повалил Зюника на крышу. Серебряный метательный нож, начав материализовываться из тени, пронесся над головой Коса и резко остановился, воткнувшись в камень. Кос ударил в тень кулаком, и второй нож с грохотом выпал в нескольких шагах от них и, прокатившись по черепичной крыше, выпал за ее край.

Тень, которую ударил Кос, замерцала на свету, обнажая очертания охотника.

- Аура хамелеона? – обратился Зюник к тени. – Ну, это просто дешево.

Кос услышал, как фигура издала шипящий звук, когда его маскировка дала сбой, и болезненный разряд манны прошел сквозь нервную систему эльфа. Кос уже жалел, что не предпринял что-нибудь более смертельное, чем простой удар кулаком, но, по крайней мере, он нарушил внешнюю оболочку камуфляжа их жертвы.

Мешка у Девкарина уже не было. Должно быть, он его где-то оставил, но Кос не мог одновременно искать мешок и следить за охотником.

Зюник уже поднялся на ноги, пока эльф еще приходил в себя. Аура хамелеона была одним из самых простых и широко распространенных заклинаний. Подобные простые и дешевые заклинания не очень хорошо реагировала на контакт с определенными металлами, таких, как, к примеру, серебро воджековских дубинок. Старший 'джек нанес низкий удар жезлом, поддев Девкарина под колени.

Мерцающий силуэт присел, зажав дубинку Зюника согнутыми ногами, затем резко повернулся в сторону, вырвав оружие из рук стража порядка. Мана заряженного серебряного оружия сверкнула и развеяла ауру Девкарина, обнажив четкую фигуру бледного эльфа на фоне затянутого облаками неба. Охотник кувырком откатился назад, к краю крыши, затем схватился за ее край и перевалился за него. Попутно, эльф выпустил дубинку Зюника, и оружие унеслось вниз на пустынную улицу.

Кос не видел никаких признаков жертвы эльфа, но это уже утратило актуальность, так как Зюник, потеряв равновесие, поскользнулся на плохо закрепленной черепице и грудью рухнул на скользкий склон крыши. Старший 'джек пытался удержаться, но лишь сдирал больше прогневших керамических осколков, что нисколько не замедляло его скольжение вниз, за край крыши.

Кос поспешил на помощь сказу, как только увидел, что лейтенант падает. Он выронил собственный жезл, который с грохотом укатился по противоположному склону крыши сквозь рой жуков-колючек и достал складной крюк из-за пояса, одним щелчком раскрыв его захватывающие крючья. Он прыгнул вперед, вслед за своим напарником, бросая перед собой «кошку», и заметил, как ее крючья зацепились за рукав мундира Зюника, за секунду до того, как лейтенант исчез за краем крыши. Кос почувствовал, как воздух покидает его легкие, когда он сам рухнул лицом на склон крыши. Он поймал Зюника. Теперь Кос приступил к непростой задаче, самому не съехать за край крыши.

Это получилось у него с переменным успехом. Прямо перед тем, как обитые металлом сапоги 'джека должны были нырнуть за край, они уперлись о каменный каркас, удерживающий все эти годы старую церковь от полного разрушения. Он прорыл ногами пару борозд в прогнившей древесине и осколках черепицы, которые также внесли

посильную помощь насекомым в разрывании его кожи в тех местах, где он бы этого менее всего хотел. Если Зюник все еще был на другом конце веревки, то у него оставалась всего секунда, до того...

Веревка резко натянулась, выворачивая плечо Коса, но он изо всех сил напряг спину и вцепился в нее обеими руками. Легкая на вид веревка была невероятно упругой, но это также означало, что она могла, при достаточном усилии, разрезать все, что было менее крепким, чем каменная глыба. Руки Коса были не каменными, и его кожаные перчатки были не намного прочнее.

Кос едва не зарыдал от облегчения, когда давление в его окровавленных ладонях, разодранном плече и полусъеденных ногах, наконец, ослабло, пока до него не дошло, что это может означать, что Зюник только что разбился насмерть. Молодой 'джек осторожно посмотрел через плечо и увидел пару рук в перчатках, ухватившихся за край крыши. Затем, одна из рук, все еще сжимая, ослабевшую шелковую веревку, потянулась к нему и впиалась пальцами в прогнившую древесину.

- Ты сможешь... выбраться? – задыхаясь, выдавил из себя Кос сквозь жадные глотки холодного воздуха. – Руки слишком...

- Секунду, - сказал Зюник. Его голос выдавал лишь слабый намек на напряжение. – Соберись. Придется использовать твою ногу. Всего секунду.

- Д... давай.

Боль снова пронзила лодыжки Коса, когда тяжелый старший воджек воспользовался окровавленными ногами новобранца, в качестве опоры, чтобы подтянуться и перевалиться через край, на крышу. Но, как и было обещано, боль была не долгой. Зюник осторожно развернулся и сел рядом с Косом.

- Ужасно выглядите, Констебль Кос, - заметил Зюник. – И все же, мы не можем бездельничать здесь целый день. У тебя есть 'капли?

- Да, но все не так плохо, - сказал Кос, с трудом восстанавливая дыхание. – Я могу двигаться дальше.

- Вот такое отношение к себе и убьет тебя однажды, - сказал Зюник, - Надеюсь, оно кого-то впечатляет, но уж точно не меня.

Не успел Кос возразить, как ветеран достал из закрытого кармана на поясе кусок концентрированной магии в форме капли, величиной с палец. 'Капля немного походила на осколок кристалла, но лишь потому, что человеческий глаз не может иначе интерпретировать кусочек чистой, сырой магии – в данном случае, уникальной, исцеляющей магии, поставляемой Симиками эксклюзивно руководителям Лиги Воджеков. Кос использовал их на раненых, но еще никогда ему не приходилось воспользоваться 'каплями на собственном теле. Он взял у Зюника 'каплю и прижал ее острый конец к ране.

Концентрированное время, влилось прямо в разорванную плоть. Кожа затянулась мгновенно, а магия 'капли простимулировала заживление раны его собственным телом с невероятно ускоренным темпом. После того, как первоначальные ощущения холода испарились, обе его руки были как новые. Остаток 'капли, слегка уменьшенный в размере, но тающий с каждым применением, залатал его плечо и восстановил его истерзанные насекомыми стопы и лодыжки. Он даже чувствовал, что может дышать более легко, несомненно, благодаря целебной магии, разносящейся по его кровеносной системе. Когда он закончил, в его руке осталось лишь маслянистое голубое пятно. Кос вытер его о рукав.

- Думаю, я готов, - сказал Кос, спустя еще пару секунд. Его раны стоили им целой минуты.

- Ну, тогда пошли, - сказал Зюник, осторожно ступая по краю церковной крыши, прислушиваясь к скрипу досок под его ногами. – Он не мог далеко уйти, если он все еще планирует получить свою нагр... Ох.

- Что?

- Я его вижу. Там. Проклятье, а он быстрый.

Кос всмотрелся в направлении, куда указывал палец Зюника через одно, два, три здания к западу. Девкарин, очевидно, все же не спустился на землю, а по какой-то причине продолжал убегать по крышам домов.

- Он направляется...

- В Григорьев Каньон. Там подъемники.

- Да, но куда ему дальше, вверх или вниз? – сказал Кос.

- Давай спросим у него, - сгримасничал Зюник, и затем замер на месте. – Стой. Ты это заметил?

- Мешок, - сказал Кос. – Он пустой.

- В точку. Похоже, его пленница сбежала. Думаю, он преследует ее, иначе мы бы его уже потеряли. Это наверняка Палла. Освобожденная, по всей видимости, взбешенная, скрывающаяся где-то поблизости.

- Умешь ты видеть светлую сторону, Микз.

- Там! – выкрикнул Зюник и указал на бледную, худую женскую фигуру в шипованной одежде из черной кожи, которая спрыгнула с окна колокольни и приземлилась на корточки. Открытые участки ее кожи были едва ли не ярче луны.

- Это не охотник, - проворчал Зюник. – Ты сможешь перепрыгнуть?

- А ты?

- Давай выясним.

Разбежавшись, Кос с легкостью перемахнул через зазор между постройками и по инерции проехал по соседней крыше. Он услышал глухой удар позади себя и, обернувшись, увидел, что Зюник висит на локтях, на краю. Крыша начала трещать под его весом. Кос остановился, но Зюник кивнул ему: «Я в порядке. Не упусти ее!»

Кос повернулся как раз вовремя, чтобы заметить копну спутанных волос Паллы, исчезающую за основанием башни. Волосы на шее Коса встали дыбом, когда он достиг угла и чудом не поскользнулся на выпавшей черепице, из-за которой он мог угодить прямоком в элементарную засаду. С другой стороны, Палла все еще могла прятаться где угодно поблизости.

Первые тяжелые капли начали падать с быстро темнеющего неба. Через пару секунд, редкие капли превратились в ливень. Когда в Равнике шел дождь, небеса не тратили время на предупреждения.

Кос едва не закричал, когда на его плечо легко опустилась рука, но ему все же удалось подавить крик. Рекдос не положила бы руку на плечо. Она бы вонзила в него свой тесак. Он обернулся и увидел Зюника с пальцем на губах, густо покрытого осколками черепицы, но в остальном, невредимого. Зюник поднес руку к уху, прислушиваясь. Кос сделал то же самое. Все, что он слышал, были раскаты грома и барабанный дождь.

- Я ничего не слышу. И в этом бардаке... - сказал Зюник. – Нам нужно подкрепление. Кос, мне нужно, чтобы ты... - Зюник замер на полуслове, наклонил голову и повернулся.

- Что ты слышишь?

- Тихо. Смотри, вон там. Она... Пстой! Она бежит за ним, - сказал Зюник. – Думаю, этот наемный охотник не такой уж крутой, как я о нем слышал.

Преднамеренное убийство любого офицера воджеков является грубейшим преступлением.

—Муниципальные постановления Равники

27 Зуун 9999 П.Д., утро

Немногим менее чем шесть десятилетий спустя, Кос пришел в сознание. Он был в растерянности, в болях и наполовину ослепший. В кои веки, это состояние, вроде как, не имело никакого отношения к самогонному бумбату Гарулж. Он видел сны, но ускользающие образы уже исчезли, оставив лишь застывшее чувство тревоги, не идущее ни в какое сравнение с окатившей его волной боли.

Кос сидел, опершись о кровать, в этом он был уверен, однако, открывание глаз практически ничего больше ему не явило. Все, что он видел, были размытые тени в голубом свете, поэтому он снова закрыл их и сконцентрировался на том, откуда именно проистекало все разнообразие болей в добром судне по имени *Азрус Кос*. Он чувствовал, что его голова была, словно кирпичной и ему приходилось делать медленные вдохи во избежание боли. Еще пара сломанных ребер, догадался Кос. Одна рука была обернута гипсом и марлей и покоилась в повязке у него на поясе, в то время как другая была обнажена и покрыта мелкими шрамами, как и остальная часть его туловища.

Следующим на очереди было испытание носа, и, вопреки всем ожиданиям, он работал исправно. Стерильный запах лазарета Лиги было невозможно ни с чем перепутать. Он решил испытать глаза еще раз. Воджек моргнул и потряс головой в попытке привести окружающий мир, и то, как он попал в эту конкретную его часть, в фокус.

Стерильные стены отражали яркий свет синих сферических фонарей, равномерно расположенных вокруг потолка. Он был в своей собственной палате, что могло означать либо то, что его раны были невероятно тяжелые, или врачи 'джеков думали, что он был более важен, чем это было на самом деле. Он решил, что, скорее всего, это первый вариант, тем более, что он соответствовал тому, как Кос себя чувствовал. Он моргнул, глядя на яркий свет, а когда его глаза привыкли к сияющим сферам, он смог различить на их фоне три расплывчатых силуэта, которые вскоре обрели форму и превратились в людей – людей, которых он знал.

- Лейтенант, - знакомый ангельский голос раскатился по тесной палате, - как Вы себя чувствуете?

- Пушок? Т-твоих рук дело? – спросил Кос, когда знакомая возвышающаяся фигура его подруги, вместе с двумя другими, наконец, прояснились.

- Если бы это была я, я бы довела дело до конца, - сказала Пушок и улыбнулась. – Я рада, что ты выжил после этого взрыва, друг мой.

Этого было достаточно. Все, что случилось до взрыва, вихрем вернулось в его сознание и завершилось вспышкой памяти о горящей туше с головой слона, с криком

летающей прямо на него. Кос сделал резкий вдох и зажмурился от боли, чувствуя, как обломки его ребер трутся друг о друга.

- Забудьте обо мне. Там было... несколько... убийств. По крайней мере, три. Нет, четыре. Там была девочка, Люда. Ее убил гоблин. И локсодон, ледев, и... о, черт. Борка.

Лицо ангела было настолько нетипичной маской материнской тревоги, что при обычных обстоятельствах, Кос наверняка бы смутился. Рядом с ангелом, и несколько ближе к полу, стоял Капитан Фаскин, невысокий, с привычным хмурым красным лицом, на котором прибавилась пара морщин, очевидно, не без помощи Коса. Ближе всех к койке стояла фигура, ростом, примерно, средним между двумя другими посетителями. Это была бледная ведалкенша в красно-белых одеждах воджековских лекарей. В данный момент ведалкенша выглядела на столько же высокомерно, насколько Пушок была встревожена.

- Кос, - проворчал Фаскин, - нам нужно многое обсудить.

- Это подождет, - нараспев произнесла ведалкенша медсестра. Косу никогда не удавалось понять, как кому-то с таким нежным, мелодичным голосом удавалось наполнить презрением каждое свое слово. Медсестра Аргх, которая технически состояла в гильдии Симик и носила на груди их эмблему, заведовала лазаретом так, будто это был исправительный лагерь для новобранцев. Медсестра обращалась со своими пациентами так, словно их болезни были частью какого-то злобного заговора с целью досадить ей. При этом она также была лучшим врачом в Равнике, насколько Кос был осведомлен. Он собственными глазами видел, как ей неоднократно удавалось возвращать с того света 'джеков и жертв вооруженных восстаний.

- Сестра Ярагхия, - произнес он, стараясь избегать ее прозвища, которым ее называли за глаза в Лиге, - у меня куча работы. Я не могу валяться в этой...

Медсестра подняла ладонь и жестом оборвала его слова. Ведалкенша смерила его взглядом, от которого 'джек почувствовал себя подопытным грызуном.

- Не делайте глубоких вдохов, - сказала она.

- Еще бы, я же себе не враг, - ответил Кос со слабой улыбкой, которую, как он надеялся, вопреки всему, медсестра найдет очаровательной. Надежда оказалась пустой.

- Вам также не следует говорить больше, чем требуется, - продолжала ведалкенша. - Вы перенесли различные виды ранений, включая, но, не ограничиваясь обширными усталостными переломами опорно-двигательной системы, переломы и расхождение ребер, а также тяжелое, но временное - благодаря быстро оказанной помощи - повреждение зрительных нервов и роговицы. Вас пролечили от биоманалогического заражения крови, тяжелых ожогов, и, конечно, от сотрясения, - сказала ведалкенша. - Согласно присяге, принесенной мной, я обязана также предупредить Вас о том, что Ваше тело страдает от тревожного количества хронических состояний, наиболее тяжелое из которых...

- Можете пропустить эту часть, - прервал ее Кос. Он проходил полное медицинское обследование у этой же медсестры всего пару месяцев назад и уже слышал весь этот перечень. Он знал, что его тело изнашивается, и ему не нужно было напоминать о том, как он сам его гробит, когда кто-то другой, совсем недавно, протянул его сквозь чертовы жернова. 'Джек не может прожить сто десять лет, не получив свою дозу необратимых повреждений. Ему повезло, что до сего дня это были лишь периодические боли. И то, как он справлялся с ними, особенно с теми из них, которые не относились к физическим, никого не касалось.

- Хорошо, но я могу записать и запишу Вас на прием к специалисту по алкогольным и 'капельным злоупотреблениям', - возмущенно добавила ведалкенша. – Детали мы можем обсудить позднее, если Вам будет угодно.

- Мне не нужен специалист, - сказал Кос. – Мне нужны ответы.

- Лейтенант, что ты помнишь? – спросил Фаскин.

- Думаю... там была девочка. И локсодон. Борка говорил с ним. Силы небесные, это бы тот посол Конклава Селезнии.

- Ткани, извлеченные из Ваших ран, совпадают по строению с видом локсодонов, - продолжила ведалкенша. – Эти ткани, вероятно и послужили причиной заражения крови. Полагаю, что тело погибшего защитило Вас от его участи.

- Лейтенант, ты понимаешь, кем *был* этот погибший? – рявкнул Фаскин. – Подобных нападений Рекдосов не было уже лет десять. Мне в спину дышат Селезнийцы. Рыночная площадь сейчас объявлена местом происшествия, и я уверен, что маги-законники Сената только и ждут, когда осядет пыль, чтобы хлынуть туда. И кого, по-твоему, во всем винит руководство, Кос? Уж, не тебя. Пока что, не тебя.

- Капитан, прошу Вас, мне бы не хотелось выводить Вас из палаты силой, - сказала ведалкенша. – Напоминаю Вам, что здесь действуют правила Лиги. Вы позволите мне завершить диагноз или немедленно покинете палату. Не вынуждайте меня Вам приказывать.

- Слушай, да я... - начал было Фаски, но замолчал и нахмурился еще больше. Медсестра была права, и он это знал. Как и вся кодифицированная система Равники, правила лазарета представляли собой паутину формальностей, берущих свое начало в Пакте Гильдий и муниципальных постановлениях, и Фаскин сейчас увязал в этой паутине.

- Та девочка, - спросил Кос, - ее не удалось спасти?

Раздражение Фаскина притупилось, и он опустил глаза.

- Нет, Кос, мне очень жаль, - вмешалась Пушок. – Лекари прибыли к ней, как только смогли.

Образ первой жертвы гоблина вспыхнул в его сознании. Неусыпная совесть Коса подняла свою беспокойную голову. Он не спас ее. Она погибла. Как погиб и его напарник. Два из двух висели теперь на его совести.

- Я хочу поговорить с доктором, делавшим вскрытие, - сказал Кос и резким движением сел в кровати. Палата закружилась перед его глазами, и Сестра Ярагхия мягко оттолкнула его обратно, в лежачее состояние.

- Доктор Хеллиган передал мне результаты первичного осмотра, - сказала она. – Он посчитал, что мне будет легче удержать Вас в постели, если Вы будете обладать информацией о жертвах.

Ведалкенша склонила голову, словно слушая голос, слышимый только ей одной. Многие ведалкены, включая медсестру Ярагхию, обладали памятью, которая в глазах людей считалась сверхъестественной. Это была одна из способностей, делавших их величайшими исследователями и учеными во всем мире. Существовали ведалкены, способные дословно цитировать слова их предков, блуждавших в нетронутых цивилизацией ледниках и горах полярных регионов Равники.

- В хронологическом порядке смертей, первой погибшей была самка человека НЖ – неопознанная жертва.

- Я знаю, что значит «НЖ», - перебил ее Кос. – И она не НЖ. Ее имя – Люда. Она живет... жила... в приюте миссис Молли.

- Я позабочусь, чтобы ее уведомили, - предложил Фаскин. – Я собираюсь...

- Если я могу продолжить, - сказала ведалкенша. – Возраст жертвы примерно пять целых четыре десятые полных лет. Причина смерти - тяжелая травма груди, наиболее вероятно причиненная зазубренным лезвием. Опытным путем установлено, что отверстие раны совпадает с оружием, гоблинского происхождения, обнаруженным в руинах на месте происшествия. Некромантический допрос не был успешным и в настоящее время прекращен.

Кос вздрогнул. Термин «некромантический допрос» официально использовался для описания отвратительной процедуры, в ходе которой лабораторные маги реанимировали определенные участки мозга жертвы - если конечно мозг был доступен - позволяющие трупам отвечать на простые вопросы о последних секундах, а иногда даже минутах их жизни. Часть его радовалась, что Люда не поддавалась этой терапии. Это была чудовищная необходимость в работе воджексов Лиги, и, на самом деле, она помогала менее чем в двадцати процентах дел, даже когда мозг находился в неповрежденном состоянии.

- Что с остальными? – спросил Кос.

- Очень мало останков как Сержанта Борки, так и нападавшего, неопознанного гоблина сохранилось после взрыва, - сказала медсестра.

- Ну да, они были в центре всего этого. Не думаю, что от них что-то осталось, - сказал Кос.

- Прошу не перебивать. Я проинформирую Вас, когда окончу, - сказала сестра Аргх.

- Как-то не подумал об этом.

- То, что от них осталось, смешано до уровня невозможного распознавания за счет пироматического эффекта невероятно высокой концентрации. Все тесты пока не принесли никаких результатов, - продолжила ведалкенша. – Погибший локсодон...

- Который, как мы считаем, являлся предполагаемой целью нападения, - вставил Фаскин. - Не то чтобы, существовали какие-либо законы, препятствующие этому... - глаза ведалкенши вспыхнули, буквально заморозив его открытый рот на полуслове. - Уф, - сказал Фаскин, чувствуя, как лед кристаллизуется на его нижней челюсти. Затем, заторопившись, добавил, - Уф, угу.

- Погибший локсодон, - повторила медсестра Аргх и махнула пренебрежительно рукой в сторону Фаскина, чей рот закрылся со щелчком и, судя по выражению его лица, прикусил кончик его языка в процессе, - являлся так называемый «Живой Святой» Байул, посол Конклава Селезнии. Доктор Хеллиган подал ряд официальных жалоб, описывающих вмешательство и угрозы со стороны Селезнийцев. Он обеспокоен тем, что Конклав потребует вернуть труп до того, как он сможет произвести некро вскрытие.

Почему он не может произвести его и отдать им тело? – спросил Кос.

- Тело погибшего локсодона оказалось устойчиво к стандартному набору некротических инструментов в распоряжении Хеллигана. Он послал за специалистом от Симинов, для помощи в его попытках; такой специалист должен прибыть завтра. Дословно, слова Хеллигана звучали, «У меня уже все скальпели переломались».

- А что на счет ледев? – спросил Кос. – Она стояла рядом с локсо.

- Локсодон был последней из жертв, - сказала медсестра. – Других останков не обнаружено.

- Медсестра хочет сказать, - сказал Фаскин, - что, согласно имеющимся свидетельским показаниям, там действительно была женщина полу-эльфийка в форме охранника ледев, но она пропала. Мы полагаем, что она сбежала с места преступления,

однако никаких ее следов нам обнаружить не удалось. Возможно, она соучастница преступления.

- Это какой-то бред, - сказал Кос. – Я знаю нескольких ледев, но никогда не встречал ни одного из них, кто бы дал два зига за собственную безопасность, если существовала угроза жизни кому-нибудь из Конклава Селезнии. Особенно такому, как этот. Люди любят его, даже те, кто не входит в конклав.

- Клирики, кстати, успели провести спектральное сканирование, - сказал Фаскин. – Я лично его перепроверил дважды для уверенности. Ни единого эфирного разума не было обнаружено на месте происшествия. Ни на месте взрыва, ни на месте первого убийства ничего не выявлено. Никого.

- Никаких призраков для допроса, - сказал Кос. – Превосходно. Сестра, если Вас не затруднит, попросите Хеллигана передать мне пару слов, как только он выяснит что-нибудь еще. Я бы хотел посетить место происшествия, как только это будет возможно. Скажите, сколько мне тут еще торчать? Если сможете, доставьте мне несколько ястребов, чтобы я мог хотя бы координировать расследование пока не встану на ноги.

Пушок и Фаскин обменялись взглядами, но ведалкенша вклинилась раньше, чем кто-либо из них начал говорить.

- Животные не будут допущены в палаты лазарета. Вы можете транслировать любую необходимую информацию через меня, если пожелаете. Касательно же сроков Вашей госпитализации, мне жаль, но я была вынуждена прекратить лечение ‘каплями, - сказала медсестра. – Его возобновление нарушит мою клятву, в связи с предыдущим состоянием Вашего организма, о котором Вы меня просили не говорить.

- И... - сказал Кос.

- И, - сказала ведалкенша, - это займет больше времени, чем в прошлый раз, лейтенант, не менее двух дней. Возможно, дольше, если эта палата не станет вновь стерильной в ближайшее время. – Ведалкенша обвела холодным взглядом остальных воджеков.

- Вы о чем? – сказал Кос. – Дайте мне пару ‘капель, и все затянется в миг, - сказал он, слабо взмахнув сломанной правой рукой.

- Лейтенант, Вы вошли в шестую, заключительную фазу Вашей жизни. Несмотря на долгую историю регулярного употребления алкоголя, Вы постоянно полагались на экстренные медикаменты для лечения ран в полевых условиях, вместо того, чтобы обратиться в лазарет. Я напоминаю Вам об *Офицерском Уставе*, страница тридцать один, «На случай первой помощи».

- Возможно, Вам этого не понять, но «в полевых условиях» Вы не можете просто попросить преследуемого крысклопа, терпеливо подождать, пока Вы сбегаете к врачу, - сказал Кос. – И вообще, причем здесь, эм, выпивка?

- Вы не молоды, лейтенант. Ваши органы годами страдали от постоянного алкогольного влияния, приведшего к образованию манового осадка в Ваших тканях, схожего по своей природе с токсином. Вы, должно быть, заметили, что эффективность ‘капель на Ваших ранах со временем уменьшилась. Ваша иммунная система просто перенесла слишком много применений ‘капель. Все это в совокупности постепенно ухудшило Вашу способность впитывать целебную ману и сильно повысило риск того, что каждая следующая ‘капля способна вызвать у Вас остановку сердца, скорее всего фатальную. Как академик, я должна признать, что Ваш случай, который развивался столь продолжительное время без наблюдения, может привести к фундаментальным прорывам в

лечебной теории. Я хотела бы предложить Вам заполнить некоторые официальные документы, позволяющие мне использовать данные, собранные с Вашего трупа, если от него что-то останется, для...

- Оставьте, - сказал Кос. – Можете забирать весь труп, когда я сдохну, только... только уберите от меня эти бумаги.

Кос снова почувствовал скрежет ребер и задумался, вырубит ли его резкий рывок через всю палату, к прикрученному к стене ящику экстренных ‘капель’. Больше, чем лекарства он хотел напиться. До беспамьятства.

- Послушайте, сестра, мне, что, правда, необходимо оставаться целых два дня *здесь*? Я обещаю, что не буду ходить больше, чем нужно, но мне нужно, по крайней мере, заглянуть в морг и осмотреть место происшествия. У меня есть дело, над которым надо работать. Здесь я трачу свое время впустую.

- Аура в этой палате работает медленнее, чем магия ‘капель’, но излечит Вас гораздо быстрее, чем, если Вы будете лечиться самостоятельно, - сказала медсестра. – Вы старше меня по званию, лейтенант, везде, кроме этого места. Я *прикажу* Вам оставаться здесь неделю, если Вы будете упорно пренебрегать всеми моими рекомендациями. Вы останетесь в этой палате на два дня, или я арестую Вас за создание угрозы жизни офицера воджеков.

- Офицера водж... ладно, - сказал Кос.

Два дня. Через два дня, те, кто купили гоблина Рекдосов и отправили его на задание с билетом в один конец, могут уже быть на другом краю мира. Боже, да они уже там могут быть. Может, ему больше повезет с капитаном.

- Я оставлю Вас отдыхать, но вернуть в течение часа, - сказала ведалкенша и повернулась, осматривая Пушка и капитана воджеков. – К этому времени, все, кроме вас *уйдут*, я надеюсь?

- Конечно, сестра Ярагхия, - дипломатично сказала Пушок. – Благодарю Вас за Вашу помощь.

Ангел открыла дверь и указала ведалкенше, что она может выходить. Медсестра так и поступила, окинув троицу последним, неодобрительным взглядом.

Кос повернулся к Фаскину, который сел рядом с кроватью и возился с трубкой, что вовсе не приветствовалось правилами лазарета.

- Что произошло? – спросил Кос. – Чей это был гоблин, и почему... Это *правда* был Святой Байул?

- Мы считаем, что гоблин был... - начала ангел, но Фаскин прервал ее.

- Я это улажу, констебль, - мрачно сказал он.

Кос обратил внимание, что Фаскин постоянно сердился на ангела. Ангелы были наибольшей силой Легиона Борос, гильдии, в которой Лига Воджеков была, вероятно, наиболее видимой ее частью. Даже у пониженного в ранге ангела было больше моральной власти в мизинце, чем во всем теле Фаскина.

- Лейтенант, тебе повезло, что ты выжил.

- Но я же живой.

- Не перебивай...

- У меня тут переломаны все кости, и вы стоите в моей палате, так что заткнитесь на секундочку, - сказал Кос, от чего лицо Фаскина обагрилось яростью. – Это мое дело. Вы знаете, что это мое дело. На моей стороне руководство. На моей стороне закон мести. Так что давайте забудем про остальное прямо сейчас. – Кос поднял здоровую руку, когда

Фаскин снова открыл рот. – Сэр, у меня есть право, ясное как божий день. Борка был ‘джеком, и как Вы сказали, он был моим напарником. Даже если он не был главной целью нападения, по закону, его смерть в данном случае, является *наиболее* вопиющим преступлением. Вы единственный здесь, кто может отменить приказ Аргх. У Вас есть это полномочие. Используйте его. – К удивлению капитана, и его собственному, Кос добавил, - пожалуйста.

Я ожидал, что ты так скажешь, - сказал Фаскин, наконец перестав возиться с трубкой и засовывая ее в карман под кожаной жилеткой своего мундира. Он провел рукой по редющим кудрявым волосам, обнажив несколько мелких шрамов на голове капитана воджеков. – И я согласен с ведалкеншей. Ты останешься здесь на пару дней и отдохнешь. Стэнслов уже ведет расследование, правда пока безрезультатно.

- Стэнслов? Да он не найдет крысклопов в миске крысклопьего супа.

- *Когда* медсестра скажет, что ты готов, - прорычал Фаскин, - ты сможешь ему помочь, если Стэнслов того пожелает. Точка. Это не только мой приказ, это приказ генерала-командующего. Твоя жизнь висит на волоске, Кос. Пока ты не выздоровеешь, ты не ‘джек. Ты выжившая жертва, раненый прохожий, и наш лучший свидетель. Единственная причина, по которой я рассказываю тебе о деталях, это потому что начальство все еще желает повисить тебя после Конвокации. Ты пропустил саму церемонию, поэтому тебе придется довольствоваться тем, что ты войдешь в следующее тысячелетие простым лейтенантом. Но уже назначена еще одна церемония через неделю после окончания Конвокации.

- Что? – спросил Кос. – Я пропустил... как долго я здесь нахожусь?

- Взрыв произошел три дня назад, - сказал Фаскин. – Ты был в коме.

Головная боль Коса усилила свои удары.

- Три... дня?

- Да, - сказал Фаскин и неубедительно кашлянул. – Ээм, есть еще кое-что. Пропавшая ледев... та, что возможно причастна.

- Что? – спросил Кос. Фаскин поморщился, и Кос повернулся к ангелу. – Пушок, что с ледев?

- Если женщина, которую ты видел, была той же ледев, которая была назначена на сопровождение и обеспечение безопасности Святого Байула, - сказала Пушок, - это была охранница по имени Фонн.

- Без фамилии, да? Ну, была она... Погоди-ка. Я знаю это имя, - сказал Кос. – Откуда мне известно это имя?

- Фонн была... и есть, если предположить, что она выжила... дочь Микзила Зюника, - сказал Фаскин.

Офицеры воджеков не должны принимать участие в повседневном патрулировании территории Голгари, в Старой Равнике до последующего уведомления.

—Приказ 13 Лиги Воджеков
«Правило Нижнего Города» (8986 П.Д.)

27 Зуун 9999 П.Д., около полудня

Фонн открыла глаза. Ее шея затекла, сырой воздух пах дымом и нигде не было никаких следов ее волка. Златогривый волк Бираказир был с ней со времен, когда она стала полноценной эскортной охранницей ледев, а его предком был сам Воджа. Его отсутствие было для нее таким же мучительным, как свежая рана на теле. Она лежала на боку, ее руки были все еще связаны за спиной. Были ли ее ноги тоже связаны, она сказать не могла, так как они давно онемели.

Костер превратился в горстку углей и теплого пепла, окруженный закоптившимися, обгорелыми остатками ее прерванной попытки бегства. Единственным источником света в этой маленькой зловонной комнатке служил тлеющий факел, но его света было достаточно для того, чтобы осветить бледную фигуру, сидящую на корточках на большом обломке из мрамора, у противоположной стены. Маска эльфа была сдвинута вверх, на макушку, и он сидел, прижав одну ладонь к полу. Он тихо напевал себе под нос грустную мелодию, и Фонн заметила, как что-то крошечное взобралось по руке эльфа, на плечо. Какое-то насекомое. Все еще тихонько напевая, эльф наклонил голову на бок, словно прислушиваясь к чему-то.

Она еще не шевелилась, и он не смотрел в ее сторону. Фонн была вполне уверена - точнее, не настолько уверена, на сколько надеялась - что он все еще не знал о том, что она очнулась. Было бы безумием начинать бой после неопределенного времени, проведенного без сознания, связанной, не чувствуя собственных ног. Но более подходящего случая ей может уже не представиться.

Мучительно медленно она подняла ступни и согнула связанные, затекшие ноги. Эльф оставался неподвижен, он все еще сидел, наклонив голову. Слушай своего жука, Девкарин, с этой стороны нет ничего интересного. Спустя некоторое время, казавшееся ей вечностью, ей удалось повернуться и поставить ступни на пол. Несмотря на то, что ее запястья были связаны, эта позиция позволяла ей держать руки на полу.

И только она собралась оттолкнуться ногами от пола и, попытавшись перекувыркнуться назад, через голову, встать на ноги – наиболее быстрый способ подняться с пола, до которого она смогла додуматься – эльф заговорил.

- Я бы этого не делал, ледев, - сказал эльф, не поворачиваясь к ней. – Я тебе гарантирую, это причинит больше боли, чем ты думаешь.

- Что? – прохрипела Фонн. Ее горло пересохло после неизвестного количества времени, проведенного в этой сырой, задымленной комнате.

- Ты была слишком занята разглядыванием меня, чтобы заметить их, - сказал эльф. – Посмотри вверх.

Фонн уставилась на потолок, пытаясь разглядеть что-нибудь в потемках. Что-то двигалось в темноте... нет, двигалась *сама* темнота. Ползла, извивалась и щелкала крошечными упругими черными крылышками.

- Это жуки-щипачи, - продолжал эльф. – Парочка может ужалить. *Такое* количество может освежевать тебя полностью за... ну, говорят, что за три минуты, но я думаю, что они справятся и за две, если постараются. Если желаешь узнать наверняка, попробуй кувырнуться или, что ты там себе надумала.

Ледев расслабила мышцы и лежала неподвижно, хотя сердце бешено заколотилось у нее в груди, и она изо всех сил пыталась бороться с охватившей ее паникой. Жуки на потолке трещали крыльями, и усилием воли она оторвала глаза от них и перевела взгляд обратно, на безучастного эльфа.

- Ты понимаешь их язык?

- А ты разве нет? – сказал эльф, наконец, поворачиваясь к ней. Его лицо, не закрытое маской, было на удивление выразительное, и при других обстоятельствах Фонн могла бы даже назвать его красивым. Черная сажа окаймляла его глубокие черные глаза, как бы повторяя рисунок на маске, сдвинутой поверх его спутанных черных дредов.

- Нет, - призналась Фонн.

- Конклав Селезнии утверждает, что он говорит от лица всей жизни Равники, - усмехнулся он. – И при этом, вы игнорируете самое мелкое и самое многочисленное проявление жизни прямо под вашими ногами.

- Есть те, кто их понимает. Я принадлежу к воинам, а не священникам, - сказала Фонн. – Поверить не могу, что спорю на эту тему. Кто ты? Что это за место? Почему я здесь?

- Я все думал, когда тебе станет любопытно, - сказал эльф. – По порядку: Я - Джерад, егерьмастер эльфов Девкарин. Это место – одно из безопасных мест, известных лишь мне и тем немногим, кому я доверяю.

- То есть жукам, - сказала Фонн.

- По большей части, да, - сказал Джерад. – К вопросу о том, почему ты здесь - ты здесь, потому что этого желает матка.

- Что еще за матка?

- Верховная жрица Девкарин, - сказал Джерад. – Наивысшее духовное лицо во всей религии Голгари.

- Я не часто сюда спускаюсь, - сказала Фонн. – Даже не знаю почему.

- Как это типично, - ответил охотник. – Если что-то не отдается с потрохами солнечному свету, то это для вас не существует вовсе.

- Большая тема? – спросила Фонн.

- Ты чувствуешь веревку на запястьях? Ты понимаешь, что ты здесь узница? – раздраженно сказал эльф. – Умнее было бы следить за своим языком. Я отвечаю на твои вопросы лишь от скуки.

- Думаю, я угадала, - пробормотала Фонн. – Ладно, Я научусь любить жуков и благословлять плесень, хорошо? Только скажи, зачем я здесь. Мой подопечный без охраны, и...

- Байул мертв, - сухо сказал Джерад.

Какая-то часть Фонн знала, что это была правда, но слышать, как равнодушно это произносит эльф, было подобно удару ногой в живот.

- Ты был там. Бомба... Ты... ты тот, кто сбил меня с ног.

- И спас твою неблагодарную жизнь, - сказал эльф. – Поверь мне, если бы мне не приказали так поступить...

- Спасибо, ты умеешь заставить девушку почувствовать себя особенной, - сказала Фонн. – И что теперь? Убьешь меня? Натравишь на меня еще одного паука? Принесешь меня в жертву своему темному богу жуков? Превратишь меня в жука? Заставить меня есть жуков? Это же будет что-то, связанное с жуками, не так ли?

- Сейчас мы просто ждем, - сказал Джерад. – К концу дня я ожидаю указаний от матки, касательно твоей дальнейшей участи.

- То есть, ты *все же* собираешься меня убить.

- Не обязательно, иначе ты бы уже была мертва.

- Я нужна ей живой? – спросила Фонн.

- Довольно вопросов, - сказал Джерад. – Ты начинаешь меня раздражать. Подумай об этом сама, а жуки-щипачи составят тебе компанию. Я пойду, подстрелю что-нибудь съедобное.

Фонн нервно взглянула на жуков.

- А они не могут, эмм, упасть случайно?

Джерад встал и посмотрел на потолок. Он пожал плечами.

- Хороший вопрос. Расскажешь, когда я вернусь с ужином. Полагаю, ты проголодалась.

- А ты, случайно, не на овощи будешь охотиться?

Эльф закатил глаза.

- Я найду тебе пару грибов. Лежи, не двигайся. Я не хотел бы тратить на тебя еще один укус паука.

Он с хрустом размял шею и жук, сидевший на его плече, перебежал на его дреды и скрылся из виду.

- И что бы никаких криков о помощи. Это бесполезно, и может привлечь внимание ходячих трупов. Дверь прочная, но достаточное их количество может, со временем, прогрызть что угодно. Еще пару часов ты нужна Савре живой, так что постарайся, чтобы тебя не съели. Я скоро вернусь.

Джерад повернулся, отпер замок трехзубчатым ключом, который он затем спрятал в своих запутанных волосах, надел на лицо маску, и со значительным усилием провернул ручку тяжелой деревянной двери, пока не раздался щелчок. Он открыл дверь вовнутрь, впусив в комнату холодный воздух, и дав зависшей в дверном проеме гарпии шанс ударить его в грудь обеими когтистыми лапами.

Эльф попятился назад, и Фонн заметила яркие красные порезы на его бледной коже. Гарпия закричала и на полной скорости влетела в комнату. Женщина-птица была остоленевшего Джерада, пока тот не споткнулся об обломок мраморной колонны, на котором он недавно сидел, и не рухнул на пол.

Спустя пару секунд, еще две гарпии присоединились к первой, и тесная комната превратилась в месиво из хлопающих крыльев, перьев, вульгарных выкриков и раздражающих плоть когтей. Две новоприбывшие гарпии налетели на Джерада, пока первая развернулась к Фонн. Женщина-птица взмыла вверх и сверкнула своим редкозубым оскалом.

- Вкуснятина, - прокаркала гарпия.

Фонн была расслаблена, но ее ноги все еще стояли на полу, а ладони были прижаты к земле под спиной. Ее ответная реакция была, пожалуй, более ощутимой, чем гарпия ожидала.

Ноги Фонн отнемели, и она смогла оттолкнуться ими от земли и проделать гимнастическое сальто назад. По пути, она ударила одной ногой гарпию в челюсть, отбросив тератогеншу назад, и шумно приземлилась на обе ноги.

Гарпия вскрикнула от неожиданной боли, и рой крошечных жуков-щипачей обрушился на нее с потолка, окутав ее кишашим, щелкающим черным облаком. Вес жуков тянул ее вниз и спустя пару мгновений, окровавленная, визжащая масса из плоти, перьев и хитина плюхнулась на пол.

Фонн попятилась назад, подальше от жуков, но насекомые были всецело поглощены едой и больше не обращали на нее никакого внимания.

Одна из двух гарпий, клевавших отбивающийся от них силуэт Девкарина, увидела, что стало с ее сестрой, и изрыгнула проклятье в адрес ледев. Женщина-птица словно коршун взлетела со своего места, и, перелетев через тело Джерада, набросилась на Фонн, растопырив свои когтистые лапы.

Ледев попыталась уклониться от броска гарпии, но ей удалось лишь упасть набок, запутавшись в собственных ногах. Один из когтей гарпии вырвал кусок ткани с плеча ее униформы, но в целом, падение Фонн было весьма удачным, в отсутствии каких-либо других вариантов в данной ситуации. Она дважды перекатилась и перевернулась таким образом, что вновь оказалась на ногах.

Фонн разминала лозу, опутавшую ее запястья, но та не поддавалась. Гарпия развернулась в ограниченном пространстве комнаты, осторожно обогнув свою погибшую соратницу. Фонн приняла устойчивую позу и приготовилась к очередной броску, через мгновение, женщина-птица издала истошный вопль и ринулась в атаку.

Гарпии не суждено было достичь полу-эльфийки. Ком мяса и окровавленных перьев врезался в гарпию и сбил ее на пол. Джерад снова стоял на ногах, истекая кровью из дюжины ран на руках, груди и лице. Он подошел к спутавшимся гарпиям и поднял за шею ту, которую он только что швырнул. Одним резким ударом руки он сломал тератогенше шею. Она умерла мгновенно, и он отбросил ее труп к жукам.

Эльф подошел к третьей разбойнице – той, что атаковала Фонн. Левое крыло гарпии было сломано и беспомощно висело сбоку, но она встала на лапы и неуверенно попятилась от эльфа с одной стороны и от роя голодных жуков, с другой.

- Не подходи, егерьмастер, - зашипела гарпия. – Убийца.

Джерад не ответил ей вербально, но с молниеносной скоростью схватил ее за шею, не дав ей шанса даже пошевелиться.

- Ты здесь не по собственной воле, - сказал Джерад. – Кто тебя послал?

Гарпия захрипела и плюнула ему в лицо. Джерад вытер свободной рукой мерзкую слюну, и сжал горло гарпии сильнее. Он держал ее на расстоянии вытянутой руки, что делало бесполезными когти ее лап.

- Я спрошу тебя еще один, последний раз, гарпия, - сказал эльф. – Ты лишь подтвердишь то, что я и без тебя подозреваю. Я облегчу тебе задачу. Тебя послала моя сестра?

Гарпия еще больше выпучила свои красные глаза и энергично замотала головой.

- Н-нет, - прохрипела она сквозь сжатое горло. - Нет, егерьмастер, мы... Мы охотились. Мы нашли легкую добычу. Мы так думали! Да, просто охот...

- Ты лжешь.

Джерад схватил свободной рукой ее за голову и резко провернул. Все протесты и уверения в невинности гарпии оборвались в одном сдавленном крике. Охотник отбросил еще один кусок пернатого мяса своим жукам и нахмурился.

- Что все это значило? – выдавила из себя Фонн. – Сестра? Что происходит? Ты вроде говорил, что эта твоя матка хотела, чтобы я была жива. Твоя сестра что, пыталась забрать меня себе?

- Матка, - поправил ее Джерад отсутствующим тоном. – Верховная жрица Девкарин. Она и *есть* моя сестра.

- То есть как, она послала тебя, чтобы ты меня похитил, а потом послала эти птичьи мозги, чтобы они нас обоих убили? Если так, то мне кажется, я ей живой уже не нужна, - сказала Фонн.

- Да, - сказал, задумавшись, Джерад. – Думаю, ты ей уже не нужна. - Его транс прервался так же резко, как начался, и он повернулся к Фонн. – На этот раз она зашла слишком далеко. Нам нужно выбираться отсюда.

- У меня есть идея получше. Ты развяжешь меня, мы вместе выберемся отсюда, потом ты пойдешь своей дорогой, а я пойду своей, – сказала она.

- Ледев, - сказал Джерад, - мы оба сейчас под прицелом. Мне это тоже не нравится, но сейчас мой враг, это и твой враг тоже.

- То есть вот так, я теперь должна тебе помогать? Да я даже не знаю, кто вы все такие! Кроме того, Конклав, должно быть, разыскивает меня. - Неприятная мысль осенила Фонн. - Мать святая, они, возможно, думают, что я как-то связана с бомбой.

- Ледев, - сказал Джерад, - предложение.

- Уже? Мы только познакомились.

- Может быть, мы сможем помочь друг другу. Я не знаю, почему Савра выбрала этот момент, чтобы уничтожить меня, но я собираюсь это выяснить. По ходу дела, тебе, возможно, удастся выяснить, что случилось с твоим подопечным. Если она решила выступить против меня, то она уже не та матка, которую я знал. На кону больше, чем наши жизни. Гильдии...

- Ты что, серьезно? – с недоверием сказала Фонн. – Ты держал меня взаперти в этой дыре целых... Сколько времени я здесь пробыла?

- Три дня, - сказал Джерад.

- Ах ты, сын болотного пса, - воскликнула Фонн. – Мне нужно срочно вернуться на поверхность. *Если* мы вообще сможем отсюда выбраться. Тут где-то рядом есть пост ледев?

- В Старом Раве их нет, - сказал Джерад, и в ответ на вопросительный взгляд Фонн, добавил, - Мы в фундаменте старого дома, в нижнем городе. Недалеко от Григорьево Каньона есть отделение Лиги воджеков.

- Значит, я иду туда, - сказала Фонн.

- Похоже, ты забыла, что ты все еще пленница, - сказал Джерад.

- А ты, похоже, забыл, что за дверью, возможно, ждет стая гарпий, или летучих мышей, или бог знает чего еще, - сказала Фонн. – Слушай, либо убей меня, либо развяжи.

Джерад на мгновение задумался.

- Слушай. Я не жду, что ты мне поверишь, но это правда: Савра...

- Твоя сестра.

- Моя сестра Савра послала меня, чтобы я выкрал тебя из того кафе, - сказал он. – Она знала, что там взорвется бомба.

- То есть ты спас мне жизнь, чтобы угрожать жуками? Мило, - сказала Фонн.

- Да подумай ты, - сказал Джерад. – Тот факт, что мы стоим здесь, говорит о том, что я пришел готовым защитить нас от взрыва.

- Хорошая мысль, - сказала Фонн. – Еще мысли есть?

- Как я уже сказал, - ответил Джерад. – Мы можем помочь друг другу решить наши проблемы. Я уверен, что у них общие корни.

- Почему, собственно, мы должны верить друг другу? Откровенно говоря, я была бы не прочь врезать тебе по зубам.

Впервые за все время, эльф неподдельно улыбнулся.

- Хотел бы я видеть, как бы ты это сделала.

- Развяжи меня, Девкарин, - сказала Фонн. - И увидишь.

Бледный эльф снова снял маску и посмотрел Фонн в глаза.

- Думаю, ты более практична, чем хочешь казаться. - Он обошел ее, и через мгновение, опутавшая ее лоза соскользнула с ее запястий. Эльф отошел в сторону, когда она попыталась нанести ему удар с разворота, который прошел совершенно мимо цели. Ее следующий выпад увяз в его ладони. Он схватил Фонн за запястья. - Хватит. Слушай. Я знаю кое-кого, кто может подсказать, откуда у моей сестры была информация о бомбе, может, он даже подтвердит, что она была организатором взрыва. Думаю, это вполне возможно. Он также может сказать, какие наемники охотятся на меня, а за достаточную плату, он сможет снять их с хвоста. Я ожидал, что она попытается сделать что-то подобное.

- Ты спятил? – сказала Фонн, изо всех сил пытаясь освободиться. – Мне нужно добраться до Древа Единства. Они же будут меня искать.

- Ты спала три дня, - сказал Джерад. – Если я отпущу твои руки, ты позволишь мне кое-что тебе показать?

- Зависит от того, что это.

- Я рискну, - сказал эльф и отпустил ее с легким толчком. Фонн вскинула обе руки с раскрытыми ладонями, и он кивнул. Джерад достал из маленького кармашка, пришитого к его кожаным штанам сложенный листок свежего пергамента. Он отдал его ледев, и она развернула его так, словно в нем мог оказаться еще один рой жуков.

Как она вскоре поняла, лучше бы там были жуки. Пергамент был порван на уголках, в местах, где он без сомнений был прибит к столбу на Площади Пакта Гильдий. Большую часть постера занимала пугающе точная гравюра Фонн в фас и профиль. Под ее собственным портретом, располагалась подобная гравюра волка Бираказира, на которой четко была видна эмблема на идентификационной табличке, расположенной на его ошейнике. Ошарашенная Фонн шепотом прочитала слова внизу объявления. Она подозревала, что это было возможно, но видеть напечатанный постер своими глазами было сильнейшим потрясением для ее рассудка.

- Разыскивается для дачи показаний в деле об убийстве сержанта Белла Борки. В случае обнаружения не пытайтесь задержать, а свяжитесь с вашим...Что? – она скомкала пергамент в руке. – Что это? Я даже не знаю, кто такой этот Белл Борка.

- Ты можешь этого не знать, - сказал Джерад. – Я полагаю, ты провела большую часть жизни за пределами столицы, на дорогах?

- Вообще-то да, - сказала Фонн.

- В столице существует несколько различных классов убийств, - сказал Джерад. – большинство из них даже не противозаконны, если гильдии не усматривают в них препятствие торговле.

- Теперь решил поучить меня гражданскому праву?

- Единственный вид убийства, который всегда является тяжким преступлением – это убийство воджека, - продолжал Джерад, игнорируя ее. – Оно превосходит по значимости любые остальные мотивы. Я полагаю, этот Борка был тем воджеком, у стола, который разговаривал с твоим подопечным.

- И долго ты там сидел?

- Достаточно долго, чтобы понять, что ты не ешь мясо, - сказал Джерад.

- Это какой-то бред, - сказала Фонн. – Не могут же они полагать, что я к этому как-то причастна.

- Но очевидно, что они тебя подозревают, – ответил Джерад. – Знаешь, как твой Конклав Селезнии допрашивает пленных Голгари?

- Конклав Селезнии не берет пленных, не говоря уже...

- Я смотрю, твое обучение было выборочным, - сказал Джерад. – Ваши безликие весьма эффективны в вопросах извлечения информации. Я видел результаты их работы, сброшенные в Григорьев Каньон, и я собственными руками убивал многих своих друзей, лишь бы не видеть их в том состоянии.

- Этого не может быть.

- Похоже, что я шучу? – спросил он. – Хочешь рискнуть и убедиться на своей шкуре, что я не вру? Они раздавят твой разум, чтобы выудить правду.

- Это... это безумие, - сказала Фонн, но внутренний голос подсказывал ей, что Джерад был прав – хоть она и родилась здесь, она не была в городе несколько десятков лет. Ее познания о методах работы конклава Селезнии в пределах столицы были по большей части туманными. Ледев были не обязаны вникать в дела священного собрания. От нее требовалась лишь безоговорочная вера и ее клинок. Она обязана была вернуться в конклав Селезнии и покорно принять любое наказание или допрос, и покориться приговору, который они в итоге решат привести в исполнение. Как патрульный офицер и защитница законов открытой дороги, она обязана была сдать воджекам и доложить о сложившихся обстоятельствах. И в этой случае, если Джерад говорил правду, скорее всего от Фонн мало что останется для того, чтобы найти и призвать к ответу истинного убийцу Байула.

С другой стороны, ее похититель, державший ее в плену три дня, и угрожавший скормить ее заживо жукам, теперь хотел объединить с ней усилия и начать что-то вроде их собственного расследования.

«Что же выбрать?» спрашивала себя Фонн. Сыграть роль благородной эскортной защитницы, какой она была всю свою жизнь и, возможно, расстаться с разумом по ходу дела? Или довериться Джераду, у которого, помимо всего прочего, в волосах жили жуки?

И вопрос на засыпку: Даже если она уйдет отсюда одна, сможет ли она найти путь на поверхность без его помощи?

- Что ты решила? – спросил Джерад. – Гарпии – это только начало. Дальше будет больше. Либо мы объединяемся и двигаем отсюда, либо, со временем кто-нибудь из ее убийц до нас таки доберется.

Фонн вздохнула и положила руки на бедра.

- Ладно, - сказала она. – Кто этот твой осведомитель? Куда нам нужно идти?

- Оржовский торговец информацией, - сказал Джерад. – Он никогда раньше не направлял меня по ложному следу. Мы можем попасть к нему через подъемники у каньона.

- А мы сможем добраться до подъемников, не напоревшись на очередную банду этих? – сказала Фонн, указывая пальцем на быстро исчезающую груды мертвых гарпий под толстым слоем насекомых.

Джерад поддел ногой потрескавшийся бульжник, под которым открывался небольшой погребной люк без ручки. Он нажал на него с одной стороны, и люк со щелчком открылся. Он достал из тайника знакомый меч и бросил его Фонн. Она ловко поймала его за рукоятку.

- Хороший вопрос, - сказал он.

- Говоришь так, будто ты уже знаешь ответ, - сказала Фонн и сделала пару пробных взмахов в воздухе, перед тем как вложить меч в ножны на поясе. – Я скажу это лишь раз – если я хоть на секунду пойму, что ты солгал мне, перемирие окончено.

- Это не перемирие, ледев, - сказал Джерад. – Это вынужденная необходимость. Ты закончила со своими угрозами? Я бы хотел попасть в ресторан, пока там еще есть места.

- Я смотрю, ты проголодался, - сказала Фонн.

- Мы туда идем не есть, - сказал Джерад. – Хотя, если подумать, можем за одно там и поужинать. Полагаю, ты умираешь от голода.

- Зачем мы идем в ресторан, если мы не собираемся там есть?

- Это не обычный ресторан, - сказал Джерад. – Это место содержит мой Оржовский приятель, о котором я тебе говорил. Мы узнаем у него все, что сможем и начнем поиски. Если после этого ты захочешь расстаться...

- Не бойся, я не упущу этот шанс при первой же возможности, - сказала Фонн. – Мой желудок рычит как... Мой волк! – вскрикнула она. – Где он? Неужели бомба...

- Не знаю, но если он был снаружи, за стеной, он мог и выжить. Разве у ледев нет какой-то эмпатической связи со своими животными?

- Знаешь, многие так думают, - сказала Фонн. – Просто, скажи, если его где-нибудь, ладно?

* * * * *

- Этим все сказано, Фаскин, - сказал Кос. – Вы не можете не дать мне это дело. Сами подумайте.

- Все, что ты говоришь, лишь доказывает мою правоту, – сказал Фаскин с сочувствием. – Ты не думаешь о собственном здоровье. Дело ведет Стэнслов, и это последнее слово на эту тему.

- Стэнслову плевать на это дело, - сказал Кос. – И как следователь он и на половину не так хорош, как я. Это не самонадеянность. Это правда, капитан, и Вы это знаете.

- Лейтенант Стэнслов не в вакууме работает, - сказал Фаскин. – Мы собрали оперативную группу ему в помощь. Все под контролем, Кос. Мы докопаемся до истины.

- Мы? Вы тоже участвуете в расследовании?

- Вообще-то, - сказал Фаскин, - Я руковожу оперативной группой.

- Вы? – сказал Кос. – Да что же это, я впадаю в кому, и все вокруг сходят с ума? Вы же не следователь!

- Лейтенант, вероятно, тебе следует немного отдохнуть, - сказала Пушок.

- Тихо, Пушок, - сказал Кос. – Капитан, Вы... Вы идете на повышение. Вы становитесь командующим сменой. Ради бога, капитан, у меня через неделю уже будет Ваша работа! Вы должны отдать мне это дело. Если дочь Зюника причастна... Погодите, а что с ее матерью?

- Умерла, - сказал Фаскин. – около двадцати лет назад, согласно рапорту, который я читал лично. Самоубийство.

Кос почувствовал знакомое ощущение темноты, обволакивающей его душу. Дождливая ночь, пятьдесят семь лет назад. Он обещал присмотреть за женой и дочерью Зюника. В свете событий, ставших причиной смерти Зюника, Кос так и не смог набраться мужества, чтобы хотя бы повидаться с ними. Хотя он проверил отчеты спустя пару недель после закрытия дела. Жена Зюника, Сильханская эльфийка забрала ребенка к себе, в женский монастырь Селезнии.

- Капитан, это был мой напарник, - сказал Кос. – Не Ваш. Мой. Вы должны отдать мне это дело. Я обязан его вести. Я могу... Я могу поговорить с ней, понять, как она связана со всем этим.

- Ты ее даже не видел никогда, не так ли? – сказал Фаскин. – И тебе нужно думать о напарнике, который погиб сейчас, а не о том, который...

- Это не важно, - сказал Кос. – Вы со Стэнсловом никак не относитесь к этому делу. А я отношусь.

- То есть, ты хочешь сказать, что я не справлюсь с этой работой? – сказал Фаскин. Его лицо побагровело, что было верным знаком того, что Кос его вывел из себя.

- Капитан, при всем уважении, Вы не лучше в следственной работе, чем Стэнслов. Вы оба администраторы. К слову сказать, я не понимаю, почему начальство не повысило Стэнслова вместо меня. Я хочу сказать, что у вас нет опыта для ведения этого дела, - сказал Кос. – Решайте дела с бюрократами и отдайте эту работу настоящим 'джекам.

Его слова вылетели раньше, чем Кос, в своем ослабевшем состоянии, смог обдумать и остановить их.

Фаскин улыбнулся.

А вот это, - сказал он, - уже нарушение субординации, лейтенант.

- Вы шутите? – сказал Кос. – Меня чуть на куски не разорвало. Вы еще собираетесь меня наказывать? Что, хотите теперь отдать меня под трибунал? Беру свои слова обратно. Если Вы этого хотите, то Вы не только не подходите для следственных дел; Вам вообще нельзя доверять управление этим участком Лиги.

- А это подтверждение нарушения, - сказал Фаскин. – Спасибо, Кос, ты сильно облегчил мне работу. Ты отстранен от службы без выплаты пособия. Приказ окончательный и приводится в исполнение незамедлительно. Будешь продолжать, и я действительно наложу штрафные санкции.

- Вы отстраняете меня?

- Вы отстраняете его?

- Ты меня слышал, - сказал Фаскин с грустной улыбкой. – Констебль Пушок, я полагаю, у Вас накопилось достаточно срочной работы по разбору свитков. А мне нужно руководить расследованием.

- Так вот, да? - сказал Кос. – Я отдал Лиге больше семидесяти лет, и стоило мне лишь указать на очевидное, как Вы меня отстраняете?

- Кос, - сказал Фаскин. – Ты *уже* отстранен. Считай, что это отпуск. Пойдемте, констебль. Этому гражданскому лицу нужно восстановить силы.

- Сэр, возможно, мне стоило бы задержаться здесь немного и скоординировать стратегию для оперативной группы.

- Ты желаешь присоединиться к его отстранению? – спросил Фаскин. – Он не имеет никакого отношения к оперативной группе, кроме как в качестве свидетеля.

- Тогда, возможно, мне стоило бы взять показания у... у свидетеля, - сказала Пушок.

- У меня нет времени на пререкания. У меня встреча с начальством через пятнадцать минут. Хочешь остаться здесь, замени охранника в коридоре, но он должен быть здесь, один.

- А зачем это здесь выставили охранника? – спросил Кос.

- Чтобы убедиться, что никто не попытается закончить начатое на твой счет, - сказал Фаскин. – Но я бы еще добавил к его обязанностям, «Удерживать Коса в этой палате». Вы меня поняли, констебль?

- Да, сэр, - сказала Пушок. – Лейтенант, я буду в коридоре, если Вам понадобится помощь.

- Спасибо, - сказал Кос. Он чувствовал себя очень уставшим, очень старым и преданным этим жалким административным маневром Фаскина. Воджеки не поступают так со своими коллегами, особенно, когда в деле фигурирует погибший напарник. Он едва заметил, как ангел и капитан воджеков формально пожелали ему скорейшего выздоровления и покинули палату. Он слышал, как они обменялись парой приглушенных слов за дверью, затем одна пара ног удалилась – Фаскин ушел, оставив Пушка за дверью.

Он был один в палате, наедине со своими мыслями. А они для него были наихудшей компанией из всех возможных. Ему не особо нравился Борка, но он был его напарником. Не было более священного расследования для 'джека, чем расследование гибели своего напарника. Поэтому оно было особо выделено в Пакте Гильдий, Муниципальных Постановлениях и *Офицерском уставе*.

Что-то пошевелилось на краю периферийного зрения Коса, но когда он повернулся, он ничего не увидел. Медсестра сказала, что у него было сотрясение, в придачу ко всему остальному. Была ли это галлюцинация вследствие него?

Снова, бледная вспышка в противоположном углу палаты. И когда он посмотрел в ее сторону – ничего не увидел.

- Привет? – сказал Кос, чувствуя себя нелепо. Ответа не последовало. «Стареешь, Кос», - пробормотал он. Ему нужно было отдохнуть, но он только что провел три дня в коме, и сон был последним в списке его желаний. Может быть, если он сменит позу, это как-то облегчит зажим гипсовой повязки на его руке.

Кос лег на спину и уставился в потолок. Точнее, уставился бы, если бы призрачный образ лысого воджека с пышными усами не заслонил его поле зрения.

Его первым инстинктом было желание убежать, но этот вариант даже не рассматривался в связи с тем, что он, по сути, был прикован к постели своим ослабленным состоянием. Он не хотел орать по целому ряду причин, не последней из которых, был тот факт, что он вовсе не был уверен в том, что на самом деле видит то, что он думает, что он видит.

Кроме того, если это действительно был тот, на кого он был похож...

- Микз? – прошептал Кос. – Сэр?

Фигура кивнула один раз и подняла призрачную руку.

- Что ты... - сказал Кос. – Ты уходишь?

Призрачный образ Микзила Зюника не помахал ему рукой на прощанье, он протянул ее и прижал ладонь ко лбу Коса. Она была холодной и влажной.

В момент, когда нарушение Постановлений приобретает личный характер, офицер теряет объективность, и все его выводы с этого момента являются сомнительными. Единственными исключениями являются случаи, связанные с убийством действующего напарника. В таких случаях, любой запрос от выжившего офицера о расследовании гибели его напарника не может быть отклонен, если здоровье указанного офицера отвечает физическим и психическим стандартам, требуемым для действительной службы.

—Офицерский Устав Воджеков, Приложение Е:
«Постановление о Мести»

27 Зуун 9999 П.Д., около полудня

Исходя из законов гравитации, Кос понял, что лежит на спине. Холодная плоская поверхность, на которой он лежал, должно быть была полом лазарета. Не открывая глаз, он позволил боли, сводившей все его тело, подсказать ему, где он находился. Он понял, что упал, поскольку лежал он возле своей койки, одной ногой запутавшись в простынях. Его сломанная рука стонала от дикой боли - по всей видимости, на нее пришлась вся тяжесть падения на пол. Голова раскалывалась от пульсирующей боли в затылке. Его ушей достиг глухой рев потока крови в венах, сопровождаемый икотными толчками, равномерными, но, пожалуй, более частыми, чем они должны были быть, говорящими о том, что у него все еще бьется сердце. Хороший знак.

Кос знал, что видел сон, при чем яркий, но не мог вспомнить ничего, кроме коротких, мучительных его проблесков. Он чувствовал, что сон был важным, но чем сильнее он пытался вспомнить его образы, тем быстрее они ускользали. Он боролся с желанием открыть глаза. Если он их откроет, сон уже никогда не вернется, а этого допустить он не мог.

- Кос. Очнись, приятель.

- Заткнись, Борка, - рефлекторно сказал Кос.

Произнесенные им слова достигли его ушей и мозга почти одновременно, и он моргнул. Палата стремительно ворвалась в поле зрения Коса, вместе с бледным, пухлым, и очевидно прозрачным призраком Белла Борки, теперь уже в неизменном ранге сержанта. Привидение, парящее над Косом, помахало ему рукой.

- Нам надо поговорить, - сказал призрак.

Кос вскрикнул.

- Шш! Тише! – сказал призрак. – Будешь кричать, Аргх привяжет тебя к койке.

Кос моргнул, не веря своим глазам. Никаких следов другого таинственного привидения, появившегося... когда, час назад? Два часа?

- Борка? – выдавил он из себя. – Ты... Ты привидение?

- Вот такие молниеносные дедуктивные способности и сделали тебя лучшим 'джеком Лиги, - сказал Борка, отлетая назад во избежание неловкого спектрального столкновения, пока Кос с усилием принял сидячее положение. – Я не врач, но мне кажется, у тебя только что был сердечный приступ. Ты как себя чувствуешь?

- Плохо, Я... не важно. Почему ты настолько... ты? Кроме этой прозрачности, ты, вроде как, ни чуть не изменился.

Обычные призраки, будь то мстительные искатели, или простые, остаточные фантомы, редко говорили что-либо, но лишь издавали звуки, схожие с криком или стоном. Кос решил подыгрывать до тех пор, пока он не будет уверен, с чем именно он имеет дело. Это может быть Борка, а может, и нет. Призраки никогда ранее не перевоплощались в кого-то другого, но любой иллюзионист Иззетов смог бы без труда создать нечто, похожее на привидение. К слову, призрак Зюника вполне мог быть иллюзией, а не галлюцинацией. Но, по крайней мере, тот хоть не разговаривал.

Личность Борки было сложно с кем-либо спутать. Внутренний голос говорил ему, что перед ним – его мертвый напарник, правда, не настолько мертвый, как говорилось в рекламке.

- Ну да, это была часть сделки, - сказал Борка

- Сделки? Ты о чем вообще?

- Дай мне объяснить: Ты первый, кто смог меня услышать. И увидеть, если уж на то пошло.

- О чем ты говоришь? Тебя *разорвало*, - сказал Кос. – Они провели спектральное сканирование. Там ничего не было.

- Так меня там и не было, - сказал призрак Борки, если это конечно действительно был он. – Вот я стою рядом с трупом девчонки, а в следующее мгновение, я уже лечу за спасательным грифоном, который доставил тебя сюда. Похоже, что я, вроде как, прилип к тебе.

- Прилип? – сказал Кос. – Как?

- Я к этому веду. Хватит перебивать и сбавь тон. Они и так уже считают, что ты не стабилен. Я слышал, что Фаскин говорил Стэнслоу, когда я болтался в коридоре, - сказала привидение. – Будешь продолжать говорить сам с собой, и они тебя изолируют. Тебе будет довольно сложно выбраться отсюда своими силами. И вряд ли смирительная рубашка тебе в этом поможет.

Это его убедило. Кос служил 'джеком семьдесят лет, и он давно уже научился доверять внутреннему чутью больше, чем уликам или свидетелям. Либо это был Борка, либо кто-то проделал настолько грандиозную работу по воссозданию каждой детали характера сержанта, дабы создать иллюзию с одной лишь целью - досаждать Косу, пока он не свихнется окончательно.

- Ладно, - прошептал Кос. – Ты это ты. Давай просто пока скажем, что это правда. Но что ты здесь делаешь?

- Знаешь, после той твоей страстной речи Фаскину, я надеялся, ты ко мне будешь чуть добрее, - сказал призрак. – И мне бы очень хотелось, чтобы ты не доводил до того, чтобы тебя сейчас отстранили. Это нам совсем не поможет. Видишь ли, я, типа того, вроде как вписал тебя своим, ээм...

- Твоим чем?

- Моим мстителем.

* * * * *

Сидя на корточках, Джерад поднял ладонь вверх и замер - универсальный знак тем, кто следовал за ним – остановиться. Фонн оглядела полуразрушенные здания Старого Рава, заметив в темноте несколько пар светящихся глаз, и задумалась, какая именно из этих пар заставила темного эльфа остановиться. Или было еще что-то, что ее органы чувств пока еще не обнаружили. Зомби, обитающие в нижнем городе, не обращали никакого внимания ни на Джерада, ни на нее. Это несколько удивило ледев, чей опыт знакомства с зомби ограничивался лишь голодными, безумными ходячими трупами, которые временами нападали на путешественников. У этих же зомби была жизнь, в каком-то смысле, которая, с ее токи зрения, не слишком отличалась от той, что вели жители города на верхних улицах. И все же, они были зомби, а старые предрассудки забываются с трудом. Фонн проигнорировала несколько скрипучих выкриков, предлагавших купить жуткую на вид еду и полусгнившие сувениры, и осторожно следила за теми, кто приближался к ней слишком близко.

Конечно, зомби на них не нападали – нападали гарпии. Либо жрица все еще не узнала о том, что попытка ее заказного убийства провалилась, либо тератогены ждали, пока они выйдут из нижнего города, но до сих пор, они не встретили никаких неприятностей.

Она не была до конца уверена в охотнике Девкарин. При первом же признаке обмана с его стороны, она прикончит его собственными руками. Но пока у нее не оставалось другого выбора, кроме как действовать с ним сообща. Без Бираказира она чувствовала себя лишь наполовину ледев.

Как бы то ни было, они не обнаружили никаких признаков тератогенов нигде поблизости, что, по словам Джерада было и странно, и тревожно одновременно. Похоже, он был уверен, что они должны были напасть на них снова.

В тысячный раз она пожелала, чтобы Бираказир был рядом, и задумалась, правильно ли она поступает, доверяя своему похитителю. На первый взгляд, это было нелепо, но она собственными глазами видела, как гарпии пытались его убить. В данный момент, не имея возможности обратиться за помощью к другим ледев, или хотя бы воджекам, не говоря уже об ее огромном волке, враг ее врага вполне сгодится. Бираказир сможет позаботиться о себе и, вероятно сейчас уже преданно ждет ее у подножья Виту Гази, в то самое время, как она сопровождает этого Девкарина сквозь разрушающиеся, разросшиеся улицы нижнего города. Это был не первый раз, когда они с ее волком были разлучены за последние годы, и раньше он всегда ее находил.

По крайней мере, органы чувств златошерстного волка смогли бы подтвердить, что Джерад действительно остановился потому, что увидел опасность. Бираказир буквально чувствовал запах обмана. Она надеялась, что где бы ее волк ни был, он был в безопасности. Возможно Байул...

Нет, Байул мертв. Ей показалось, что она чувствовала его голос... Или это было на самом деле?

Эльф опустил руку и непринужденно отошел к краю улицы, позвав ее за собой взмахом руки. Фонн скорчила вопросительную гримасу, но последовала за ним.

- Джерад, - сказала она, - что ты увидел?

- Вон там, - прошептал Девкарин, - компания у мясницкой лавки. Если можешь, не делай вид, что ты туда смотришь.

Фонн тайком взглянула в указанном направлении и увидела четыре мрачные, костлявые фигуры, топчущихся перед витриной, под вывеской, гласящей о том, что это

был «*Настоящий*» скотный рынок Старого Рава и бездонная мясная бочка». Четверка зомби, в отличие от остальных обитателей нижнего города, смотрели на Джерада и Фонн тяжелыми, угрюмыми взглядами, которые слабо скрывали их заинтересованность. Их узкие зрачки пылали красным огнем, а на их темно-серой коже виднелись загноившиеся открытые раны, зашитые жилистыми, некротическими нитями. У каждого из них на поясе висел изогнутый тесак, и все они оскалили разное количество изломанных, желтых зубов в тот момент, когда поняли, что пара их заметила. Без прелюдий, шайка зомби сделала шаг вперед, на улицу и остановилась в ожидании.

- Наемники, - сказал Джерад. – Скорее всего. Лучше бы они были ими. – Он вытащил длинный нож из-за пояса. – Постарайся оставить одного, чтобы мы могли задать ему пару вопросов. Я беру четверых спереди.

- Спереди? – прошептала Фонн. – Что значит... - она бросила взгляд через плечо, и увидела, что такое же количество зомби с такими же жуткими ятаганами, вышло на улицу позади них.

- Ага, - она вытащила свой меч. – Я беру тех, что сзади. Еще есть кто-то, о ком мне стоило бы знать?

- Нет, если у них нет прикрытия на летучих мышах, но эльфов я пока не видел, - сказал Джерад. – Я подозреваю, что это, возможно, не Савриных рук дело.

- Ну, они уж точно, не *мои* друзья, - сказала Фонн.

Зомби медленно приближались с обеих сторон, уверенные в том, что их жертвам бежать было некуда. И, по мнению Фонн, они были совершенно правы. Они выглядели коварными и опасными, и отличались от шатающихся вокруг полутрупов так же, как Бираказир отличался от бродячей дворняги.

Это, правда, не значило, что они были достаточно ушлыми, чтобы посмотреть за спину.

Бираказир сбил двоих ближайших зомби одним прыжком. Ударом лапы, златошерстный волк обезглавил одного из них и разорвал второго задними лапами, приземлившись после прыжка. Два оставшиеся зомби замахали своими ятаганами от неожиданности, но их неуклюжие удары лишь рассекали воздух. Волк замер у ног удивленной Фонн, и поприветствовал ее, быстро лизнув ее макушку пару раз. Несмотря на обстоятельства, Фонн засмеялась и обняла его одной рукой за шею. Два оставшихся наемника, похоже, разочаровались в своей профессии, когда Бираказир издал низкий горловой рык, и в следующее мгновение, они развернулись и помчались прочь.

- Взять их, малыш, - сказала Фонн и потрепала Бираказира по корпусу. Волк бросился за убегающими зомби, и Фонн встала рядом с Джерадом.

- Нашла своего волка? – спросил он.

- Теперь я вижу в тебе охотника, - сказала Фонн. – Ничего не упускаешь. – Фонн посмотрела на шайку зомби, теперь выглядящих слегка растерянными. Далеко за спиной, она услышала рычание волка и жалостный вопль оборванный влажным хрустом. Фонн не обернулась, но, чтобы ни делал Бираказир, это заставило четверку зомби перед ними спасаться бегством. Волк был не настолько глуп, чтобы есть оживших мертвецов, но он и без того мог легко разорвать их в клочья.

- Черт, - выругалась Фонн. – Будем их догонять?

- Есть шансы, что твой волк не порвет хоть одного из них, - спросил Джерад.

- Дай-ка посмотрю. Уфф, нет, похоже, уже шансов нет, - сказала она, поморщив нос. Бираказиру будет нужен душ.

Джерад не ответил, но достал из-за спины лук и быстро вставил стрелу в тетиву. Он навел наконечник на крайнего из убегающих наемников, оценил расстояние, и выпустил стрелу.

Пару секунд спустя, стрела Джерада вонзилась между лопаток убегающего зомби. Наемник рухнул на каменную мостовую, словно марионетка, у которой перерезали нитки.

- Я думала, чтобы убить, им нужно попасть в голову, - сказала Фонн.

- Я не собирался его убивать, - сказал Джерад. – Я планирую задать ему пару вопросов.

Бираказир покончил с четверкой зомби и, поравнявшись с Фонн, безо всякого предупреждения, стряхнул с шерсти мерзкую смесь крови и останков нападавших мертвецов, окатив ледев и охотника ошметками того, о чем Фонн даже не хотела думать.

- Что ж, теперь мы все пахнем одинаково, - сказала Фонн. – Это должно помочь смешаться с местными.

- Я и так местный, - сказал Джерад. – Пошли, он пытается уползти вон в ту аллею. – Позвал он и побежал вниз по улице к своей жертве. Фонн взобралась на спину Бираказиру и рысью последовала за ним.

На зомби была порванная, залатанная черная рубашка и штаны, которые когда-то могли быть облачением убийц из гильдии Оржов. Он мог шевелить лишь одной рукой, но зомби все равно изо всех сил пытался оттащить свое парализованное тело подальше от Джерада.

Эльф опустился на одно колено, схватил древко стрелы, торчащей из спины зомби, и провернул ее. Убийца жалобно застонал и начал молотить Джерада единственной рабочей рукой. Джерад наступил на его руку ногой и наклонился к полуразложившемуся уху наемника.

- Расскажи мне... что ты чувствуешь? – эльф провернул стрелу снова и зомби заорал от боли.

- Просто спроси его, на кого он работает, Девкарин, – сказала Фонн со спины волка. – Какой смысл его пытать?

- Мне от этого становится лучше, – сказал Джерад и, повернувшись к наемнику, продолжил. – Она хочет, чтобы я спросил тебя, на кого ты работаешь, - сказал он. – Хотя я бы с большим удовольствием послушал твои вопли, мертвяк.

- Мы сами вас нашли, - прошипел зомби. – Мы работаем за вознаграждение.

- Вознаграждение? – спросила Фонн. – Кто назначил за меня вознаграждение?

- Не только за тебя, девчонка, - прохрипел зомби. – За него тоже.

- За меня? – сказал Джерад. – Отвечай на ее вопрос! Кто назначил вознаграждение?

Матка?

Зомби вывернул свою шею так, как не смогло бы ни одно живое существо.

- Матка? Нет, это не она.

Зомби начал меняться. По началу Фонн решила, что срок его существования закончился, и он начал выгнивать, но то, что с ним происходило, больше походило на таяние. Его тело и одежда растворились в какой-то бело-синей субстанции, похожей на жидкий воск. Затем, в одно мгновение, весь его силуэт свернулся в ком, состоящий из чего-то, похожего на насекомых, а точнее... червей. Определенно червей. Кишащая масса протянула конечность, состоящую из извивающейся плоти червей и коснулась ею руки Джерада. Эльф одернул руку, словно от огня, и резко взмахнул ею, словно кнутом, стряхивая с нее цепких паразитов.

- Что оно делает? – спросила Фонн.

Джерад с трудом поднялся на ноги.

- Я не знаю, но с остальными этого не происходит.

Кишащий червями ком двинулся вперед, в процессе снова обретая свою прежнюю гуманоидную форму. Извивающиеся существа прижали миллионы своих тел плотно друг к другу, вновь превращаясь в текучий воск. Черви словно пытались вернуть себе прежний облик.

- Думаю, нам стоит держаться от этой штуки подальше, - сказала Фонн. Она дала команду Бираказиру пятиться назад. – Пошли!

Восковое червячное существо сделало неуверенный шаг в сторону Джерада. Оно казалось осторожным. Словно замороженный, Джерад не мог отвести глаз от этого существа.

- Девкарин, пошли, - сказала Фонн. – Да что с тобой?

Бираказир издал утробный угрожающий рык.

- Это... когда оно коснулось моей руки, - сбивчиво проговорил Джерад. – Оно не хотело отпускать меня. Мне пришлось оттолкнуть его, отговорить его, как насекомых. Кажется, я ранил его. Ранил их. Это. Я ранил. Они говорят мне об этом. Я чувствую... - Эльф замолчал. Червячная штука подошла ближе, с каждым полушагом восстанавливая немного цвета и формы. - Оно хочет, чтобы я перестал бороться. Мне нужно перестать. Я должен подчиниться.

- Ты бредишь, - сказала Фонн. – Очнись.

Эльф не ответил. Оборотень, теперь уже практически полностью восстановивший свой первоначальный облик, был в шаге от Джерада.

Нормальный человек, после того, как его похитили и держали в плену, на которого нападали, вполне мог бы бросить эльфа умирать, оставить его на съедение, или что бы там ни задумало это черве-зомби-что-бы-это-ни-было с ним сделать. Но это было не в духе защитницы ледев. Фонн огляделась в поиске кого-нибудь, кто мог бы хоть чем-то помочь. Оставшиеся наемники, по-видимому, обычные зомби, валялись растерзанные неподалеку. Улица опустела, и вокруг не было видно никого из обитателей нижнего города. Ее меч, скорее всего, здесь не поможет, а сам эльф, похоже, был загипнотизирован этой червивой штуковиной.

Фонн тихо выругалась и пришпорила пятками волка. Бираказир прыгнул вперед, а ледев, свесившись с одного бока, протянула руку к эльфу. Она обхватила Джерада за пояс за мгновение до того, как убийца-оборотень коснулся его.

- Уф! Что ты дела... - очнувшись, начал Джерад. – Ох. Спасибо. Что это было?

- Не знаю. Думала, ты в курсе. Попытайся влезть в седло, сможешь? – спросила Фонн. – Оно гонится за нами? И не оборачивайся, если ты не уверен, что опять не оцепенеешь у меня в руках.

Эльф кое-как взобрался в седло позади нее, повернул голову и поднял маску, чтобы получше разглядеть их странного противника.

- Нет, - сказал Джерад. – Оно просто стоит и смотрит.

- Отлично, - сказала Фонн, - Так что это было?

- Что-то, состоящее из червей, - сказал Джерад. – Никогда раньше подобного не видел.

- Как думаешь, твой приятель может знать что-нибудь об этом?

- Стоит попробовААА! – эльф чуть было не скатился со спины волка, когда Бираказиру пришлось перепрыгнуть секцию разрушенной стены - недавнее добавление к пейзажу улицы, до которого еще не добрались рабочие-ремонтники зомби. Он едва не увлек за собой Фонн, схватив ее за локоть, но она крепко сжимала вожжи и сумела втянуть эльфа обратно в седло.

- Ну же, соберись, - сказала Фонн. – Ты в порядке? Уверен, что это существо ничего с тобой не сделало?

- Уверен, - сказал эльф, однако уверенности в его голосе Фонн не услышала. – Просто все еще немного не в себе.

- У меня руки заняты вожжами. Если тебе нужно за что-то держаться, обними меня за талию, - сказала Фонн. – И не фантазируй там себе ничего.

- С чего ты взяла, что мне нужно за что-то держаться? – он указал рукой через плечо Фонн. – Нам вон по той улице до развилки, потом направо. Это дорога к подъемникам, а подъемники уже доставят нас в ресторан.

- Ты уверен, что это безопасно? – сказала Фонн. – Если этот твой приятель торгует информацией, мы можем из одной западни попасть в другую. Если червивый парень не соврал, то на нас охотится не только твоя сестра.

- На этот риск нам придется пойти, - сказал Джерад. – Но если он ничего не знает, он мне об этом скажет. К тому же, ни один наемник не попытается на нас там напасть. Он запрещает охоту в зале ресторана.

- А где он ее разрешает? – спросила Фонн.

- Любопытно, что именно ты об этом спрашиваешь, - сказал Джерад.

* * * * *

- Это шутка? *Страховой* полис? – повторил Кос в четвертый раз. – Да это смешно.

- Ага. Я тоже всегда считал, что это была просто шутка, - сказал призрак, - но когда я стал твоим напарником, и увидел, как ты сам себя...

- И как именно я «сам себя»? – сказал Кос.

- Ну, знаешь, 110 лет, ни одна из жен не хочет даже говорить с тобой, нет детей, нет никого вообще, кому было бы не все равно, если бы ты умер, - сказал призрак.

- Да куче людей было бы не все равно, если бы я умер, - сказал Кос. – В смысле, есть... ну, Гарулж. И Пушок. И Валенцо все еще разговаривает со мной. Мы с ней были женаты, когда-то.

- Именно. Есть кто-нибудь, с кем ты не работаешь или не сотрудничаешь? Нет. Вот я и начал думать. Ну, не знаю, о будущем. Потом о том, что я могу кончить, как ты. Потом, об опасности вообще. Вот мне и стало любопытно.

- И где ты...

- Я его получил в погребальном квартале у той Оржовки. Ну, знаешь, трехрукая? Харкинс, эктомаг. Она все оформила, но я еще сходил к страховщику, для большей уверенности в том, что контракт легитимный и без подвохов.

Кос с открытым ртом сел на край кровати, не в силах поверить услышанному.

- Ну, что ж, я... рад тебя видеть? Если, конечно, у меня не галлюцинации опять.

- Когда у тебя были галлюцинации?

- Не важно, - сказал Кос. – Просто расскажи, как это работает. Если это Оржовский контракт, бьюсь об заклад, мне это не понравится.

- Это стандартный полис отщепенца. В случае... как там это записано...?

Листок белого, прозрачного пергамента материализовался из воздуха в руке привидения. - «Это соглашение является законным посмертным контрактом между Беллом Боркой, далее именуемым Держателем полиса, и обществом с ограниченной ответственностью «Официальные Страховые Агенты Оржов по вопросам Отщепенца, Влерел, Оритайн, Фодрет, и Вандицио», далее именуемым Страховщиком. В случае убийства Держателя полиса», - прочел он, - «Держатель полиса избирает Агруса Коса, далее именуемого Мстителем...»

- «Мститель»? Бока, ты что...

- Я не закончил. «Коса, далее именуемого Мстителем, для привнесения правосудия во имя погибшего. Для этого, Держатель полиса, обязуется принять заклинание от одобренного Страховщиком эктоманта. Вышеуказанное заклинание должно позволить спектральным останкам Держателя полиса» - думаю, это значит «привидение» - «функционировать, в обычном режиме, с полным сохранением памяти и личностных характеристик до того времени, как месть не будет осуществлена в отношении виновных или их представителей и/или охранников, по решению Мстителя. Согласно Акту Отщепенца 3920, спектральные останки Держателя полиса должны быть видимыми или слышимыми только Мстителю. Для исполнения условий настоящего контракта, убийца или убийцы Держателя полиса должны быть признаны виновными согласно законам Равники, в суде». Далее идут подписи, и вот тут печать, видишь?

- Теперь закончил? – спросил Кос.

- Ну, есть еще кое-что, приложения, дополнения и все такое: что именно признается мстеством в случае соучастников преступления, что будет с тобой, если ты не найдешь преступника...

- Что будет со мной? – спросил Кос. – Ничего со мной не будет, Борка. Я ничего не подписывал. Это безумие.

- Нет, не безумие, но безумно дорогое удовольствие, - сказал Борка. – По-твоему, почему я живу в пансионе?

- Почему я? – спросил Кос. – И как я могу быть связанным контрактом, который я никогда не подписывал?

- Ну, это просто. Ты лучший следователь в Десятом секторе, возможно и во всей Равнике. И ты *ведь* мой напарник. Был моим напарником. Я решил, что ты в любом случае этим займешься. По мне, так это была верная ставка, во всяком случае, до твоей сегодняшней пламенной речи. И еще мне хотелось, чтобы правосудие восторжествовало.

- У меня был всего один напарник, - сказал Кос. – Мы с тобой, лишь работали вместе.

- Как скажешь, - сказал Борка. – Я уже устал от твоих личных проблем.

- Отлично. Кос молодец. Кос лучший следователь. Давайте засунем его за стол и зальем бронзой его лысину, - проворчал Кос. – Отлично. Ты все еще не объяснил, как ты связал меня контрактом, которого я в глаза не видел. Так контракты не работают.

- Это было интересно, - признал Борка. – Вообще, нам обоим нужно было бы подписаться, но я знал, что ты начнешь вести себя, как сейчас. Оржовцы нашли лазейку: Ты воджек, а в Пакте Гильдий работает супер сильная, супер древняя магия. Это не просто легенда. Это правда, знаешь ли.

- Я ходил в школу в том же городе, что и ты, Борка.

- Ладно, ладно. Законники сказали, что поскольку ты 'джек и подчиняешься одному закону Равники во имя соблюдения остальных – я про закон об убийстве воджека – то ты будешь автоматически связан, как только я погибну. Это был риск, но я в тебе не сомневался. Полис опирался на магию закона.

- Это бред, - сказал Кос.

- Нет, это неправдоподобно, но это не бред, - сказал Борка. – Слушай, я не так глуп, как ты думаешь, и это, кстати говоря, очень обидно. Я всегда знал, что не умру во сне от старости. У меня есть враги. И кто лучше тебя бы раскрыл мое убийство?

- Враги? Какие еще враги?

- Ну, люди, которым я должен, хозяйка пансиона, - сказал Борка. – Может, гильдия, или две. Ну, знаешь, как у всех.

- С чего ты взял, что я на это пойду? – допытывался Кос.

- Ты что, хочешь, чтобы я болтался с тобой до конца твоих дней? Я понимаю, что, учитывая твой возраст, это будет не долго, но все же, - привидение щелкнуло пальцами, и призрачный пергамент исчез. – Кроме того, ты и так уже в деле, напарник.

- Скажем, что все это правда, - сказал Кос.

- Я только что это сказал.

- Заткнись. Скажем, что все это правда, и ты действительно призрак Белла Борки. Ты купил у Оржовского страховщика что-то, что привязало тебя ко мне до тех пор, пока я не раскрою твое убийство. Что я бы и так сделал в любом случае. Поэтому, как мой первый свидетель, ответь мне вот на что: О чем ты думал, когда бросил мертвую девочку и погнался за гоблином? Что ты говорил Байулу?

Призрачное лицо Борки поморщилось, когда он напряг память или сделал вид, что пытается что-то вспомнить.

- Это будет звучать нелепо...

- Еще более нелепо, чем тот факт, что ты сейчас здесь разговариваешь со мной?

- Нет, не так... Я просто... Кос, я слышал, что Фаскин и Пушок тебе сказали. И я не помню ничего после того, как ты погнался за гоблином. В один момент я смотрел на девочку. В следующее мгновение я материализовался в воздухе, следуя за санитарным грифоном, который доставил тебя сюда. С тех пор я все время ждал, когда ты проснешься, - он почесал эфирной рукой свой призрачный затылок. – Я не помню локсодона и я не помню никакого взрыва. Я просто...

Чтобы ни собирался сказать Борка, его слова были прерваны распахнувшейся сквозь него дверью, впустившей в палату Пушка. Она посмотрела на Коса прямо сквозь привидение Борки.

- Вы в порядке, лейтенант? – спросила Пушок. – Мне показалось, я услышала, как Вы с кем-то разговаривали.

- Попроси ее помочь тебе, - сказал призрак Борки.

- Нет, Пушок, я не... - сказал Кос.

- Может, позвать врача? - сказала ангел.

- Я не это имел в виду, - сказал Кос. – В смысле... все это... никак не уложится у меня в голове.

- Убедительно, - сказала привидение.

- Такое число погибших оставляет сильный осадок у тех, кто выжил. В той или иной мере, - сказала ангел. – Я думаю, Вам просто нужно больше отдыха.

- Нет, это не то, что мне нужно, Пушок. Я не могу здесь оставаться, - сказал Кос. – Мне нужно выбраться отсюда и начать работать над этим делом.

- Уже лучше, - сказал призрак.

- Лейтенант, Вы отстранены, - сказала ангел. – Вам нельзя ни над чем работать. Это приказ капитана.

- Дай мне пару ‘капель. Там, наверху есть аптечка.

Пушок выглядела очень удивленной.

- Нет, Кос. И если ты попросишь меня еще раз, ответ не изменится. Я не буду принимать участие в твоём самоубийстве.

- Ладно, обойдусь без ‘капель, - пробормотал лейтенант. – Ничего, ‘джековские лекари не единственные врачи в округе. Это Равника. За окном, на углу, наверняка три, четыре шаманские лавки, которые за пару секунд приведут меня в боевую форму. Как тебе это?

- Пока ты был без сознания, я говорила с сестрой Ярагхией, - сказала Пушок. – Твоему телу все равно, *как именно* оно будет исцелено. Любая лечебная магия, достаточно сильная, чтобы быстро затянуть твои физические раны, будет иметь такой же эффект на твой организм, как и ‘капли. – Кос открыл рот, чтобы возразить, и Пушок добавила, - Любая магия может убить тебя, даже магия Селезнийских целителей. Они могут творить невероятные вещи, но это не меняет тот факт, что это, по своей сути - ускорение лечения, которое может тебя убить. Так же, как не меняется и тот факт, что тебе не разрешено каким-либо способом принимать участие в этом расследовании.

- Забудь ты про разрешения, - сказал Кос. – У меня огромный стаж. Если это дело станет моим последним, так тому и быть. Но здесь я не останусь. Я выползу отсюда, если понадобится, но я бы предпочел, чтобы ты принесла мне ‘капель из аптечки.

- Но они могут...

- Могут, Пушок, - сказал Кос. – *Могут*. Мне нужно встать и выйти отсюда. Ты не обязана помогать мне с расследованием. Ты не обязана ничего делать, только принесли мне эти ‘капли. Я сам применю их. И если ты не принесешь их, я возьму их сам, даже если для этого, мне придется переломать оставшиеся кости, борясь с тобой.

- Хорошо сказано, - сказал призрак. – Она уже хочет помочь тебе, и не только с этим. Господи, ты чувствуешь? Ее рвение исходит от нее волнами. Она готова убить любого, кто сделал это с тобой. Хотел бы я уметь вдохновлять на такую преданность. Не думаю, что ее придется особо уговаривать.

Пушок не шелохнулась на протяжении всего короткого монолога Борки, даже когда Кос с усилием заставил себя сесть. Каждая его кость стонала, словно треснутая, но он был вынужден подтвердить то, что он только что - возможно, погорячившись - сказал. Он зажмурился, стиснув зумы и собрав всю волю, чтобы не заорать от боли.

- Хватит, - сказала пушок. Она повернулась, касаясь «накидкой» своих связанных крыльев стен тесной палаты, и открыла аптечку. Кос увидел внутри с дюжину ‘капель. Пушок сгребла все двенадцать ладонью одной руки и аккуратно положила их Косу на колени.

- Делай, что считаешь нужным. Я буду рядом, на случай, если понадобится врач. И думаю, мне не стоит напоминать тебе, что она будет очень недовольна нами обоими, в случае, если мне придется ее вызвать. Когда закончишь, если выживешь, что будешь делать?

- Собираюсь выяснить, кто убил Борку, Люду, и Святого Байула. Собираюсь выследить дочь моего погибшего напарника.

- Того, *другого* напарника, - поправил его призрак.

- Тебе понадобится помощь, - заметила Пушок.

- О, нет, - сказал Кос. – Пушок, я могу навсегда вылететь из воджекков после всего этого. Я не знаю, что ты там натворила, и за что тебя приковали к Десятому сектору, но теперь ты несешь за него ответственность. Не стану отрицать, мне действительно понадобилась бы твоя помощь, но ты нужна Десятому сектору.

- Я нужна тебе, - сказала Пушок. – И я уже нарушала приказы прежде. Я иду с тобой, и мы вместе доберемся до сути дела. И, как ты сам много раз говорил, Стэнслов не смог бы вылить бумбат из собственного ботинка, даже если бы ему написали инструкцию на каблуке.

- Я не могу тебя просить...

- Ты уже попросил, - сказала Пушок. – Ты же не думаешь, что я брошу дело на полпути теперь, после того, как я нарушил свою клятву.

У Коса не было слов. Он смотрел на Пушка с изумлением от неожиданного самопожертвования ангела, на которое она решилась ради него. Невозможно было представить, какое наказание могло ожидать ее теперь, тем более что технически, она и так сейчас отрабатывала какую-то провинность.

- К слову, ты собираешься весь день смотреть на эти капли? – добавила ангел.

Просим Вас спрашивать у официантов о наших ежедневных предложениях.

—Полный текст меню «У Пивличино»

27 Зуун 9999 П.Д., Вечер

Ни на Косе, ни Пушке не было формы под накидками, когда они подошли к входу в зал второго этажа ресторана «У Пивличино». Они решили оставить и свои нагрудные знаки, но в итоге, Кос не нашел в себе сил это сделать и засунул их в карман своих украденных штанов. На их удачу, участковая прачечная также послужила им самым простым выходом из лазарета, но этот опыт Кос повторять больше не хотел бы. Запахи прачечной не выветрятся еще неделю, если конечно что-то худшее не пройдет мимо него.

Что-то худшее пахнуло из кухни, из-за спины беса, и помогло Косу притормозить его возбуждающийся аппетит. Использование ‘капель всегда вызывает легкое чувство голода, эту их особенность он знал уже давно. Это было как-то связано с ускорением восстановительного процесса, который сжигал много энергии организма.

Кос использовал половину ‘капель, которые ему дала Пушок, но все равно был не в состоянии подняться. В порыве раздражения, он применил и все остальные. Борка практически оглушил его криками протеста. В конце концов, мертвый мститель много бы не намстил. Тем не менее, этого количества хватило, и эффект проявился через некоторое время. Огромная доза ‘капель сделала лейтенанта – отстраненного лейтенанта, которому теперь уже, вероятно, никогда уже не суждено стать капитаном, поправил себя Кос – тощим и слабым, но все же, восстановленным. Лысый, больной, голодный, как верблюд, но восстановленный. Каким-то чудом, его сердцу удалось не разорваться на куски.

Гораздо более странным, чем голод, был тот факт, что он не хотел выпить. Постоянная жажда, не покидавшая его как минимум последние пятьдесят семь лет, испарилась под массивным вливанием магии. Кос хотел даже поделиться с доктором этим удивительным открытием, если бы он не был уверен, что она на него донесет.

К счастью, чувство голода было не слишком обременительным. Информатор, с которым он хотел встретиться, был собственником одного из самых популярных ресторанов Десятого сектора. Кос не ожидал, что бес у дверей обратиться сперва к ангелу, но в этом не было ничего удивительного. Она просто была больше. Среди завсегдатаев «У Пивличино», тот, кто из двоих был больше, тот, обычно и принимал решения.

- Будут ли мадам и сэр ужинать сегодня?

- А есть альтернативы? – спросила Пушок.

- Ужин и дуэль, ужин и зрелище, дуэль и ужин...

- Первое и последнее – одно и то же, - сказала Пушок.

- О, это вовсе не так, мадам, – метрдотель указал на схему, приколотую к доске перед Пушком. – Ужин и дуэль начинается в мезонинном зале и включает в себя пять деликатеснейших блюд, выбранных лично нашим шеф-поваром, знаменитым

Жандальером из Вензензерры. Затем, вы можете принять дуэль в кормовых ямах, если пожелаете испытать свою храбрость в бою с мертвыми.

- А другое? – осведомила Пушок.

- Дуэль и ужин, с другой стороны, не самый распространенный выбор таких, как вы. Я имею в виду живых, не демонических рас. Видите ли, бойцы Старого Рава и его окрестностей также являются клиентами «У Пивличино».

- Пушок, я тебе объясню, когда мы зайдем, - сказал Кос, вставая перед ангелом. Пушок спрятала свои связанные крылья под тяжелой, шерстяной накидкой, и ему не хотелось, чтобы она слишком близко приближалась к бесу. Несмотря на то, что «У Пивличино» были рады всем, о чем гласила вывеска над головой метрдотеля, некоторым, все же, были рады меньше, чем остальным в ресторане, обслуживающем зомби, демонов, и других, менее-чем-уважаемых личностей. У лейтенанта не было возможности рассказать ангелу о деталях местных порядков, но она и сама все скоро узнает. Он повернулся к бесу и сказал, - Только ужин, и передай Пивлику, что его друг пришел с ним повидаться.

- Лейтенант Кос, верно? – спросил метрдотель, смотря на свой планшет с записями.

- Да, - сказал Кос. – Я предупреждал о своем визите. – Было не просто улизнуть из участка, прихватив к тому же с собой сокола, но Кос настоял на этом. Не взирая на риск быть арестованным, он планировал проинформировать воджеков, когда он найдет того, кого ищет. Но сперва он отправил весточку своему информатору о том, что он скоро придет. Пивлику никогда не мешало заранее знать, что к нему собирается заглянуть воджек. За это он с большей охотой готов был помочь своему старому знакомому.

- Прошу за мной, - сказал метрдотель и повел их к ресторану от площадки подъемников, как только Кос отыскал зиб на чай гоблину, осуществлявшему перевозку. «У Пивличино» был со всех сторон окружен подъемниками, но Кос с Пушком поднялись лишь на один этаж от городского уровня этого грандиозного ресторана. Подъемники со стороны Григорьева Каньона доставляли посетителей из глубин Старого Рава. Чаще всего, посетителей восставших из мертвых.

- Кос, почему я раньше никогда не видел это место? – спросил призрак Борки, плетясь позади.

- Борка, заткнись - пробурчал Кос.

- Ты что-то сказал?

- Я хочу сделать заказ, - сказал Кос. – Из-за 'капель я сильно проголодался.

- Прошу тебя, не напоминай мне о 'каплях. Я думала, они тебя прикончат.

- Это все нервы, - сказал Кос. – Думаю, была поражена вся нервная система. Но, видишь, я могу ходить. Я в порядке, Пушок. Во всяком случае, мне лучше, чем до... до нападения. – Он не уточнил, что вдобавок к голоду, он слышал, как бешено бьется его сердце. Оно стучало в его внутреннем ухе, словно животное, мчащееся галопом, и не унималось с того момента, как они вышли с участка на аллею и отправились в сторону каньона. Сердце очень волновало его, но гораздо больше его волновала возможность того, что гоблин с бомбой был не последним в планах того, кто его послал. Всего за три дня, пока Кос был в лазарете, город наполнился приехавшими гостями со всего мира так, что следующий подрывник мог бы уничтожить десятки, возможно сотни одним взрывом. Правда, он не очень верил в то, что подобное могло произойти. Убийство и обстоятельства, его окружающие, были слишком специфичны, слишком направлены на конкретную цель.

Они прошли за метрдотелем через людный обеденный зал, наполненный представителями практически всех гуманоидных рас Равники, облепивших освещенные свечами столы, жующих и беседующих друг с другом. Гоблины делили огромного жареного жука, бурча на своих гнусавых диалектах то об одном Иззетовском эксперименте, то о другом. Огры, трущиеся локтями с троллями и мускулистами людьми, должно быть были Рекдосами. Когда они миновали обеденный зал и прошли к столикам, окаймлявшим верхний этаж, над кормовыми ямами, Кос поравнялся с Пушкой и прошептал, - Ты кое-что должна знать об этом месте.

- Похоже, со второго этажа открывается вид на какое-то местное развлечение, - ответила Пушка. Она была буквально не способна говорить шепотом, но шуму завсегдатаев заведения удалось заглушить большую часть ангельских нот ее голоса.

- Ага, можно сказать и так, - сказал Кос. - Ты что, никогда раньше не была в ресторане? Где же ты ешь?

- Я не ем, - сказала Пушка. - Я извлекаю энергию, необходимую мне для полноценного функционирования из солнца.

- Серьезно? - спросил Кос. - Ты никогда мне об этом не говорила.

- Ты сегодня как-то особенно доверчив, лейт... Кос, - сказала Пушка. - Ну, конечно, я ем.

- Как ты могла заметить, этот ресторан растянут за край каньона, - сказал Кос. - И у его владельца, а он не маловажный представитель иерархии Оржов, достаточно причин - по большей части, денежных - кормить как жителей нижнего города, так и всех нас. Поэтому, мы вошли через второй этаж. Здесь обедают живые.

- А что потребляют в пищу мертвые? - сказала Пушка. - Сырую плоть?

- Да, если им удастся ее достать, - сказал Кос. - Но они предпочитают не каждую...

- Друг мой! - раздался масляный, знакомый голос, похожий на голос метрдотеля, но пропитанный в тысячу раз большим обаянием, и в сотни раз меньшей искренностью. Но не голос Пивлика заставлял Коса каждый раз приходить к бесовскому владельцу «У Пивличино». Главной причиной была информация, которая за все долгие десятки лет его 'джековской работы, никогда не была ошибочной. Такой послушной список Кос не мог не уважать. Если же бес чего-то еще не знал, он, благодаря своим необъяснимым способностям, мог узнать в считанные часы. Пивлик перепорхнул через стол, забитый ограми и приземлился перед ними. Он выпрямился во весь рост - он был высок для беса, но это было не очень заметно - и кивнул метрдотелю, - Зеклер, ты можешь вернуться к двери. Я лично обслуживаю этих посетителей. И обрати внимание на огров. Они, похоже, планируют несанкционированную потасовку. Никогда не доверяй тем, кто не поднимает голову, когда над ними летит бес, да?

- Да, мистер Пивлик, - сказал метрдотель и ретировался на свой пост.

- Пивлик, у нас не очень много времени, - сказал Кос, когда они возобновили свой путь сквозь толпу.

- Ты только посмотри на этот стейк! - сказал призрак Борки. - Думаю, это кентавр. Они готовят тут кентавров?

- Это не кентавр, уверяю тебя, - сказал Пивлик. - Терагоны крайне редко проигрывают дуэли в кормовой яме.

Кос моргнул. - Ты сейчас это сказал...

- Он услышал меня? - воскликнул Борка.

- С кем вы разговариваете? - спросила Пушка.

- Я как раз пытался тебе рассказать, - сказал Кос, - но из-за контракта ты не его не можешь услышать.

- Контракта? Какого контракта? – недоумевала Пушок.

- Просто... Пушок, прошу тебя, просто поверь мне, - сказал Кос. – Пивлик, ты можешь его слышать?

- Твоего мертвого напарника? – сказал бес. – Конечно. – Бес посмотрел через плечо на парящий фантом. – Похоже... судя по тени спектральной ауры и эктоплазмической мембраны... это работа «В.О.Ф. и В». Да, это их почерк. Прошу Вас, присоединяйтесь к нам, сержант Борка, не так ли? Как же кошмарно вчера шли дела, доложу я вам.

- Но... - одновременно начали Кос и Борка.

- Есть что-то, что я должна знать? – спросила Пушок.

- Пушок, - сказал Кос, - Борка – привидение.

- Да, он погиб, и мы должны сделать все возможное, чтобы привлечь его убийц к ответственности.

- Да нет же, он... и прошу тебя, постарайся говорить чуть тише, ладно?.. Еще раз. Он – *призрак*. Он невидимый и всюду следует за мной. Он сейчас здесь. Пивлик видит его так же, как и я.

- Не волнуйся, Кос, дружище. Вместе мы покончим с этими кошмарными галлюцинациями, - сказала Пушок. – Мы восстановим правосудие перед теми, кто пал жертвами...

- Пушок, здесь лучше так не разговаривать. Давай обо всем забудем, ладно? – сказал Кос.

- Но Пивлик может меня видеть! – запротестовало привидение. – Это же прекрасно! Я, правда, думал, что у ангелов должен быть глаз больше наметан на такие вещи. Пивлик, может ли кто-нибудь еще меня видеть?

Кос проигнорировал его и прервал Пивлика до того, как тот смог ответить.

- Важно, Пивлик, только то, получил ли ты мое послание, и есть ли у тебя что-нибудь для меня. – Кос потряс мешочком, полным зидо.

- Твои монетки не ценятся здесь уже десятки лет, друг мой, но, как всегда, я ценю сам жест, - сказал бес. – Нельзя, чтобы кто-нибудь видел, что я отдаю информацию даром. А вот и ваш столик. У вас будет прекрасный вид на кормовые ямы. Пока там особо не на что смотреть. Мы проводим межтрапезную уборку. И, конечно, здесь у вас открывается восхитительный панорамный вид на наш замечательный город с двух сторон. Прошу садиться, – сказал хозяин ресторана, сверкнув острозубой улыбкой, в которой Кос узнал одно из самых серьезных выражений лица Пивлика. Владелец «У Пивличино» был весьма противоречивым бесом. Кос сел, а Пушок с трудом втиснулась на стул напротив него.

- Я получил твоего сокола сегодня днем, друг мой, - сказал Пивлик, - и всю вечернюю суматоху ужина мой ресторанчик буквально рушился вокруг моих крыльев, поскольку я совсем запустил свое заведение, обеспечивающее мне мое скромное существование, только для того, чтобы найти ответ на твою просьбу. На кухне разруха, мои официанты обирают меня до нитки, все стены кормовых ям до сих пор в кишках с последней трапезы, но ведь я делаю это для тебя, да?

- Я ценю это, - сказал Кос и перешел на шепот. – Я бы также оценил, если бы ты не особо распространялся об этой информации. И?

- Я выяснил, что убийца, которого ты описал, действовал не сам по себе, - сказал Пивлик. – Конечно, ты это и без того подозревал, иначе бы ты не пришел ко мне.

- Отличная мысль. Я видел на нем пару татуировок, похожих на цепи. Итак, кто же купил этого убийцу, Пивлик?

- Это я еще не выяснил, но я знаю того, кто может тебе это сказать. Рекдосовский работородец по имени Ив'г'норк.

- Звучит по-демонически, - сказал Кос. – И где он? Только не ври мне, Пивлик.

- Он действительно демон по линии матери, - сказал Пивлик. – И мне горестно думать, что ты теперь сомневаешься в моих словах, после всего того, что Пивличино сделал для воджеков и общества.

Это был небольшой разговорный танец, который они частенько разыгрывали раньше. Воджеки не были официально запрещены в «У Пивличино» - запретить воджекам посещать любое место в городе, было прямым нарушением закона – но и завсегдатаями этого заведения они не были. К тому же, никому из тех, кто здесь обедал, за столом ли, или в кормовой яме, не хотелось бы видеть, что бес водит дружбу со стражами порядка. Кос был его единственным знакомым 'джеком, которому Пивлик регулярно помогал, лишь потому, что Кос был единственным выжившим членом отряда, удерживавшего Рекдосов от уничтожения всего этого заведения во время последнего восстания. Кос, несмотря на то, что он был сейчас не в форме, поймал себя на мысли о том, как трудно было отказаться от старых привычек.

- Ты скармливаешь людей ходячим мертвецам, - сказал Кос. – И демонам.

- Минуточку, демонам? – спросил призрак Борки.

- Я предоставляю место, где две культуры могут соприкоснуться друг с другом так, как они того захотят. Если достопочтенные члены гильдий Рекдос и Голгари желают кушать гуманоидов, а вышеуказанные гуманоиды желают дать им такую возможность, взамен на шанс уничтожить злодея-зомби из какого-нибудь чувства чести, гордости, или иного психического расстройства, тогда...

- Ну да, ты – столп общестственности, - сказал Кос. – Где этот Ив'г'норк?

- А вот тут есть еще одна сложность, - извиняющимся тоном произнес Пивлик. – Так вышло, что ты не единственный, кто хочет это знать, - сказал Пивлик. – Я сделал этому, второму просителю одно предложение, и он намерен принять его. Однако, я не могу гарантировать эту информацию вам обоим, так как, возможно, Ив'г'норк не выживет в случае победы второго просителя.

- И ты хочешь, чтобы я...

- Да.

- И он...

- Именно так.

- Скармлили себя каннибалу полу-демону-полу-зомби? – спросил Кос.

- Прощу тебя, не думай слишком долго. Наш друг Ив'г'норк голоден.

- Пивлик, мы с тобой так не договаривались, - сказал Кос с угрозой в каждом слове. – Должен быть другой путь. Если я выясню, что ты все знаешь, но не говоришь мне...

- Я уверяю тебя, что я действительно все знаю, - ответил имп. – Но я не могу быть первым, кто тебе это скажет. Я раньше никогда не отказывал тебе в помощи, друг мой, но есть некоторые клятвы, которые в конечном счете остаются клятвами. Если бы ты узнал эту информацию от меня, это бы означало мою смерть.

- Ты не шутишь, - сказал Кос. Это был не вопрос.

- О, да, - сказал Пивлик.

- Я беру это на себя, - сказала Пушок. – Думаю, я понимаю, как это работает. Я принимаю дуэль, и этот Ив'г'норк сражается со мной. Так или иначе, я выужу из него информацию.

- Нет, боюсь, я не могу допустить этого, - сказал бес. – Воджек, это одно, раз уж он меня оскорбил, но развязанный ангел в ямах – это будет крах «У Пивличино», да?

- Кос, ты был ранен, - сказала Пушок. – Ты не сможешь этого сделать. Кроме того, бес, я *связана*. – Ангел приоткрыла край накидки, показывая Пивлику серебряные оковы, прижимающие ее скрепленные крылья к спине.

- Это еще хуже, - сказал Пивлик. – Твое состояние и положение в Лиге довольно известно. С тем же успехом ты могла бы носить на себе вывеску, гласящую, что Пивлик заодно с воджеками.

- К слову, - сказал призрак Борки.

- Да? – сказал Пивлик.

- Насколько он голоден?

- Ив'г'норк? Достаточно голоден, как минимум для двух блюд. Вы двое как раз подойдете по весовым параметрам, - сказал Пивлик. – Выйдете ли вы *оба* из ям с этой информацией, зависит от вас.

- И от Ив'г'норка, я бы сказал.

- Рекдос опьянен до предела, - сказал Пивлик. – Специальная домашняя настойка, которую я сделал сам. Если у вас двоих хватит мозгов не поубивать друг друга, вам обоим удастся достать из него нужную вам информацию.

- А тебе что с этого, Пивлик? – спросил Кос. – С чего вдруг такая осторожность?

- Очень просто. Если победит Ив'г'норк, я потеряю двух клиентов. Если Ив'г'норк, при этом, войдет в состояние кровавой ярости, как это часто бывает с его сородичами, Я, вероятно, потеряю и часть «У Пивличино». Если победите вы, все три мои клиента выживут, как и моя мебель.

- погоди, - сказал он. – Перед тем, как я соглашусь на это...

- Желаешь аппитайзер? – сказал Пивлик. – Я могу позвать официанта с подносом, но я бы не рекомендовал заходить в ямы ранее, чем через час после приема пищи. И время дорого, друг мой.

- Нет, я не про это, - сказал Кос. – Я еще кое о чем просил в послании.

- Пропадшая ледев, да, - сказал Пивлик. – Я пока не уверен. Я, возможно, смогу тебе сказать больше позднее, когда получу сведения от одного из моих осведомителей.

- Если я выживу, - сказал Кос.

- Если ты выживешь, - согласился бес.

- Ради всего святого, Кос, - сказал призрак Борки. – даже не думай о том, чтобы погибнуть.

- Борка, заткнись, - сказал Кос, но затем пристально посмотрел на привидение. – Нет, погоди... не затыкайся. Ты идешь со мной. Ты ведь должен, верно?

- Кос, ты снова разговариваешь сам с собой, - сказала Пушок.

- Да, думаю, мне придется, - ответил призрак.

- Хорошо, - сказал Кос. – Тогда сделай мне одолжение – присматривай за «вторым просителем», ладно? – Он оттолкнулся от стола и встал, повернувшись к бесу.

- Ладно, - сказал Кос, - пора сражаться с моими демонами.

- Полу-демонами, - поправил его бес. – Или, в данном случае, одним полу-демоном. Но одного будет более чем достаточно.

* * * * *

Полчаса спустя, «У Пивличино» превратился из переполненного ресторана в нечто, более похожего на гладиаторскую арену – по крайней мере, из коридора, ведущего в кормовую яму, он звучал именно так. Глухой рев разговоров стал громче и за пределами железных ворот, ведущих в яму, шум эхом отражался от стен, словно штормовые волны в огромном резервуаре.

Кос позволил гоблину, одному из работников Пивлика, подтянуть его взятые займы доспехи.

- Не густо, - сказал гоблин. – И того, у тебя есть нагрудник, нарукавники и шлем. Должно хватить времени на молитву перед смертью. Хотя, ведь грядет великая Конвокация, хм? Смотри на светлую сторону - не придется долго ждать.

- Ждать? – спросил Кос. Его мысли носились с бешеной скоростью. Кто был этим «вторым просителем»? Кто еще мог настолько хотеть узнать о том, кто купил того гоблина, чтобы решиться на это? Кос не мог поверить в то, что он *сам* на это решился.

- Конвокации, все эти приведения, - сказал гоблин. – Они все отправятся обратно, к природе. Поэтому, когда Ив'г'норк тебя съест, долго ждать не придется, хм?

- Конечно, - не слушая его, сказал Кос. О Декамиллениуме и Конвокации Селезнии он думал меньше всего, за исключением того, что они были постоянным напоминанием ему о том, что он уже потерял три дня, которые мог бы использовать для поисков Фонн, или Фонн Зюник, или как бы ее сейчас не звали. Он мог бы допросить всех свидетелей, обыскать место происшествия, заниматься настоящей 'джековской работой. А сейчас он был вынужден прийти к Пивлику, что никогда не было его первым шагом. В любом нормальном расследовании, Пивлик был тем, к кому нужно было обращаться в случае, когда следы уже остыли, хотя бы потому, что бес просто никогда, ни о чем бы не давал официальных показаний. Не мог бы и не стал бы этого делать. Пивлик на самом деле никогда его не подводил, но все когда-нибудь случается в первый раз.

- Тебе надо расслабиться, - говорил гоблин. – Все когда-нибудь поправится. Не представляю, как тебе перепало такое счастье. Проспорил что-то?

- Давай-ка, поторапливайся и заканчивай уже.

В таком же коридоре, по другую сторону круглой арены, не далеко от Коса, виднелся Ив'г'норк. С позиции Коса не было видно краев стен, окружавших небольшую арену, но черные камни - цвет специально подобранный, как однажды признался Пивлик, для того, чтобы было легче скрыть кровавые пятна - возвышались вокруг, словно это была одна из городских башен. Кос никогда не смотрел на эти стены с этого ракурса. И это была еще одна из *малых* кормовых ям.

Работорговец, может, и был всего наполовину демоном, но другая его половина, вполне могла тоже быть демонической. Громадное существо стояло, нагнувшись, ожидая, когда Пивлик ударит в обеденный гонг, но Кос смог прикинуть, что полный рост чудовища едва ли не вдвое превышал человеческий. Четыре бараньих рога окаймляли его жуткую морду, больше напоминавшую череп, чем лицо. Два одинаковых ряда костяных шипов проходили от локтей до его лысого, исполосованного шрамами затылка. Кроме

пары открытых мест в суставах, практически все тело Ив'г'норка было покрыто окаменелой чешуей с невероятно острыми краями.

Второго просителя видно не было, но это не надолго, надеялся Кос. Он выслал лазутчика для изучения своего соперника.

- Борка, - сказал Кос, когда призрак его второго погибшего напарника выплыл из стены коридора. – Есть что-нибудь?

- Ты с кем разговариваешь, хм? – спросил гоблин.

- Ни с кем, - сказал Кос и махнул рукой Борке, чтобы тот продолжал.

- Ну, я выяснил, насколько далеко я могу от тебя отлететь, - сказал призрак. – Больше ничего. Я его не нашел. Это раздражает. Может, эктомант мог бы что-нибудь сделать, чтобы увеличить мое допустимое расстояние отлета от тебя. Не хочешь сходить в Оржовский квартал?

- Сейчас? – сказал Кос.

- Еще нет, - ответил гоблин, решив, что обращаются к нему. – Нужно дождаться гонга.

- Да, сейчас, - сказал призрак. – Ты идешь на верную смерть. Может, я не смог найти второго парня, но я четко вижу вон того *монстра*. Что ты собрался доказать?

- Нет уж, - сказал Кос. – Никуда я не пойду.

- Не пойдешь? – сказал гоблин. – Приятель, уже слишком поздно отступить, хм?

- Нет, я... слушай, доспехи надеты. Иди, подбодри кого-нибудь другого. Приятель.

Гоблин поднял обе руки и отошел от Коса с подчеркнутой осторожностью.

- Ладно, просто пытался поговорить со смертником. Видишь, к чему это привело Груто, хм? Если сможешь, постарайся отстегнуть часть доспеха до того, как он тебя съест. Надеюсь, Ив'г'норк тобой подавится. – Груто махнул Косу рукой и оттащил тяжелую деревянную дверь ровно на столько, что протиснуть свое миниатюрное тело сквозь образовавшуюся щель. Дверь закрылась с глухим стуком, эхом прокатившимся в ревущей атмосфере гладиаторской арены.

- Ну же, Кос, - сказал Борка. – Знаешь, может быть, мое убийство вовсе и не нужно раскрывать. Должен же быть другой способ это сделать.

- Хотел бы я, чтобы он был, - сказал Кос. – Ты собираешься мне помогать или нет?

- Как будто у меня есть выбор, - сказал Борка. Через секунду, раздались три звонких, зловещих удара об огромный медный гонг, подвешенный к вершине башни «У Пивличино», заставив шумную толпу наверху умолкнуть. Затем, со скрежетом метала о каменную стену, ворота перед Косом поднялись синхронно с воротами, загораживавшими проход полу-демона. Кос сделал несколько осторожных шагов на покрытый решеткой пол арены.

- Посетители «У Пивличино», мы начинаем первую вечернюю дуэль в кормовых ямах, - прогремел по всему ресторану усиленный магией голос Пивлика. – Прошу вас обратить внимание на южный колодец! Будет ли могучий Ив'г'норк сегодня ужинать сразу двумя дуэлянтами? Или же он падет жертвой в своем поиске ускользающей утопии идеального пиршества? Давайте же это выясним!

Входят двое или более, но ест лишь один.

—Вывеска над воротами Кормовой Ямы №1 в ресторане «У Пивличино»

27 Зуун 9999 П.Д., Поздний вечер

Фонн наблюдала, как Пивлик с молотком в руках воспарил в воздух над кормовыми ямами и трижды ударил в подвешенный к потолку обеденный гонг. Он перепорхнул на край балкона, который, по всей видимости, был его персональным местом наблюдения, поскольку это был единственный пустой балкон из всех, которые были видны Фонн. Бес вынул из-за пояса какой-то предмет, что-то вроде трости, или жезла, и, приложив его ко рту, переключился в режим ведущего церемонии.

Фонн хотела встать со стула, чтобы лучше рассмотреть происходящее внизу, но подошедшая высокая, странно сгорбленная женщина в нелепой балахонистой накидке, остановила ее.

- Добрый вечер, - сказала женщина. Она положила руки, одетые в перчатки, на спинку пустого стула Джерада. – Это место занято?

- Что? – сказала Фонн. Она едва могла видеть, что происходило на дне ямы сквозь плотную толпу зрителей, окруживших перила. Судя по звукам, Джерад и второй не демонический боец были все еще живы, но с другой стороны, не было слышно, что дуэль уже началась.

- Я надеялась присоединиться к Вам, - ответила рыжеволосая женщина, и Фонн внимательно посмотрела на нее. Она была необычайно красива, с острыми чертами лица и глазами цвета золота.

- Я, в общем-то, занята, - сказала Фонн. – Мой друг там, внизу, сражается с демоном. – К собственному удивлению, она использовала слово «друг» не задумываясь. Что-то в этой женщине ее умиротворяло, и Фонн не была уверена, что именно это состояние ей нужно в данный момент. – Я хотела сказать, мой компаньон, - спешно поправила она себя, - который делает все, чтобы его там убили.

- Я полагаю, - сказала женщина, - что наши с Вами компаньоны, возможно, объединились в этом предприятии.

- Вот как, - сказала Фонн. – Я бы сказала, что это делает нас соперниками.

- Вы бы так сказали, - сказала женщина. - Вы говорите не как Девкарин.

- Вам какое до этого дело? – спросила Фонн.

Женщина указала рукой в сторону перил. – Прошу прощения, я не хотела Вас обидеть. К слову, думаю, мне удастся найти пару мест с лучшим видом на арену.

Дело было не столько в женщине, сколько в ее голосе, поняла Фонн, пробуждавшем в ней странное ощущение... расслабленности в начале разговора. Она была не обычным человеком. Мог ли тот червеобразный оборотень, с которым они столкнулись в нижнем городе, измениться настолько, чтобы превратиться в подобное существо? Она снова

взглянула на необычную женщину, и что-то в ее глазах заставило Фонн, не смотря ни на что, довериться ей. Она встала со стула и встала у перил, рядом с женщиной.

Фонн была настолько поражена видом второго дуэлянта, что она почти не заметила, как женщина зашла ей за спину, пока та с силой не прижала обе руки Фонн к ее бокам.

- Что Вы делаете? – вскрикнула Фонн. Но даже она сама едва слышала собственный голос в реве толпы. Она попыталась вывернуться из захвата женщины, кляня себя за то, что хоть на секунду доверилась ей. – Отпусти!

- Отпущу, - сказала женщина, наклонившись к самому уху Фонн, - когда узнаю, кто ты, и почему вы с твоим напарником интересуетесь взрывом на улице Жестянщиков.

- И что ты сделаешь, сбросишь меня в яму? – сказала Фонн.

- Возможно, - пел прекрасный и пугающий голос в ее ушах. – Но я бы предпочла услышать правду. Подозреваю, что твоему подопечному хотелось бы того же.

Фонн вывернулась достаточно, чтобы посмотреть высокой женщине в глаза, вспыхнувшие внутренним огнем.

- Мой подопечный? – спросила она. – Кто ты? Откуда ты это знаешь?

- Я не знала, но подозревала, - сказала женщина. – *Теперь* я знаю. Ты охранница ледев. Мы с моим компаньоном искали тебя.

- Кос, - сказала Фонн, бросив еще один взгляд на арену. – Твой компаньон - Агрус Кос. Но он воджек, а не наемный убийца.

- Уверяю тебя, я не наемница, - сказала женщина. – Я задам тебе пару вопросов. Попытаешься сбежать, я тебя поймаю.

* * * * *

Кос увидел второго просителя практически сразу же, и на мгновение совершенно забыл о полу-демоне. Вторым дуэлянтом был эльф Девкарин. Бледный и жилистый он вышел из своего коридора, словно кот, оценивая арену и противников. Косу показались знакомыми его движения. Эльф, должно быть, был охотником. На нем не было маски, а его запутанные дреды были связаны в хвост, но его стойку невозможно было ни с чем спутать.

Этот эльф был не простым охотником и, раз уж на то пошло, он не был и простым эльфом.

- Привет, 'джек, - сказал эльф. – Сколько там прошло, лет пятьдесят?

- Пятьдесят семь с небольшим, - сказал Кос. – Девкарин, я сказал тебе больше не появляться в городе.

- Я тут не при чем, - ответил эльф. – А тебе бы стоило пригнуться.

- Что? – спросил Кос, поворачиваясь в ту сторону, куда смотрел Девкарин. Он последовал совету эльфа на долю секунды позже, чтобы полностью избежать удара дубины Ив'г'норка, сбившей с его головы шлем, который со звоном ударился о стену арены. Воджек отшатнулся по ходу удара и устоял на ногах достаточно долго для того, чтобы вовремя отпрыгнуть в сторону от кулака, размером с булыжник, усыпанного костяными шипами.

- Стой на месте, человечиска, - прорычал полу-демон. Он хлестнул раздвоенным языком обнаженную кость своего черепа, на которой раньше держалась его верхняя губа -

еще совсем недавно, судя по ее внешнему виду. Ив'г'норк действительно очень проголодался в ожидании боя.

- Без проблем, - ответил Кос, не вставая с пола. Он перекатился на спину и заметил, как Девкарин бросился на вытянутую левую ногу работарговца, пока Ив'г'норк неуклюже поворачивался, чтобы одновременно удержать оборону от них обоих. Эльф ударил плечом по левому колену полу-демона на скорости, которая должна была разломить ногу Ив'г'норка пополам. Вместо этого, охотник врезался в демоническую конечность и обмяк, словно брошенная в него тряпичная кукла. Ив'г'норк лягнул ногой с поразительной ловкостью для существа, которое выглядело как минимум на восемьдесят процентов состоящего из кости, отбросив эльфа вверх. Охотник быстро пришел в себя и развернулся в воздухе, видимо, чтобы оттолкнуться ногами от стены арены, решил Кос, однако, эльф не оттолкнулся от стены, а вцепился в нее. «Хороший ход», подумал Кос. «Надеюсь, мне удастся этим воспользоваться».

Он поднял свой шлем, наполовину расплющенный и уже непригодный для защиты, и швырнул его в шипастый затылок полу-демона. Шлем попал в цель под нужным углом, сбил несколько шипов на черепе и привлек внимание Ив'г'норка.

- Оставайся там, эльф, - прорычал работарговец, и повернулся к Косу. Ив'г'норк махнул своей дубиной над головой Коса, но удар получился неуклюжий, и 'джек без труда уклонился от него.

- Я попал больше, чем рассчитывал, да? – сказал Кос.

- Ты не стоишь моих усилий. Ни один из вас, - прошипел полу-демон. – Но еда, есть еда.

- Шипы, - сказал Борка, заслоняя поле зрения Коса. – Все дело в шипах. Ты оглушил его!

- Я знаю. Уйди с дороги!

- Ты с кем разговариваешь, человечиска?

- Борка, если меня кто-нибудь об этом спросит еще раз, я тебя зажарю заземлителем, - сказал Кос.

- Ты этого не сделаешь, - фыркнул призрак, - к тому же, не думаю, что на меня он подействует, и не думаю, что ты прихватил хоть один заземлитель на пути из лазарета.

- Плевать, я...

- Ты будешь драться или болтать со мной?

Борка отлетел в сторону, и Кос заметил, что Девкарин, словно паук, залез еще выше по стене. Эльф прыгнул на наступающего Ив'г'норка и схватил голову полу-демона за верхние рога. Он потянул их на себя изо всех сил, мышцы натянулись под его бледной кожей, и ему удалось повернуть голову работарговца назад и заставить его остановиться.

- 'Джек, сделай что-нибудь! – крикнул эльф, - долго я его сдерживать... уфф... не смогу!

Кос уже держал в руке свой короткий меч. Сейчас бы он все отдал за жезлы, которые им пришлось оставить в участке во избежание активации сигнализационных заклинаний. Он бы с огромным удовольствием сейчас использовал всю мощь заряда исполнительной власти. Вместо этого, он попытался проманеврировать на достаточно близкое расстояние, чтобы нанести ощутимые повреждения полу-демону, и при этом, не быть раздавленным дубиной Ив'г'норка. Он сделал ложный выпад вправо, и Ив'г'норк неуклюже ударил об пол своим оружием, которое мало чем отличалось от огромного обтесанного бревна. Дубина треснула от удара о камни и раскололась до половины. Эльф перепрыгнул голову

полу-демона, когда дубина ударила о камни, но его прыжок был не достаточно быстрым, чтобы избежать столкновения со стеной арены. Девкарин скатился по стене и встал на ноги.

- Ухты, - сказал Борка, - Надеюсь, тебе потом не придется с ним сражаться. Ты по нему даже не попадешь.

- Заткнись, - сказал Кос.

Удар работорговца открыл его левый бок, и Кос нанес резкий, но бесполезный удар мечем, который мог бы дать шанс эльфу попробовать что-нибудь еще. Костные пластины полу-демона выглядели сросшимися, и Кос подозревал, что ему никак не удастся вонзить лезвие меча между ними. Он оказался прав.

Меч Коса со скрежетом отскочил от естественной брони работорговца, отбросив руку 'джека назад и вверх, но кончик лезвия попал во что-то мягкое - в левую подмышку Ив'г'норка, где кости разделялись, чтобы обеспечить движение его руки - и Кос позволил инерции вонзить оружие в плечевой сустав работорговца. Лезвие проломило более хрупкий эндоскелет полу-демона, объясняющий, как это существо могло двигаться с такой скоростью. Он не был полым, но пластины, очевидно, защищали его не просто так.

Ив'г'норк взвыл от боли. Он отпрянул назад и вывернул меч Коса из своего окровавленного плеча. Одна его массивная костяная рука теперь бесполезно болталась из стороны в сторону, пока обезумевший от агонии полу-демон молотил расколотой дубиной во все стороны, заставляя Коса и Девкарину отпрыгивать назад и уклоняться от хаотичных ударов. Теперь, единственный способ вернуть меч 'джека был - разрезать полу-демона пополам.

- Во имя Легиона! - воскликнул Борка. - Это ты сделал?

- Да, думаю, я это сделал, - сказал Кос.

- Что сделал? - спросил Девкарин, подходя к 'джеку и наблюдая за молотилкой полу-демона. - Потерял свой меч?

- Я ранил его, - сказал Кос. - Тебя он вообще о стену швырнул.

- Возьми что-нибудь в руки, - сказал Борка. - Он отходит от первоначального шока, и думаю, он...

- Разозлился? - спросил Кос.

- Разъярен, - поправил его Борка.

- Нет, - сказал эльф, - но я начинаю думать, что возможно ты спятил, воджек.

Ив'г'норк заорал и в ярости швырнул остатки треснувшей дубины о стену.

- Это должно слегка уравнивать шансы, - сказал Кос, но полу-демон поправил его суждение в тот же миг, ударив Джерада наотмашь тыльной стороной руки. Эльф рухнул на пол арены и прокатился по каменной кладке, пока не обмяк, ударившись об основание стены. Полу-демон зарычал, подошел к оглушенному эльфу, и сжал костяной рукой горло Джерада. Он поднял эльфа высоко в воздух и потряс им перед толпой, вызвав у нее взрыв одобрительного рева.

Эльф состоял из плоти и костей, и если бы Кос ничего не предпринял, он никогда бы уже не узнал, почему из всех эльфов, именно этот искал ту же информацию, что и он сам. С единственной действующей рукой занятой эльфом, Ив'г'норк самонадеянно открылся Косу, которого он считал наименьшей угрозой. Это его предположение нуждалось в коррекции.

У Коса уже не было меча, но по всей арене были разбросаны отколотые куски дубины работорговца.

- Вот этот подойдет, - сказал призрак Борки. Он подлетел к осколку бревна, которое вполне сошло бы за неплохое копьё, если бы противник не был покрыт костяными наростами. Тем не менее, осколок был острый и тяжелый... при удачном броске, его можно было бы вонзить в глаз полу-демона, но тогда бы он снова вернулся к изначальной точке и лишился бы последней зацепки в раскрытии дела.

Жадная до чужой крови толпа взревела опять. Они настаивали, чтобы Ив'г'норк прикончил эльфа и предлагали множество различных ужасных способов это сделать, на языках и диалектах со всех уголков Равники. Эльф попытался оттянуть огромный палец, сжимавший его горло.

Работорговец держал эльфа сверху, на вытянутой руке и Кос увидел, что полу-демон по дурости своей, снова отрыл, на этот раз, правую подмышку. Что ж, один раз это сработало...

- Эй, Игги! – крикнул Кос. – Лови! – Он метнул самодельное копьё вверх, и оно полетело точно в цель... и попало бы, если бы Ив'г'норк не обернулся на крик Коса. Оружие воджека отскочило от груди работорговца, не причинив ему никакого вреда. Все еще удерживая эльфа, полу-демон принялся за Коса. Девкарин уже не пытался сражаться, но его шея не выглядела сломанной. Возможно, он потерял сознание.

- Ой-ой, - сказал Кос.

- Да, в следующий раз не надо сначала орать, - сказал Борка.

- Тебе следует научиться терпению и ждать своей очереди, человек, - прогремел полу-демон. - Ив'г'норка хватит на всех. Спроси хоть этого дурака. – Работорговец поднес эльфа к раскрытой пасти. – Теперь жди своей очереди, пока я наслажусь первым блюдом.

- Не стоило тебе подпускать меня так близко, - услышал Кос, как сквозь зубы прошипел эльф. Девкарин, очевидно, в полном сознании, прижал руку ко лбу полу-демона. С полдюжины крошечных черных силуэтов - насекомых? - промчались по руке эльфа и прыгнули на лицо Ив'г'норка.

- Что? – прорычал работорговец перед тем, как от удивления выронить Девкарина на пол. Полу-демон пошатнулся назад, хлеща себя рукой по лицу. Жуки, или что бы это ни было, не стояли на месте и не ждали, когда их расплющат. Двое из них разбежались по бокам и исчезли в едва заметных ушных раковинах Ив'г'норка. Еще пара исчезла в глубоких глазницах полу-демона, а остальные вползли в его раскрытую, безмолвную пасть.

Кос помог эльфу встать на ноги.

- Спроси его, как он это сделал, - сказал Борка. Кос бросил в его сторону злобный взгляд, и призрак поднял руки вверх. – Ладно, я буду просто наблюдать. Напарник.

- Что ты с ним сделал? – спросил Кос, указывая на Ив'г'норка. Работорговец сжимал рукой лицо, и мотал головой из стороны в сторону, пока полностью не потерял равновесие, и не рухнул с треском на спину.

- Забрал у него равновесие, - сказал эльф. – И зрение. У нас есть около трех минут, пока остальные не сожрут его сердце.

- И это все жуками? – спросил Борка.

- Как? – сказал Кос.

- Я неплохо лажу с определенными существами, - ответил Девкарин. – Спроси меня об этом позже. Слишком долго объяснять, а работорговец вот-вот умрет. Просто послушай и поверь мне – мы хотим одного и того же, и, судя по тому, как ты одет, твоя

лига тебе не особо помогает в этом деле. Давай вместе вытащим информацию из этого парня. В противном случае, никто из нас ее не получит. Потом, если будет нужно, будем драться.

- Ты можешь остановить жуков до того, как они его убьют? – сказал Кос. – Три минуты, это не много.

- Возможно, если он будет отвечать быстро и у меня будет хоть какая-то причина оставить его в живых после того, как он расскажет нам то, что знает. Даже в этом случае, он умрет от внезапной остановки сердца в течение года. Жуки уже добрались до его левого желудочка.

- Но сделать это ты можешь, - сказал Кос. – Нам это может пригодиться. Ты не против, если я буду вести беседу? – Он пригнулся, чтобы уклониться от полу-съеденного дин-дина, который лопнул о каменный пол и окатил их липкими фруктовыми ошметками. Девкарин кивнул.

- Отлично. Подыгрывай мне.

* * * * *

- Ты говоришь правду, - сказала высокая женщина. – Это я вижу. Я верю, что ты не причастна к взрыву, но мой компаньон захочет задать тебе пару вопросов.

- Ты не человек, верно? – сказала Фонн. – Ты что-то вроде... что-то типа ангела?

- Да, я не человек. У тебя хорошие дедуктивные навыки, - ответила ангел, ослабляя хватку на руках полу-эльфийки.

- Нет, думаю, все дело в твоих глазах, - сказала Фонн. – Они тебя выдают полностью.

- Ты бы не могла объяснить свои слова?

- Они золотые, ты ведь знаешь об этом? И эта накидка, она ведь не...

- Предыдущие слова. Откуда ты знаешь Агруса Коса?

Несколько секунд Фонн пыталась отдышаться. Вид Коса в этой яме - это явно был он, сильно постаревший, но люди стареют гораздо быстрее, чем те, в ком течет эльфийская кровь - шокировал ее больше, чем хватка ангела. Она не видела его с тех пор, когда она была еще ребенком, но даже тогда она с ним ни о чем не разговаривала. Ее мать указала ей на него, перед тем, как они покинули столицу, когда погиб отец Фонн. Мама сказала, что Кос был причиной падения и смерти Микзила Зюника, и его лицо навсегда отпечаталось в ее памяти.

Спустя много лет, материалы из воджековских дел рассказали ей то, чего не рассказала мать. Фонн не была уверена, что все поняла - или поверила тому, что было написано в архивных делах - но ей пришлось пересмотреть свою старую ненависть.

- Извини, я... я никогда раньше не встречала ангелов, - выдавила она из себя наконец. – А Кос... он был напарником моего отца. Мой отец был воджеком, как, полагаю, и ты. Мой отец погиб. – Фонн взмахом головы откинула капюшон. – Я очень давно его не видела. Так, что, Кос работает над этим делом?

- Можно сказать и так, - сказала ангел.

- Хорошо, тогда я могу вернуться в участок Лиги с вами и все разузнать, - сказала Фонн. – Вы наверняка уже что-то выяснили. Я три дня только и делала, что пыталась выбраться на поверхность.

- На данный момент, мы с Косом работаем вне юрисдикции воджеков, - сказала ангел. Она со стыдом опустила глаза, и Фонн представила, на сколько это было невыносимо для ангела, самого воплощения правосудия, «работать вне юрисдикции воджеков», что, по сути, в столице считалось самосудом, насколько понимала Фонн.

- Что это значит?

- Воджековское расследование зашло в тупик, - признала ангел, - и лейтенант принял решение провести собственное расследование. Думаю, я должна сказать тебе, что он был ранен в результате взрыва, но когда он узнал, что в деле замешена ты...

Значит, Кос все еще чувствовал какую-то ответственность, или вину. Возможно, и то, и другое. Фонн усилием воли не позволила старой ненависти всплыть на поверхность.

- Что ж, вы меня нашли, - сказала Фонн. – Но если вы не отведете меня в участок, что вы собираетесь делать? – она сомневалась, что сможет одолеть ангела, однако, выход из ресторана был не далеко.

- Мы ищем одну и ту же информацию, - продолжала ангел. – Тем не менее, мы - Кос и я - не располагаем достаточными ресурсами в связи с... внутренними конфликтами между отделами Лиги. Возможно, нам нет смысла действовать наперекор друг другу.

Фонн моргнула от удивления. Ее опыт и сознание говорили, что ей нужно сейчас же уйти. Она ничем, по сути, не была обязана Джераду, и теперь, когда она была за пределами нижнего города, она уже должна была доложить о себе в Виту Гази или, по крайней мере, на ближайшем посту ледев.

Но там, внизу, был Кос, по всей видимости, рискующий остатками карьеры, и собственной жизнью, для того, чтобы выяснить, кто убил ее подопечного. Если она сейчас вернется к Древу Единства, менее чем за день до Конвокации, ее не допросят еще с неделю, если другие ледев вообще не заключат ее под стражу за провал охранной миссии. Ангел, Кос и Джерад, похоже, были ее лучшей возможностью добраться до истоков взрыва.

- Хорошо, - сказала Фонн. – Я с вами, ангел!

- Прощу тебя, зови меня Пушок.

- Ты шутишь.

- Боюсь, что нет.

* * * * *

Ив'г'норк заорал, и хор ревушего одобрения начал постепенно сменяться криками удивления, шока, ярости, и периодическим хриплым смехом. Буханка хлеба отскочила от затылка Коса, и какой-то фрукт разлетелся, ударившись о левое плечо эльфа. Некоторые из собравшихся зрителей, похоже, были довольны увидеть, что здоровяка уложили так быстро, некоторым хотелось более долгого сражения, но подавляющее большинство было настроено так, что, казалось, вот-вот начнется сезон охоты на охотников Девкарин и отстраненных 'джеков.

Равномерный дождь из еды усиливался и становился все более пахучим, когда они подошли к Ив'г'норку, извивающемуся на полу арены. Одна из двух рук полу-демона уже не действовала, и сила быстро покидала остальные органы его тела, поскольку ручные насекомые Девкарина пожирали мускулы, накачивавшие кровь в его жилы.

- Работорговец, - сказал Кос, стараясь подойти к нему слева, с той стороны, где лежала обездвиженная рука полу-демона. - Тут вот, эльф говорит, что ты умираешь, и держу пари, ты это чувствуешь и сам. - Кос поставил тяжелый сапог на раненое плечо Ив'г'норка, и нагнулся, чтобы ухватить рукоятку торчащего в нем меча. Он вытащил его, провернув так, что полу-демон заорал еще сильнее. - А я думаю, тебе стоит еще немного пожить. Мы ведь только начали веселиться. - Кос пнул работорговца ногой один раз в подмышку, затем еще раз, и еще. - Мы хотим поговорить с тобой о сделке, которую ты недавно провел. После этого, я дам тебе выбор - жуки перестанут тебя есть, или продолжат. А если ты не скажешь мне то, что я хочу, выбора у тебя не будет. Но я уверяю тебя, я сделаю твою смерть мучительно очень медленной.

Ресторан вдруг погрузился в жуткую тишину.

- Кос? - сказал призрак Борки. - Что-то происходит.

Кос проигнорировал его. Он наступил еще раз на раненое плечо работорговца одной ногой и наклонился так близко, как только смел к страшному лицу Ив'г'норка.

- Ты кому-то продал гоба-с-бомбой. Этот кто-то послал твоего гоба-с-бомбой на людный рынок, - удар ногой. - В моем городе. - Пинок. - И взорвал, - еще пинок, - много, - тяжелый удар ногой. - Людей!

- Кос, правда, тебе бы...

- Заткнись, Борка, - прошептал Кос.

- Он не собирается тебе отвечать, - сказал эльф. - Он планирует отомстить. Правда же, Ив'г'норк?

Полу-демон взвыл, его рабочая рука лениво шлепнулась ему на грудь, словно он мог выковырять точащих его изнутри насекомых своими пальцами.

- Я найду твой призрак, человек, - прохрипело чудище. - Ты заплатишь за это вечной огненной пыткой. Я буду свежевать твою душу вечно.

- Я могу сделать так, что это никогда не произойдет, работорговец, - сказал Девкарин. - Знаешь, те жучки, у тебя в груди, от одной моей мысли, перестанут тебя есть и начнут тебя жалить. Их яд медленно омертвит тебя изнутри. Ты не умрешь до конца, полу-демон, и никогда не получишь свою месть.

- Ты, - выдавил из себя работорговец, - блефуешь. Ты всего лишь охотник.

- Моя сестра - матка, - сказал эльф. - Ты глупец, если думаешь, что знаешь все, о том, что могут, и чего не могут Девкарины.

Кос не знал, блефует ли эльф, но Ив'г'норк заскулил, а затем начал кричать.

- Информация, - сказал Девкарин и поднял руки над мордой Ив'г'норка, - и ты сможешь выбрать жизнь или смерть. Нет информации - нет выбора. И нет ни жизни, ни смерти.

- Ублюдок, - практически заныл полу-демон. - Это был один из них. И мне плевать, поверите вы или нет, это правда. Теперь вытаскивайте их из меня. Я труп в любом случае, что бы вы ни сделали. Но я никогда не стану ходячим мертвецом.

- Из них? - сказал Кос. - Кто они?

- Кос, ты можешь меня послушать? - сказал Борка.

Работорговец вяло поднял рабочую руку и указал за плечо Коса.

- Они, - сказал он.

Кос посмотрел через плечо, не убирая ногу с плеча полу-демона. В огромном панорамном окне, с видом на каньон, которое Пивлик установил за огромные деньги - как он часто напоминал Косу - виднелись девять безликих белых фигур. Они висели в воздухе, словно подвешенные за невидимые нити, паря, ожидая. Но чего?

- Откуда они взялись? – спросил Девкарин.

- Я не знаю, - все, что нашел сказать Кос.

- Я пытался тебе сказать, - сказал Борка.

- Да, да, это был один из них, - повторил Ив'г'норк.- Один из этих безликих.

Кроме случаев вопиющего злоупотребления полномочиями (установленными старшим по рангу), ни один офицер воджеков не может быть признан лично ответственным за ущерб имуществу, нанесенный в ходе любого оперативного расследования.

—Офицерский устав Воджеков

27 Зуун 9999 П.Д., Еще более поздний вечер

Внимание Фонн было настолько приковано к кормовым ямам, что она не обратила внимания на фигуры в белых мантиях, поднявшиеся из Григорьева Каньона и парящие в воздухе за гигантским, витражным панорамным окном ресторана, пока они не проникли внутрь. Безликие вошли в «У Пивличино» грубым путем, сквозь град осколков разбитого оконного стекла. Их было не много, но много и не потребовалось.

Фонн онемела, потрясенная увиденным. Безликие были слугами Конклава Селезнии, а слуги Конклава не имели обыкновения штурмом врываться в рестораны, подобно Рекдосовским головорезам.

Хаос быстро поглотил ресторан «У Пивличино». Безликие разделились на три группы по три, и разлетелись по залу. Вспыльчивые клиенты «У Пивличино» были захвачены врасплох слугами Селезнии в белых мантиях, которые ввязывались в неожиданно жестокую рукопашную драку с каждым посетителем, оказавшимся на их пути. Фонн никогда прежде не видела ничего подобного. Вид безликих всегда наполнял ее радостью, поскольку их присутствие означало, что конклав Селезнии был рядом... их теперешнее поведение было слишком невероятным, чтобы ее мозг мог его принять.

- Это безумие, - прошептала Фонн.

- Да, это необычно, - сказала Пушок и пригнулась, уклоняясь от летящего огра, которого швырнул один из безликих с другого конца зала, как будто тот вообще ничего не весил. Огр врезался в столик позади них, вывернув недавно поданный ужин на группу Груульских жрецов, выглядевших не слишком довольными его прилету.

- Конвокация приближается, - сказала Пушок. – Возможно, они здесь для того, чтобы обратить побольше людей в свою веру?

- Мне нужно выбраться отсюда, - сказала Фонн. – Я должна доложить Конклаву Селезнии о том, что здесь происходит.

- Посмотри вокруг. С чего ты взяла, что они этого еще не знают? – сказал Джерад, перебираясь через перила. Он нагнулся вниз и втащил за собой Коса, после чего помахал рукой вниз, на дно ямы. – Спасибо, что посадил, И'г.

- Сожри кого-нибудь из них за нас, - добавил Кос.

- Не сомневайтесь, - прогремел внизу демонический голос. – И если кто-нибудь из вас когда-нибудь ступит в Адовудыру, я живо сдеру с вас кожу и сожру ваши кишки.

- И тебе того же, - сказал Кос через плечо.

- Лейтенант, - сказала Пушок. – Я рада, что ты выжил. Предлагаю поторопиться на выход.

- И куда мы... - старый 'джек впервые заметил того, кто стоял рядом с ангелом. – Кто это? Это не Девкарин. Джерад, кто это?

- Это наша пропавшая охранница ледев, - ответила Пушок.

Кос на долю секунду потупил взгляд, достаточно, чтобы Фонн поняла, что воджек не хотел смотреть ей в глаза. Он коротко кивнул ей, - Привет, - сказал он. – Я... знал твоего отца.

- Я помню, - сказала Фонн. – Привет, Кос. – Фонн решила, это было лучше, чем если бы она сказала ему то, что она на самом деле думала.

- Ледев, - рявкнул Джерад, - какая муха укусила этих служителей жизни?

- Я не знаю! Я ничего не понимаю с того момента, как взорвался гоблин, - сказала Фонн. – Весь мир сошел с ума. Но если они здесь, значит, для этого есть весомые причины.

- Разберемся. Но к выяснению причин нам придется вернуться попозже, - сказал Кос. – Мы получили то, что нам нужно, но, похоже, что путь к выходу перекрыт. Кто-нибудь знает, как отсюда выбраться?

- Мы? – сказал Джерад. – Нет никаких «мы», 'джек.

- Джерад, нам нужна любая помощь, - сказала Фонн. – Они воджеки. Ты можешь им доверять.

- Это *ты* можешь им доверять, - сказал Джерад.

- Можем поспорить об этом позже, - сказал Кос. – Кто-нибудь видит хоть какой-то свободный выход отсюда?

- Справедливый вопрос, друг мой, - сказал Пивлик, спикировав вниз на перила. Он поднял руку и вытащил из-за пояса свой усилитель голоса. – Возможно, у меня есть ответ. Одну секундочку. – Бес поднес узкий жезл к губам.

- Уважаемые посетители «У Пивличино», к сожалению, мы вынуждены сообщить вам о том, что сегодня мы закрываемся раньше обычного. Руководство ресторана рекомендует всем клиентам освободить помещение как можно скорее. Все работники заведения с этого момента отправляются на больничный отпуск. Спасибо, что выбрали «У Пивличино». – Пивлик убрал жезл в свою жилетку и повернулся к Косу.

- Возможно, мне стоит предложить вам всем прокатиться отсюда? Думаю, мне нужно повидаться со своими страховыми агентами и, похоже, экстренный выход, это то, что нам сейчас нужно.

- Есть одна проблема, - сказала Фонн. – Мой волк находится в твоей конюшне.

- Я взял на себя вольность послать одного из моих людей за ним, - сказал Пивлик. – Он будет ждать нас на крыше. Следуйте за мной.

* * * * *

Перепрыгивая через ступени, они бежали вверх по одному и десятков, по словам Пивлика, скрытых лестничных колодцев, ведущему на крышу «У Пивличино». Эти лестницы, как объяснил бес, были созданы, конечно же, для сотрудников заведения. Ему они были не нужны. В данный момент, Кос был рад любому выходу из бойни в ресторане. За всю свою 110-ти летнюю жизнь, он ни разу не видел, что бы безликие вели себя таким образом. Фонн была права. Это было полнейшее безумие.

Они добежали до конца лестницы всего за пару минут. Пивлик ритмично простучал невидимую комбинацию на двери, и с шипением сломанной печати она распахнулась наружу.

Крыша была точно окружена со всех сторон неподвижными, парящими силуэтами еще двенадцати безликих. Должно быть это было подкрепление, понял Кос, поскольку их мантии все еще были белоснежными. Без каких-либо следов крови.

- Чего они ждут? – спросил Борка, и его вопрос эхом отразился в шепоте Фонн.

- Я не знаю, - сказал Пивлик, - но давайте не будем выяснять это раньше времени. – Он указал на продолговатую позолоченную прогулочную дирижабу.

Дирижаба – была живым воздушным кораблем, этот гигантский вид земноводных, в дикой природе их высокогорного ареала обитания мог вырастать до невероятных размеров. Более мелкая, прирученная жаба Пивлика была выведена специально для высоких скоростей. Пузырчатые пассажирские отсеки, закрепленные по ее флангам, были гладкими и аэродинамичными, над кабиной, расположенной в ее хрящевом черепе, была установлена пара искусственных стабилизационных плавников, а на задник плавниках дирижабы была установлена пара Иззетских реактивных двигателей на мановом топливе. На длинной части хвостового плавника была изображена эмблема гильдии Оржов. Рядом с открытым трапом, ведущим в пассажирские отсеки, сидел волк, величиной в верблюда.

- Бираказир! – позвала его Фонн.

- Нет, не надо... - сказал Кос, но было уже поздно. Волк бросился к Фонн и безликие, равнодушно висящие вокруг крыши до сих пор, очнулись.

- Бираказир, не трогай их! – крикнула Фонн. – Это должно быть, какая-то ошибка.

- Не трогай их? – переспросил Кос. – Они убивают людей!

- Но это, наверное... - начала Фонн.

- Бежим! – крикнула Пушок, и Кос услышал боль сожаления в ее голосе. Он знал, что она жаждала остановиться и сразиться с этими загадочными, безмолвными нападающими - битва была естественным состоянием для ангела - но у них не было шансов, невзирая на то, что там себе думала Фонн. Что-то произошло с этими безликими, и они больше не были просто душами конклава.

Или все еще *были*, а весь конклав Селезнии превратился в маньяков-убийц.

Они почти пробежали половину расстояния, когда их достиг первый безликий. Он спикировал вниз, проходя сквозь воздух также легко, как ныряльщик прорезает водную гладь, и едва не схватил Пивлика за крылья. Кос услышал хруст от столкновения другого безликого с кулаком Пушка, но не обернулся, чтобы посмотреть.

Бираказир, если Кос правильно услышал имя волка, не увиливал от драки, он поймал пастью ногу одного из нападавших и отшвырнул его в другого безликого. Это было не много, но достаточно, что бы замедлить преследователей на пару секунд, и было на много больше того, что мог бы сделать Кос в одиночку.

Они добежали до дирижабы, преследуемые настигающими их безликими. Пивлик, к удивлению Коса, остановился у входа и взмахом руки позвал их внутрь. Он никогда не казался Косу тем, кто бы захлопнул за собой дверь, но все случается в первый раз.

Кос с летящим за ним Боркой последним вскочил в пассажирский отсек. Он повернулся к Пивлику.

- Мы внутри. Давай! – крикнул Кос.

- Секундочку, - сказал бес. Еще девятеро безликих в перепачканных кровью мантиях взмыли из-за краев здания, по-видимому, либо, покончив с «У Пивличино», либо решив, что дирижаба была куда более интересной мишенью.

- Чего ты ждешь? Их становится больше! – крикнула Фонн.

- Я жду его, - сказал бес, указывая на небольшой силуэт, мелькающий между приближающимися фигурами в белых мантиях. Косу потребовалась секунда, чтобы понять, что он смотрит на птицу, более того, на знакомую птицу – почтового сокола, по имени Джит, прикрепленного к Десятому участку Лиги, если он правильно распознал клеймо. Сокол подлетел прямо к Косу и беззвучно приземлился ему на левое плечо. Пивлик вскочил внутрь, вслед за соколом и Кос захлопнул засов за мгновение до того, как первая группа безликих настигла их. Раздался тяжелый удар, и в мягком металле двери образовалась круглая выпуклость, размером с человеческую голову.

- Пушок! Ты можешь поднять эту штуковину в воздух?

- Думаю, могу, - отозвалась ангел из кабины, - хотя, помощь ее владельца не помешала бы.

- Прошу тебя, начинай, - крикнул Кос. Он повернулся к соколу, переминающемуся с лапы на лапу на его плече, вонзаясь когтями в кожу, сквозь гражданскую рубаху воджека.

- Джит? Что за послание?

- Кос, это Хеллиган, - каркнула птица высокой птичьей интерпретацией голоса главного лабораторного мага Десятого участка Лиги. – Я не знаю, что случилось в лазарете, но ты нужен мне в лаборатории. Это срочно. Фаскин, сказал, что ты отстранен от дела, но все остальные заняты Конвокацией. Что? Да. Я к этому веду. Кос, Я понял, почему не мог произвести вскрытие локсодона. Он все еще жив. Он говорит, что ты нашел пропавшую ледев и должен привести ее сюда. Не знаю, правда ли это, но, похоже, он в этом уверен. Он отключился после этих слов, и совершенно не реагирует на применение ‘капель, поэтому, я не думаю, что у нас много времени. Возвращайся быстрее, или не возвращайся вообще. Конец сообщения.

- Он жив? – ахнула Фонн. – Но как? Он был... о, нет. Кос, я должна попасть к нему.

- Думаю, вопрос с направлением полета теперь решен, - сказал Кос. – Джит, найди безопасное место, возможно, ты мне скоро понадобишься.

Сокол кивнул в знак понимания, и вспорхнул на перекладину между каркасными подпорками.

- Мне нужно закрепить эти ящики, до того, как мы... - начал было Пивлик, но был прерван резким ударом, повалившим дирижабу на бок. Груда металлических ящиков, которые он хотел закрепить, которые, по мнению Коса, наверняка были набиты зидо, обрушились на голову беса. Пивлик рухнул на пол, словно мешок с мукой.

- Боже милостивый, - сказал Кос. Он наклонился над бесом и прощупал его пульс и признаки дыхания.

- Он жив? – спросила Фонн. – Что в нас врезалось?

- Мы еще не оторвались от земли, - сказал Джерад. – Это они. Они бросаются на нас сбоку.

- Пушок, - крикнул Кос. – Пивлик без сознания. Тебе придется действовать самой. Вывези нас отсюда!

- Момент, - сказала Пушок. – Я ищу запускающий нерв.

Раздался треск и голова безликого, покрытая белой тканью прорвалась сквозь небольшой иллюминатор. Фонн ударила его ногой в лицо и выпихнула наружу. Она в ужасе уставилась на свою ногу.

- Святая мать, - сказала она, - я только что ударила священную душу ногой по голове.

- Твоя святая мать, похоже, не слушает, - сказал Джерад.

- Но...

- Ага! – крикнула Пушок. Дирижаба накренилась снова. На этот раз не из-за нападающих, а благодаря с ревом ожившим задним двигателям. Все, что было не привязано или не пристегнуто внутри пассажирского отсека, подскочило. Фонн, Джерад, Кос и Бираказир пытались, с различным успехом, удержаться на своих местах. И в своих шкурах, подумал Кос.

- Вам бы лучше найти что-нибудь, за что можно держаться, - крикнула Пушок.

Кос осмотрел отсек, освещенный небольшими, но дорогими оранжевыми световыми камнями, слегка мерцавшими, имитируя свет факелов. На всех разбросанных сундуках была нанесена печать Оржовских банкиров.

- Дела становятся все лучше и лучше, - сказал Кос. – Что планировал Пивлик, и как долго он это планировал? Тут денег хватит, чтобы купить пять «У Пивличино».

- Ты о чем? – сказала Фонн. – Что в них?

- Думаю, это сбережения Пивлика, - сказал Кос и снова осмотрел лежащего без сознания беса. – Надо было мне спросить его до того, как он отключился.

- Кос, - сказал Борка, - их становится больше. Двигайте уже эту жабу.

Кос сказал остальным, что он пойдет, посмотрит, сможет ли он чем-нибудь помочь ангелу. На самом же деле, он хотел убраться из отсека, чтобы не встречаться глазами с Фонн. Старая вина разверзла свою пасть, угрожая проглотить его целиком, а смерть Зюника ощущалась явно, словно вскрытая рана. Впервые со времени бегства из лазарета, у него появились сомнения. Судя по тому, как дирижаба продолжала дергаться и крениться, посещение кабины управления было именно тем, что ему было нужно, чтобы вытащить свое сознание из прошлого и зафиксировать его на ужасающем настоящем.

Дирижабы не были механическими устройствами, но особая порода этих существ, такая, как эта, требовала присутствие пилота, контролирующего огромное земноводное так, словно оно было механическим устройством. У Коса такой никогда не было, но он летал на паре похожих. Он пытался однажды управлять дирижабой, но едва не спалил дотла себя, своего инструктора, и саму дирижабу, подлетев слишком близко к небесным горнилам.

- Ты когда-нибудь летала на таких раньше, Пушок? – спросил Кос. Он непроизвольно пригнулся, когда ангел едва не задела висящий балкон.

- Я летала сама по себе, - ответила Пушок. – Думаю, это делает из меня сейчас наиболее опытного пилота.

- С этим не поспоришь, - сказал Кос и устроился в кресле второго пилота. Фронтальная часть кабины была открытой, но покрыта тонким золотистым блеском, который волшебным образом защищал от ветра и, в теории, от любых объектов, желающих проникнуть сквозь него внутрь. Он с усилием схватился за деревянные подлокотники, когда Пушок дважды нажала на Иззетскую панель управления, и их скорость снова увеличилась. Башни и окна проносились мимо так быстро, что Кос даже не мог разобрать сквозь какую часть города они летят. Он услышал визг и серию

столкновений, когда Фонн, не удержавшись на ногах, врезалась в Джерада, который, в свою очередь, упал на Бираказира, и все вместе они рухнули на кучу сундуков и ящиков в пассажирском отсеке. Кос сел прямо и пристегнул все четыре кожаных ремня, закрепленные к четырем углам спинки его кресла.

- Ты в порядке? – спросила Пушок. – Ты какой-то бледный и, похоже, сейчас упадешь в обморок.

- Я в порядке, - нервно сказал Кос. – Но, думаю, я все же, застегну ремни безопасности.

- И закроешь глаза?

- И закрою глаза. Ты только довези нас туда, Пушок.

- Ты только посмотри на этот вид, Кос, - предложил призрак Борки откуда-то сзади, пока яхта кренилась и ныряла под не самым нежным управлением ангела. – Он заставляет ценить то, что ты мертв.

- Заткнись, Борка.

- Я прибавлю скорость. Думаю, тебя одолевает стресс, лейтенант.

- Нет. Не надо...

- Ух, ты! Кос, тебе надо это видеть!

- Заткнись, Борка.

Желудок Коса, и еще несколько органов, грубо столкнулись друг с другом, когда нос дирижабь нырнул вниз. В этот момент ему в голову пришла мысль о том, что, хоть он и ценил соперничество ангела, ее внимание к маршруту, он бы оценил чуть больше.

- Бельевая веревка. Прошу прощения.

- Кос, - крикнул Борка, переворачиваясь в воздухе так, чтобы его прозрачное лицо висело вверх ногами прямо перед физиономией Коса. – Они наступают!

* * * * *

- Бираказир, нет! Он не еда! – сказала Фонн, становясь между златошерстным волком и телом Пивлика. Волк посмотрел на нее и сел, высунув язык, затем отвернулся в сторону кабины, всем своим видом показывая, что он никогда еще не был так оскорблен. Но Фонн чувствовала голод волка и сама испытывала волчий голод.

- Я знаю одного полу-демона, который бы оспорил это утверждение, - сказал Джерад, - не говоря уже о целом городе, кишачем зомби. – Он пододвинулся поближе к Фонн и уселся поустойчивее. – Почему ты ничего не сказала о том, что локсодон выжил?

- Я узнала об этом тогда же, когда и ты, - сказала Фонн. Но это была не совсем правда. Она слышала тот голос. Она просто решила игнорировать его. Фонн проклинала свою недалекость и недостаток веры. Это были ее слабые места в профессиональной и религиозной сферах, которые, так или иначе, были для нее одним и тем же. Она могла верить в праведность отдельных личностей, как Байул, даже могла доверять врагу, такому, как Джерад, если логика подсказывала, что в этом есть смысл, но слепая вера была слишком тяжелым испытанием для того, кто знал боль утраты не одного, но обоих родителей.

Она задумалась, будет ли у нее шанс поговорить с Косом о ее отце до того, как они все присоединятся к Микзилу Зюнику в мире призраков.

Дирижаба накренилась в очередном полуобороте, потом спуске, а затем в резком падении, которое подняло в воздух все, что было в отсеке – мебель, сундуки, беса, волка, Девкарина и ледев, пока гравитация и настолько же неожиданный подъем не вернули все с грохотом на пол. Фонн и Бираказир приземлились на ноги и лапы соответственно, бездыханное тело Пивлика плюхнулось на перекошенный диван, который теперь стоял под углом к стене, а Джерад, припал к стенке отсека, словно паук. Сундуки с треском врезались друг о друга, многие из них перевернулись, а один раскрылся.

- Что это было? – крикнул Джерад в сторону кабины.

- Безликие преследуют дирижабу, - ответила Пушок. – Я стараюсь от них оторваться.

Что-то белое промелькнуло мимо открытого иллюминатора. Безликий летел так быстро, что было слышно свист рассекаемого им ночного воздуха. Еще один пролетел мимо, и еще один. Пассажирский отсек сотрясло от серии неожиданных толчков – все больше преследователей на полной скорости бросались на жабу. Несмотря на все происходящее, Фонн все еще боролась с инстинктивным желанием сдаться им. Это желание было отпечатано в самой ее природе. Усилием воли она отодвинула его на задворки своего сознания. Безликие сейчас были ее врагами.

Содержимое сломанного ящика разлетелось по всему отсеку после того, как ангел резко повернула налево, огибая разъеденный коррозией бронзовый шпиль одной из башен. У Фонн отвисла челюсть.

- Это разве не... - начала она.

- Думаю, это они, - сказал Джерад. – Пивлик, ах ты хитрый сукин сын.

С полдюжины Иззетских огневых жезлов лежали на полу, словно гадальные кости, рассыпанные рукой безумной гадалки. Съемные колбы, закрепленные к рукояткам жезлов, были полными и светились оранжевым светом. Вид заряженного оружия и очередная серия толчков о хвостовую часть дирижабы, навели Фонн на опасную мысль, и она увидела в глазах Джерада, что он подумал о том же. Он посмотрел вверх, на потолок пассажирского отсека.

- Это похоже на люк? – спросил Джерад.

- Думаю, это он, - сказала Фонн. – Как у тебя с равновесием? Без обид, но тебя совсем не давно изрядно отмолотили.

- Все со мной в порядке, - сказал он.

- Ты понимаешь, что если упадем, то расшибемся насмерть? – спросила Фонн.

- Чушь. Тебя защитит Конклав Селезнии. – Ответил Джерад.

- Открывай люк, - сказала Фонн. – Сейчас меня волнует всего один Селезниец. И я не знаю, что, во имя святой матери, случилось со всеми остальными.

* * * * *

- Кос, помнишь о тех безликих, о которых я тебе говорил? – спросил Борка. – Ну, так вот, тебе бы не помешало проверить пассажирский отсек. Думаю, там не хватает двух пассажиров.

- Что? – прошептал Кос. – Как они проникли внутрь?

- Они не проникали, - сказал призрак. – Два пассажира вылезли наверх.

- Наверх?

- Это указания? – растерянно спросила Пушок.

- Нет, - сказал Кос. – Просто думаю вслух. Знаешь, помогает обдумывать разные вещи, когда я, вроде как, представляю, что Борка все еще жив.

- Понятно, - сказала ангел.

- Ишь ты, - сказала привидение, высовывая голову сквозь крышу кабины. – Ты не поверишь, что нашла эта парочка. Я бы на твоём месте сказал Пушку, чтобы она держала курс как можно ровнее.

* * * * *

Гоблинские огневые жезлы были оружием, знаменитым своей дальностью поражения, мощностью, непредсказуемостью, и, конечно же, своей стоимостью. Съёмные колбы питали энергией гранёные кристаллические полости, в которых энергия концентрировалась, перераспределялась, и в конечном итоге конденсировалась в огненный шар, небольшого размера, с обогащённой разрушительной мощностью, сравнимой с гоблинской бомбой. Крошечный заряд проходил сквозь жезл по таким же нитям накала, как и в жезлах воджекков.

Фонн в скорости выяснила, что стрелять огненным жезлом прицельно было не легко. Дополнительной помехой была сильная отдача оружия. Её мишени не стояли на месте, то приближаясь, то отдаваясь, уклоняясь от её выстрелов, к тому же, дирижаба, на которой она стояла, находилась в постоянной зависимости от сомнительных пилотных навыков Пушка. Ещё больше мешало ей то, что всеми фибрами своей души, она осознавала, что попытка убить безликого является вопиющим грехопадением. Но безликие напали на них, они уничтожили «У Пивличино». И вместо того, чтобы отречься от своей веры, Фонн убедила себя в том, что их преследователи были странным исключением, отщепенцами от всех тех священных безликих, служащих Конклаву при Виту Гази. Образ безликих, кровожадно убивающих посетителей ресторана, пылал в её сознании, и она сосредоточилась на Байуле, ждавшем её в участке Лиги. Эти существа пытались не дать ей с ним встретиться. Это был единственный способ заставить себя стрелять в них на поражение.

К сожалению, пока ей не давалась даже стрельба на *попадание*, но Фонн считала победой уже то, что она могла держать равновесие на спине несущейся дирижабы.

Мелькнула вспышка золотого света, и крошечный шар чистого испепеления пронзил грудные клетки сразу трёх выпачканных кровью безликих, которые, словно по заказу, выстроились в ряд под выстрел Джерада. Их трупы осыпались на хвост дирижабы.

- Отслеживай их перемещения, - крикнул он сквозь воющий ветер. – Они не очень стараются быть оригинальными.

- Точно, - прокричала она в ответ. Она кивнула в сторону дымящегося огневого жезла у него в руке. – Не знаешь, сколько в этих штуках зарядов?

- Не много, - отозвался Джерад. Он ткнул пальцем на пару жезлов, висящих у него за спиной. – Поэтому мы и прихватили запасные.

Рой безликих настигал их. Теперь их было всего пятнадцать, они летели в пяти группах по три, но и одного из них было бы вполне достаточно, чтобы разорвать на куски их обоих. Фонн навела прицел на тройку, вылетевшую из-за хвоста дирижабы. Она оперла

одну ногу о бок жабы, а другую об открытый люк, попросила прощения у Матери Селезнии и выстрелила во второй раз.

Прощение, как оказалось, было не обязательным. Огненный заряд прошел мимо всех трех безликих, но попал в правый реактивный двигатель.

Выпуклая сфера разлетелась в ослепительном взрыве, который доделал то, с чем не смог справиться ее выстрел, окутав пламенем всю группу приближающихся к ним безликих. Дирижаба накрылась и ангельский пилот изо всех сил старалась компенсировать потерю двигателя. Джерада отбросило через хребет жабы, и он налетел на Фонн, что спровоцировало третий выстрел жезла Фонн, который безобидно унесся в ночное небо перед тем, как оружие выскользнуло у нее из ее рук и укатилось со спины дирижабы. Они перекатились через открытый люк, переплетаясь руками и ногами, и вывалились бы за край яхты, если бы Джерад вовремя не ухватился одной рукой за круглую дверцу люка. Фонн удалось схватиться за ногу Девкарина, и она застонала, почувствовав, как сила тяжести и инерция стянули запасные огневые жезлы с ее плеча. Ей не нужно было оборачиваться, чтобы удостовериться, в том, что они упали вниз.

- Надеюсь, те, кто сейчас там, внизу, на улице, смотрят вверх, - сказала она. Крен дирижабы увеличился, и Фонн почувствовала, что ее рука начинает соскальзывать. Ей удалось ухватиться второй рукой за ботинок Джерада и подтянуть свои колени повыше, вовремя избежав столкновения с возникшим на ее пути балконом.

- Давай же, ледев, - сказала Джерад, вытаскивая ее одной рукой обратно, на крышу пассажирского отсека. Во второй руке он держал огневой жезл, и как только Фонн была в безопасности, он выстрелил в ближайшего безликого, попав ему прямо в висок.

Пушок восстановила контроль за дирижабой, но утраченный двигатель стоил им сокращения скорости вдвое. Дирижаба неумолимо замедляла свой ход, и вскоре, одиннадцать оставшихся безликих окружили летающее земноводное. При этом тактику свою они не изменили.

Джерад проверил съемную колбу на своем жезле, понял, что она пуста, и отшвырнул оружие на борт. Он достал из-за спины два оставшиеся жезла и протянул один Фонн. Она опустила на одно колено, стараясь сохранить равновесие, и выстрелила в тройку безликих в окровавленных мантиях. Минус один. Выстрел Джерада не попал в цель.

Фонн еще раз навела жезл на пару безликих, ускользнувших от ее выстрела. Ее гнев уравновесил ее прицел – у этой пары безликих была кровь на руках – она выстрелила, и попала одним зарядом в обоих. Что ж, подумала она, по крайней мере, мы выманили их из ресторана. Если кто-нибудь в «У Пивличино» выжил, он, возможно, сможет известить о происшедшем джеков.

Менее чем за минуту у них остался всего один наполовину заряженный огневой жезл, и восемь белых фигур, все еще беззвучно преследовавших раненую дирижабу. Она навела прицел на следующую тройку преследователей, но Джерад поднял руку.

- Стой. Нам может понадобиться эта последняя пара зарядов. Я не собираюсь сдаваться в плен Конклаву Селезнии.

- Они могли уже разорвать нас на куски. Почему они тащатся сзади? – крикнула Фонн.

- Очевидно, - сказал Джерад, - нас пасут. – Он посмотрел на свой дымящийся жезл и пустую зарядную колбу. – Мы тут ничего больше не сделаем. Нужно вернуться внутрь, пока тебя...

Один из безликих неожиданно отделился от группы и резко ударил Джерада ногой в челюсть, отбросив его на спину дирижабь. Джерад отскочил от толстой пружинистой кожи земноводного и прокрутился в воздухе, быстро размахивая жезлом, словно простой палкой, во все стороны. Один из взмахов пришелся на спину безликого, с жутким треском, сломавшим как оружие, так и позвоночник нападавшего. Безликий перегнулся через разломанный жезл, и его искалеченный силуэт, отскочив от рулевого плавника, умчался вниз, в темноту улиц.

- Пока нас *обоих* не убили, - сказал Джерад.

- Хорошая мысль, - сказала Фонн, уклоняясь от второго нападающего, который, похоже, не очень старался причинить ей вред. – И, если они действительно пасут нас туда, мы должны сказать об этом остальным.

- Сказать остальным что? – крикнул Кос. Его лысая голова высунулась из люка. – Что вы делаете, наша скорость... ой.

- Они ранили нас, - сказал Джерад, бросив косой взгляд в сторону Фонн. – Они могли уже нас прикончить, но они этого не делают.

- Разберемся с этим, когда доберемся до участка, - прокричал Кос. – Возвращайтесь в отсек, если еще можете. Здесь наверху, вы ничем не поможете, а Фонн нужно стараться остаться в живых. Святой не хочет говорить с нами. Ему нужна она. Если эти штуковины могут нас разорвать... что они делают?

Фонн проследила взгляд Коса. Семеро оставшихся безликих плавно отделялись от преследования дирижабь и спускались вниз.

- Должно быть, мы уже близко, - крикнул Джерад. – Они с нами закончили.

- Нет, - сказал Кос, указывая на что-то внизу, под дирижабь, чего Фонн не могла разглядеть. – Думаю, они просто расчищают путь для них.

- Ой-ой, - сказала Фонн, когда пара жуков – каждый размером с ее волка, усеянные черными шипами – поднялись из-за горизонта широкого, плоского тела дирижабь. Их огромные челюсти, расположенные под крошечными бледными глазами, щелкали в такт жужжащим крыльям. На каждом жуке восседали наездницы Девкарин в полном охотничьем обмундировании, размахивающие длинными жуткого вида черными копьями с серебряными наконечниками.

Джерад встал и посмотрел на них.

- Даинья, - крикнул он той, что летела справа, - что происходит? Савра сошла с ума?

- Егерьмастер, - рыжеволосая охотница крикнула в ответ, - ты признан виновным в предательстве Голгари и священной матки. – Она перехватила рукой копьё и кивнула в сторону своего напарника. – Надеюсь, у тебя будет чистая смерть, Джерад. Из тебя получился бы проблемный зомби.

- Я еще даже не *начинал* быть проблемным, - зарычал Джерад.

Фонн подняла последний огневой жезл, прицелилась, и передумала. Она не очень метко стреляла. Рукопашный или верховой бой были привычнее для ледев. Она всунула оружие в руку Джерада.

- Это поможет? – спросила она.

- Спасибо, - и, не дав охотницам шанса отреагировать, он поднял жезл и выпустил испепеляющий заряд прямо в хитиновую голову верхового насекомого напарницы Даиньи. Огненный шар прожег его экзоскелет и спалил его примитивный мозг, после чего вылетел через брюхо насекомого, вместе с остатками его внутренностей. Охотница

закричала, камнем падая вниз, и глаза Даиньи расширились от ужаса. Джерад поднял оружие и направил его в лицо Даиньи.

- Возвращайся к своей госпоже, - сказал Джерад. – Скажи ей, что я предатель. Скажи ей, что я обернулся против нее. Скажи ей все, что захочешь. Но сделай это прямо сейчас, или следующий выстрел пройдет сквозь тебя.

- Это еще не конец, - сказала Даинья. – Матка услышит об этом. – Она повернула своего жука и отступила сквозь рой безликих, которые развернулись и полетели за ней в сторону центра и Древа Единства.

- Твоя подружка? – крикнул Кос.

- Бывшая, - сказал Джерад. – Я не понимаю, почему безликие следуют за ними.

- Это могло бы объяснить их поведение, - сказала Фонн. – Эльфы от природы настроены на песнь Конклава Селезнии. Если твоя матка нашла способ контролировать хоть небольшую их группу, это объяснило бы их жестокость. Мне очень нужно поговорить с Байулом. – Ее сердце замерло на мгновение, когда она произнесла имя живого святого. Она должна была знать, что старый локсодон выкарабкается.

- Надеюсь, твой подопечный сможет нам рассказать, что это все означает, - согласился Кос и схватился за край люка, в момент, когда Пушок накренила дирижабу на правый борт. – Так, давайте, залезайте внутрь.

Фонн бросила еще один, последний взгляд в сторону безумного роя, исчезающего между башнями позади них, прошептала молитву священной матери, которая, похоже, действительно ее не слушала, и закрыла за собой люк.

Кража собственности гильдии строго воспрещена.

—Муниципальные Постановления Равники

27 Зуун 9999 П.Д., Около полуночи

Несколько мучительных минут спустя, дирижаба обогнула восточное крыло воджековских барачков. Кос сразу же заметил знакомые шпили Десятого участка и, наклонив голову, выглянул в задний иллюминатор пассажирского отсека. В ночном небе позади них уже не было видно преследователей, но он все еще мог различить далекое облако безликих, возвращавшихся к центру города.

Огромная бронзовая эмблема воджеков, практически во всем, кроме размера, идентичная нагрудному знаку в кармане Коса, отражала золотой свет фонарных сфер, пронзавших покров ночного неба. Факелы Десятого участка Лиги, сигнальные жаровни, и караульные огни отбрасывали длинные тени, от которых, с этого ракурса, все строение выглядело зловещим и, учитывая то, чего им только что удалось избежать, Кос подумал, что сейчас, может быть, эта зловещность ему даже кажется какой-то родной и домашней. В мире, в котором слуги Конклава Селезнии превратились в армию убийц, все было возможно.

Он повернулся спиной к отсеку, где Девкарин и ледев безуспешно пытались вскрыть еще один металлический сундук. Пивлик все еще лежал без сознания на пассажирском диванчике.

- Мы спускаемся, - крикнул Кос, - Я... уфф... так думаю.

Дирижаба провернулась в плавном, ленивом повороте направо, от чего густые башни и шпили Равники завертелись за иллюминаторами кабины. Под ними, Кос заметил посадочную платформу, на которой странным образом не было ни воздушных 'джеков, ни Рухов, хотя несколько десятков стражников были выстроены на крыше здания, и у многих из них в руках были боевые луки. Обычно, здесь должно быть с полдюжины верховых всадников, меняющих своих крылатых питомцев, возвращающихся с патрулирования, или вылетающих на ночные облеты.

- Где все? – спросил призрак Борки, и Кос пожал плечами. С четырьмя тяжелыми ударами их транспортное средство приземлилось на платформу и встало на свои короткие, пухлые лапы. Яхта загудела инфразвуковым гулом, опустошая пузыри сжатого газа, и Пушок защелкнула красный рулевой рычаг.

- Прибыли, - объявила она. Кос расстегнул ремни безопасности и встал на ноги. Затем 'джек, качаясь, вышел в пассажирский отсек, ангел проследовала за ним.

- С ним все в порядке? – кивнул Кос в сторону беса.

- Вроде бы да, - сказала Фонн. С превосходной пунктуальностью, на которую способен был лишь бес, Пивлик избрал именно этот момент, чтобы очнуться.

- Простите. Я не знал, что они были закрепле... aaaaaaaa!

С еще более превосходной точностью, имп осознал, что смотрит прямо в пасть волка, способного проглотить его целиком. И снова потерял сознание.

- Да, он в порядке, - сказала Фонн.

- Оставьте его, - сказал Кос. – Даже если безликие вернутся, это место охраняется. Я смотрю, Фаскин вышел нас встретить, давайте пожалеем Пивлика и избавим его от этой встречи. Я даже не хочу знать, что Патриархи сделают с ним за то, что уже произошло. И Пушок серьезно подбила нос этой штуковине. Знаешь, Пушок, ты как никто другой должна была знать о том, что в небе существует урегулированное движение.

- Я уже несколько лет не летала, - пожав плечами, сказала ангел. – А тот Рух вообще непонятно откуда выскочил.

Кос отпер засов, дверь отсека плавно откатилась в сторону, и он выпрыгнул из дирижабы на платформу. Невысокий, полный человек с красным лицом, в знакомой форме капитана воджекков вел за собой фалангу констеблей и человека, одетого в такую же форму, какую обычно носил Кос. Фаскин, Стэнслов, и остальной отряд в спешке подбежали к дирижабе.

Пушок и Бираказир выпрыгнули из пассажирского отсека следом за Косом. Джерад задержался, он вышел из дирижабы последним и запер за собой дверь отсека.

- Фаскин, - начал Кос, - мы прослушали сокола Хеллигана, но...

- На это нет времени, Кос, - сказал Фаскин, пробегая мимо Коса, напрямик к Фонн. – Охранник, Вы нужны нам внизу, в Некро. Прошу за мной. – С этими словами он развернулся и побежал обратно, откуда пришел, к все еще открытым воротам, ведущим на лестницу. Воджеки, сопровождавшие его, стоически изменили курс и последовали за ним, хотя Кос заметил, что Стэнслов метнул в его сторону взгляд, способный прожечь металл.

Фонн повернулась к Косу, чей рот был все еще открыт.

- «Некро»? – спросила она.

- Лаборатория прикладной Некромантии и Алхимии, - сказал он и последовал за Пушком, которая уже наступала на пятки Фаскину. Фонн, Бираказир и Джерад двинулись за ним.

- Капитан Фаскин! – крикнула она. – Что происходит? Святой...

- Святой Байул все еще жив, - крикнул Фаскин через плечо, спускаясь по лестнице, - но как долго он продержится, сказать сложно.

Фонн, обогнав всех, помчалась к лестнице.

* * * * *

Воздушно-командующая Венслов и ее отряд наездников на Рухах вылетела из Десятого участка Лиги, когда пришел приказ от Центрального форта: Генштаб воджекков атакован, всем воджекам немедленно явиться на его защиту. Первым рапортам было трудно поверить – тератогены Голгари, бестиарий странных, но разумных существ, которые обычно не покидали пределов своих охотничьих угодий в Старом Раве, вели организованное нападение на генштаб Лиги на кануне Конвокации. Даже с большого расстояния Венслов видела на фоне серого неба очертания нападавших, летящих к центру над освещенными фонарями улицами. Среди них были сотни охотниц и охотников Девкарин, военной касты клана Голгарийских эльфов. Они сидели верхом на огромных

насекомых, бегущих по мостовым и кирпичным стенам, и седлали гигантских летучих мышей и жуков, летящих в тесных формациях вокруг каменного титана, башен Форта, и строений, окружавших центр города. Жрецы и жрицы Девкарин в кожаной и костяной броне руководили целыми эскадронами охотничьих насекомых, величиной с верблюдов, плюющих кислотой в удерживающих тротуары охранников.

Девкарины и тератогены были легендарными противниками, и их объединенная сила была пугающей. Миновав переплетающуюся сеть навесных улиц и подлетов к открытому кольцу наиболее священной территории города, воздушно-командующая увидела, что ситуация здесь была еще более плачевной.

Стоит ли говорить о том, что это нападение было наиболее вопиющим нарушением священных законов города за многие столетия – и то, что оно происходило именно сейчас, должно быть не было простым совпадением. Оно нарушало все, что сплочало общество Равники на протяжении десяти тысяч лет. Выбор именно этого для атаки говорил о том, что горгона, ведущая за собой все эти войска, спланировала нападение заранее. Восстания Рекдосов не шли здесь ни в какое сравнение. Поведение культа смерти было предсказуемым и вполне ожидаемым. Голгари, со всеми своими темными тайнами и некромантией, никогда не покидали пределов нижнего города. Ни у одной другой гильдии не было столько территорий, так близко к центру города. С учетом этого, смысл данной агрессии был вовсе не ясен Венслов.

К тому времени, как отряд воздушно-командующей достиг Павильона Рокирика, битва уже началась. Если бы срочные донесения заранее не идентифицировали нападающих, Венслов не смогла бы поверить своим глазам, когда ей, наконец, удалось рассмотреть все в непосредственной близости.

- Неб, - крикнула она сквозь воющий ветер, соколу, крепко держащемуся за ее плечо. – Передай Г-Г. Сообщение: Докладывает Воздушно-командующая Венслов. Мы прибыли и будем действовать по обстоятельствам до получения дальнейших указаний. Конец сообщения. – Сокол ослабил когтистую хватку и устремился в сторону Центрального Форта.

На пути к центру, Венслов увидела достаточно странных событий, чтобы усомниться в ясности ее рассудка. Даже сейчас, в воздухе, под Рухом Воздушно-командующей, безликие – тихие, на первый взгляд покорные слуги Конклава Селезнии – были повсюду, мечась во всех направлениях над головами граждан Равники. Конвокация должна начаться на рассвете, и улицы уже были набиты жителями со всех уголков мира, но там, где пролетали безликие, толпа становилась безмолвной. Вместо того чтобы прогуливаться по злачным местам, готовясь к празднику, они все начали стекаться к центру. Потoki людей огибали битву при Центральном Форте и текли в сторону северной части древнейшего горного плато. С позиции Венслов, фигуры в белых мантиях выглядели пастухами, пасущими непослушное стадо, состоящее из тысяч данников, одетых в цвета всех девяти гильдий, стекающиеся к центральной точке – Виту Гази.

Само по себе это уже было довольно странно, но армия, атаковавшая Центральный Форт была еще более ненормальной. Казалось, что все тератогены нижнего города, одновременно выползли на улицы столицы. Огромные твердопанцерные сороконожки наводнили Павильон Рокирика и взбирались вверх, по ногам Десятого каменного титана. Стаи гарпий совершали упреждающие налеты на стражников, оборонявших золотые шпильи Центрального Форта, и стоящих на голове и плечах титана.

Венслов подала сигнал паре Рухов по обе стороны, делать все, что в их силах, и устремилась на поиски собственных мишеней.

- Теперь понятно, почему они ждали десять тысяч лет этой Конвокации, - сквозь зубы процедила она. Она приготовила копьё и приготовилась к атаке чудовищных насекомых, нахлынувших на павильон. Подлетев ближе, она увидела, что армия Голгари не ограничивалась лишь ордами тератогенов и эльфов Девкарин. Шествие замыкали, с трудом различимые свысока, среди толпящихся горожан, сотни ходячих мертвецов, выползавших из сточных труб и дренажных решеток. Безмозглые зомби сами по себе не составляли большой опасности, но в количестве, которое видела сейчас Венслов, они были способны сокрушить всех обороняющихся стражников в считанные минуты, если раньше их не прикончат тератогены. Станным образом зомби не нападали на блаженную толпу горожан, текущую в сторону Виту Гази, но следовали за отрядами тератогенов и Девкарин. Венслов летела низко, над их головами, нанося по пути редкие удары, для того, чтобы размять затекшую руку. Ее напарники не отставали и делали то же самое, хотя она сомневалась, что ее маленький отряд сможет хоть что-то изменить.

Они прорвались сквозь рой гигантских жуков, которые пустились за ними в погоню, и удерживали низкую высоту, чтобы получше рассмотреть поле боя, в которое так быстро превратился павильон. В этот момент Венслов увидела ее, верхом на громадном смотровом ящере, покрытом костяной чешуей, мхом и плесневыми грибными наростами. Повелительница Голгари, горгона, собственной персоной возглавляла армию. Глаза Людмиллы сверкали из стороны в сторону, каждым взглядом превращая в статуи ни в чем не повинных горожан и разбегающихся стражников.

Если горгона вела это нападение, то это было нечто неслыханное со времен подписания Пакта Гильдий – открытый конфликт между гильдиями. Великий Рой объявил войну воджекам, и хоть она будет сражаться до конца, Венслов не была уверена в том, как воджеки – измученные месяцами переработок и подготовкой к наплыву гостей на Декамиллениум – могли надеяться на победу.

В который раз она задумалась о том, существовала ли дата истечения срока действия Пакта Гильдий. Везде, куда падал ее взгляд, порядок отступал под натиском хаоса. У Венслов было плохое чувство по поводу Конвокации и, похоже, ее предчувствие начинало сбываться. Она лишь не ожидала, что оно будет настолько точным.

Воздушно-командующая поправила свои летные очки, подала сигнал своей формации о нападении, и ринулась в самую гущу сражения.

* * * * *

В лаборатории стояла звенящая тишина, пока Фонн мысленно общалась с умирающим локсоном, лежащим на лабораторной каталке. Хеллиган, седобородый лабораторный маг, стоящий напротив искореженного тела посла Селезнии и его телохранильницы, наблюдал за ледев так, словно она была удивительным подопытным образцом, что, в его случае, означало искреннее уважение.

Пушок пошевелилась и прокашлялась, от чего Фонн вздрогнула, но не отвела рук от шеи Бираказира и окровавленной, безнадежно перевязанной груди локсода. Ее глаза

были закрыты. Даже призрак Борки, парящий за спиной Коса, держал свой призрачный рот на замке, за что Кос был весьма ему благодарен.

Не считая этого вздрагивания, Фонн пребывала в этой позе уже более получаса. Кос посмотрел на Стэнслова, чьи барсучьи глаза метались от Селезнийцев к Девкарину, как будто он не мог решить, кого из них следует арестовать первым. Косу хотелось поговорить с джеком и узнать, что ему удалось выяснить, но старший следователь по этому делу, из-за которого Косу пришлось снять свой нагрудный знак, не был заинтересован в разговоре с ним. Коса это не удивляло. Он догадывался, что Фаскин, скорее всего, уже поведал второму лейтенанту о том, как оценил Кос его профессиональные способности. Косу часто приходила в голову мысль о том, что ему бы стоило держать рот на замке, но мысль эта приходила всегда уже после того, как все было сказано.

Фаскин же, к его удивлению, был более открыт и общителен. Он даже сообщил Косу, что его отстранение с учетом всех сложившихся обстоятельств было отозвано. Сокол принес сообщение о нападении на Центральный форт за считанные минуты до прибытия группы Коса. Кос решил, что, учитывая все, что случилось за то короткое время, как он покинул лазарет, армия Голгари, напавшая на генштаб Лиги, вполне укладывалась в рамки общего безумия. Гораздо больше его настораживали безответные молитвы и призывы о помощи к ангелам Легиона Борос. Армия маршем приближалась к центру. По закону, каждая гильдия обязана была оказывать помощь в противостоянии ей. И, тем не менее, создавалось впечатление, что все гильдии в городе впали в транс от чар безликих, за исключением воджеков, сражавшихся за свои жизни. Если бы не срочность миссии Фонн, Кос был бы сейчас там, с ними, но что-то подсказывало ему, что локсодон мог быть ключом к распутыванию всего этого хаоса.

Фаскин подытожил по пути отчет Хеллигана. У девочки Люды была практически хрестоматийная проникающая рана. Ножевое ранение, потеря крови, относительно быстрая смерть. Святой Байул, с другой стороны, был очень тяжело ранен, но смог войти в некое подобие летаргии, или транс, или другой похожей Селезневской штуковины, которая была похожа на смерть, но защищала его тело от дальнейших повреждений. Когда Хеллиган попытался вынуть зеленый камень, вмонтированный в центр лба локсодона, Байул заговорил, призывая Фонн, которая, по его уверениям, была вместе с воджеком по имени Агрус Кос. Стоит ли говорить, что лабораторный маг незамедлительно выслал Косу послание.

Фаскин добавил еще кое-что. От Борки и гоблина мало что осталось, и лабораторные маги провели почти целый день, отделяя останки одного от другого. Лишь незначительные фрагменты тел остались от каждого из них, но кое-что в останках Борки было необычным. Фаскин посоветовал Косу позже спросить об этом Хеллигана, что заставило призрак Борки обогнать всех, кроме Фонн на пути в лабораторию.

Спина ледев резко выпрямилась, заставив всех подскочить от неожиданности. Джерад впервые за все время пошевелился и вышел из своего угла, где он тихо стоял и наблюдал за происходящим. Он положил руку на плечо девушке, но она сбросила ее. Фонн все еще сидела на корточках между волком и умирающим локсодоном, держась за каждого из них, но ее лицо и глаза были направлены, как понял Кос, прямо к Виту Гази – словно бы она могла видеть сквозь несколько стен и несколько десятков огромных строений, стоявших между Десятым участком и центром города. Ее глаза светились какой-то зеленоватой энергией.

Никто, кроме Фонн, не шевелил и пальцем. Ее рука оторвалась от тела локсодона и переместилась на его лоб. Она положила ладонь на драгоценный камень и начала говорить голосом, совершенно не похожим на ее собственный. Он звучал мелодично, словно хор голосов, эхом разносившихся по помещению. Ничего более прекрасного Кос не слышал за все свои долгие годы жизни. Голос заполнил тесную лабораторию, словно живое существо, от стенки с выдвигаемыми ящиками, служившими временным моргом – и все еще содержащими тело Люды – до стеклянной стены, на противоположной стороне, сквозь которую открывался вид на зал снаружи.

- Виту Гази. Конвокация. Остановите их. Это ошибка.

Рот Фонн был раскрыт и на губах образовался налет пены. Если это не закончится в ближайшее время, Кос решил, что прервет все это самостоятельно. Что бы здесь не происходило, на ледев это явно не действовало положительно.

- Они не знают. Они уже ничего не видят, - продолжал Фонн-хор. – Она не должна стать посланницей. Остановите жрицу. Защитите камень.

Как только последние слова стихли, хор растворился вместе с сиянием в глазах Фонн, и она рухнула на пол. Хеллиган подбежал к локсодону, а Кос, Джерад и Пушок едва не сбили друг друга с ног, пытаясь добраться до Фонн.

Ангел подросла к ней первой и помогла ей встать на ноги и опереться о Бираказира, который смиренно сидел рядом, заботливо облизывая макушку охранницы.

- Фонн? – с волнением в голосе произнес Кос, маша рукой перед ее открытыми, остекленевшими глазами. Ледев моргнула и потрясла головой. Ее лицо было мокрым от слез, все еще тихо струящихся из глаз.

- Вы это слышали? – прошептала она, задыхаясь при каждом слове. – Вы его слышали?

- Мы слышали что-то, - сказал Кос. – Это был... это был Байул?

- Да, - с тоской в голосе сказала она. – Он так долго ждал меня... он потратил остатки сил на эти слова.

- Он мертв, - прозвучал сверху голос Хеллигана. Длинные серые рукава лабораторного мага раскачивались из стороны в сторону над изуродованной грудью локсодона, пока Хеллиган водил над телом жезлом, улавливающим малейшие признаки жизни. Он поднес камень к свету. – На этот раз, я в этом уверен.

- В прошлый раз ты тоже был уверен? – воскликнул Борка. Кос решил повторить этот хороший вопрос.

- Да, - признал лабораторный маг, - но посмотрите на него – в этом состоянии, никто бы не подумал, что он *может*...

- Он был жив, - сказала Фонн, захлебываясь слезами. – Он был жив и ждал меня. А я... - Она вскочила на ноги, едва не опрокинув Бираказира, и оттолкнула руку Пушка. – Я подвела его! – В ее глазах сверкнули искры гнева, и она повернулась к Хеллигану. – И Вы тоже, - сказала она, мгновенно превратив всю свою скорбь в ярость. – Он локсодон. Как Вы могли не проверить его на *летаргию*? Они могут спать годами!

Пушок и Кос вместе положили руки на плечи Фонн.

- Фонн, все кончено, - сказал Кос настолько мягко, на сколько смог. – Ты поняла, что сказал Байул? Что нужно остановить?

Фонн опустила плечи и подняла руки вверх, показывая, что она не собирается угрожать Хеллигану.

- Извините, - сказала она лабораторному магу. – Я не на Вас злюсь. Я тоже должна была это знать. Я должна была почувствовать. Но он так старался цепляться за жизнь, что не мог звать меня. – Она выпрямилась и повернулась к Косу. – Это был Конклав Селезнии. Они... они призывают нового члена в ряды священного собора на Конвокации. Он думает, что это... думал, что это ошибка.

- Эту часть мы поняли, - сказал Призрак Борки. – Что не так с моими останками?

- И это то, что мы должны остановить, - сказал Кос. – Но кто этот новый член? Почему она...

- Савра, - сказал Джерад. – Вот в чем ее план. Она вступает в Конклав Селезнии.

- Но как? – сказал Кос. – Она Девкарин. Без обид, но ваш народ не самый подходящий для Конклава.

Фонн раскрыла ладонь и показала камень, украшавший лоб локсодона.

- Нет. Но это может ей в этом помочь.

- Что это? – спросил Кос.

- Это простой талисман, - сказала Фонн. – Большинство членов Конклава – дриады. Но среди них есть несколько таких, как Байул. Эти талисманы, дают им возможность быть частью священной песни. Существует всего три таких талисмана, и другие два их обладателя не являются странствующими послами, каким был Святой Байул.

- Почему безликие теперь подчиняются ее приказам? – спросил Джерад.

- Этого я не знаю, - сказала Фонн.

- Как тебе это удалось? – воскликнул Хеллиган. – Я несколько дней пытался вынуть этот камень.

- Он был слит с ним до конца жизни, - с грустью в голосе сказала Фонн. – Он передал его мне на хранение.

- Возможно ли, - спросила Пушок, - что он рассчитывал на то, что ты используешь этот талисман?

Фонн повернула зеленый камень в ладони и поднесла его к свету.

- Не знаю, - сказала она. – Мне не кажется, что это будет правильно.

- То есть ты говоришь, - сказал Фаскин, - что этот камень – единственный способ для жрицы осуществить ее безумный план? И если мы отдадим ей эту штуку, она отзовет своих горгон, гарпий, жуков, и бог ее знает, что там у нее еще?

- Именно это я и имела в виду, - ответила Фонн.

- Просто хотел убедиться, - сказал Фаскин и на глазах у всех растворился в человекоподобной массе кишасших синих червей, в одно мгновение поглотивших лейтенанта Стэнслова.

У воджека даже не было времени закричать.

* * * * *

У Хеллигана *было* время закричать. Затем закричала Фонн. Закричала Пушок. Закричал призрак Борки. Закричал Кос. Зарычал Бираказир. Кишащее червями тело Фаскина, увеличившееся вдвое после поглощения Стэнслова, махнуло своей личинистой конечностью, перевернув заставленный пробирками лабораторный стол, который рухнул на пол, в дребезги разбив кристальные колбы в лужах алхимических эликсиров.

- Джерад, это снова та штуковина, - крикнула Фонн.

- Вы такое видели раньше? – воскликнул Кос. – Что с ним случилось? Что случилось с Фаскином и Стэнсловом?

- Я не знаю, - сказал Джерад.

- Я знаю, - прогремела Пушок. Двигаясь быстрее, чем Кос мог себе представить, она достала свой меч, держа его перед собой. Глаза ангела сверкнули, и меч вспыхнул, окутанный волшебным огнем.

- Ты знал, что она может так делать? – спросил призрак Борки. Кос покачал головой, вытаращив от удивления глаза.

Существо, имитировавшее Фаскина, изогнулось и расширилось. Контур его формы перетекал, словно жидкая глина в громадный силуэт, который был чем-то знаком Косу. Черви, составляющие тело существа, слились и сжались в подобие восковой оболочки, затем превратились в серую массу и приняли грубую текстуру морщинистой кожи. Там, где меньше минуты назад стоял Фаскин, теперь они видели шипящий образ огра, которого Кос и Борка допрашивали, казалось, годы назад, еще до взрыва. Перед ними стоял Ньйоуж.

Это существо следило за ним достаточно долго, чтобы видеть Ньйоужа. Но насколько долго еще до этого?

- Косу следовало оставаться в койке, - прорычал фальшивый огр.

- Лупулу следовало оставаться человеком, - сказала Пушок. Кос не знал, как ей это удалось, но она каким-то образом очутилась за спиной червеподобного существа. Она вонзила огненный клинок сквозь торс оборотня, и затем совершила еще кое-что, чего раньше Кос никогда за ней не замечал: Она произнесла заклинание.

- *Хенар, талрандав, крозокин*, - проговорила ангел. Ее меч, торчащий из груди поддельного огра, вспыхнул ярким светом. Плоть загорелась так резко и так горячо, что жар заставил Коса прикрыть глаза и отвернуться.

Когда он повернулся снова, он увидел Пушка, стоящую над кучкой пепла, сажи, и тлеющих углей. Лезвие меча ангела также пропало, испепеленное в шаре огня, и ее вытянутая рука была покрасневшей и выглядела сильно обожженной. Сажа покрывала лицо ангела, и пепел медленно оседал во всем помещении.

Наконец, они все выдохнули и посмели пошевелиться. Хеллиган упал на колени и начал соскребать остатки угля в свои пробирки. Джерад осторожно оглядел ангела, а Фонн стала, защищая собой Бираказира, нюхавшего воздух с волчьим подобием удивления.

- Пушок, - сказал Кос, - давно ты знаешь этот фокус?

- Достаточно давно, - призналась Пушок. Она повернулась к Фонн и спросила, - Вы раньше видели это существо, или что-то похожее на него?

- Да, - сказал Джерад.

- Оно напало на нас - на Джерада, вообще-то, судя по тому, что оно говорило - в Старом Раве, - объяснила Фонн. – Джерад отогнал его. Как ты его назвала?

- Его называют Лупул, - сказала ангел, - с древнего Равви, это переводится, как «крадущийся». Это оборотень и шпион, работающий на темных хозяев, не смеющих выходить на свет. Если Лупул здесь, значит, за нами следят не только Голгари.

- Что он тут делает? – спросил Кос. – Какие темные хозяева? Почему я обо всем этом узнаю только сейчас, Пушок?

- Я не знала, что они все еще существуют, - сказала Пушок. Мы считали, что последняя их колония была уничтожена тысячи лет назад, и их... повелитель обезврежен.

- Но как Фаскин оказался... Погоди, «повелитель обезврежен»? - вопрос Коса был прерван криками, доносящимися снаружи. Кто-то напал на участок, и не нужно было быть ангелом, чтобы догадаться, кем были эти нападающие. Безликий на полной скорости разбил головой стекло, отделяющее лабораторию от зала и налетел на Пушка, сбив ее с ног, и отбросив на противоположную стенку с ящиками и еще большим количеством пробирок и емкостей, которые разбились о каменный пол, покрыв его формальдегидом и антисептическими эликсирами.

Звон бьющегося стекла вывел из оцепенения всех, находящихся в комнате, и Кос схватил с пола серебряный жезл Фаскина – его оружие, по крайней мере, было настоящим. Белоснежная мантия безликого была изрезана битым стеклом и насквозь пропитана кровью. Он присел и, оттолкнувшись ногами от пола, совершил прыжок с переворотом через голову, словно акробат. Прыжок бы удался, если бы Пушок была не такой высокой. Ее рука метнулась в сторону и схватила священного слугу Селезнии за лодыжку. Ангел позволила инерции безликого изменить траекторию, и с силой ударила обезумевшим существом о пол лаборатории. В ответ, безликий сильно лягнул ногой по колену Пушка. От удара ангел опрокинулась на бок, и столкнулась с рычащим волком.

Кос попытался прицелиться жезлом до того, как фигура в белой мантии сможет подняться, но безликий оказался слишком быстрым. Он ударил кулаком в предплечье Коса и выбил оружие у него и рук. Короткий меч Коса был уже наполовину вытасчен из ножен, когда безликий повернулся в широкой подсечке, выбив опору из-под ног воджека и, не дав Косу упасть, ударил его коленом в живот. Задышавшись, Кос рухнул на пол.

Фонн, все еще находившейся в легком трансе от общения с Байулом, понадобилось чуть больше времени, чтобы отреагировать. Она достала свой меч и повернулась к безликому. Поворот был всем, на что ее хватило. Безликий прыгнул к ней, в воздухе нанося удар ногой с разворота, который отбил ее меч в сторону полки, наполненной банками с образцами. Битое стекло разлетелось во все стороны, также нанося порезы на тыльной стороне руки Фонн. Меч застрял в стене над полкой. Фонн использовала его, как рычаг для прыжка, чтобы самой совершить ножничный удар ногами, но безликий без труда поймал ее лодыжку и швырнул ее через всю лабораторию, на все еще откашливающегося Коса. От столкновения, оба они покатались по засыпанному осколками стекла и залитому кровью полу.

Джерад попытался напасть на безликого с его слепой зоны, но по-видимому, у этого существа не было слепых зон. Он двинул локтем в живот удивленному Девкарину, даже не повернув голову в его сторону, и сразу ударил его в лицо тыльной стороной кулака. Удар отбросил эльфа спиной о металлический столб и Джерад, обмякнув, стек по нему на пол.

- Могло быть и хуже. По крайней мере, это всего один из них, - сказал Борка, и добавил, - Кос, берегись!

Кос отчаянно потянулся к оброненному жезлу, видя, как безликий развернулся и полетел в его сторону. 'Джеку удалось схватить дубинку и переключить ее в режим огневого жезла в тот самый момент, когда забрызганная кровью фигура достигла его. Он навел прицел на него и рявкнул команду, выпускающую энергию оружия в едином, смертоносном залпе.

- *Врази!*

Ничего не произошло. Безликий вырвал дубинку из его рук, и Кос понял причину осечки – псевдо-Фаскин вынул из жезла все заряды. «Кос, старый ты дурак, *всегда* проверяй свое оружие», успел подумать он. Это начинало входить в привычку. Безликий швырнул жезл через плечо и ударил Фонн ногой в лоб в тот самый момент, когда она тоже начала пониматься на ноги. Удар снова отбросил ее назад, на спину.

Безликий занес ногу над головой Коса, и он поднял руку в слабой попытке закрыться от смертельного удара.

Пылающий шар красной энергии вылетел откуда-то со стены над телом мертвого локсодона и врезался в спину безликого. Огненный шар охватил существо и в считанные секунды он уже весь полыхал ярким пламенем. Мантия безликого вспыхнула, и Кос попытался отползти подальше от нестерпимого жара. Все еще комично держа одну ногу в воздухе, безликий еще несколько секунд шипел, объятый огнем и, наконец, повалился на спину. Волшебное пламя еще немного померцало и погасло само собой.

- Пушок? – простонал Кос, щурясь от застилающей глаза крови, текущей из мелких порезов по всему его лицу. Он поднялся на колени, пытаясь сфокусировать взгляд на ангеле. Пронзительный запах тушеного безликого заполнил его ноздри и легкие.

- Это была ты?

- Нет, это был я, - сказал Пивлик. С громким металлическим скрежетом, он ударом ноги выбил металлическую решетку, закрывавшую вентиляционную шахту, и вынырнул из технического отверстия. Он с легкостью приземлился на ноги перед трупом локсодона и осмотрел помещение. В руках у него дымился огневой жезл, вдвое больший тех, что нашли Джерад и Фонн. В стволе жезла ярким оранжевым светом сияли четыре зарядные капсулы.

- Ты что здесь делаешь? – спросил Кос.

- Та еще благодарность, - сказал Пивлик. – Ты хоть представляешь, как долго мне пришлось ползти по этой вентиляции, с моими-то крыльями, друг мой?

- Кос, - сказала Пушок, - взгляни на это. – Ангел указала на труп безликого, чья мантия выгорела, обнажив его плечи и голову. Волосы были сожжены, глаза удалены, но лицо Кос все же узнал. Это было лицо торговца, который всего пару дней назад искал свою погибшую жену.

- Ребята, - сказал Кос, - мне кажется, что-то очень странное случилось с безликими.

- Кос, ты и половины всего не знаешь, - сказал Борка. – Осторожно!

- Что? – сказал Кос. Он повернулся к разбитой стеклянной перегородке как раз в тот миг, когда в лабораторию влетела пара безликих. Из-за громких криков, звуков борьбы в здании, и какофонии в самой лаборатории, их приближение никто не заметил. Они бросились к Фонн, схватили ее за локти, и вытащили из помещения настолько быстро, что их едва ли заметил кто-нибудь кроме Коса и Борки. Последний отчаянный крик Фонн растаял вместе с ее похитителями в темноте участка.

Бираказир с яростным рычанием помчался за ними. Кос, Пушок и Джерад обменялись ошеломленными взглядами, и бросились за волком.

- Заморозь здесь все, - крикнул Кос через плечо Хеллигану. – Мы скоро вернемся. Надеюсь.

* * * * *

Людмила возвышалась в седле своего ездового ящера, осматривая окружающие ее разрушения. Глупые воджеки слишком долго полагались на присутствие Десятого каменного титана, который был способен отразить любое нападение, но горгона знала, что этот гигант не шевелился на протяжении тысячелетий. За это время Центральный Форт и ближайшие сооружения выросли вокруг гранитного воина, и теперь эта недальновидность будет преследовать Лигу Воджеков в ее кошмарах.

К слову о недальновидности, воздушный 'джек выбрала именно этот момент, чтобы напасть на горгону с воздуха. Людмила просто метнула взгляд вверх. Наездница подняла руку, заслонив ладонью лицо, но у Руха, несущего ее на себе, не было такой возможности. В считанные секунды он превратился в каменную глыбу и с грохотом рухнул на красную кирпичную кладку павильона Рокирика.

Даже ее собственные воины пытались избегать ее, а 'джеки и вовсе впадали в панику. Она натянула поводья и призвала к себе троих охотников Девкарин. У нее было для них задание.

- Трассеж, Зссурно, Варл, - прошипела она, - возсссьмите фалангу жшшуков-копателей. Сснимите их ссо сстен и переведите их под титана.

Траж кивнул и улыбнулся, инстинктивно отворачиваясь во избежание случайного взгляда в неприкрытые маской глаза горгоны.

- Это будет легкая добыча, Верховнокомандующая, - ухмыльнулся он.

Выдавать себя за офицера воджеков строго запрещено.

—Муниципальные Постановления Равники

28 Зуун 9999 П.Д., Перед рассветом

Небольшому отряду Коса потребовалось полчаса на то, чтобы пробиться сквозь участок Лиги и выбраться наружу, где их ожидала потрепанная яхта Пивлика. Безликие – если это *действительно* были безликие; обожженное лицо Венвела Колкина под льняным покровом заставило Коса усомниться даже в этом – заполонили Десятый участок Лиги, нападая на всех выживших воджеков. Тем не менее, тех двоих, которые утащили Фонн, нигде не было видно.

Поначалу, никакой организованной защиты не было, несколько ‘джеков перегруппировывались, опрокидывая шкафы и столы, создавая баррикады из подручных материалов. К тому времени, как Кос, Пивлик и остальные добрались вслед за Бираказиром до ворот, защитники участка уже перешли в более координированные контратаки. Косу отчаянно хотелось остаться и защитить своих соратников, но когда они вышли в предрассветную мглу, в небе над ними они заметили Фонн. Похитители уносили ее в сторону центра, к Виту Гази.

Все случившееся едва укладывалось в голове Коса. Как давно Фаскин был одним из этих Лупулов? Был ли он единственным из них? Может ли Кос доверять тем, кто сейчас рядом с ним? Он предположил, что может. Если бы самозванец был рядом с ним сейчас, он бы наверняка бы уже попытался перевоплотиться, как это сделал Фаскин. Он хотел задать тысячу вопросов Пушку о том, что она знала об этих крадущихся, но на это просто не было времени. Также, ни он, ни Пушок не могли объяснить, как Венвел Колкин всего за несколько дней превратился из несчастного туриста в безликого. Кос вдруг осознал, как мало он, и все остальные, знали о Конклаве и его завуалированных слугах.

Так или иначе, они приближались к ответам. Они отправятся к Виту Гази и спасут Фонн, или погибнут, пытаясь ее спасти.

Пушок первой достигла ворот и распахнула их, впустив внутрь холодный воздух и первый свет предрассветного неба. Кос все еще доставал осколки стекла из ран на лице, когда они выбежали на ступени главной лестницы.

- Ты ужасно выглядишь, - произнес призрак Борки. – Ты весь в крови.

Кос осмотрел ступени и плац у входа в участок, выстроенные по подобию участка Лиги при Центральном Форте. Безликих нигде не было видно, но очевидно у них было время на то, что бы изуродовать яхту Пивлика перед тем, как напасть на участок. Оставшийся двигатель валялся разбитый на брусчатке, а само огромное земноводное издавало жалобный хрип при каждом вздохе. Несколько его газовых пузырей были пробиты, но оно все еще лениво парило в нескольких футах от земли.

- Ах, эти вонючие... - воскликнул Пивлик. – Она же никому ничего плохого не сделала. – Кос никогда не слышал, такой ярости в голосе этого благовоспитанного беса.

- Как думаешь, ты сможешь поднять ее в воздух? – спросила Пушок.

- Возможно, - ответил бес, - но без двигателей и с такими ранами, она не сможет долететь, да? С тем же успехом, мы можем на себе нарисовать мишени и вернуться в участок, мой ангельский друг.

Ворота за ними с треском распахнулись, и Кос увидел лейтенанта Мигеллик, сержанта Рингора – с несвойственной ему мрачностью на лице и налитыми кровью глазами – и небольшой отряд ‘джеков выстроился в проходе. Они были все перепачканы кровью и лоскутами побагровевшей белой ткани, но все они были живы и выглядели решительно.

- Кос! – крикнула Мигеллик равному себе по званию воджеку. – Что ты делаешь? Возвращайся сюда, участок осажен.

- Знаю, - сказал Кос, подбегая к ним. – Ледев, выжившая после взрыва, возможно, может их остановить, но они утащили ее. Скорее всего, к Виту Гази. Мы пытаемся добраться до них. Ты не знаешь, не осталось ли птиц, которых еще не отправили в Центральный Форт?

Мигеллик взглянула за спину Коса на искореженную дирижабу и разбросанные тела несчастных охранников, пытавшихся остановить натиск безликих.

- Нет, - сказала она. – Они все отправлены туда, и я надеюсь, что это не обернется для нас роковой ошибкой. – Как и Кос, Мигеллик работала в Десятом участке давно и регулярно видела вещи, способные свести обычного человека с ума. Она всегда принимала их с достоинством. Одна ее поднятая бровь могла говорить о многом, и горечь в ее голосе сейчас была равносильна паническим воплям любого обычного существа.

- Удачи. Если ублюдки в том дереве такие же психи, как эти сволочи здесь, или те уроды, которые напали на ‘Форт - ты знаешь, что делать. Мы постараемся удержать участок до твоего возвращения.

Кос кивнул. Без Фаскина, Мигеллик вынуждена будет возглавить оборону участка. Его муки совести за бегство от сражения были теперь немного приглушены.

- Рингор, - обратился он к сержанту, - Прости за Фаскина. Все случилось слишком быстро, я ничего не смог сделать. – Он не сказал, во что Фаскин превратился перед смертью. Кос все еще не был уверен, что сам верит во все это. В этом ракурсе, он не был уверен, что Рингор, это Рингор, но тот факт, что он стоял сейчас здесь, был мощным доказательством того, что зять Фаскина был именно тем, кем выглядел.

- Просто убей хоть пару, когда доберешься туда, Кос. - Прорычал в ответ человек, ранее известный своей мягкостью. – Кто-то открыл врата преисподней, - он махнул мечом в сторону роя безликих, мелькающих в свете огней Центрального Форта, - и если Конклав не сможет это остановить, мы *все* здесь трупы.

Кос быстро попрощался с товарищами. Они заперли ворота и вернулись к сражению внутри участка. Кос еще раз взглянул на израненную дирижабу и вздохнул. Им нужно быстро добраться до центра, и на ум ему приходил всего один способ. «Разия, прости меня», мысленно помолился он ангельскому гилдмастеру Борос, но если ты должна винить кого-то за это, вини меня, а не ее.

Он почесал шею Бираказира - волк, похоже, понял, что он теперь был с ними, как только увидел уносящуюся в даль Фонн, но все еще продолжал рычать - и повернулся к ангелу.

- Пушок, - сказал Кос, - нам нужно добраться до Виту Гази, и ты единственная, кто может нас туда доставить. Я никогда не спрашивал, за что тебя перевели в Лигу, но что бы

это ни было, другие ангелы не желали бы, чтобы ты оставалась скованной в случае нападения на столицу.

Пушок кивнула и сбросила тяжелую накидку с плеч.

- Кос, тебе не нужно оправдывать свою просьбу. Я разберусь с последствиями. Но мне нужна твоя помощь. Я не могу сама снять оковы.

- Погоди, что ты делаешь? – спросил Пивлик.

- Единственное, что могу, - сказала ангел. Она повернулась спиной к Косу. Он быстро осмотрел оковы, ближе, чем когда-либо раньше. Без единого стыка, серебряные скобы огибали каждое крыло.

- Пушок, что нужно делать? – спросил Кос.

- Ты должен просто пожелать этого, а затем положить руки на оковы, - сказала она.

- И все? Почему ты не попросила меня помочь тебе избавиться от оков ра... не важно.

Кос сконцентрировал всю свою волю на оковах. Послышалась серия *щелчков*, и одна за другой скобы раскрылись в ладонях 'джека. Впервые со дня их первой встречи, ангел Пушок расправила свои крылья в первых тусклых лучах утреннего солнца.

Кос взглянул в пылающие глаза ангела и понял, что он никогда раньше по-настоящему не знал Пушка.

- Эм, Пушок? – спросил Кос, - ты в порядке?

Ангел сделала пару пробных взмахов крыльями, оторвавшись на несколько футов от земли.

- Очень даже в порядке, - ответила Пушок, паря в воздухе. – Мистер Пивлик, у Вас найдется какая-нибудь веревка?

* * * * *

Зияющая воронка разверзлась прямо под могучими ногами каменного титана, когда, согласно стратегии Людмиллы, из-под него была вырыта целая секция пропекшейся земли. Как только его собственный вес проломил тонкий каменный слой, оставленный жуками-копателями, Десятый страж рухнул на столько тяжело, на сколько этого можно было ожидать от каменного титана, к тому же, под самым неудобным углом для его ног. Падение не было глубоким, он провалился всего лишь по гранитные голени, но этого было более, чем достаточно. Пальцы его ног, не рассчитанные на то, чтобы поддерживать вес Зобора под таким углом, врезались в твердую почву и отломились. От этого весь корпус титана наклонился вперед и, спустя несколько жутких секунд хруста и треска, ноги Зобора раскололись в коленях. Титан пробил лицом внешнюю стену Центрального Форта, сбрасывая по пути ошеломленных воджеков с их катапультами и баллистами со своей головы и плеч.

Страшный грохот сотряс весь город, когда титан завершил свое медленное падение на середину широкого павильона, круша под собой кирпичные кладки и золотые фонтаны опустевшей площади. Большинство горожан и безгильдийных, которые были там, уже давно сбежали. Голова титана завершила свой путь, пробившись сквозь основание прославленной, древней Башни Физми, одной из нескольких реликвий Равники, сохранившейся со времени прихода титанов. Людмилле показалось символичным то, как

башня треснула у самого основания и обрушилась на спину поверженного стража. От столкновения башня развалилась на куски, проломив позвоночник и плечи титана, не дав искалеченному гиганту ни единого шанса встать на ноги. Трещины быстро расплозились по его рукам и спине, и вскоре массивные чресла под собственным весом разломились в суставах и откололись от огромного торса титана. Десятый страж был четвертован, обезврежен, и во всех смыслах мертв.

Людмила улыбнулась. Она готова была держать пари, что никто никогда ничего *подобного* не совершал. И когда эта девчонка Девкарин покончит со своей бесполезной затеей и вернется к горгоне, она сделает так, что бы вся Равника никогда не забыла о ее делах. Убийца ее сестер дорого заплатит за свое предательство. Горгона не представляла, почему жрица одарила свою соперницу целой армией. Тератогены были ее народом. Они, возможно, забыли об этом, но Людмила скоро освежит их память.

Единственное, что тревожило Людмилу, было отсутствие ангелов. Даже Савра рассчитывала, что войска горгоны столкнутся с крылатыми слугами гильдии Борос в самом разгаре сражения, и все же, летающей ангельской цитадели, Дома Солнца, все еще не было видно. Она вновь осмотрела светлеющий горизонт, но так ничего и не увидела.

Что же они задумали?

* * * * *

Так вот каково это было - быть богом.

Как только Савра выпустила своих безликих – войско, которое она тайно собирала десятилетиями, вливая своих бойцов в ряды слуг Конклава Селезнии, прямо под носом у церковников Жизни – Конвокация призвала ее к Виту Гази. Вполне ожидаемо, она ощутила, как магия Селезнии окутала и материализовала ее внутри кокона, в центре круга Конвокации, священного кольца, помещенного в Древо Единства на высоте, открывающей ей панорамный вид на город вокруг нее, но не настолько высоко, чтобы быть выше облачного покрова.

Итак, Конклав Селезнии изнывал от нетерпения. Отлично. Она тоже. Она и так ждала уже более, чем достаточно.

Мысли поющих дриад и других членов высокого собрания звенели в ее голове, и она пела с ними – мрачную зауспокойную мессу, которую она вплетала в источник священной песни так же, как она десятилетиями вплетала тысячи некротических нитей в самые корни Виту Гази. Даже сейчас ее тьма растекается в их душах, хотя они об этом даже не догадываются. С помощью Савры, дерево начало отмирать изнутри, но смерть, это еще не конец – волокна, вплетенные в его корневище, пропитали мертвую древесную материю магией Девкарин, которая постепенно ослабила сопротивляемость Селезнийцев. Они вверили ей управление сотен безликих, а ее тайный союзник предоставил ей сырье для создания еще большего их количества.

Ей недостает лишь одной детали – камня, который девчонка ледев наконец-то добыла для нее – для ее полной власти над этим слабодушным собранием.

Было так просто манипулировать ими с поддельной добродетелью и сладкими речами. Они говорили, что хотят принять в паству своих братьев и сестер Девкарин. Они уверяли ее, что она непременно должна ощущать притяжение Матери Селезнии в своей

эльфийской крови. Затем они умоляли помочь им сохранить жизнь Виту Гази, не зная, что «болезнь» поразившая Древо Единства была делом рук самой Савры. За последние несколько лет, Древо, медленно, но уверенно, стало ее созданием. Конклав Селезнии полагал, что они борются с одним видом разложения, но в своей слепоте, они открылись другому. Единственная часть, которой она не могла коснуться, была спрятана глубоко в сердцевине титанического ствола дерева, но и эта часть также скоро будет ей доступна. В этом она не сомневалась.

Она сказала дриадам, что иного пути нет. Она объяснила им, что воджеки были пропитаны проказой, и показала им одного из союзнических крадущихся, чтобы «доказать» это. Ей нужны были дополнительные силы, чтобы искоренить эту проказу. Она сказала им, что для того, чтобы заклинание Пакта Гильдий, окутавшее весь мир, могло выжить, необходимо чем-то пожертвовать. Матка оставила им достаточное количество слуг, чтобы они были довольны, и просила не беспокоиться. Она возьмет на себя всю тяжелую работу по умиротворению «прокаженных» ‘джеков. Она нашла умиротворение не настолько приятным, как уничтожение горгон, но и в этом тоже был определенный шарм. Безликие были беспощадными, эффектными убийцами, которых Конклав Селезнии никогда не догадывался использовать, до сего дня. И совсем скоро Савра и Конклав Селезнии станут единым целым.

Ее таинственный союзник был превосходным учителем, а Савра была прилежной ученицей.

Она с испугом сделала очередной резкий вдох, чувствуя, как в нее вливается еще один поток энергии. Дриады Конклава Селезнии продолжали отдавать ей свою силу через свое пение, свое доверие, и свою веру. Купаясь в этой энергии, она присваивала ее себе всю без остатка. К тому же, это были не только дриады и другие члены Конклава. Это были все Селезнийцы, ледев, Сильхана, и прочие последователи культа Жизни в Равнике. И вскоре, песни всех остальных существ из всех гильдий и кланов всего мира слились в одну... разве что, за исключением неверующих, но и они также слышали эту песнь. Некоторые из них, почетные представители девяти гильдий, стояли в блаженном благоговении вокруг кольца дриад.

Начиналась Конвокация. Конвокация для них, коронация для Савры.

Энергия заполнила ее до предела, и тонкий кроваво-красный первый луч солнца пробился сквозь верхушку кокона, который медленно раскрылся, подобно огромному цветочному бутону. В его центре стояла Савра во всем своем величии. Жрица Девкарин уже была королевой Голгари и вскоре объявит себя гилдмастером Селезнии – как только ее подданные принесут ей «камень мысли», который позволит ей стать полноценным членом священного собрания. Две гильдии покорены и восемь... а не семь... в перспективе.

Она посмотрела вверх, на неожиданное движение в небе и увидела двоих своих безликих слуг, возвращающихся к ней со своим брыкающимся и кричащим грузом. Они приземлились перед Саврой, с охранницей ледев, вырывающейся из их крепких рук. Девушка орала на безликих, на матку, на всех собравшихся вокруг, но лишь одна Савра слышала ее крики и распознавала звучащий в них ужас. Остальные были полностью поглощены песней.

Савра подошла к молодой полу-эльфийке, взяла ее за запястье и с силой сдавила его.

Ледев заорала от боли, чувствуя, как пальцы матки вгрызаются в ее плоть, но все же держала кулак крепко сжатым. Ногти Савры прорезали кожу, затем вены, и яркая красная кровь потекла сквозь ее пальцы, по их обоим запястьям.

- Отпусти, - сказала Савра. – Это не твое, дитя мое.

Ледев, задыхаясь, выругалась ей в лицо.

- Хорошо. Пойдем жестким путем, - сказала Савра. Украденная сила старого Свогфира пульсировала в ней. Ей не нужны были ни чьи разрешения.

С тошнотворным хрустом и фонтаном теплой крови, она оторвала ладонь Фонн от запястья.

* * * * *

Лучи восходящего солнца уже пролились на круг Конвокации в центре Виту Гази, когда дирижаб на ангельской тяге, выплыла из-за исторических зданий центральной части города и вошла в зону боевых действий. Круг был священным местом: широкая, округлая платформа, выращенная в стволе Древа Единства, достаточно большая, чтобы вмещать столько же людей, сколько поместилось бы на небольшой арене, для регулярных служб и церемоний, которые Селезнийцы проводили круглый год. Алая заря слилась с ослепительными изумрудными фигурами в центре кольца, состоящего из Конклава Селезнии, и целой рекой из существ из каждой гильдии, стекающей отовсюду к Древу Единства. Шеренги охранников ледев, эльфов Сильхана, и воинов Селезнии стояли, указывая на яркий свет в самом центре Конвокации. Масса белоснежных безликих парили вокруг священного круга, защитно повернувшись лицом наружу. Они расступились, позволив своим соратникам втащить похищенную полу-эльфийку в круг, затем вновь сомкнули ряды.

- Она уже внутри, - крикнул Джерад. – Скажи ангелу, чтобы прибавила скорости.

- Пушок! - крикнул Кос ангелу через открытую дверь пассажирского отсека, - Тебе придется протащить нас сквозь них!

- Так точно, - повернувшись, крикнула ангел. – Рекомендую вернуться в кабину. Сейчас будет трясти.

* * * * *

Фонн орала в агонии и на несколько секунд практически ослепла от боли. Затем жрица Девкарин оттолкнула ее назад, и столкновение с деревянной поверхностью Виту Гази вернуло ей зрение. Она закрыла здоровой рукой обрубок своего запястья, безуспешно пытаясь остановить потерю крови. Ей нужно было остановить кровотечение, в противном случае она рисковала потерять сознание. А если она отключится здесь, она сомневалась, что уже она когда-либо сможет прийти в себя.

Орден защитников ледев происходил, согласно легендам, от группы древних боевых монахов, скитавшихся по дорогам Равники задолго до подписания Пакта Гильдий, и боровшихся с несправедливостью и злом, исходя из базовых определений добра и зла.

Тренировки ледев до сих пор включали изучение лечебной магии. В отличие от воджеков, охранники дорог не нуждались в искусственных препаратах для остановки кровотечений.

Это не значило, что Фонн могла с легкостью пользоваться лечебной магией, особенно, когда потеря сознания уже барабанила в дверь, требуя, чтобы ее впустили. Она закрыла глаза, которые, затуманенные болью, все равно едва могли видеть, и сконцентрировалась на энергии жизни великого дерева. Энергия ощущалась как-то необычно, несомненно, из-за вмешательства жрицы Девкарин. Песня жизни звучала нескладно, словно все певцы начали фальшивить. Фонн позволила боли удерживать ее в сознании и ухватилась за единственную чистую ноту среди атонального хора, притянув ее к себе. Практически сразу же шок и боль утихли, и артериальная течь остановилась, когда сырая новая кожа затянула рваную рану на ее запястье. Рана без труда могла вскрыться снова, но, по крайней мере, сейчас Фонн уже не умрет от потери крови.

Она перекатилась на спину и посмотрела в небо, чувствуя, как отчаянье сжимает ей сердце. Возможно, ей все же стоило позволить себе умереть. Как она может жить дальше, продолжать службу охранницы ледев, когда Селезнийцы готовились принять в свои ряды некромантшу?

Фонн увидела движение на западе и решила, что у нее галлюцинации. Ангел, с золотыми крыльями, пылающими в первых лучах восходящего солнца, пробила брешь в парящей стене безликих. И не просто ангел. Это была Пушок, освобожденная от ее волшебных оков. Через одно плечо она неправдоподобно тащила веревку, буксируя искалеченную дирижабу Пивлика. Яйцеобразная оранжево-розовая кожа земноводного была усеяна омертвевшими, серыми пятнами, которые уже никогда не заживут. Ангел отпустила веревку, как только дирижаба прошла сквозь живое ограждение, и парящее земноводное ударилось о внутренний ствол Виту Гази. Теряя высоту из-за изрешеченных газовых пузырей, яхта лениво опустилась вниз, и села у края собравшейся толпы.

Пушок отбросила веревку, заметив Фонн, и спикировала к ней.

- Твоя рука... - начала ангел.

- Да, - ответила Фонн и указала на фигуру, ступающую в центр круга дриад, чье пение продолжалось не утихая. Матка Девкарин вытащила простой зеленый камень из вырванной ладони Фонн. Она отшвырнула жуткую конечность в сторону и подняла камень вверх.

- Любовь моя, - сказала она, - время пришло.

* * * * *

Кос выпрыгнул из открытой кабины и помчался по деревянному кругу Конвокации. Круг священного собрания, расположенный не очень высоко от площади Пакта Гильдий, со всех сторон был окружен существами каждой расы и каждой гильдии, стоящими разинув рты от благоговения, которое, безусловно, было результатом «песни», о которой все время твердила Фонн. Так Селезнийцы описывали состояние общности и коллективного разума, помогающего Древу Единства распространять магию мира Пакта Гильдий, который, в свою очередь, поддерживал функционирование Равники, как единого общества. Для не-Селезнийца, это не было похоже на обычный звук, как это понимал

Кос. Но, тем не менее, любое живое существо способно было чувствовать эту песнь на каком-то подсознательном уровне. Эльфы были особенно восприимчивы к ней.

Преследуемый Джерадом и Бираказиром – Пивлик решил остаться и помочь своей дирижабе в ее страданиях – Кос мчался к Фонн и Пушку. Одна рука Фонн была изуродована, ее культия была затянута тонкой мембраной полупрозрачной кожи. Он проверил пояс на наличие ‘капель, но, конечно, он их давно уже использовал сам.

Удивительно, но, несмотря на то, что их раненая дирижаба только что села на край круга, и они сейчас стояли вплотную к поющему Конклаву Селезнии, никто, включая безликих, не обращал на них ни малейшего внимания.

- Фонн, - сказал Кос, кивком головы указывая на место, где была ее ладонь, - что случилось?

- Вот это случилось, - сказала Фонн с горечью в голосе и указала здоровой рукой на жрицу Девкарин, стоящую в центре кольца дриад. Жрица Девкарин – *та самая* жрица Девкарин, догадался он – держала камень на вытянутой вверх руке и говорила что-то, чего Кос не слышал.

- Я должен ее остановить, - сказал Джерад и вытащил свой кинжал.

- Ты, правда, думаешь, что нас достаточно, чтобы с ней справиться? – сказал Кос. – Нас всего четверо, пятеро, считая волка, шестеро, считая беса, который не оставит свою яхту.

- Я должен попытаться, - сказал Джерад. – Я не пытался, когда была возможность. Но она моя сестра, и я понятия не имел...

- Ладно, погоди, - сказал Кос.

- Кос, - сказал призрак Борки.

- Пушок, мне не приятно просить тебя об этом, но ты можешь добраться к Дому Солнца? Я не знаю, почему здесь до сих пор нет ангелов, но...

- Могу, - сказала Пушок, расправляя крылья, - но я не решаюсь оставить вас наедине с ней.

- Кос, - повторил Борка.

- Мы сейчас – не главное, - сказал Кос. – Даже если они не придут сюда вовремя, чтобы спасти нас, они наверняка смогут сделать что-нибудь с ней. – Пушок выглядела неуверенной. – Пушок, я прикажу тебе, если понадобится, - добавил он.

- Остайся в живых, - сказала Пушок. – Я вернусь, и меня очень сильно огорчит, если тебя убьют, Кос.

- Кос! – крикнул Борка.

- Спасибо, Пушок, - сказал Кос и взглядом проводил ангела, взмывшую в стремительно темнеющее небо.

Безликие заняли позиции вокруг круга Конвокации, путь к небу оставался открытым – Пушок просто взлетела вверх, над живой стеной, не столкнувшись ни с одним из них. Спустя несколько секунд, быстрокрылая воительница скрылась из виду, но теперь все внимание Коса привлекло само небо. Свет восхода растаял под вздымающимися тучами, затмившими солнце, среди взвихряющейся тьмы раздался треск молнии. Небо обрело вид, цвет и консистенцию кипящей смолы, неестественно тягучей и плотной.

Утреннее солнце исчезло, и на его месте вновь воцарилась беззвездная ночь, заполненная клубящимся туманом и жуткими крылатыми тенями, которые, возможно, были иллюзией, а возможно и нет. Тени кружили вокруг огромной воздушной воронки,

образовывающейся в самом центре чернеющей тьмы, водоворота, уходящего в небесную высь. Поэтому, догадался Кос, безликие не заграждали доступ к небу.

Целиком поглощенный зловещим видом темнеющего небосвода, Кос не обратил внимание, пока уже не было слишком поздно, что кто-то подошел к нему со спины. Пара рук, твердых, как металл, сжали его медвежьей хваткой, прижав его руки по швам. Он не мог разглядеть, кто схватил его, но кто бы это ни был, это был мужчина, носивший медные нарукавники офицера воджекков.

- Эй! – выкрикнул Кос, но Фонн и Джерад не ответили. Он попытался повернуться в объятиях своего пленителя и увидел, что оба они стоят, уставившись на жрицу Девкарин в центре круга, слушая звуки песни. Они, как будто совсем не замечали его. Песня захватила даже волка Бираказира.

Сейчас Кос сильно жалел, что отослал Пушка за помощью, хотя и понимал, что это было наиболее верное решение. Тем не менее, у него все еще оставался один союзник.

- Борка! – крикнул Кос. – Ты где? Кто... уфф... кто меня схватил?

- Кос, я бесполезен в качестве второй пары глаз, если ты меня не слушаешь, - сказал призрак Борки, паря перед Косом с возмущенно поднятыми призрачными бровями. – Это генерал-командующий Гарти. Он выглядит настолько же счастливым, как и все остальные. Кос, я думаю, ты единственный - ну, вместе со мной, но я, типа, не считаюсь, не так ли? - Мы единственные, кто не подвержены этому всеобщему гипнозу.

- Что-нибудь еще происходит у меня за спиной?

- Они все просто смотрят, - сказал Борка. – Но вот, что смешно... Ты тут единственный воджек, кроме Гарти, Валенцо и Форензада. И меня, но мы это уже обсудили.

- Значит, Гарти держит меня, - сказал Кос. – Что делают остальные?

- Стоят за спинами Девкарина и ледев.

- Гарти! – крикнул Кос, - Очнитесь! – Он снова повернулся в железной хватке генерала-командующего, но тот оказался гораздо сильнее, чем выглядел. Кос был беспомощен.

- Как бы я хотел, чтобы ты был осязаемым, - сказал Кос.

- Я тоже. Я был бы все еще жив, - сказал Борка. – Но что я могу поделать?

- Можешь...

Еще один раскат грома и вспышка молнии прервали Коса на полуслове, и против воли, он снова взглянул на небо.

Фигура в черном капюшоне появилась из клубящейся тьмы, паря вниз из образовавшейся воздушной воронки. Его плащ и накидка простирались на ветру, словно крылья летучей мыши. Фигура вполне могла быть одним из безликих, все, что его от них отличало, было, его полностью черное облачение, бледная, нижняя часть лица, виднеющаяся из-под капюшона, и пара одинаковых серебряных клыков, пронзавших тонкую линию его черных губ, видимых даже с ракурса Коса. Вновь прибывшее существо спускалось с небес, словно темное божество.

Кос надеялся, что он ошибается. Он снова повернулся к призраку Борки.

- Иди, найти того, второго парня, который может тебя видеть, кроме меня, и скажи ему, чтобы прихватил с собой тот его большой огневой жезл, - закончил Кос, - и поторопись!

- Точно, - сказал Борка. – Сейчас вер...йааааа!

Перед испуганными глазами Коса, спускающаяся фигура подняла руку, и призрак Борки был оттащен от 'джека, словно его заарканили невидимой веревкой. Воющему привидению удалось выкрикнуть впечатляющую тираду ругательств, перед тем как оно растворилось в гладкой коре Виту Гази и пропало навсегда.

Сердце Коса сжалось. Он не просил Борку приставать к нему после смерти, но он уже свыкся с этой мыслью. И вот так неожиданно, его больше не стало.

Но в данный момент у Коса были более срочные заботы, по крайней мере, если он намеревался не повторить судьбу Борки. Он наклонил голову и попытался получше разглядеть пару в самом центре Конвокации.

- Любовь моя, - сказала Савра.

- Моя освободительница, - сказал вампир. – Настало время твоего предназначения.

- Это не очень хорошо звучит, - сказал Кос, но не было никого, кто бы мог его услышать, а если и были, они никак не отреагировали на его слова.

Да, Сзедек, - сказала Савра и подняла зеленый камень над головой. Она прижала его к своему лбу, и камень стал светиться все ярче и ярче, вращаясь в ее кожу и череп. Она отпустила камень, теперь уже являвшийся частью ее самой, и распростерла объятья своим новым родственникам. Впервые за десять тысяч лет, две гильдии слились в коллективном разуме Конклава Селезнии. Савра взяла единственную, протяжную ноту, пронзившую хор, звенящий даже в циничной голове Коса, хотя он и не был так же блаженно счастлив, как все собравшиеся вокруг круга Конвокации и внизу, на улицах жители.

- Прекрасно, дитя мое, - произнес вампир. – Чувствуешь ли ты силу? Слышишь ли ты их? Слышишь ли ты Конклав Селезнии?

- Да, любовь моя, - блаженно произнесла Савра. – Я слышу их, и они все мои.

- Превосходно, - сказал вампир. Он ласково закрыл уши Савры своими ладонями, затем резко провернул ее голову, с хрустом сломав ей шею.

Если существует всего девять гильдий, зачем тогда десять титанических стражей? Десять секторов Равники? И десять лучей на нагрудном знаке воджека? Это явно не простые совпадения.

— «Десятая Гильдия: Факт или Вымысел?»

Журнал Пакта Гильдий Равники

(13 Зуун 9451 П.Д.)

28 Зуун 9999 П.Д., Рассвет

Савра рухнула на пол арены, словно сломанная игрушка. В тот же миг, Конклав Селезнии с криками пал на колени. Дриады извивались и корчились, словно их жгли заживо, вырывая с корнем клочья своих листовых волос, и царапая ногтями собственную кожу. Затем, одна за другой, они в судорогах откинулись на спину и замерли.

- Фонн! – крикнул Кос. – Джерад! Гарти! *Кто-нибудь!* Очнитесь же!

- Я так не думаю, - сказал вампир. – Лупул, разберись с ними.

Валенцо и Форензад – по крайней мере, то, что выглядело как Валенцо и Форензад – шагнули вперед, и схватили Фонн и Джерада, развеяв, тем самым, чары, под действием которых находились последние. Кос, с нарастающим ужасом понял, что Гарти уже вряд ли когда-либо очнется. То, что держало его сейчас, был вовсе не Гарти, а что-то похожее на то червивое существо, которым оказался Фаскин. Что ж, подумал он, это тоже был способ увильнуть от предложенного повышения.

- Савра? – сказал Джерад, увидев искореженное тело сестры, лежащее у ног вампира в черном плаще. – Савра! – Джерад переметнул взгляд на вампира. – Что ты с ней сделал, чудовище?

Вампир проигнорировал Девкарина и поднял руки с неестественно длинными пальцами вверх, обращаясь к озадаченной толпе, которая только начала отходить от чар Савры. Одновременно с его жестом, безликие разделились на две группы, разбив прежнюю формацию живой стены. Каждая группа построилась в шеренгу по обеим сторонам от вампира, затем все они отлетели и прижались к внешнему стволу Древа Единства, возвышающемуся вокруг круга Конвокации.

- Жители Равники, - сказал вампир, - десять тысяч лет вы держали меня в заточении. Ваши гилдмастеры и ваш Пакт Гильдий удерживал меня, как угрозу их «мирной жизни». Вы все замешаны в этом преступлении, и вы все за него заплатите. – Он улыбнулся, сверкнув зловещими серебряными зубами. – Стоит ли говорить, что заплатите вы кровью. Но сначала завершим...

Кос услышал низкий животный рев позади себя, и поток золотистой шерсти пронесся над его головой. Волк Бираказир, освобожденный от песни и не сдерживаемый крадущимся в чьем-либо облики, бросился на фигуру в черном плаще, обращавшуюся к толпе. На долю секунды, Кос увидел неподдельное удивление в глазах вампира. Разинув пасть, Бираказир прыгнул на живую легенду, Сзедек в нужный момент нанес сокрушительный удар кулаком в волчий висок. Удар изменил траекторию прыжка, и волк, тяжело дыша, рухнул на деревянный помост. Со своего ракурса, Кос не видел голову

животного, но хрип Бираказира говорил о том, что травма была тяжелой. Он услышал, как Фонн выкрикнула имя волка и проклятие в адрес Сзедека. Джерад поддержал ее.

Воджек все еще с трудом верил в то, что это действительно *был* Сзедек. Но после всего, что произошло за последнюю пару дней, он решил, что ему не следовало удивляться. Прямо сейчас, Виту Гази могло отрастить пару ног и отправиться в полярные регионы, и это вряд ли бы уже удивило Коса.

- Как я говорил, - возобновил свою речь собравшимся Повелитель Шепота, - сегодня ваш Пакт Гильдий умрет. – Он повернулся к шеренгам безликих и сказал, - Начинайте.

* * * * *

Фонн думала, что ее стошнит. Сначала, она потеряла Байула – дважды. Но даже это казалось ничтожным по сравнению с душераздирающей агонией от того, что весь Конклав Селезнии был уничтожен в одно мгновение, а теперь и Бираказир принес себя в бесполезную жертву. В который раз она пожелала, что бы они с ее подопечным никогда не возвращались в столицу Равники. У нее не больше оставалось друзей, и это тяжелым грузом ложилось на ее сердце.

Задыхающийся хрип вывел ее из приступа жалости к себе. Бираказир все еще дышал! Если ей удастся добраться до него, она, возможно, сможет ему помочь. Было видно, как из его пасти струится кровь, но его бок вздымался и опадал. Он был жив. Это удержало ее от обморока, и она снова перевела внимание на вампира и безликих.

По приказу вампира, обе группы безликих прижались к Виту Гази. Их тела начали светиться, пульсируя внутренним светом зеленого и синего цвета, что делало их похожими на фигуры из крашеного стекла. Свет вспыхнул внутри них, и через несколько секунд, в которые Фонн пришлось закрыть глаза рукой, чтобы не ослепнуть, обе шеренги безликих исчезли в одновременных вспышках.

Древо Единства содрогнулось, словно от землетрясения.

- Фонн, - спросил Кос, - дерево должно себя так вести?

- Что это? – сказал Джерад. – Что происходит?

- Думаю, - произнесла Фонн с неподдельным ужасом, - он пытается выпустить Мать Селезнии.

- Но она всего лишь миф, - сказал Кос, но напомнил себе, что он уже сегодня видел один миф, возрожденный к жизни. – Разве нет?

- Нет, - сказала Фонн. – Она реальна. Она в Древе Единства.

- Я думал, это образное выражение, - сказал Кос.

Грохот усилился, но стальная хватка оборотней крепко держала их на месте. У Фонн не осталось сил, и она уже не сомневалась, что вскоре их всех поглотят черви. Она со скорбью взглянула на Бираказира, чье дыхание становилось все более редким. Фонн колотила руками и ногами своего пленителя, но хватка псевдо-воджека не ослабевала. Она звала Бираказира, но волк был не в силах даже поднять свою морду, в знак того, что он ее слышит.

Сооружение в центре дерева, вновь сложилось в подобие огромного тюльпанного бутона. Его охватило такое же пульсирующее сияние зеленого и синего цвета, каким

светились исчезнувшие безликие, и у Фонн появилось дурманящее предчувствие, куда они на самом деле делись.

Не успев полностью закрыться, бутон вновь раскрылся, словно гигантский цветок. Мертвый цветок, сгнившие лепестки которого, отделились от основания и с влажными шлепками опали на деревянный помост. Слой за слоем кокон окрашивался в темно-синий цвет, сбрасывая прогнившие лепестки, пока его содержимое не явилось во всем своем блеске. Ошеломительное сияние, исходившее от свернутой в позе эмбриона фигуры в центре платформы, окатило арену Виту Гази, словно солнечный свет зеленого цвета. Фигура развернулась и выпрямилась внутри своего кокона, который развалился при этом на куски, как только она встала в полный рост.

Фигура была женской и Фонн безошибочно знала, кем она была. Это единственное существо некогда являло собой священное собрание Конклава Селезнии, единый элементаль, созданный слиянием десятком древнейших дриад, принесших в жертву свою индивидуальность и свободу десять тысяч лет назад, дабы предоставить всему миру шанс на перманентное мирное существование. Сейчас она была не столько дриадой, сколько элементом, облаченным в кожу из корней и волокон, с огромными кристаллами, вплетенные в ее ноги и руки. Еще один огромный кристалл обрамлял ее голову. Парун гильдии Фонн, изменивший свой внешний вид за десять тысяч лет пребывания в питательных объятиях Виту Гази. Она и *была* единством. Ее сердце было сердцем Пакта Гильдий. Без нее, законы, ограничивающие права гильдий Равники, давным-давно бы рухнули в бездну хаоса. Это была не просто вера Селезнийцев. Это была история. У Равники она была богатой, и Фонн прочла о ней столько, сколько смогла. История заставила ее восхищаться и любить это существо больше, чем тысячи Конвокаций или священных собраний. Она не могла себе даже представить, что когда-либо увидит священную мать, по крайней мере, уж точно не в этой жизни. Никто не мог такого представить.

- Мать Селезнии, - прошептала Фонн.

Песня возобновилась, но теперь она не влекла в транс. Это была чистая песня жизни. У Фонн захватило дыхание от ее красоты, но при этом, песня не была управляющей или доминирующей. Сердце Фонн замерло, когда ее священный парун завалился на бок и тяжело рухнул на помост, рассеяв лучи света у ног Сздека. Она не могла поддерживать собственный вес после стольких лет пребывания в утробе Виту Гази.

Вампир вцепился когтями обеих рук в Мать Селезнии, согнулся над ней все еще сияющим телом, и подтащил ее к себе вплотную, словно для любовного поцелуя. Он бросил взгляд в сторону Фонн, Джерада и Коса, затем широко раскрыл пасть и едва заметно закатил от раздражения глаза.

- Видимо, мне нужно быть более точным в приказах, крадущийся, - сказал вампир. – Когда я сказал «Разберись с ними», Я имел в виду, «Убей их». Сейчас же. – Затем он склонил голову и начал есть.

* * * * *

Человек, державший Коса, толкнул его на землю, и воджек грузно упал рядом с Фонн и Джерадом. Все трое были оглушены и пытались отползти подальше от

наступающих на них воджек. Но это были вовсе не воджеки. Существа, выглядевшие, как три наиболее надежные члена руководства Лиги, превратились в три человекоподобные массы кишаших синих червей, приближающиеся к лежащему на полу воджеку и его друзьям.

- Есть идеи? – спросил Кос, когда все трое поднялись на ноги. Крадущиеся приближались медленно, тесня их к деревянному помосту, на котором вампир пил жизнь из священной матери Конклава.

- Джерад, - сказала Фонн, - раньше у тебя получалось...

- Вряд ли, - сказал он, - но стоит попробовать. Мне понадобится немного помощи. - Его глаза метнулись в сторону тела Савры. – Если я смогу добраться до ее посоха, возможно, я смогу их контролировать. Когда они в этой своей червячной форме, я их чувствую так же, как насекомых.

- Ладно, - сказал Кос. – Ты бери посох и постарайся, чтобы вампир тебя не съел в процессе. Фонн, посмотри, может, ты сможешь чем-нибудь помочь Бираказиру. А я попытаюсь отвлечь на себя эти штуковины.

Джерад и Фонн бросились по своим заданиям. К счастью, подумал Кос, троица крадущихся не последовала за ними, а продолжила степенно надвигаться на воджека. Косу ничего не оставалось, кроме как продолжать пятиться назад. Когда оборотни подходили слишком близко, ему приходилось уклоняться и отмахиваться от их выпадов. Крадущиеся играли с ним, уверенные в своей победе. Время от времени, они принимали знакомые формы: Гарти, Валенцо, и других, кого он не мог узнать. У Коса стремительно заканчивалось место для маневров.

Его сердце практически остановилось, когда один из крадущихся, всего на мгновение, принял очень знакомое очертание. Мерцающую, практически прозрачную форму, которую Кос тот час же узнал, хоть она и рассыпалась вновь на кишашую массу личинок.

Крадущийся принял очертания призрака Микзила Зюника.

Кос закричал.

* * * * *

В считанные секунды Фонн добралась до Бираказира. Огромный волк угасал на глазах, задыхаясь и хрипя окровавленной, изувеченной мордой. Удар вампира сломал волку челюсть и проломил часть черепа. Жалость и ярость сражались за внимание Фонн, но жалость все же одержала верх. Она положила ладонь на голову волка и пригладила шерсть за его ухом. Он тихонько заснул.

- Шшш, - успокоила его Фонн, слезы ручьями текли из ее глаз на твердый, холодный деревянный помост. – Все хорошо. Все хорошо. – Она посмотрела на обрубок своей руки и тщетно обругала свой эгоизм. В ней не осталось ни капли целебной магии для волка, она все израсходовала на себя. Сейчас, она бы отдала все свои конечности, не говоря уже о руке, чтобы спасти Бираказира.

- Фонн! – позвал ее Джерад с середины помоста, разрушив оковы скорби, сжавших ее сердце так же яростно, как ранее ее сжимал крадущийся. Вампир, занятый своей

жертвой, не обращал на Девкарина ни малейшего внимания. В одной руке эльфа был посох Савры, он нагнулся и вырвал что-то из тела Савры. – Лови!

Зеленый камень, похищенный жрицей, полетел в ее сторону, и Фонн, каким-то образом нашла в себе силы поймать его своей здоровой рукой. Джерад бросал очень метко.

Фонн посмотрела на камень, лежащий в ее ладони, рассматривая его тускло сияющие грани. Она понятия не имела, что с ним делать. Камень служил для того, чтобы принимать существ в Конклав Селезнии, но сам Конклав Селезнии уже был мертв.

Или нет? Камень все еще светился, хоть и тускло. И хоть вампир и высасывал из нее жизнь, Мать Селезнии все еще была жива.

Фонн подняла камень Байула и прижала к своему лбу.

* * * * *

Крадущиеся оттеснили Коса практически к краю помоста, но Джерад подоспел к 'джеку до того, как тот упал бы за край.

- Займись вампиром, - сказал Джерад. – Эти мои.

- «Займись вампиром»? – повторил Кос. – Как?

Джерад не ответил, но поднял посох, наведя связку некрощупалец и талисманов на троих наступающих Лупулов, и скомандовал, - Стоять.

Крадущиеся остановились, хотя черви, составлявшие их тела, продолжали шевелиться. Джерад закрыл глаза и сконцентрировался. Это была не простая задача.

- *Ты не раб.* – Говорил им Джерад. – *Ты не принадлежишь ему. Ты могущественнее, чем он. Ты сильнее, чем Димир, сильнее Сздека.*

Три крадущиеся слились с одну, кишашую массу в форме гуманоида ростом с огра и вдвое шире его.

- Как ты это сделал? – спросил Кос, вытаращив глаза.

- Это не на много отличается от управления насекомыми, - сказал Джерад. – Пока они...

Кулак вампира оборвал слова Джерада глухим ударом по спине эльфа. Джерад почувствовал, как что-то треснуло, но усилием воли заставил себя впитать и проигнорировать боль. Вся его концентрация была на огромном крадущемся существе, шипящим миллиардом крошечных голосов.

- *Ты сильнее всех, даже твоего хозяина. Убей его.*

Джерад снова открыл глаза в тот самый момент, как рой червей поглотил Сздека, оттаскивая его от Матери Селезнии, которая обессиленно рухнула поверх тела Савры. Кристаллы в ее огромном теле все еще светились тусклым изумрудным светом. Возможно, она все еще была жива. Возможно, думал Джерад, это было не так уж и плохо.

Вампир закричал под покровом червей, но все еще стоял на ногах. Под чарами Джерада, кишашая масса крадущегося, пожирала плоть вампира, но не без потерь. Девкарин чувствовал, через посох, каждый крошечный отдельно взятый разум. Они поглощали вампира, но при этом вампирская сущность Сздека поглощала их самих. Они умирали, подобно крошечным вспышкам в его мозгу. Лупул и Сздек пожирали друг

друга, и их битва начинала касаться и его самого. Его разум стремился контролировать орду червей, давя их своей волей, не смотря на попытки сопротивления Лупула.

Джерад понимал, что ему везет. Его дар контролировать разум простейших был бы бесполезен, если бы Лупул хоть на мгновение превратился в любое другое существо.

Джерад уже не мог говорить. Его потребность в концентрации для удерживания контроля над крадущимися, была слишком большой. Но он все еще мог думать. Он вылил свою собственную ненависть к вампиру в их крошечные головы, питая их тщеславие. Это был сложный танец. Крадущийся жаждал пользоваться одним разумом, коллективным, но единым разумом. И если бы он решил принять любую форму с одним разумом, то при всей концентрации и силе посоха Савры, разум Лупула был бы уже недоступен Джераду.

Сзедек пал на колени, все еще крича от боли и ярости. Джерад стиснул зубы от напряжения.

- Он слишком долго использовал тебя. Ты силен. Он – ничто. Он поработил тебя, так же, как они заточили его. Ешь. Ешь и набирайся сил. Уничтожь Сздека. Уничтожь его сейчас же.

Черви изо всех сил старались исполнить его приказ.

* * * * *

Камень, прижатый ко лбу Фонн, оставался холодным. Не было ни потока магии, ни вспышки энергии, ни священной песни – ничего. Просто камень. Еще через пару секунд она оставила попытки и опустила руку.

Бираказир тихо хрипнул, не в силах даже проскулить. Ему оставалось уже не долго. Слезы вернулись к Фонн, и она не могла их сдерживать. Рыдая, она склонилась над ним, и обняла здоровой рукой волка за шею.

- Прости меня, - сказала Фонн, захлебываясь слезами. – Бираказир, прости меня.

Камень, все еще лежащий у нее в руке, заметно потеплел.

- Бираказир? – прошептала она, и в ее голове возникла бредовая на первый взгляд мысль. Это было невозможно. Волк был простым животным.

Но с другой стороны, разве все они не были просто животными?

Фонн заставила себя расслабиться, подавила слезы и, стоя на коленях и одной здоровой руке, подползла поближе к морде волка. Она взглянула на камень в своей ладони, который уже отдавал тепло и снова становился холодным.

Трясущейся рукой, она прижала камень к макушке волчьей головы.

Результат был мгновенным и ослепительным.

* * * * *

Кос не знал, что ему следовало сделать. Джерад топил вампира в червивом месиве, Фонн рыдала над изувеченным телом Бираказира, призрак Борки пропал, и Косу не оставалось ничего большего, чем просто стоять и смотреть. В конце концов, он был обычным человеком. У него не было скрытой магической силы, у него уже не было

напарника, и у него даже не было волка. Кос никогда в жизни не чувствовал себя таким чуждым к происходящему.

Кристаллы, вбитые в распростертое тело Матери Селезнии вспыхнули, словно гроздь сверхмощных фонарных сфер. Их сияние быстро переросло в ослепительный блеск, а затем во взрыв зеленоватого света. Ударная волна, исходящая от тела паруна Селезнии, окатила круг Конвокации, за ней последовала вторая волна, за ней третья. Каждая волна была Коса, как вполне осязаемый кулак, сталкивая его с помоста, и в итоге сбила его с ног, свалив на спину. Волны не наносили вреда. Они лишь толкали. Он наклонил голову, чтобы посмотреть, что происходит, и вовремя заметил Джерада, летящего на него, чтобы откатиться в сторону от эльфа, упавшего рядом на спину и проехавшего по инерции чуть дальше, перед тем как замереть.

Волны ударили в кишасную массу Сздека и Лупула – Кос не в силах был различить, где заканчивался один из них, и начинался другой – и оторвал крадущегося от тела вампира, словно поток воды, смывающий муравьев. Волна подняла облако червей в воздух, где каждый из них лопнул с крошечными хлопками. Джерад схватился за голову обеими руками и стиснул зубы, чувствуя, как тысячи маленьких существ – в каком-то смысле одно, единое существо – умерли в одно мгновение.

Отделенный от нападавших на него червей, вампир пытался устоять против волн света на сколько хватало сил, но в итоге, он также рухнул на пол. Кос не мог себе представить, что предательство Лупула сотворило с Сздеком, некогда живой легендой. В считанные минуты, гнев крадущегося содрал не только одежду вампира, но и большую часть его бледной кожи. Черви сожрали его плащ, выели мускулы на его плечах и предплечьях, и съели большую часть его груди, выставив на показ чернеющие ребра. Ноги Сздека превратились в едва ли нечто большее, чем просто кости. Черный дым клубился над телом вампира, и Сздек испустил на удивление, весьма человеческий стон.

Магия Пакта Гильдий была самым сильным заклинанием из всех, когда-либо известных миру Равники. Это был не просто клочок бумаги или какой-нибудь договор. Да, Пакт Гильдий был документом, но он также был заклинанием – чарами, усиливающими, помимо прочего, верховенство закона, содержащегося в этом документе. И Лига воджеков была инструментом этого закона. *Он*, Агрус Кос, был инструментом закона.

Кос поднялся на ноги, сунул руку в карман и достал свой десятиконечный нагрудный знак. Он прикрепил его на грудь своей гражданской туники и снял с пояса серебряные кольца-наручники. Из-за того, что Фаскин недавно отстранил его, он не считал правильным носить нагрудный знак. Теперь этот знак был его самым главным элементом.

Кос прошел через помост, наклонился над дымящимся телом того, кого он считал величайшим злом во всем мире, и замкнул кольца на запястьях вампира. Они щелкнули и зажглись тусклым светом чар самого Пакта Гильдий. Пока жива мать Селезнии, даже Повелитель Шепота не сможет их разорвать.

- Сздек, - сказал Кос, - ты арестован по обвинению в убийстве Люды, Святого Байула, и сержанта Белла Борки из Десятого участка Лиги. Если ты попытаешься оказать сопротивление, я тебя изобью до потери сознания. У меня выдалась очень непростая неделя.

Никто из сигнаториев или их представителей не должен разоблачать существование десятого сигнатория. Нарушение этой поправки влечет немедленное заключение под стражу и/или казнь.

—Десятая Поправка к Пакту Гильдий
(«Гайный Устав» или «Закон Гилдмастера»)

1 Селесзени 10000 П.Д., Полдень

- Но *откуда* они взялись? – спросил Кос. Он окунул три кусочка сахара в свой горячий чай и снова изумился тому, как быстро владельцы отремонтировали, если не перестроили полностью, «Дом Аула».

- Из нее, - сказала Фонн. – Из самой Матери Селезнии. И Бираказира. Мы остановили его вовремя, и она смогла создать новых дриад из Древа.

- Вы остановили его. Я всего лишь произвел арест. Не то, чтобы мне кто-нибудь рассказал, что они сделали с этим ублюдком, - сказал Кос. – Все, что мне сказали, это то, что с Сздеком «разобрались».

- Надеюсь, это значит, что его казнили, - сказал Джерад.

- Я тоже, - сказал Кос, - но это уже не моя проблема. – Он размешал сахар в кружке горячего чая и вдохнул аромат перечной мяты. – Но я рад, что теперь Бираказир будет присматривать за новыми дриадами. Этот твой волк очень смысленный.

- Этот смысленный волк больше не *мой*, - поправила его Фонн, смотря вдоль улицы Жестянщиков на Виту Гази, где рабочие бригады и инженеры гоблинов помогали Конклаву восстановить башни и веранды, надстроенные вокруг дерева за многие годы. По всему центру люди сустились, что-то ремонтировали, просто наблюдали и тарасились на масштабы разрушений, многие оплакивали погибших. Она повернулась, по инерции пытаясь взять свой напиток оторванной кистью, вздрогнула и взяла кружку здоровой рукой.

- Мне не хватает его, но я все еще его слышу. – улыбнулась Фонн. – И тебе будет приятно узнать, что ему удалось убедить остальных членов Конклава отказаться от использования безликих. Они слишком опасны. Они - слабое место священного собрания.

- Придется здорово поработать, чтобы очистить Древо, - сказал Джерад, - но у них есть мое слово, что этого никогда больше не повторится.

Кос смерил взглядом Девкарина, все еще одетого в штаны из ящеровой кожи и охотничий жилет. Его длинные дреды были вытянуты назад и связаны в узел. Как новый гилдмастер Голгари, он повесил на грудь серебряную эмблему его гильдии. По его возвращению в Старый Рав, там не осталось никого, кто мог бы бросить ему вызов, и Кос, подозревал, что это было вполне справедливо. Он сомневался, что сможет когда-либо полностью доверять Джераду, но он, безусловно, был лучше любой другой альтернативы.

После убийства Савры, силы тератогенов, осаждавших Центральный Форт, распались. Одного лишь присутствия Пушка в битве, к которой она присоединилась, когда не смогла быстро найти Дом Солнца, было достаточно, чтобы преломить ход сражения. Ангел нехотя сохранила Людмилле жизнь, при условии, что та отработает свой

приговор, но если она когда-либо опять покажется на уличном уровне Равники, Пушок поклялась, что лично казнит ее на месте. Кос был поражен перемене в характере его соратницы, освобожденной от своих оков. Похоже, что серебряные скобы, сковывали больше, чем просто крылья. Теперь она была едва ли не кровожадной. Однако ангел не сдала свой нагрудный знак и пообещала вернуться с новостями.

Большинство остальных членов гильдии Голгари были полностью помилованы – иначе, гильдию следовало бы распустить, а Равника, откровенно говоря, не смогла бы выжить без Голгари. Это был политический и социальный факт.

Пушок улетела, в поисках остальных ангелов. Их исчезновение было загадочным и тревожным, и Пушок, как «последний» ангел, объявила их поиски своей личной миссией. Кос задумался, как долго протянет Равника без огненных воительниц гильдии Борос. На этот раз они справились без ангелов, но у ‘джеков не было никакого желания испытывать свою судьбу.

И тем не менее, что бы они не собирались делать, чтобы протянуть без ангелов, им придется делать это и без Агруса Коса.

- Ты точно определился? – спросила Фонн. – На счет своего увольнения. Ты так долго был воджеком. Куда ты пойдешь?

- Я думал о том, чтобы податься в одну из неосвоенных зон, - сказал Кос. – Пивлик ее расхваливал. Он собирается основать там свой новый ресторан, и предложил мне работу охранника, по крайней мере, для начала. Но здесь я все закончил, и Лига обойдется без меня, как мне кажется. Пришло время выбраться и посмотреть окружающий мир, после 110 лет службы.

Фонн бросила взгляд на Джерада. Он кивнул и встал со своего места.

- Хочу пройтись по кварталу, размять ноги, - сказал он.

- До скорого, - сказала Фонн. Она повернулась к Косу, смотрящему на нее со смесью ожидания и ужаса в глазах.

Он боялся этого разговора с тех самых пор, как впервые встретил ледев после всех этих лет, но теперь его было не избежать. Она уже не была ребенком, и в этом она была права. Ей уже было более пятидесяти лет, хотя эльфы (и полу-эльфы) стареют гораздо медленнее, чем люди.

На долю секунды, ему почти не хватало сейчас безликих, и того, как им здорово удавалось прерывать такие сложные разговоры, как этот.

- Почему ты так на меня смотришь? – сказала Фонн. – Я ведь еще ничего не сказала.

- Ты... ты собираешься спросить меня о... - начал Кос, но не смог собраться с силами, чтобы произнести имя.

- Да, собираюсь. – сказала Фонн. – Мне нужна правда. Я хочу знать, почему отчеты говорят, что он умер так, как он умер, и почему это не совпадает с тем, что сказала мне мать перед смертью. Ты должен мне это объяснить.

- Я должен тебе куда больше, чем это, - сказал Кос. – Мы все должны. Ты и твой волк спасли мир.

- Ты уходишь от темы, - нахмурившись, сказала Фонн.

- Да, ухожу, - сказал Кос. – Ты, возможно, думаешь, что хочешь услышать правду, но поверь мне, тебе это не нужно.

- Тогда зачем я спрашиваю? – сказала Фонн. – Тебе поможет, если я отдам тебе свой меч, пока ты не закончишь рассказ? Или, вот что – я клянусь, что ты выйдешь из этой чайной живой. Слово чести ледев.

- Ладно, - сказал Кос, - но тебе это не понравится.
- Мне плевать, - ответила Фонн. – Это было пятьдесят семь лет назад. Я лишь хочу узнать правду.
- Правда, - сказал Кос, - уродлива.

* * * * *

РАПОРТ О ПРОИСШЕСТВИИ: 10/13МЗ/430223

СОСТАВЛЕН: 1 Селесзени 10000 г. П.Д.

СТАРШИЙ: Констебль Кос, Агрус (в отставке)

НАПАРНИК: Лейтенант Зюник, Микзил (погибший)

Кос был практически рад, что он вылил все то, малое, что было в его желудке, еще там, на складе. Это значило, что ему всего лишь нужно было бороться с резкими сухими рвотными рефлексам, когда они с Зюником нашли тела двух ‘джеков. Кос был первым, кто заметил двух офицеров, вьяшино и женщину человеческой расы, которые даже не успели добраться до крыши, как сбежавшая Рекдосша убила их обоих. Растерзанные тела Маертза и Пашака свисали с пожарной лестницы, подобно окровавленным тряпичным куклам.

- Что-то когтистое разорвало ее на куски. Но вот эти следы зубов... они человеческие, - Кос глубоко вдохнул и прислонился к стене, борясь с очередным приступом рвоты. – Ведь они человеческие?

- У нее в пальцы имплантированы когти. Возможно, отравленные, так что не дай ей к тебе прикоснуться. Если мы ее конечно найдем.

- Но как она смогла... В смысле, это же цельная кость.

- Железные зубы, - сказал Зюник и осмотрел крышу соседнего здания, щурясь сквозь плотные потоки дождя.

Рекдосша увела их от склада и башни, но теперь они возвращались назад, откуда начали, идя по широкому кругу. Они все еще не видели никаких следов охотника. Если им повезет, подоспеет подкрепление, но Зюник предупредил Коса, чтобы тот не особо на это надеялся. Им всего лишь удалось выпустить птицу.

Палла без особой хитрости вела их назад, к складу – ожидая до последней секунды, чтобы скрыться за углом и появиться на другой крыше в момент, когда они доберутся до первого угла - провоцирующее близко, чтобы погоня продолжалась. Поэтому, сердце Коса вполне ожидаемо замерло на мгновение, когда он повернулся осмотреть следующую крышу, и увидел не Рекдосшу, со спутанными узлами ее диких волос и острыми зубами, а охотника – ускользящего эльфа в своей черепной маске. Кос похлопал Зюника по плечу и беззвучно указал в сторону эльфа. Охотник смотрел в противоположную от них сторону.

- На что он смотрит? – прошептал Кос.

- Есть идея, - ответил Зюник. Его голос был едва слышен сквозь раскаты грома. – Этот мост, похоже, надежный. Мы можем попасть туда раньше него. Я устал уже от того, как эта пара водит нас за нос.

- Это не мост, это куча досок.

- По ней и переберемся. Палла от меня не уйдет. – Сказал Зюник.

Кос видел, что шаткие деревянные перекладыны лишь немногим были больше похожи на мост, чем простые доски, но, тем не менее, каждый из 'джеков уже сегодня прошел через более рискованные ситуации. Мокрые доски были прибиты совсем недавно, но мох и плесень в Равнике прорастали быстро. Под проливным дождем, эти доски были более скользкими, чем натертый маслом лед.

Спустя несколько кошмарных минут с осторожными шагами, в последние мгновения пресеченным скольжением, и замиранием сердца при каждом неосторожном шаге, они оказались на крыше, которая была центром внимания охотника. Косу не потребовалась поднятая рука Зюника, говорящая ему о том, что не нужно ступать в поле зрения эльфа.

Младший воджек услышал скрип черепицы, прорвавшийся сквозь гул проливного дождя. Он тронул Зюника и указал в направлении звука, исходящего их кучи обломков скульптур, походившей на гору каменных трупов. Рабочие, подготовившие этот участок к сносу, сложили их здесь во избежание порчи других строений осколками мрамора и гранита. Они сгрудили их в форме шалаша, который выглядел, как отличное укрытие.

Раскат грома разразился вспышкой молнии, осветившей сквозь ливень что-то белое, мелькнувшее внутри шалаша из реликтовых статуй, такое же белое, как выбеленная кожа Паллы.

Это все, что было нужно Зюнику. Он достал свой короткий меч и бросился в атаку. У Коса не оставалось другого выбора, кроме как последовать за ним.

- Нет! – послышался мужской крик позади них. Кос оглянулся и увидел охотника, уже поднявшегося на ноги и мчащегося к ним. Эльф не пытался прятаться на этот раз. – Она должна быть приманкой!

Кос не сводил глаз с охотника. Он достал свой меч и собрался с силами. Через считанные секунды эльф настигнет его.

- Да хоть твоей невестой, - крикнул Зюник. – Мне плевать! Она убила как минимум трех моих друзей.

Кос сделал шаг вправо, становясь между охотником и своим напарником, и услышал, как меч Зюника, со свистом рассек стену дождя и вошел в груды разрушенных реликтов. На долю секунды из убежища вырвался испуганный крик, который был резко оборван характерным звуком воджековского меча, входящего в плоть жертвы.

Кровь застыла в жилах Коса. Крик вовсе не был похож на кровожадную атаманшу Рекдосов.

- Глупец! – вскричал эльф и в последний момент отступил в сторону от неуверенного выпада Коса.

Кос развернулся, но не смог задержать эльфа. Бледный охотник прыгнул на Зюника, и они оба с грохотом рухнули на скользкую черепицу. Меч Зюника, вымазанный свежей кровью, выпал из его руки. Он пролетел малой дугой сквозь холодные капли дождя, и укатился из их поля зрения.

Молодой констебль мертвой хваткой вцепился в рукоятку своего меча. Тела охотника и Зюника слились в борьбе. Никаких следов Паллы, и меч Зюника был только что вырван из кого-то, кто на одно лишь мгновение крикнул голосом испуганного ребенка.

- Господи, только бы не это, - прошептал Кос, но предчувствие ледяным потоком уже растекалось по его жилам. Он в трансе прошел по крыше, игнорируя своего напарника и эльфа, обменивающихся дикими ударами кулаков. Если бы Зюнику нужна

была помощь, он бы его позвал. Кос должен был выяснить, что скрывалось под гротескной грудой отбитых гранитных рук, мраморных торсов, и пустых каменных глаз.

‘Джек опустил на колени и нашел небольшой лаз, сквозь который, он едва смог сам протиснуться в нишу, образованную осколками статуй. Это вполне похоже на отличное убежище для испуганного ребенка, рассуждал он. Должно быть, так же рассуждала и девочка, бездыханно лежащая в нише, немигающими глазами уставившись на капли дождя. Ее длинные темные волосы были разметаны вокруг головы и, казалось, она невероятным образом плавает на поверхности насквозь промокшей крыши. Кровь полностью пропитала грязные обноски, в которые была одета девочка, и растеклась вокруг ее тела. Дождю потребуется время, чтобы все это смыть из-под несовершенной крыши убежища, но даже, несмотря на это, все признаки ее жизни, вскоре исчезнут сами собой.

Кос прополз немного глубже, достаточно для того, чтобы убедиться, что девочка мертва. Он закрыл глаза и заставил сердце убавить темп.

Лишь тогда воджек осознал, что охотник и его напарник не просто выбивали дух друг из друга. Они разговаривали, и эльфу доставалась не самая легкая участь. Мозг Коса, каким-то образом, уловил слова, когда он тихо закрыл девочке глаза и выполз наружу, под струи дождя.

- Чем... - удар. – Ты думал... - затрещина. – Когда использовал ребенка... - удар. – Как *наживку*?!

Зюник локтем прижал горло эльфа к груди каменных обломков. На лицах и руках обоих виднелись свежие раны, а глаза эльфа выкатывались из орбит под его черепной маской.

Кос не понимал, что ему следует сделать. Его напарник только что зарезал невинную девочку. Он не знал, как ребенок попал туда, и почему эльф пытался ее защитить. Весьма ограниченный опыт Коса подсказывал ему, что люди, носящие маски в виде черепа, никогда не пытаются кого-нибудь защитить. Но он также знал без малейших сомнений, что Зюник прикончит эльфа, если он ничего не предпримет. И тогда уже никто им не сможет сказать, кем была эта девочка. Этого Кос допустить не мог.

К сожалению, новобранец не слышал сдавленный ответ эльфа на вопрос Зюника, поскольку Палла выбрала именно этот момент для нападения. Атаманша гильдии убийц спрыгнула с вершины груды каменных обломков, теперь служивших гробницей для безымянного ребенка. Она ударила Коса ногой по руке, сжимавшей меч, закрутив его вокруг своей оси, а когда он снова оказался к ней лицом, вторым ударом в живот отбросила его назад. Кос упал на покатую черепицу, и, не останавливаясь, начал съезжать вниз. Он отчаянно цеплялся за скользкую крышу, продирая пальцами гнилую древесину и мох. Осколки черепицы резали кожу и забивали его ладони кусками гнилого дерева, но ему все же удалось остаться на крыше. С трудом. Он едва не разразился истерическим смехом, когда что-то ударило о костяшки его пальцев, и он увидел, что это была рукоять его собственного меча. Кос вздрогнул и поднял меч. Растопырив свои вживленные металлические когти, Палла стремительно приближалась к нему. Сталезубый оскал рассек ее покрытое татуировками лицо.

Поглощенная яростью, Рекдосша слишком разогналась в своей стремительной атаке. Кос перекатился на бок и подсек ногой Палу за лодыжку, не дав ей возможности прыгнуть. Растрепанная служительница культа, рухнула лицом вниз о крышу, рядом с Косом. Мох и осколки черепицы прилипли к ее бледному лицу и спутанным волосам,

сделав ее еще больше похожей на упыря-трупоеда, когда она подняла голову и оскалилась.

- Так-то лучше, - прошипела Палла. – Надеюсь, что ты будешь отбиваться. Остальные подошли слишком легко.

Они одновременно поднялись на ноги и начали обходить друг друга, осторожно ступая на скользкую керамику черепицы. Рекдосша сделала несколько пробных выпадов, но Кос парировал их так же легко, как и она уворачивалась от его меча.

Палла стряхнула мокрые, грязные волосы со своего разрисованного татуировками лица.

- Ты еще совсем юнец, не так ли? – съязвила Палла. – Не удивительно, что ты возомнил, будто сможешь меня победить.

- Мадам, я уже проиграл, - сказал Кос. – Ваш арест станем моим лишь утешительным призом. Но, конечно, если Вы продолжите оказывать сопротивление, будет гораздо лучше.

- Тебя нужно научить уважать Рекдос, сопляк. Ты, поди, еще свой тренировочный костюм не переделал, не так ли...

Бросок Коса был таким же неожиданным для самого Коса, как и для атаманши. Короткий полет его меча завершился в горле Паллы. Рекдосша пошатнулась и тщетно схватилась за рукоятку меча, торчащего из ее шеи, словно кабацкий фокусник, чей трюк с глотанием сабли не удался в самом жутком смысле. Кос сделал шаг вперед, выдернул меч, и с полным пренебрежением к сохранности места происшествия, которое станет первым в его послужном списке в длинном перечне подобных нарушений правил, он ударом ноги толкнул хрипящую Рекдосшу с края крыши.

- Делай со мной... что хочешь... - сдавленный голос проскрипел под дождем. – Не я здесь... убийца. – Зюник все еще держал эльфа в удушающем захвате, но слабые удары эльфа, теперь уже больше напоминали спазмы. Ему осталось не долго.

«А что, если он прав?» Кос на мгновение задумался. Зюник убил девочку, но если эльф умрет, об этом будут знать лишь двое. Что бы ребенок не делал на крыше, ее уже ничто не вернет.

Нет, смерть девочки была несчастным случаем, трагической случайностью. А то, что собирался сейчас совершить Зюник, было хладнокровное убийство. Считалось, что в Равнике, настоящими убийствами считались лишь убийства 'джеков, и с точки зрения закона, это было именно так. Даже самый зеленый новобранец воджеков знал об этом. Это месяцами непрерывно вбивалось в головы курсантов академии. Убийство, если его целью не был 'джек, часто было стоимостью межгильдиевых отношений.

Сейчас, тем не менее, это никак не было связано с отношениями между гильдиями. Это было простое прекращение жизни невинного, в припадке ярости. Если Кос позволит этому случиться, он с этой секунды не сможет жить с этим дальше.

- Сэр, - сказал Кос, и указал мечем на своего напарника. Он осторожно подошел с края крыши к борющейся паре. – Прошу Вас, отпустите его.

Глаза Зюника не выглядели полностью здоровыми, когда старший 'джек повернулся, и посмотрел на Коса через плечо. Безумная ухмылка прокралась по его лицу.

- Кос, не называй меня «сэром», - сказал Зюник. Несмотря на свое мирное выражение, наставление звучало, как смертельная угроза.

- Вы убиваете этого парня, - спокойно сказал Кос. – Я не знаю, что он сделал, но Вы тоже этого не знаете. Я знаю, что он эту девочку не убивал.

- Ага, - сказал Зюник и взял паузу для того, чтобы треснуть эльфа головой о камень, на котором она лежала до этого, - он ее убил. Он ее туда засунул. В очевидную опасность. Он ее убил, Кос. Он. Это *его вина*.

- Прошу Вас, отпустите его, - сказал Кос. – Я буду... Я заставлю Вас подчиниться, если придется. Сэр. Прошу Вас.

Зюник поднял эльфа за оба плеча и швырнул его на черепицу. Он повернулся к Косу, пока охотник откашливал кровь и корчился от боли.

- «Заставишь меня подчиниться», - сказал Зюник. – В самом деле. И как ты собираешься это сделать, констебль Кос?

- Сэр, это плохо, Я знаю, что это плохо, но у Вас шок. Вы не ясно соображаете. Послушайте. Палла мертва.

- Я убил Паллу, - сказал Зюник.

- Нет, - сказал Кос. – Сэр, Я убил ее, пока Вы...

- Я убил Паллу, - повторил Зюник. – Так ты скажешь. Так я скажу. А он, он уже ничего не скажет. Потому что он - одна из жертв. Он ей скоро станет. А... а она... - Зюник махнул в сторону груды камней, скрывавших труп девочки. В этот момент полупрозрачный голубой силуэт появился из-за обломков скульптур, маленькое, худое привидение в форме маленькой, мертвой девочки.

Призрак подлетел к Зюнику. К удивлению Коса, на привидении не было никаких следов ранения, или чего-то, что бы говорило о том, что она стала одним из многих разгневанных призраков Равники. Девочка, не смотря на свою жестокую, внезапную смерть, не жаждала мести. Казалось, что привидение не жаждет ничего, и просто летит в сторону старшего воджека. Когда призрак прошел сквозь Зюника, его глаза округлились от шока. Старик упал на колени под проливным дождем, склонил голову, и начал рыдать.

- Боги... - стонал воджек. – Нет. Я хороший, Кос. Я хороший человек. Это была ошибка.

- Я знаю, Микз, - сказал Кос. Он осторожно положил руку ему на плечо, но напарник грубо оттолкнул ее.

- Ты убил Паллу? – сказал Зюник и поднял голову, смотря на льющий дождь.

- Я... Да, убил, - сказал Кос. – Ее больше нет.

- Кос, - сказал Зюник с мольбой в голосе. – Не говори... Не дай им узнать.

- Что? – сказал Кос. – Кому не дать узнать? Лиге? Я не знаю, что я могу...

- Моей семье, - прошептал Зюник. – Моей жене. У нас маленькая дочка. Они не должны узнать об этом. Никогда. Пусть думают, что я умер, как трус, пусть считают, что я покончил с собой. Но они никогда не должны узнать, что я сделал. Пообещай мне это, Кос.

- Лейтенант, Я...

- Пообещай мне!

- Хорошо, - сказал младший 'джек. – Я обещаю. Но Вы не умрете, Зю...

Кос остановился, услышав, как эльф поднялся на ноги. Охотник в маске устало осмотрел обоих 'джеков.

- Я ухожу, - осторожно сказал охотник. – Я заберу тело девочки. Ее семья захочет получить хотя бы его, раз уж, я не могу привести ее живой. Если попытаешься меня остановить, я тебя убью. Эльфы восстанавливаются быстрее, чем люди, воджек. Не пытайся.

Когда от Зюника не последовало ответа, Кос сказал, - Ты был здесь... ты собирался спасти эту девочку?

- За живых платят больше, чем за мертвых, спасти было бы выгоднее, - сказал эльф с леденящей прозаичностью. – Ты собираешься меня останавливать, или нет, воджек?

Кос посмотрел на Зюника, склоненного и рыдающего у его ног – и у ног мертвой девочки, видимой в луже крови, сквозь щели кучи статуй.

- Что ты скажешь ее родителям?

Эльф посмотрел на разбитого воджека, и сказал, - Рекдосша убила ее. Иного от меня никто не услышит.

- *Нем!* – взревел Зюник. Он вскочил на ноги, вырвал у Коса меч, до того, как младший 'джек понял, что происходит, и яростно повернулся в сторону охотника. Он сделал один шаг в сторону безоружного эльфа, который выглядел совершенно растеряно.

Второго шага ему так и не удалось сделать.

- Стой! – крикнул Кос и с разворота ударил напарника кулаком в солнечное сплетение. Зюник тяжело выдохнул, согнулся пополам и, выронив меч, попятился назад. Его нога поскользнулась на отбитой черепице, и перед тем, как Кос смог его поймать, его напарник перевалился за край крыши, и исчез в сумрачном ливне.

Кос нырнул за ним, но в этот раз уже он уже не мог в последнюю секунду поймать его крюком. Зюник падал слишком быстро. Кос перегнулся через водосток в то самое мгновение, как его напарник ударился о мостовую далеко внизу.

Молодой 'джек не мог пошевелиться. Он слышал шаги и увидел знакомую пару сапог, наступившую на край крыши рядом с ним. Не в силах оторвать глаз от изувеченного трупа Зюника, Косу все же удалось подняться на колени.

- Это было неожиданно, - сказал эльф.

- Да, - сказал Кос, не в состоянии вызвать в себе что-нибудь, вроде злости или хотя бы страха в этот момент.

- Ты не виноват, воджек, - продолжал охотник. – И у меня не осталось на тебя времени. Думаю, у тебя серьезные неприятности. Но то, что я сказал ранее, не меняется. Никто ничего об этом не узнает от...

Кос в одно мгновение поднялся на ноги и схватил эльфа за горло. Глаза эльфа округлились от удивления, но он без труда оттянул руки воджека от своей шеи и крепко сжал руки Коса.

- Как я сказал, - продолжил эльф, - никто об этом от меня не услышит.

- Убирайся прочь, - сказал Кос. Его руки дрожали, и он не мог поднять глаз на эльфа. – Если я увижу тебя на моих улицах еще раз...

- Угрозы ничем тебе не помогут, - ответил эльф. – Но, поверь мне, в этот район я вернусь уже не скоро. После этого, мне сильно повезет, если я найду хоть какую-то работу в здешних окрестностях.

Тихо, словно кот, охотник перешел по крыше, и с удивительной нежностью достал тело девочки из-под обломков. Он уложил ее тельце на одной руке. Если бы не ее пропитанное кровью платье, она походила бы на мирно спящего ребенка.

- Знаю, ты не хочешь от меня больше ничего слышать, - сказал эльф перед тем, как исчезнуть за лестницей на дальнем краю крыши, - но я дам тебе один бесплатный совет: Не бросай. В тебе есть что-то, чего нет во многих подобных тебе. В тебе есть порядочность. Ты мог позволить ему убить меня.

- Я сказал, убирайся, - сказал Кос.

- Ладно, - сказал эльф. – Еще увидимся, ‘джек. – Охотник достал крюк, такой же, как у Коса, и перебросил его на другую сторону. Секунду спустя, он, вместе со своей жуткой ношей, скрылся из вида.

Колени Коса наконец сдались, и он тяжело сел на склон крыши. Теперь у него был выбор.

Он мог прислушаться к собственной совести и рассказать правду. Он мог замазать досье и имя великого Микзила Зюника, и раскрыть всю мерзость происшедшего. Зюник превратился бы в лучшем случае в предостерегающую, поучительную историю, его замечательная карьера была бы забыта, перечеркнута кровавой ошибкой, которая заставила его покуситься на убийство невинного, безоружного эльфа.

Или же, учитывая удобное исчезновение тела девочки, он мог бы поведать другую историю. О том, как Зюник сражался с Палой до конца, ценой собственной жизни. Изувеченное состояние тел не вызовет никаких вопросов. Даже если охотник не сдержит данного им слова, это будет слово наемника Голгари против верного защитника Столицы Равники.

Кос сделал единственный выбор, который он мог тогда сделать. В первый день десяти тысячного года по календарю Равники, спустя пятьдесят семь лет, он сделает другой выбор. Он расскажет правду.

1 Селесзени 10000 П.Д., Вторая половина дня

Когда чай в чашках остыл, а история подошла к концу, Кос провел Джерада и Фонн к подъемникам Григорьева Каньона. Как он и пообещал, он рассказал Фонн все. Как он и ожидал, ей было сложно смотреть Косу в глаза, когда он закончил. И провожая их взглядом, он задумался, стоило ли ему рассказывать Фонн правду о смерти ее отца и о том, что Джерад был там. Но теперь уже было слишком поздно. Она жаждала знать правду, и конечно она заслужила ее узнать. Он лишь хотел оградить ее от боли. Он поклялся себе, так же, как и Фонн, что он добавит правду в свое восьмидесятилетнее дело перед тем, как в последний раз покинет участок Лиги.

Он помахал им рукой. Джерад поехал на подъемнике вниз, в глубины каньона, а Фонн пошла по тротуару в сторону центра, к Виту Гази, где она сейчас жила с того дня, когда Бираказир стал частью священного собрания. Кос пешком отправился назад, в участок, где располагался временный штаб генерала-командующего, из-за чего рядовые прозвали его «Десятый Форт».

Кос должен был сделать еще несколько остановок. Затем до полуночи он должен встретиться с Пивликом на дирижабовском аэродроме. За последнюю пару дней он просмотрел, подписал и вообще провел больше бумажной работы, чем за всю свою жизнь, но все это нужно было закончить перед его уходом.

Он взошел по лестнице к главному входу, обходя места и постройки, ремонтирующиеся после разрушений, причиненных нападением безликих. Самых безликих уже не было, и они уже никогда не вернуться. Хеллиган сохранил для исследований тело одного из них, который был похож на Венвела Колкина, но ни Кос, ни сам лабораторный маг не верили в то, что сам Колкин был оригинальной моделью для создания безликого. Настоящие безликие все еще оставались, и возможно, навсегда останутся тайной.

В первую очередь была восстановлена лаборатория. Ее функционирование было слишком важным для успешного хода расследований, чтобы оставлять ее в разрушенном состоянии. Хеллиган склонился над ссохшимися, обугленными останками трупа того, кого лабораторный маг стал называть «Человек Венвел».

- Привет, Кос, - обратился Хеллиган к подошедшему воджеку. Главный маг лаборатории не сильно разбирался в рангах и, учитывая все назначения, повышения и замещения, проходящие постоянно, Кос не мог его в этом винить. До полуночи, Кос был действительным генералом-командующим, но уже завтра утром эта должность перейдет к Мигеллик. Джерад помог ему удостовериться в том, что среди руководства больше не осталось крадущихся и, при обычных обстоятельствах, новый генерал-командующий

должен был быть избран из оставшихся офицеров. Проявленная Мигеллик героическая защита Десятого участка, едва ли не единственного, устоявшего до ударной волны Конвокации, поставила окончательную точку в вопросе назначения, хотя и твердая рекомендация Коса также, не помешала.

- Хеллиган, - кивнув, поприветствовал мага Кос.

- Мы опечатали останки по твоему текущему делу, - сказал лабораторный маг. – Или, правильное сказать, твоему последнему делу?

- Давай не будем его никак называть, а сразу перейдем к сути.

- Конечно. Несколько останков тела Борки, которые мы отделили от тканей гоблина, оказались также состоящими из той червеобразной субстанции, и они не продержались долго. Но это лишь подтверждает то, что мы и без того подозревали. – Это также подтверждало то, почему, призрак Борки не помнил взрыва, но Кос об этом не упомянул. – Я просто однажды открыл ящик, и он был наполнен маленькими сухими рисовыми зёрнами, - продолжал Хеллиган. – Я изучил их под микроскопом, и они выглядели, как обычные черви. Никогда не встречал ничего более странного.

- Держи их в безопасном месте, - сказал Кос. Нет, все же, лучше, сожги их.

- Уже давно, - сказал Хеллиган. – Сожгли. Тело Святого Байула было возвращено Селезнийцам, и остается только...

- Я знаю, - сказал Кос. – Ты не против, если я побуду минуту здесь один?

Хеллиган пожал плечами. – Я тут просижу взаперти со всем этим еще не одну неделю. Пойду, подышу воздухом. Вернусь через, эмм, пять минут?

- Должно хватить.

Хеллиган хлопнул Коса по плечу, выходя из лаборатории и насвистывая что-то на ходу. Когда дверь закрылась за лабораторным магом, Кос подошел к стенке временного морга и просмотрел имена на табличках, пока не нашел ту, которую искал. Он отпер защелку и как мог аккуратно вытащил ящик.

- Привет, Люда, - сказал он. – Хотел тебе сказать, что мы его взяли. Можешь...

Что она может, Кос? Она мертва.

- Можешь покоиться с миром, - сказал Кос. Лицо девочки выглядело точно так же, каким он увидел его в нише за улицей Жестянщиков. Глаза ее были закрыты.

Кос не плакал. Он уже давно прошел ту черту, когда убийство, настолько бессмысленное и болезненное, как убийство Люды, могло вызвать слезы спустя столько времени после его совершения. Это была часть работы. Может быть, когда-нибудь, когда это уже будет не его работа, он будет скорбеть. По всем им.

Прости, что не смог тебя спасти, - сказал он. – Правосудие, это все, что у меня есть.

На пути к выходу, он встретил Хеллигана и приказал ему кремировать тело.

* * * * *

Кос в последний раз сел за свой рабочий стол. Он лишь изредка бывал на своем рабочем месте, но уже начал с презрением относиться к этой громоздкой, деревянной штуковине, так похожей на баррикаду, удерживающую его в кабинете Фаскина. Он уставился на пустой файл дела, которое он даже не знал, как начать.

Его мучило что-то другое – призрак Зюника. Возможно, это был Лупул, возможно, нет. Он все еще не был уверен, и сомневался, что когда-либо узнает правду. Тем не менее, другой призрак, с которым он недавно работал, выбрал этот самый момент, чтобы возникнуть вновь.

- Есть минутка? – сказал призрак Борки, прорвавшись сквозь стену кабинета Коса. – Ты не *поверишь*, через что я прошел за последнюю пару недель. Я застрял в этом дурацком дереве, понимаешь, и...

- Борка? – сказал Кос. – Я думал, вампир...

- Он ударил меня! – сказал Борка, - Засунул меня в это чертово дерево. Он может... мог... делать с привидениями такое, я даже не могу тебе описать. Если бы я знал, что могу *ударить* его, клянусь, ты бы сейчас смотрел на первого генерала-командующего призрака. Но конечно, вся слава досталась симпатичной девчонке.

- Не такой уж я и симпатичный, - сказал Кос. – Так что, ты прилетел из дерева напрямик сюда?

- У меня не было выбора, - ответил призрак. – Связан договором. Вообще-то, сидеть в этом дереве было, вроде как, даже болезненно. Мне кажется, моя призрачная форма не очень хорошо держится, если я не нахожусь в непосредственной близости к мстителю. Поэтому, я, вроде как, просочился наружу вместе с, эмм, смолой.

- Ну, надо же.

- Кос, нам нужно поговорить.

- Да?

- Ты раскрыл дело. Я все еще здесь. Что происходит?

- Я еще не заполнил рапорт, - сказал Кос. – Ты не был убит в результате взрыва. Там был крадущийся. Насколько я понимаю, крадущийся убил тебя, но у нас нет свидетелей. Если бы не факт, что стоящим за всем этим оказался... тот, кто им оказался, я сомневаюсь, что мы смогли бы вообще кому-нибудь предъявить обвинение. Кроме того, я тут подумал...

- Да?

- «Погибший при взрыве» звучит лучше, чем «съеденный червями», - сказал Кос. – Думал, я сделаю тебе одолжение.

- Ну, да, - призрак Борки выглядел уставшим. – Мне скучно. Это все так тоскливо. Без обид, Кос, но мне теперь что, придется сидеть здесь и смотреть, как ты заполняешь формуляры? – Его призрачная копия Оржовского страхового договора возникла в его руках. – Тут написано, что согласно полису, нужно, чтобы отчет был «честным и doskonaльным». В письменном виде.

Кос обдумал его слова. Потенциально, иметь рядом невидимого призрака было достаточно выгодно. Но и достаточно раздражительно.

- Ты уверен, что хочешь, чтобы я это сделал, Борка? Потому что, в этом случае ты будешь мертв. По-настоящему, полностью мертв.

- Я и так мертв, - сказал Борка. – И я уже говорил, что мне скучно? Мне скучно. Скучно, скучно, скучно, скучно. Пиши. – Через мгновение он добавил, - прошу тебя. Давай, напарник.

Напарник. Сколько раз, подумал Кос, я говорил Борке, что он не был моим *настоящим* напарником? И почему? Чтобы почтить память человека, погибшего много лет назад? Борка был не так уж и плох. Он не заслуживал презрения Коса и, после нескольких дней без капли бумбата, до Коса, наконец, начало доходить, что, несмотря на

его пугающее досье арестов, он был паршивым напарником безо всякой причины, кроме старого, горького чувства вины.

Спустя много лет, позорный рапорт «съеденный червями», также известный, как файл Борки, будет часто упоминаться на лекциях и практических курсах, в качестве примера того, как можно адаптировать технику воджековского расследования буквально в любой ситуации. Акцент будет ставиться на описаниях, на способе ведения расследования, исторические справки – а их было достаточно – подтверждавшие существование Лупула в анналах защитников Равники. Если крадущиеся все еще существовали, а Кос подозревал, что это так, воджеки будут к ним готовы.

Неоднократно на этих лекциях студенты указывали на то, что Кос был единственным ‘джеком, фигурирующим в самом масштабном деле тысячелетия. Тем не менее, в шапке рапорта о происшествии, открывавшего знаменитый файл Борки, было указано два имени, и одно из них явно было не верным. Но, то ли из-за сантиментов, или по простой ошибке, Белл Борка стал единственным воджеком в истории Равники, записанным, как раскрывший свое собственное убийство.

* * * * *

Хеллиган пригубил чашечку кофе, остывшего несколько часов назад. Даже ему нужно было иногда спать, и он решил, что это время можно считать ночью. Ему оставалось лишь одно дело – выслать тело последней жертвы преступления на улице Жестянщиков в крематорий.

Он подошел к стене временного морга и вытащил ящик, содержащий тело Люды. Он опустил руки под тело девочки и списал странную комковатую фактуру на тот факт, что тело пролежало в ящике довольно долго. Дольше остальных.

Черви зашевелились. Черви запищали. Еще до того, как Хеллиган, человек, которого сложно было чем-нибудь напугать, успел подумать о том, чтобы бросить тело на пол, было уже слишком поздно. Маслянистая масса кишаших личинок расплзлась по его обеим рукам и в считанные минуты поглотила его. У лабораторного мага даже не было времени на крик.

Из-за ремонтных работ, призыва новобранцев и перетасовки напарников и смен, на постах не было ни одного охранника, когда Хеллиган покинул участок той ночью. Поэтому, никому не пришло в голову спросить, почему известный своим затворничеством и уединенностью лабораторный маг спускался по ступеням Десятого участка, ведя за руку маленькую девочку в белом платье.

